
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

СЕРИЯ «АИРО-XX — ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ.»
под редакцией Г. А. Бордюгова

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

- Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель
Андрей МАКАРОВ Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА Арт-директор
- Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ Печский университет
- Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА Фонд японских историков
- Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ Интернет-журнал «Гэфтер»
Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ Фонд Потомак
- Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ Центр развития информационного общества (РИО–Центр)
Роберт ДЭВИС Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ РИА «Новости»
Стивен КОЭН Принстонский, Нью-Йоркский университеты
- Андрей КУЗНЕЦОВ Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Джон МОРИСОН Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ Русский ПЕН-центр
Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио
- Татьяна ФИЛИППОВА Институт востоковедения РАН и Институт российской истории
Марк ЮНГЕ Рурский университет в Бохуме

Марк ЮНГЕ

ЧЕКИСТЫ СТАЛИНА:
МОЦЬ И БЕССИЛИЕ

«Бериевская оттепель»
в Николаевской области
Украины

Москва
2017

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
ОСНОВАНА В 1995 ГОДУ

Дизайн, вёрстка и дизайн обложки: *Сергей Щербина*

Юнге Марк.

Чекисты Сталина: мощь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с. – ISBN 978-5-91022-384-8.

В 1939-1941 гг. в СССР было осуждено несколько сотен чекистов за нарушение социалистической законности, часть из них была приговорена к высшей мере наказания, другая – к длительным срокам заключения в лагеря. В частности, в Николаевской области было наказано 13 человек. В историографии в качестве главного мотива фигурирует тезис о кланах: в результате чистки рядов тайной полиции и милиции были ликвидированы наиболее мощные кланы и проведена их замена другими группами. В качестве альтернативной версии, с учетом форсированного процесса огосударствления советского режима, стартовавшего летом 1938 г., напрашивается новая версия: кампания наказания «нарушителей социалистической законности» была призвана торпедировать систему патронажа и клиентелы в целом. Эта система должна была быть сначала подорвана, а затем надолго устранена. Лояльность всех сотрудников карательных органов теперь адресовалась исключительно государству. В заключении автор книги предлагает распределить процессы против чекистов по определенным категориям как выражение «сталинской модернизации».

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. Ход событий..... 10
2. Служебные преступления 11
3. Лягушачья перспектива..... 15

МОЩЬ И БЕССИЛИЕ

1. Пожар..... 24
2. Троцкистская саботажническая организация..... 27
3. Вмешательство сверху 38
4. Освобождение «троцкистов»..... 41
5. Заговор против НКВД 46
6. НКВД: стратегии оправдания..... 54
7. Арест сотрудников госбезопасности 58
8. Первый процесс: освобождение 69
9. Второй процесс: «Приговорить к ВМН – расстрелу» 82

ЖЕРТВА ПЕШКИ, ХОД КОНЕМ И ЭНДШПИЛЬ

1. Карьерист 110
2. Законопослушные руководители 119
3. Убежденные исполнители 125
4. Пособники 134
5. Предупреждения, взыскания, увольнения..... 148

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

1. Диктатура воспитания..... 190
2. Масштабы и пролонгированность кампании 197
3. Процедура селекции и действующие лица..... 205
4. Юстировка кампании 209
5. Преступление и наказание 214
6. Авангард или «обычные люди»?..... 218
7. От защиты сталинской клики – к защите государства..... 223

СТАЛИНИСТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ..... 239

ГОСБЕЗОПАСНОСТЬ НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Николаевская область	248
2. Образование и состав	249
3. Структура и задачи.....	257
4. Схема структуры 1937, 1938, 1940 гг.	268
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	279
1. Биографические справки.....	279
2. Глоссарий	314
3. Источники и литература	319
4. Список сокращений.....	331
5. Именной указатель	333

Памяти
Рольфа Биннера
и
Бернда Бонвеча

БЛАГОДАРНОСТИ

Инициатором международного научного проекта, посвященного изучению судебных процессов над сотрудниками советских органов государственной безопасности, в рамках которого была написана настоящая монография, являлся Германский исторический институт в Москве. Его основатель и первый директор Бернд Бонвеч в свое время в ходе работы в Киеве выявил в архиве бывшего КГБ Украины материалы судов над чекистами, осужденными в 1939–1942 гг. по обвинению в нарушении «социалистической законности», и осознал всю важность этого комплекса уникальных источников для исторической науки.

Заявка на осуществление проекта была подготовлена при финансовой поддержке Petro Jacyk Education Foundation Университета Торонто (Канада). Научно-исследовательский проект и соответственно эта монография были поддержаны следующими фондами и организациями: American Council of Learned Societies, Harry Frank Guggenheim Foundation, Social Science and Humanities Research Council of Canada, University of Toronto, University of Virginia и в особенности Deutsche Forschungsgemeinschaft.

Автор особенно благодарит директора Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины Андрея Андреевича Когута, а также Владимира Мирославовича Бирчака, Сергея Анатольевича Кокина, Игоря Михайловича Кулика, Светлану Петровну Лясковскую за оказанную помощь. Компетентные сотрудники архива СБУ – Мария Анатольевна Панова, Георгий Витальевич Смирнов и Ирина Викторовна Бухарева – выявили в ходе работы над книгой уникальные документы, а также оперативно устранили все организационные трудности. Руководство Отраслевого государственного архива Министерства внутренних дел Украины в лице Натальи Ивановны Татусь, Натальи Николаевны Крамаренко и Владимира Витальевича Мельника помогло существенно дополнить и расширить материалы, найденные в архиве СБУ, за счет материалов собственного архива.

Свою искреннюю признательность автор хотел бы также выразить директору Государственного архива Николаевской области

Ларисе Леонидовне Левченко и сотруднику архива Александру Валентиновичу Серединскому, а также директору Архива полиции г. Николаева Галине Абеленцевой. Историк Сергей Макаруч помог автору во время его архивных исследований в г. Николаеве. За улучшение и дополнение текста книги я в первую очередь благодарен Андрею Савину, а также Бернду Бонвечу, Вадиму Золотареву, Алексею Теплякову, Валерию Васильеву и Роману Подкуру. Часть рукописи комментировал Дэвид Бранденбергер. Глава о тайной политической полиции в Николаеве была написана в тесном сотрудничестве с Вадимом Золотаревым. Кроме того, Вадим Золотарев дополнил именную указатель. Книга не могла бы быть закончена без исключительно плодотворной дискуссии по вопросу огосударствления сталинского режима, которая велась между автором и Бенно Эннкером. Серьезным стимулом было сотрудничество с Линн Виола. Книгу перевел на русский язык Андрей Савин.

ВВЕДЕНИЕ

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Статья 206 – пункт 17 а): Злоупотребление властью, превышение полномочий, бездеятельность в службе лиц начальственного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии, если эти действия осуществлялись систематически или по корыстным соображениям, или в связи с другой личной заинтересованностью, а также в случае, если они своим последствием имели дезорганизацию порученных им сил или порученного им дела, или разглашение военных тайн, или другие тяжкие последствия, или в случае, если они и не имели указанных последствий, но заведомо могли их иметь, или были осуществлены во время военного времени или в боевой обстановке – наказывается лишением свободы на срок не менее чем на 6 месяцев. [Статья 206 – пункт 17] б): Те же самые действия, но при особо отягчающих обстоятельствах – высшая мера социальной защиты.

Уголовный кодекс Украинской ССР. Киев, 1938 г.

1. Ход событий

Секретные агенты по кличкам «Герд», «Добровольский» и «Иванов» в один голос информировали в апреле–мае 1939 г. руководство 2-го (Секретно-политического) отдела УНКВД Николаевской области об опасном заговоре, созревшем среди бывших подследственных, недавно вышедших на свободу. Задача Секретно-политического отдела (СПО) как раз и заключалась в борьбе с политическими противниками советской власти, включая троцкистов, правых уклонистов, «церковников» и сектантов, а также националистов. В изложении агентов заговор выглядел настолько опасным, что начальник УНКВД Николаевской области И.Т. Юрченко сообщил о нем республиканскому руководству НКВД.

В заговоре, помимо всех прочих, якобы принимали участие лица, занимавшие руководящие посты на имевшем важное оборонное значение Николаевском судостроительном заводе № 200, где трудились около 9000 рабочих и служащих¹. Эти лица за полгода до описываемых событий были арестованы чекистами как члены троцкистской группы по обвинению в попытке организации саботажа и диверсии на заводе в целях уничтожения верфи с помощью пожара.

Однако карающий меч государства поразительным образом обрушился летом 1939 г. не на мнимых «крайне опасных троцкистских заговорщиков», а на трех руководящих сотрудников СПО УНКВД – Я.Л. Трушкина, К.А. Воронина и М.В. Гарбузова – на связи у которых находились упомянутые выше агенты. Чекисты были арестованы и осуждены 23 марта 1941 г. трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа за «нарушение социалистической законности» и «злоупотребление служебным положением». Трушкина приговорили к расстрелу, Воронина – к десяти и Гарбузова – к восьми годам лишения свободы. Вместе с ними «расстрельный» приговор получил бывший начальник УНКВД Николаевской области П.В. Карамышев.

Сотрудников НКВД обвинили в том, что они вынудили агентов фальсифицировать сведения о тайной группе заговорщиков с целью выставить в выгодном свете свои действия во время массовых операций НКВД и тем самым спасти «свои шеи». Эти действия, согласно обвинительному заключению, сводились к «незаконным мерам воздействия», то есть к применению пыток в отношении

подследственных, а также фабрикации дел, улик и фальсификации материалов следствия.

Как же случилось, что были арестованы и осуждены не члены «контрреволюционной троцкистской саботажнической организации», обвинявшиеся в подготовке крупной диверсии на оборонном судостроительном предприятии, а сотрудники НКВД, которые были всесильными вершителями человеческих судеб еще лишь несколько месяцев назад? Соответствовало ли действительности обвинение в грубом нарушении чекистами «социалистической законности» в ходе допросов подследственных? Шла ли в случае с осужденными сотрудниками УНКВД Николаевской области речь о тех должностных лицах, которые, согласно «полуофициальному»² постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., объявившему о завершении массовых репрессий, своими «ошибочными» действиями дискредитировали в целом правильную и необходимую кампанию по борьбе с внутренними врагами, которая велась в течение полутора лет?³ Или сотрудников НКВД необходимо в первую очередь рассматривать как козлов отпущения, которые должны были освободить партию и государство от ответственности за массовый террор, осуществлявшийся в масштабах всего Советского Союза и немногим ранее остановленный приказом Москвы? Или главной целью репрессий в отношении чекистов была нейтрализация клана попавшего в опалу бывшего наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова, чтобы обеспечить успешность клана его преемника, Л.П. Берии? Состоялись ли в Николаевской области, помимо суда над Карамышевым и его приближенными, другие процессы по делам чекистов? В каком общеукраинском и всесоюзном контексте стоит изучать эти судебные разбирательства?

2. Служебные преступления

Исходным пунктом настоящего исследования являются материалы следствия и двух судебных процессов против трех сотрудников Секретно-политического отдела УНКВД Николаевской области, арестованных за неправомерные действия в отношении подследственных. В конечном итоге они были осуждены вместе со своим начальником П.В. Карамышевым, возглавлявшим УНКВД Николаевской области в период с марта 1938 г. по январь 1939 г.

Поскольку Карамышев проходил главным обвиняемым, все следственное дело носит его имя⁴. «Дело Карамышева» состоит из тринадцати томов, каждый том содержит до 500 листов, общий объем дела составляет около 6000 листов. «Дело Карамышева» включает в себя, в том числе, постановления о возбуждении следствия, допросы свидетелей, протоколы очных ставок, допросы обвиняемых и их жертв, материалы о деятельности агентуры, материалы расследования обвинения в фальсификации документов следствия, а также весь комплекс документов двух судебных процессов над чекистами.

В качестве дополнительного источника использовались материалы личного дела П.В. Карамышева. Это дело дает возможность рассмотреть отдельно взятого сотрудника НКВД как индивидуальность в контексте государственно-бюрократической (карательной) машинерии НКВД, сделав это в большей степени, чем в отношении трех других его «подельников», личные дела которых до сих пор не найдены⁵.

Включение «дела Карамышева» в общий контекст кампании против «нарушителей социалистической законности» в Николаевской области осуществлялось при помощи материалов расследований в отношении еще девяти сотрудников областного управления НКВД, обвинявшихся в служебных преступлениях по статье 206-17 УК Украинской ССР⁶ и осужденных в ходе пяти судебных процессов. Два следственных дела в составе трех и соответственно двух томов были заведены в отношении сотрудников УНКВД и милиции районного уровня. По первому делу проходил бывший начальник Владимировского РО НКВД З.Д. Лившиц, по второму – начальник Долинского РО НКВД П.Я. Коробцев и помощник оперативного уполномоченного милиции Е.Ф. Демчук⁷. Все они были осуждены в конце 1939 г. за служебные преступления: Лившиц – к шести, Коробцев – к десяти и Демчук – к восьми годам ИТЛ. Автор также получил возможность ознакомиться с личными делами Лившица и Демчука⁸. Третье дело, закончившееся вынесением приговора в конце 1939 г., также касалось сотрудника НКВД районного уровня, на этот раз – секретаря Еланецкого РО НКВД И.Ф. Мартыненко, осужденного по статье 206-17 «а» УК УССР к пяти годам лишения свободы⁹.

В случае с четвертым судебным разбирательством речь идет о семитомном деле оперуполномоченного 4-го отделения Херсонского городского отдела НКВД И.Ф. Федяева, осужденного 28 ноября 1940 г. вместе с еще тремя «подельниками»¹⁰. Федяев был

приговорен к ВМН и расстрелян, смертный приговор был также вынесен агенту ГО НКВД А.А. Семенову. А.П. Протопопов, бывший военнослужащий пограничных войск, мобилизованный в период массовых операций в качестве сотрудника Херсонского ГО НКВД, получил 10 лет лагерей. Четвертый подсудимый, сотрудник милиции Г.И. Барвинок, был осужден на 8 лет лагерей. Всем четверым инкриминировались преступления согласно § 206-17, пункты «а» или «б» УК УССР.

При написании монографии использовались также материалы следственного дела в шести томах в отношении еще одного, как и Карамышев, высокопоставленного сотрудника Николаевского областного управления НКВД. Речь идет о бывшем начальнике 5-го отдела УНКВД Николаевской области Ф.Т. Овчинникове, который 13 марта 1941 г. был осужден к 10 годам лагерей по ст. 206, пункт 17 «б»¹¹. Таким образом, суд над Овчинниковым стал, не считая дела Карамышева, пятым и последним из судебных процессов по делам бывших сотрудников УНКВД Николаевской области.

Кроме материалов судебных процессов нам удалось получить доступ к документам Особой инспекции при Отделе кадров НКВД Украинской ССР. Речь идет о документах внутренней проверки сотрудников НКВД, заподозренных в должностных преступлениях¹². Некоторые из этих документов имеют непосредственное отношение к Николаевской области¹³.

Аналогичная информация была обнаружена нами в персональных делах сотрудников госбезопасности УНКВД Николаевской, Херсонской и Кировоградской областей, поскольку нередко в личное дело подшивалась справка о результатах проверки обвинений в нарушении социалистической законности в отношении данного конкретного сотрудника. Как правило, эти сотрудники НКВД либо не были наказаны, либо подверглись наказанию гораздо позже, уже в 1950-е годы¹⁴.

Еще одним важным источником изучения кампании по восстановлению социалистической законности являются, помимо материалов судебных процессов, протоколы партийных собраний и собраний оперативных сотрудников НКВД, которые состоялись в конце 1938 – начале 1939 г. во всех областях и краях СССР. На этих собраниях, как правило под надзором секретаря областного (краевого) комитета ВКП(б) и областного (краевого) прокурора, сначала зачитывался и разъяснялся текст постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. о завершении массо-

вых операций НКВД¹⁵. Далее следовали выступления чекистов, темой которых являлось нарушение законности, а также условия работы в период Большого террора. К сожалению, материалы этих совещаний до сих пор не найдены именно в отношении Николаевской области, поэтому неясно, состоялись ли они здесь вообще. Тем не менее в настоящее время уже осуществлен общий анализ партийных совещаний и совещаний оперсостава, состоявшихся в других областях Украины. Сделанные выводы служат для нас определенным ориентиром¹⁶.

Помимо материалов судебных процессов, личных дел, Особой инспекции и протоколов собраний в нашем распоряжении оказался еще один уникальный комплекс документов. В 1939 г. в Николаевской области неоднократно проводились заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа, предметом разбирательства которых являлись материалы следственного дела УНКВД Николаевской области по факту пожара на судостроительном заводе № 200. В результате разбирательства дело было прекращено, все обвиняемые освобождены. Документы заседаний Военного трибунала Киевского Особого военного округа позволяют в первую очередь реконструировать действия военных судей, а также обоснование вынесенного ими оправдательного приговора¹⁷.

Помимо этого были задействованы материалы, не имевшие прямого отношения к судебным процессам, но отображающие экономическую и политическую ситуацию в Николаевской области в период Большого террора. С этой целью использовались не только документы и материалы советской политической полиции, но и фонды государственного архива Николаевской области, а также документы бывшего областного партийного архива¹⁸. В этих архивах также хранятся следственные дела жертв массовых операций Большого террора. Еще одним источником для написания книги послужила местная пресса.

Что же касается главного документального источника – материалов судебных разбирательств – то необходимо постоянно помнить, что они в основном отражают версию событий, изложенную сотрудниками карательных органов, которые зачастую сами превратились в жертв. Источники необходимо использовать с осторожностью еще и потому, что они в значительной степени подверглись инструментализации и воздействию со стороны сталинского государства: партийная и государственная верхушка в конце 1930-х годов использовала обвинения в массовых пытках, фальсификациях и «арестах ни в чем не повинных людей», как

гласила стандартная формулировка, чтобы возложить единоличную ответственность за «перегибы» и «нарушение социалистической законности» исключительно на НКВД и тем самым замаскировать главную роль партии и государства в репрессиях¹⁹.

3. Лягушачья перспектива

Настоящая книга посвящена изучению кампании «за восстановление социалистической законности» в рамках одной области бывшего Советского Союза, а именно Николаевской области Украинской ССР. Такой выбор был обусловлен двумя вескими причинами. Во-первых, подавляющее большинство высокопоставленных сотрудников НКВД областного, краевого и республиканского уровней, обвинявшихся в служебных преступлениях, совершенных в период Большого террора, были после ареста отправлены в Москву, где в 1939–1942 гг. над ними велось следствие и где они были осуждены Военной коллегией Верховного Суда СССР к длительным срокам лагерного заключения или смертной казни. К сожалению, правящие российские элиты фактически наложили вето на изучение этой темы. Доступ к документальным материалам об уголовном осуждении высокопоставленных кадров тайной полиции и милиции, в том числе сотрудников центрального аппарата НКВД, недавно был ограничен еще на 30 лет. В качестве главного аргумента послужило заявление о том, что речь идет о лицах, которым было отказано в реабилитации, что спорно с юридической точки зрения²⁰.

Соответствующим образом в архивах бывших советских республик, краевых и областных архивах сохранились только материалы, в которых фигурируют сотрудники госбезопасности и милиции низшего и среднего кадрового звена, осужденные на местах по обвинению в «нарушении социалистической законности» военными трибуналами войск НКВД соответствующих военных округов. Однако до сего времени эти документы, как и материалы судебных процессов, хранящиеся в Москве, недоступны для историков. Фактически единственное исключение составляет Украина. Это обстоятельство послужило главной причиной резкого сужения территориальных рамок исследования.

Вторая причина, которая вынудила нас ограничиться Николаевской областью, является чисто прагматической. Начальник УНКВД

Николаевской области Карамышев, отмеченный за свои заслуги в деле борьбы с «врагами народа» в Ленинграде в июле 1937 г. орденом Ленина, в виде исключения был осужден в Николаеве, а не в Москве. Кроме материалов по делу Карамышева исследователям доступны материалы всех судебных процессов, состоявшихся в Николаевской области над чекистами – нарушителями «социалистической законности», их личные дела, а также документы Особой инспекции при Отделе кадров НКВД Украинской ССР, которые затрагивают как осужденных сотрудников НКВД, так и тех чекистов и милиционеров, в отношении которых велось лишь предварительное расследование по обвинению в служебных преступлениях. Таким образом, нам была предоставлена возможность на примере Николаевской области, выступающей в качестве модели всего СССР, изучить во всех подробностях ход и результаты всесоюзной кампании за «восстановление социалистической законности». В конечном итоге здесь даже предпринимается попытка с этой «лягушачьей перспективы» сделать выводы о мотивах московского центра.

Что же касается временных рамок, то все исследование вращается вокруг специфической переломной ситуации, сложившейся незадолго до и сразу после окончания Большого террора, то есть с лета 1938 г. до лета 1939 г. Этот промежуток времени находится в центре нашего внимания, поскольку именно тогда герои книги, сотрудники НКВД, во имя и по заданию коммунистической партии и советского правительства являлись сначала атакующей стороной, но потом во все большей степени, прежде всего персонально, оказались в положении обороняющейся стороны и в конечном итоге сами попали на скамью подсудимых. Также наше внимание будет сконцентрировано на освещении механизмов следствия и судебных процессов над обвиняемыми чекистами. В первую очередь необходимо выяснить, какую роль должно было сыграть их осуждение и какие интересы преследовала военная прокуратура, а также имело ли место вмешательство сверху, как со стороны республиканских структур, так и со стороны Москвы.

Необходимо конкретно исследовать, при каких обстоятельствах в Николаеве произошел арест, а затем неожиданное освобождение жертв из числа сотрудников и рабочих завода № 200 и каким образом внезапно в роли обвиняемых оказались сами чекисты. Переадресовывали ли они часть своей вины и обвинений государству и партии? Переживали ли сотрудники госбезопасности,

оказавшись на скамье подсудимых, моменты прозрения или даже раскаяния?

Источниковая база исследования позволяет изучать не только судебные процессы 1939–1941 гг. Она также открывает возможность вновь обратиться к Большому террору, поскольку события 1937–1938 гг. были еще свежи в памяти преступников, хотя с одной оговоркой: бывшие чекисты давали свои показания, учитывая новое положение вещей. Были ли обвинения в пытках и издевательствах беспредметными и служили только цели диффамации деятельности тайной полиции или эти обвинения опирались на факты? Были ли у чекистов объективные причины для ареста определенных, в их глазах «подозрительных» лиц, или они с начала до конца фабриковали дела и фальсифицировали документы, например по карьерным соображениям? Являлись ли они деформированными личностями, которые вопреки всем инструкциям, приказам и законам с садистским удовольствием мучили подсудимых или речь идет об «обыкновенных людях», *ordinary men*, которые с чистой совестью и без тени сомнения делали свою работу во имя партии и государства и превратились в палачей только под воздействием давления сверху? Или случившееся с ними более адекватно описывает термин «ситуативное насилие»? Были ли они преступниками-одиночками или их преступления относились к числу массовых?

Наш подход к использованию материалов судебных процессов опирается на концепты Саула Фридендера, Йоганна Шапуто и Стефана Хердлера. Фридендер призывает изучать Холокост как «интегрированную историю» (*integrated history*), историю с позиции разных акторов, где «политика карателей, отношение со стороны общества, а также миры жертв» должны исследоваться сообща. Общественную ситуацию, равно как и все многообразие взаимодействий, можно адекватно интерпретировать лишь в том случае, как считает Фридендер, если историк осмысливает образ действия отдельного человека в контексте процессов исторического развития²¹. Шапуто, еще один специалист по национал-социализму, подвергает сомнению «детерминизм и фатализм, который делает индивидуумов и исторических акторов заложниками не только социально-экономических, но и культурных детерминант», поскольку в таком случае «игнорируется основополагающее измерение исторического существования отдельно взятого человека». Его кредо гласит, что «акторы всегда, пусть временно или в ограниченном объеме, но имеют возможность выбирать и

самостоятельно определять свой жизненный путь»²². Что же касается Стефана Хердлера, директора музея концлагеря Миттельбау-Дора, то он полагает, что «при оценке субъективных побудительных мотивов, смешанных в резервуаре человеческих диспозиций» речь идет «не столько о персональных мотивах, сколько о пространственном и временном сочетании комплексов действий. Аналитический взгляд, направленный на индивидуума, не должен фокусироваться на нем одном, напротив, он должен открывать перспективу широких контекстов»²³. Поэтому не следует «объяснять человеческое поведение однозначно и монокаузально, например, исключительно в рамках доминирующей идеологии»²⁴. В применении к сотрудникам советских органов государственной безопасности это требование означает описывать их как составную часть советского общества, в контексте места и времени, но в тоже время выделять их личные «дела и свершения», их личную вину и ответственность за совершенные преступления. Таким образом, они должны предстать перед читателем не только как жертвы обстоятельств, но и как самостоятельные акторы с их конкретными действиями²⁵. Наш главный тезис гласит, что именно переломная (пограничная) ситуация такого рода, как ситуация, имевшая место непосредственно до и после завершения Большого террора, когда многие чекисты стремительно проделали путь от всемогущих владык человеческих судеб к бессильным жертвам, является особенно благоприятной для того, чтобы постичь все многообразие отношений между индивидуумом и политическими, социальными, экономическими и географическими условиями.

Чтобы реконструировать миры сотрудников карательных органов и их укорененность в советском обществе, по возможности избегая искажения картины в результате исторической аберрации, в обращении с материалом практиковалось строгое разделение между изложением и интерпретацией. В случае с *изложением* речь идет только о том, чтобы воспроизвести восприятие реальности чекистами. При этом автор сознательно воздерживался от толкований, разъяснений и оценок. Информация, показания и самооценки, которые фигурируют в документах как факты, рассматриваются нами как таковые. Мы за редким исключением не высказываем сомнения в их достоверности²⁶. То есть речь идет не столько о разоблачении преступлений акторов, сколько о воспроизведении их внутренней логики и стратегий защиты. Этот подход нашел здесь свое отражение также в синтаксисе и орфографии.

Косвенная речь редка, кавычки, свидетельствующие об авторском дистанцировании, применяются редко. Авторская *интерпретация* материала сосредоточена в разделе «Точка зрения», где мышление, действия и самовосприятие «карателей» повергаются оценке, а также характеризуются как смысловой конструктор.

Данная монография является частью крупного международно-го проекта, посвященного исследованию деятельности сотрудников советских органов государственной безопасности периода Большого террора. В проекте принимают участие историки из Украины, России, Канады, США, Молдавии, Грузии и Германии. Научные результаты, полученные международной исследовательской группой, позволили в определенной мере «разгрузить» эту монографию. Так, в публикациях, вышедших в свет в рамках проекта, представлена историография проблемы, обоснованы общие методологические подходы, отражены содержательные аспекты темы, разработан широкий комплекс вопросов²⁷. Кроме того, учитывая проделанную работу, здесь не было нужды сравнивать многочисленные следственные дела сотрудников управлений государственной безопасности низшего и среднего звена других областей Украины с материалами Николаевской области. Включение Николаевской области в общеукраинский и даже общесоюзный контекст кампании за «восстановление социалистической законности» осуществлялось за счет использования результатов, полученных коллегами, занимавшимися изучением других областей²⁸.

Главный тезис книги гласит, что кампания по осуждению сотрудников НКВД являлась средством для того, чтобы переместить фокус лояльности рядовых сотрудников органов государственной безопасности с лояльности политической на лояльность исключительно в отношении сталинского государства. Показательная акция наказания «козлов отпущения» должна была также помочь завершить процесс адаптации индивидуума к государственной структуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Справка временно исполняющего обязанности начальника 7-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области Д.Б. Давиденко о количестве рабочих на оборонных заводах № 198 и № 200 от 19 января 1939 г. // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–

1941 г. / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова и др. Т. 2. – М., 2010. С. 585–586.

² «Полуофициальный» означает здесь, что это постановление никогда не публиковалось, но тем не менее широко обсуждалось в партии, государственном аппарате и сотрудниками НКВД на специальных собраниях.

³ См.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 17.11.1938 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2004. С. 607–611.

⁴ Следственное дело П.В. Карамышева 1939–1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990.

⁵ Личное дело П.В. Карамышева // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 31017. Основную информацию о Карамышеве см.: *Золотарьов В.* Олександр Успенський. Особа, час, оточення. – Харків, 2004. С. 95, 100, 101, 140, 246–247, 299. Автор относит Карамышева к клану начальника УНКВД Ленинградской области Л.М. Заковского. См.: Там же. С. 95, 100, 101.

⁶ Ст. 206 – п. 17 а)*: Злоупотребление властью, превышение полномочий, бездеятельность в службе лиц начальственного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии, если эти действия осуществлялись систематически или по корыстным соображениям, или в связи с другой личной заинтересованностью, а также в случае, если они своим последствием имели дезорганизацию порученных им сил или порученного им дела, или разглашение военных тайн, или другие тяжкие последствия, или в случае, если они и не имели указанных последствий, но заведомо могли их иметь, или были осуществлены во время военного времени или в боевой обстановке – наказываются лишением свободы на срок не менее чем на 6 месяцев. [Ст. 206-п. 17] б***: Те же самые действия, но при особо отягчающих обстоятельствах – высшая мера социальной защиты. [Ст. 206-п. 17] в)*** [...] *) [и] **) в редакции постановления ЦК и СНК УССР от 25.01.1928 г. [...]. См: Кримінальний кодекс УРСР. Офіційний текст зі змінами й доповненнями на 1 жовтня 1938 р. – Київ, 1938. С. 132.

⁷ Оба района входят сегодня в состав Кировоградской области Украины. См.: Следственное дело З.Д. Лившица. 1938–1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240; Следственное дело П.Я. Коробцева. 1939–1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38809.

⁸ Личное дело З.Д. Лившица // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 4518-ОС; Личное дело Е.Ф. Демчука // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 4461-ОС.

⁹ Следственное дело И.Ф. Мартыненко // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 76471

¹⁰ Следственное дело И.Ф. Федяева // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218.

¹¹ Следственное дело Ф.Т. Овчинникова, 1939–1941 г. // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38324. 5-й отдел курировал Красную Армию и полувоенные организации. После отъезда И.Б. Фишера и до приезда П.В. Карамышева Овчинников временно исполнял обязанности начальника УНКВД Николаевской области.

¹² ОГА СБУ. Киев. Ф. 12 (Особая инспекция).

¹³ ОГА СБУ. Киев. Ф. 16. Оп. 33. Д. 5; ОГА СБУ. Киев. Ф. 16. Оп. 31. Д. 36.

¹⁴ См. подробнее главу «Предупреждения, дисциплинарные взыскания, увольнения» в настоящей монографии.

¹⁵ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. См.: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008. С. 426–429.

¹⁶ В настоящее время в рамках проекта, одним из результатов которого является настоящая книга, готовится публикация материалов собраний сотрудников областных управлений НКВД Украины. См.: Эхо Большого террора. Том 1: Партийные собрания и оперативные совещания УНКВД НКВД УССР (ноябрь 1938 – ноябрь 1939 гг.) / Сост. В. Васильев, Л. Виола, Р. Подкур. – Москва, 2017. Об общем значении этих собраний см. аналитическое введение Л. Виолы к тому документов, а также главу «Критика снизу доверху» в: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. – М., 2010. Т. 1. С. 405–411.

¹⁷ ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 3688.

¹⁸ Государственный архив Николаевской области Украины (ГА НикО Украины).

¹⁹ Критику данного типа источников см. также: Юнге М. Возможности и проблемы изучения Большого террора с помощью источников 1938–1941 и 1954–1961 годов (допросы карателей) // История сталинизма. Репрессированная Российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9–11 октября 2009. – М., 2011. С. 63–70.

²⁰ См.: http://www.gazeta.ru/social/2016/01/19/8030279.shtml?utm_source=change_org&utm_medium=petition (дата обращения 22.04.2016).

²¹ Friedländer S. Nazi Germany and the Jews, Vol. 1: The Years of Persecution, 1933–1939. – New York, 1997. С. 1.

²² Цитаты из Шапутьо см.: Chapoutot J. Die Geschichtsschreibung zum Nationalsozialismus und der Cultural Turn // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2017. № 2. С. 247–257, здесь с. 252.

²³ Hördler Stefan. Sichtbarmachen. Möglichkeiten und Grenzen einer Analyse von NS-Täter-Fotographien // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2017. № 2. С. 259–271, здесь с. 262.

²⁴ Chapoutot. Die Geschichtsschreibung zum Nationalsozialismus. С. 253.

²⁵ Отношения индивидуума и системы как в целом, так и специально применительно к сталинизму является темой обсуждения Бригитты Штудер и Хейко Хауманна. См. в особенности раздел «Kader entscheiden alles» – Die Rückkehr des Subjekts // Stalinistische Subjekte. Individuum und System in der Sowjetunion und der Kommintern. 1929–1953 / Hrsg. von Brigitte Studer, Heiko Naumann. – Zürich, 2006. С. 12–19.

²⁶ Само собой разумеется, выборка и группировка документов уже является интерпретацией, пусть и неизбежной.

²⁷ Виола Л. Täter, perpetrator, «исполнители», «палачи», «каратели» // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Д. Россман. – М., 2017. С. 7–13; Юнге М. Историография, методы и источниковая база // Там же. С. 13–35.

²⁸ Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Д. Россман. – М.: Пробел-2000, 2017; Viola L. Stalinist Perpetrators on Trial. Scenes from the Great Terror in Ukraine. – Oxford: Oxford University press, 2017.

МОЩЬ И БЕССИЛИЕ

Тиха украинская ночь^{*}.

«Ухожу из жизни с чистой совестью. Врагом никогда не был и не буду. Да здравствует Сталин и социализм». Трушкин разорвал записку и с ругательством «мерзавец», «provokator» бросил ее Щербине в лицо.

Б.М. Ку克林ский, бывший сотрудник СПО УНКВД Николаевской обл.

Как только его [Фомина] доставили в НКВД, он расплакался и сразу дал показание об участии его в к[онтр]р[еволюционной] организации.

А.П. Федотов, сотрудник ЭКО УНКВД Николаевской обл.

За то, что ты, Петр Васильевич, зорко охраняешь нашу необъятную страну от врагов [мы любим тебя]. За то, что ты беспощаден к врагам, за то, что ты любишь свой народ и отдаешь все свои силы и здоровье на благо народа. Мы видим все это и гордимся тобой, гордимся тем, как работает славный советский разведчик.

«Наши кандидаты в депутаты Верховного Совета УССР: Петр Карамышев». «Южная правда», 30 мая 1938 г.

В течение десяти лет я работал по существу на низовой оперативной работе, работал изо дня в день, [из] ночи в ночь, не пользуясь годами отпуском в натуре [...] и никогда не терял революционные перспективы [...] ибо я всегда исходил из чистых побуждений – партийных и государственных интересов. Личных интересов у меня не было, нет и не может быть! Я не преступник и преступной деятельностью не занимался; наоборот, я всю свою сознательную жизнь боролся с преступниками и врагами, отстаивая позиции партии и соввласти [...] за что меня избрали депутатом Верховного Совета и наградили высшей наградой – орденом Ленина [...] за самоотверженное выполнение правительственных заданий. Я – жертва, и партия не нуждается в такой жертве, а поэтому и я прошу меня оправдать.

П.В. Карамышев, бывший начальник УНКВД Николаевской обл.

^{*} По показаниям бывшего заместителя начальника Секретно-политического отдела УНКВД Николаевской области М.В. Гарбузова, эту строку из «Полтавы» А.С. Пушкина процитировал на собрании партбюро в 1938 г. заместитель начальника УНКВД А.Ф. Поясов. Тем самым он подчеркивал всеилие и бесконтрольность действий органов государственной безопасности. См.: Протокол закрытого судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского военного округа по обвинению П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова и К.А. Воронина. 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 233.

1. Пожар

Пожар на огромном судостроительном заводе № 200, расположенном на окраине г. Николаева, на берегу реки Южный Буг, в месте защищенного выхода в Черное море, начался 2 августа 1938 г. около 19 часов, причем центр возгорания находился на территории сердца верфи – ее корпусного цеха. У быстрого распространения пожара имелись свои причины, поскольку на «территории объекта, насколько хватает глаз, были разбросаны стружки, баллоны с кислородом, различные отбросы и проч.». Пожарная охрана не смогла справиться с огнем, и заводу грозило полное уничтожение¹. В результате два человека погибли, тридцать получили ранения, материальный ущерб от пожара составил 2,6 млн рублей².

Последние очаги пожара еще догорали, когда на место происшествия прибыло руководство УНКВД Николаевской области. Начальник областного управления П.В. Карамышев позднее не без гордости сообщал: «Ценой огромных усилий нам удалось ликвидировать пожар и спасти завод при помощи местных коммунистов и вызванных нами войсковых соединений [и] частей»³.

Расположившись в кабинете директора завода, чекисты незамедлительно приступили к допросам и поиску виновных. Поздним вечером Карамышев уже принимал участие в экстренном заседании оргбюро ЦК КП(б)У по Николаевской области⁴, где он намеревался заручиться поддержкой партийного руководства для осуществления мер по линии УНКВД. Оценка, данная пожару на заседании оргбюро, гласила: «Бюро Обкома считает, что [...] пожар есть диверсионный акт врагов, проведенный в результате потери классово-бдительности и преступной расхлябанности заводоуправления и заводского партийного комитета»⁵.

Карамышев, будучи изначально непоколебимо убежденным в том, что речь шла не об обыкновенном пожаре по небрежности, а об акте саботажа, и сохранивший эту уверенность до конца, приказал собрать все компрометирующие материалы на персонал завода и провести аресты подозрительных лиц. После того, как чекистам стало ясно, кому предстоит выступить в роли главных подозреваемых, руководство управления отправило в Москву телеграмму, ставя в известность о случившемся вышестоящее начальство⁶.

Расследование дела поручили СПО, т. е. 4-му отделу УНКВД Николаевской области, который в конце 1938 г. был переименован во 2-й отдел⁷. К этому времени «под крышей» отдела также находилось отделение, обслуживавшее предприятия оборонной промышленности, во главе с его начальником П.С. Волошиным⁸.

Из числа арестованных работников завода в конечном итоге к суду были привлечены 11 человек. По инициативе начальника СПО УНКВД Я.Л. Трушкина восемь главных подозреваемых в поджоге верфи были переданы в руки военного трибунала, еще троих второстепенных обвиняемых следователи отправили на суд особой («национальной») тройки⁹.

В то время как судебный процесс против главных обвиняемых в рамках разбирательства военного трибунала все откладывался, особая тройка 26 октября 1938 г., то есть спустя два месяца после инцидента, осудила трех обвиняемых к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение немедленно¹⁰.

Через несколько дней после пожара управление НКВД по Николаевской области вновь развернуло кипучую деятельность. Сначала два самых больших судостроительных предприятия Николаева – завод № 200 им. 61 коммунара¹¹ и завод № 198 им. Андре Марти – объехал с инспекцией для проверки мер противопожарной безопасности К.И. Ефремов¹², который так же, как и Волошин, был в свое время начальником «оборонного» отделения СПО УНКВД Николаевской области. Инспекция обнаружила катастрофически неудовлетворительный уровень пожарной безопасности. На территории завода № 200 рядом с путями железной дороги находились нефтяные цистерны, которые в любой момент могли загореться от искр паровозов, курсировавших мимо. На территории завода № 198 повсюду было складировано дерево. Тем не менее Ефремов смог отрапортовать: «Лишь благодаря вмешательству УНКВД все это было устранено». О результатах своей проверки Ефремов также докладывал на заседании Николаевского обкома КП(б)У¹³.

После Ефремова к расследованию подключился П.В. Карамышев. Он тщательно и подробно ознакомился с материалами дела и после этого проинформировал обком КП(б)У, который на основе доклада Карамышева принял постановление «Об очистке фабрики», разрешив дополнительные аресты, проведенные сотрудниками НКВД¹⁴. 1 сентября 1938 г. Карамышев представил на заседании обкома КП(б)У обширную программу, направленную на предотвращение пожаров на обоих судостроительных заводах.

В свою очередь в постановлении бюро обкома КП(б)У однозначно утверждалось, что происки врагов привели к тому, что на предприятиях не соблюдались и не соблюдаются элементарные правила пожарной безопасности. Директор завода И.Г. Миляшкин получил строгий выговор по партийной линии и поручение в срок до 15 октября 1938 г. представить отчет о принятых мерах¹⁵.

Следует отметить, что органы госбезопасности и до пожара не выпускали судостроительные заводы из поля своего зрения. По словам Ефремова, Карамышев лично неоднократно посещал верфи, и ему удалось «наметить меры» для улучшения организации рабочего процесса¹⁶. Сам Карамышев заявлял о целом «букете» проблем. Так, судостроительный завод им. Марти из года в год не выполнял план, и на заводе «систематически» случались пожары и несчастные случаи. Этот завод, по данным Карамышева, пришел в упадок настолько, что там постоянно находилась группа сотрудников НКВД. И если бы не аппарат НКВД, поддержанный обкомом КП(б)У, то пожары уничтожили бы доки предприятия окончательно¹⁷. В другом месте Карамышев нарисовал плачевную картину состояния уже обоих судостроительных заводов «Сотрудники УНКВД целыми группами сидели на заводах и устраняли все имеющиеся недочеты. Если бы не сотрудники УНКВД, то бесконечные аварии и пожары угрожали бы уничтожению заводов»¹⁸.

Аресты, сопровождавшие деятельность НКВД по контролю над ситуацией на заводах, Карамышев в конечном итоге расценивал как большой успех: «В результате наших мероприятий, проведенных по линии судебной тройки, мы создали и добились того, что оборонные заводы стали не только выполнять, но и перевыполнять государственные задания и планы по товарной продукции»¹⁹. Еще один ключ к успеху начальник УНКВД видел в оперативных чекистских мероприятиях. В частности, Карамышев писал: «В результате наших оперативных мероприятий, смены вражеского руководства [...] а также и более энергичного вмешательства парторганов, заводы стали быстро выходить из прорывов»²⁰.

Таким образом, НКВД был теперь не только политической полицией, главной целью которой являлись идейные противники режима, но также учреждением, отвечавшим за устранение социальных и экономических проблем карательными методами. Функция надзора органов госбезопасности за экономикой в годы Большого террора была серьезно усилена. На чекистов были воз-

ложены задачи осуществления контроля за ключевыми отраслями народного хозяйства вплоть до решения организационных вопросов. Главными задачами органов госбезопасности в экономической сфере являлись стабилизация работы важнейших промышленных предприятий и – о чем здесь будет упомянуто только вскользь – обеспечение функционирования колхозной системы.

2. Троцкистская саботажническая организация

Ядро троцкистской саботажнической организации, которая по версии органов НКВД несла ответственность за пожар на судостроительном заводе № 200, составляли инженеры и техники. На первом месте среди них находились Л.П. Фомин, с 1933 г. занимавший должность начальника корпусного цеха, выгоревшего в результате пожара, начальник бюро технических усовершенствований А.Е. Гаврилов²¹, а также Л.М. Гладков²², помощник начальника корпусного цеха и начальник деревообрабатывающей мастерской²³. К руководящему ядру организации были также причислены С.С. Меламуд²⁴ – заместитель начальника корпусного цеха, Г.П. Афанасьев²⁵ – начальник участка корпусного цеха, Д.А. Бондарь²⁶ – начальник еще одного участка корпусного цеха, А.И. Базилевич²⁷ – мастер электросварки завода, Т.И. Чикалов²⁸ – старший мастер корпусного цеха и В.И. Носов²⁹ – сортировщик корпусного цеха завода № 200³⁰.

Лицами, в меньшей степени замешанными в саботаже, чекисты считали заведующего техническим нормированием корпусного цеха А.А. Барсукова, мастера цеха Н.В. Чернохатова и начальника штаба ПВО завода № 200 С.В. Мацковского³¹.

Первоначально чекисты также включили в группу саботажников бывшего директора судостроительного завода № 200 Н.В. Щербину³², главного инженера Г.В. Бабенко³³ и М.Ф. Чулкова³⁴, преподавателя кораблестроительного института³⁵.

Расследование дела в отношении Фомина, Щербины, Базилевича и Гаврилова было поручено СПО УНКВД во главе с Трушкиным. Допрашивал подследственных Трушкин вместе с подчиненными: Г.С. Зельцманом, М.В. Гарбузовым и К.А. Ворониным³⁶. Следствие в отношении Бабенко вели сотрудники «оборонного» отделения СПО УНКВД³⁷.

В сценарии саботажа, «реконструированного» общими силами ряда подразделений областного УНКВД, ключевая позиция отводилась Фомину. Сотрудники СПО добились от него показаний, согласно которым он и другие лица планировали акт саботажа. Лично Фомин не смог принять участия в поджоге лишь потому, что был арестован почти за две недели до пожара, а именно 20 июля 1938 г. Однако на допросе, состоявшемся сразу после пожара, Фомин показал: «Практическую работу по подготовке диверсионного акта проводил начальник участника Афанасьев»³⁸.

Обвинение против Фомина подкреплялось информацией о его подозрительном прошлом. В частности, Карамышев сообщал: «Еще до ареста Фомин был разоблачен заводской парторганизацией в том, что он поддерживает постоянную связь с кадровым троцкистом [Ф.Я.] Плетневым³⁹ – бывш[им] директором завода № 200, проживавшим в Сталинграде»⁴⁰. Уликой выступала переписка между Фоминым и Плетневым, конфискованная при аресте⁴¹. Кроме того, чекисты утверждали, что Фомин использовал служебную командировку в Ленинград для того, чтобы по пути встретиться с Плетневым в Сталинграде, а после этого «по взаимному сговору» со своим непосредственным начальником, главным инженером Бабенко, «сфабриковал» документы, в которых Плетнев описывался как хороший руководитель судостроительного завода, хотя во время его директорства верфь не выходила «из хронического прорыва» и выполняла план только на 40–50 %.

Действительно, Плетнев в начале 1938 г. обратился к главному инженеру Бабенко с просьбой о помощи, поскольку в Сталинграде был исключен из рядов ВКП(б) местной партийной организацией. Бабенко должен был написать на Плетнева характеристику, в которой речь шла о его работе в качестве директора Николаевского завода № 200 в 1932–1936 гг. Вслед за этим Бабенко, чтобы подстраховаться, поручил Фомину по пути в Сталинград остановиться в Ленинграде, чтобы выяснить, «как обстоит дело у Плетнева в партийном и производственном отношении»⁴². В своем письме, отправленном в феврале 1938 г. из Москвы, Фомин сообщил Бабенко о своем пребывании в Сталинграде. Там он узнал, что Плетнев летом 1937 г. оказался в очень тяжелом положении – он три месяца являлся безработным, без средств к существованию, был вынужден разместить свою семью у брата, а сам «скинулся по знакомым» – и только после подачи апелляции и многочисленных бесед был в ноябре 1937 г. восстановлен на своей прежней должности начальника снабжения Отдела капитального

строительства (ОКС) одного из сталинградских заводов. 27 февраля 1938 г. его персональное дело должно было разбираться Сталинградским обкомом ВКП(б)⁴³. Именно для того, чтобы повлиять на данное разбирательство, Бабенко написал характеристику на Плетнева, попросил ее заверить семерых начальников цехов и прочих подразделений завода № 200 и адресовал Сталинградскому обкому ВКП(б). Характеристика выставляла Плетнева в самом выгодном свете. В частности, в ней утверждалось, что он «приложил очень много энергии к развитию завода», уделял особенное внимание «освоению нового производства», что привело к тому, что «завод был включен в группу из важных заводов, имеющих особое [государственное] значение». В качестве директора Плетнев «пользовался большим авторитетом не только среди административно-технического персонала, но и среди рабочих завода». Плетнев зарекомендовал себя не только хорошим директором, но и хорошим товарищем, который заботился о нуждах рабочих и инженерно-технических работников⁴⁴.

Не говоря уже о том, что НКВД крайне отрицательно относился к таким инициативам и коллективным письмам в защиту потенциальных жертв, для госбезопасности выглядела крайне подозрительно, или, точнее сказать, стала настоящей находкой, приписка в конце письма Фомина к Бабенко: «письмо мое прошу уничтожить»⁴⁵. Для Плетнева вся эта история с поддержкой бывших коллег закончилась тем, что он был арестован УНКВД Сталинградской области и 13 августа 1938 г. осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР по статьям 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к 15 годам лишения свободы⁴⁶.

В это же время, согласно Карамышеву, в УНКВД поступили дополнительные материалы о Фомине, которые уличали его в прямой (и многолетней) саботажной деятельности⁴⁷. Так, две специально образованные комиссии, первую из которых возглавляли инженеры М.Н. Гордиенко⁴⁸ и Ф.С. Степаненко, а вторую – М.Н. Гордиенко (в ее состав вошли начальник планово-производственного отдела Е.Г. Могилевский и мастер цеха № 1 завода № 200 Г.И. Цехановский), установили наличие «конкретных данных» о том, что «Фомин еще в 1933 г., вопреки протестам рабочих [А.М.] Шорина и др., сознательно игнорируя механические условия и требования, предложил строить подводную лодку “Малютка” из явно недоброкачественных материалов. Мастер Шорин⁴⁹ был отстранен от работы, а вместо него Фомин выделил троцкиста Васильева, допускавшего сплошной брак в работе;

вместе с врагом Щербиной Фомин организовал вредительскую работу на судах 1075 и 1076, предназначенных для ДВК⁵⁰; в 1936 г. Фомин и Бабенко организуют аварийный спуск корабля № 208. В 1938 г. Фомин и Бабенко во вражеских целях, сооружают диктовую [значит: фанерная] изгородь вокруг важнейшего объекта (опытные отсеки), сознательно загромождая этот объект легко воспламеняющимися материалами» и т. д.⁵¹

В итоге Карамышев сделал вывод, что троцкистская саботажническая группа сознательно создавала условия для пожаров, взрывов и несчастных случаев за счет того, что «они явно саботировали противопожарные мероприятия, игнорировали технические требования безопасности, захламляя завод ненужными и легко воспламеняющимися материалами»⁵². Для того, чтобы очистить территорию завода, требовалось несколько рабочих поездов и месяцы работы.

Однако даже «обстоятельные и конкретные мероприятия по общей и противопожарной охране заводов», выработанные под контролем УНКВД на основании проведенных обследований и поддержанные, в свою очередь, авторитетом ЦК КП(б)У, обязавшего директора судостроительного завода незамедлительно претворить их в жизнь, не смогли предотвратить большой пожар 2 августа 1938 г., поскольку саботаж, по словам Карамышева, пустил глубокие корни⁵³.

Прямая увязка «головки» троцкистской саботажнической организации с пожаром была, таким образом, только делом техники. А.П. Федотов, сотрудник ЭКО УНКВД⁵⁴ по Николаевской области, позднее сообщил со знанием дела: «Как только его [Фомина] доставили в НКВД, он расплакался и сразу дал показание об участии его в к[онтр]р[еволюционной] организации»⁵⁵.

Согласно Карамышеву, Фомин сознался в том, что «он много наделал вреда Советской власти»⁵⁶. Уже спустя 10 дней после его ареста, то есть за три дня до пожара на заводе, благодаря обширным показаниям Фомина чекисты смогли документально подтвердить существование крупной троцкистской группы, которая под его руководством якобы вела саботажническую подрывную деятельность.

Сразу же после ликвидации пожара сотрудники НКВД в ходе допросов получили от Фомина показания, отчасти собственноручные, в которых он подтверждал свою руководящую роль в прошлых актах саботажа и признал свою вину за пожар. Это случилось 24 августа 1938 г. во время очной ставки Фомина с Барсу-

ковым и Афанасьевым; 28 августа 1938 г. – в присутствии военного прокурора и заместителя прокурора по спецделам Карпенко; 8 декабря 1938 г. – во время очной ставки с Меламудом, а также 1 и 14 декабря 1938 г. – в «расширение» прежних показаний. Причем в декабре 1938 г. Фомин «снова клялся в том, что он дал следствию откровенные, правдивые и исчерпывающие показания о своей вредительской деятельности»⁵⁷. В том числе 8 декабря 1938 г. Фомин подтвердил результаты проверки обеих «экспертных» комиссий⁵⁸. Но и этого было недостаточно. Ведущую роль Фомина в диверсиях подчеркивали в показаниях, а также во время очных ставок многочисленные свидетели. В их числе Муратов, бывший секретарь Николаевского горкома КП(б)У, арестованный 12 или 13 мая 1938 г., и М.Ф. Волков, бывший первый секретарь Николаевского обкома КП(б)У, арестованный 30 апреля 1938 г., осужденный 23 сентября 1938 г. к ВМН и расстрелянный в тот же день в Киеве⁵⁹.

«Правая рука» Фомина, Афанасьев, был арестован вечером 2 августа 1938 г. на рабочем месте заместителем начальника СПО М.В. Гарбузовым⁶⁰. Во время пожара Афанасьев работал на заводе в свою смену⁶¹. Он признал свое участие в организации пожара, позднее его показания были подтверждены Чикаловым, который признался в том, что осуществил поджог вместе с Афанасьевым⁶².

Общая картина, согласно которой в Николаеве орудовала крупная троцкистская саботажническая организация, все время дополнялась и уточнялась за счет новой информации о главных «соратниках» Фомина. Так, инженер Гладков, который, как и Фомин, был арестован до пожара, а именно 28 июля 1938 г., был к тому времени исключен из партии – по данным Карамышева – «за правотроцкистскую деятельность и резкие выпады против вождя партии Сталина», причем этому имело место множество подтверждений со стороны коммунистов и беспартийных⁶³. Гладков также поддерживал прямой контакт с троцкистом В.К. Клигерманом, бывшим секретарем Сталинского райкома КП(б)У Одессы⁶⁴.

Инженер Гаврилов, арестованный николаевскими чекистами 27 июля 1938 г., был исключен из рядов ВКП(б) еще в 1937 г. «за покровительство и связь с троцкистами», а также «за потерю классовой бдительности и связь с врагами»⁶⁵. По данным Гарбузова, в 1-м отделении 4-го отдела имелся и «обработанный материал на вербовку Гаврилова» в целях разработки троцкистской организации, а также «выписка из показаний осужденного [троцкиста и бывшего директора судостроительного завода им. Андре

Марти] С.А. Степанова⁶⁶ об участии Гаврилова в троцкистской организации и материалы партийной проверки о связях Гаврилова с репрессированными троцкистами». Еще один чекист, начальник 1-го отделения 4-го (СПО) отдела УНКВД Николаевской области К.А. Воронин, заявил, что Гаврилов «на протяжении ряда лет был связан с кадровыми троцкистами: Клигерманом, Гаевым, Сухановским и др.»⁶⁷. Помимо этого, согласно Карамышеву, у сотрудников НКВД имелись показания, изобличавшие Гаврилова в «открытых фашистских высказываниях в камере»⁶⁸. Арест инженера Гаврилова, который до этого под руководством Фомина и Афанасьева работал начальником бюро технических усовершенствований, был, в том числе, произведен в результате показаний, данных против него инженером Д.Т. Стародубцевым, заместителем начальника бюро технических усовершенствований завода № 200, арестованным по обвинению в «троцкизме» еще 10 июня 1938 года⁶⁹. Позднее Воронин заявлял: «Гаврилов сразу же после ареста или на следующий день дал мне обширные показания о принадлежности к правотроцкистской организации»⁷⁰. Карамышев добавил к этому «букету» еще и обвинение в «антисоветской агитации», которую Гаврилов якобы вел «даже на улице, открыто на глазах»⁷¹. По показаниям чекистов, Гаврилов, Gladков и Фомин находились под наблюдением «органов» в течение последних шести-семи лет⁷².

В отношении остальных членов «троцкистской саботажнической организации» НКВД располагал гораздо меньшим количеством компрометирующих материалов. Однако в глазах чекистов их было достаточно для ареста и осуждения. Меламуд, арестованный 5 октября 1938 г. на основании показаний Фомина, был, по данным Карамышева, «старым кадровым сионистом», членом сионистской националистической организации, занимавшимся вербовкой в троцкистскую группу. Он знал, как себя вести на допросах, а также якобы знал поименно многих членов этой группы. Чтобы уличить Меламуда в саботажнической деятельности, были вновь сформированы две экспертные комиссии: одна под руководством инженера М.Г. Никифорова, другая – под руководством инженера Гордиенко, который уже выступал экспертом по делу Фомина. Дополнительно также были проведены допросы по меньшей мере четырех свидетелей⁷³.

Техник Бондарь, арестованный 3 августа 1938 г., работал перед пожаром в утреннюю смену⁷⁴. В ходе нескольких очных ставок с Чикаловым, состоявшихся в присутствии помощника

военного прокурора Курова (Чикалов был допрошен в первые часы после пожара 2 августа и арестован 7 августа 1938 г.), Бондарь показал, что он и Чикалов являются членами «антисоветской организации», при этом Чикалов принимал личное участие в поджоге⁷⁵. Согласно Чикалову, Бондарь дословно заявил во время одной из очных ставок следующее: «Мы совершили поджог и должны встать на колени перед совластью»⁷⁶.

Но самым опасным, по версии руководства УНКВД, было то, что троцкистская саботажническая организация действовала не в одиночку, а была частью разветвленного правотроцкистского заговора, охватившего всю Николаевскую область и имевшего связи с троцкистами в других областях СССР. Так, в 1937 г., во время одного из выездных заседаний Военной коллегии Верховного Суда СССР, имена Фомина, Гаврилова и Меламуда уже упоминались в показаниях обвиняемых. Имя Гаврилова неоднократно всплывало также в ходе открытого судебного процесса против Степанова, бывшего директора завода № 200⁷⁷.

Карамышеву не составляло труда показать, в какой сомнительной компании вращались лица, на которых была возложена ответственность за пожар. На упомянутых выше судебных процессах их имена назывались вместе с именем второго секретаря Николаевского обкома КП(б)У Д.Х. Деревянченко, протеже «врага народа» бывшего первого секретаря ЦК КП(б)У С.В. Косиора. Бывшего анархиста Деревянченко как «политического двурушника» заклеили еще в апреле 1938 г. на Николаевской областной партийной конференции 2-й секретарь ЦК КП(б)У М.А. Бурмистенко и заместитель редактора газеты «Южная правда», «лучший политлектор» Буранов. Кроме того, Деревянченко обвинялся в том, что он «обманным путем получил от государства 2 миллиона рублей, его сестра за диверсионный акт была осуждена к ВМН»⁷⁸.

Ключевым элементом создания доказательной базы и разоблачительной стратегии со стороны НКВД стали многочисленные экспертные комиссии, поэтому имеет смысл более внимательно отнестись к ним. Первая экспертная комиссия была образована приказом директора завода № 200 И.Г. Миляшкина под давлением УНКВД Николаевской области непосредственно в день пожара, 2 августа 1938 г. Ее возглавил, как уже указывалось выше, старший инженер М.Н. Гордиенко. В состав комиссии также вошел инженер Ф.С. Степаненко. В деле фактически не со-

хранилось информации об этой комиссии. Во главе второй экспертной комиссии вновь оказался Гордиенко, членами комиссии стали ведущий инженер-технолог и начальник планового и производственного бюро завода № 200 Е.Г. Могилевский и мастер разметной корпорации цеха № 1 завода № 200 Г.И. Цехановский.

Обе эти комиссии имели относительно скромное задание: им поручалось установить причины пожара. 28 августа 1938 г. вторая комиссия представила результаты своего расследования⁷⁹. В частности, в экспертном заключении утверждалось «[...] что одновременное загорание объекта в нескольких противоположных местах, сила огня и его быстрое распространение не могло явиться случайным пожаром, [а] является результатом умышленной, заранее подготовленной диверсии»⁸⁰.

Бабенко обвинялся комиссией в том, что вместо железа для маскировки объектов и ограждения территории использовалось дерево, а сварочные работы проводились без увлажнения дерева водой. Фомин знал о «преступных» действиях Бабенко, однако выполнял распоряжения главного инженера. В халатном отношении к организации противопожарных мероприятий обвинялись также Афанасьев, Бондарь, Чикалов, Чернохатов и Базилевич⁸¹. По меньшей мере вплоть до середины января 1939 г. авторы экспертизы, инженеры Гордиенко и Могилевский, отстаивали правильность своих выводов, их показания фигурировали в каждом следственном деле, заведенном в отношении «троцкистских саботажников»⁸².

Вскоре после пожара УНКВД стало более тонко применять свою стратегию – уличение обвиняемых в саботаже с помощью экспертов. УНКВД больше не требовало от директора завода создания «общих» межведомственных комиссий, теперь речь шла о дополнительных экспертных заключениях, касающихся деятельности отдельных обвиняемых. Новые экспертные комиссии занимались не столько выяснением причины пожара, сколько изучением личных качеств обвиняемых и их поведения на рабочем месте за все время работы на заводе № 200. Первое экспертное свидетельство такого рода в отношении конкретного работника чекисты запросили у директора завода уже в конце августа 1938 года⁸³. В ответ директор завода поручил 1 сентября 1938 г. подготовить экспертный отзыв в отношении бывшего заместителя начальника корпусного цеха С.С. Меламуда. Комиссию возглавил инженер 6-го участка завода № 200 М.Г. Никифоров, членами комиссии стали инженер и начальник судостроительного проекта

№ 7-у А.П. Дубравин и начальник участка № 49 А.П. Наумовец⁸⁴. На Меламуда, как на начальника планового бюро, была возложена ответственность за то, что суда не строились в соответствии с централизованными планами, напротив, темпы и объемы строительства задавались отдельными цехами, что вело к браку, непроизводительным расходам, ненужной импровизации, снижало трудовую мораль и производительность, а также было причиной нетерпимых условий работы и организации труда. Чтобы наверстать упущенное время, в корпуса судов встраивались части, которые не были для них предназначены, неготовые суда спускались на воду, где и завершалось их изготовление, что требовало высоких дополнительных расходов. При этом Меламуду в вину вменялось халатное отношение к ремонту машинного парка.

Управленческие способности Меламуда в целом представлены в экспертном отзыве в самом невыгодном свете: «Меламуд часто уклонялся от самостоятельного решения серьезных вопросов, практических указаний в работе не давал. Планировщики работали без всякого руководства [...] Этим самым разваливалась трудовая дисциплина, поощрялись тенденции ничего не делать и получать деньги по среднему заработку. Это в свою очередь вело к ежемесячному росту среднего процента приработка, разбазариванию средств, а с другой стороны, дискредитировало стахановское движение, так как благодаря такому подходу стахановец имел заработок ниже [рядового] работника»⁸⁵.

Справка завершалась следующим фундаментальным предложением: «[...] деятельность Меламуда С.С., направленную на дезорганизацию планирования в цеху, затяжку сроков постройки кораблей, запутывание учета, неправильную подготовку производства, удорожание стоимости работ, увеличение брака, осложнение условий для ремонта оборудования, очковтирательство по выполнению планов на объектах, дезорганизацию работы по разработке технологических процессов [считать] вполне доказанной»⁸⁶. Эта экспертиза была подкреплена различного рода справками, характеристиками и пояснениями, полученными сотрудниками УНКВД непосредственно от технических и финансовых работников, инженеров и технологов судостроительного завода⁸⁷.

Вторая волна изготовления экспертиз такого рода о деятельности отдельных сотрудников, которые были напрямую инициированы УНКВД, пришлась на декабрь 1938 г. Так, основываясь непосредственно на директиве УНКВД от 14 декабря 1938 г., директор завода № 200 создал своим приказом экспертную комис-

сию, которая должна была заняться проверкой работы бывшего начальника деревообрабатывающей мастерской и помощника начальника корпусного цеха Гладкова. Руководить комиссией был назначен инженер 6-го участка М.Г. Никифоров, в помощь ему были выделены начальник 37-го участка М.М. Бресслер и мастер первого производственного цеха М.Л. Фейдин⁸⁸. 8 января 1939 г. комиссия пришла к следующему выводу: «[...] комиссия считает деятельность Гладкова, направленную на срыв производственной программы, порчу цеховского оборудования, дезорганизацию производства, подрыв трудовой дисциплины, разбазаривание государственных средств, доказанной»⁸⁹.

В качестве доказательства в акте комиссии указывалось на то, что Гладков в нарушение инструкции по пользованию чрезмерно эксплуатировал листопрокатный стан и машины по обрезке листового проката, что вело к их постоянным поломкам, замыканиям и простоям. Кроме того, он допускал бесхозяйственную эксплуатацию прессов. Не в последнюю очередь эксперты указывали на постоянный хаос, царивший в мастерской Гладкова, и складированные в беспорядке материалы, что повышало опасность травматизма и возникновения пожара. Кроме того, имели место ненормальности в деле денежного вознаграждения рабочих, а трудовая дисциплина была низкой. Даже при проведении срочных работ на участке Гладкова всегда возникали задержки. По мнению комиссии, Гладков был также замешан в ошибках планирования работ по реконструкции корпусного цеха. Тем не менее Фомин покрывал все проступки и нарушения, совершенные Гладковым⁹⁰.

Настоящая экспертиза также подкреплялась различного рода справками, отзывами и т. п. отдельных инженеров, техников и мастеров, которые датируются декабрем 1938 – январем 1939 года⁹¹. Эти индивидуальные отзывы обладали ценностью для НКВД еще и потому, что их можно было использовать против других подсудимых. В обвинительном заключении по делу о пожаре данные экспертиз были скомпонованы в единое целое вместе с обвинением в троцкизме, подкрепленным многочисленными свидетельскими показаниями, в итоге обвинения в отношении отдельных лиц выглядели примерно так: «[Гладков] знал и полностью разделял террористические замыслы [троцкистской] организации. [...] Проводил диверсионную и вредительскую работу на оборонном заводе»⁹².

Квинтэссенция обвинительного заключения от 16 января 1939 г., подписанного помощником начальника 1-го отделения 2-го отдела (СПО) Г.С. Зельцманом, начальником 2-го отдела Трушкиным и начальником УНКВД Николаевской области Карамышевым, в отношении всех обвиняемых была сформулирована уже в его первых предложениях следующим образом: «Николаевским Облуправлением НКВД вскрыто и ликвидировано существовавшее на оборонном заводе № 200 в г. Николаеве антисоветское троцкистское подполье»⁹³.

Таким образом, УНКВД «разоблачило» обвиняемых в поджоге на судостроительном заводе как часть широкой сети троцкистских заговорщиков, «щупальца» которой простирались далеко за пределы области, вплоть до верхушки партии и государства. Кроме этого, «троцкисты» якобы поддерживали связи с правыми уклонистами и даже с сионистскими националистическими кругами. В результате пожар на судостроительном заводе представлял собой лишь один, хотя и кульминационный, акт из целой череды актов саботажа, сознательно и активно осуществлявшихся членами организации в прошлом и настоящем. «Головка» троцкистского подполья обладала настолько широкими связями, что была в состоянии добиться осуществления своих преступных намерений даже из тюрьмы, с помощью многочисленных приспешников.

В такой ситуации УНКВД было тяжело бороться с врагом. Продемонстрировать это наглядно был призван пожар, который чекисты не сумели своевременно предотвратить. Тем не менее, благодаря своим неустанным усилиям, областное управление НКВД добилось определенного успеха, сумев воспрепятствовать самому худшему и навсегда покончить с вредительской вражеской сетью с помощью своих специфических методов, в том числе массовых арестов.

Свои разоблачения УНКВД подкрепляло агентурными материалами, показаниями свидетелей, протоколами очных ставок, признаниями, иногда даже собственноручно записанными подследственными, показаниями свидетелей, извлеченными из материалов уже состоявшихся судебных процессов, экспертными справками как собственных сотрудников, так и «внешних» экспертов, в которых анализировалась ситуация на заводах. Использовались также материалы партийных разбирательств и исключений из партии подозреваемых по обвинениям в причинении вреда

как партии, так и обществу, коррупции, а также политической и моральной неблагонадежности.

3. Вмешательство сверху

УНКВД Николаевской области функционировало не в безвоздушном пространстве, свои энергичные усилия по борьбе с саботажнической троцкистской организацией чекисты обосновывали в том числе ссылкой на приказы и директивы, поступавшие сверху, в первую очередь из Москвы. Помимо этого, Николаев с инспекционными поездками посещали высокопоставленные сотрудники госбезопасности из Москвы и Киева, которые специально интересовались состоянием судостроительных заводов и давали соответствующие указания.

Так, 17 июня 1938 г. всем управлениям НКВД была разослана шифротелеграмма за подписью первого заместителя народного комиссара внутренних дел СССР М.П. Фриновского, в которой утверждалось, что «несмотря [на] ликвидацию основных вражеских гнезд (правотроцкистских, шпионско-диверсионных и других контрреволюционных формирований) [в] ряде важнейших оборонных заводов, играющих решающую роль [в] техническом вооружении РККА, эти заводы [за] истекшие пять месяцев 1938 года систематически срывают правительственные задания»⁹⁴.

Наряду с целым рядом других предприятий оборонного значения по производству авиационных моторов, артиллерии и порохов в телеграмме в качестве негативного примера упоминался судостроительный завод № 198 им. Андре Марти, который только на 58 % выполнил плановые задания по передаче судов военноморскому флоту и т. п.⁹⁵ По недвусмысленной оценке Фриновского, «такая преступно-безобразная работа оборонных заводов по оснащению РККА далее нетерпима».

Общее объяснение, которое Фриновский давал такому плачевному состоянию дел, сводилось к высокому проценту «засоренности, начиная [с] сомнительного, кончая явно антисоветским элементом, представляющим питательную среду для всяких вражеских формирований». Что же касается чекистских аппаратов, то Фриновский с негодованием указывал:

– на отсутствие «серьезной планомерной борьбы с последствиями вредительства», которое было осуществлено уже ликвидированными троцкистскими группами;

– на неудовлетворительную организацию борьбы с остатками недобитых «вражеских формирований», в первую очередь – с «диверсионной низовкой»;

– на отсутствие «мер борьбы [по] полной очистке» предприятий от вражеских элементов;

– и, в заключение, на нехватку «оперативно-предупредительных мероприятий, направленных [на] оказание практической помощи заводам [по] выполнению производственного плана»⁹⁶.

После такой критики заместитель народного комиссара внутренних дел СССР потребовал устранить все указанные недостатки до конца июля 1938 г., то есть в течение шести недель, докладывая ему каждые 15 дней о проделанной работе. Телеграмма Фриновского имела непосредственные последствия. На первой странице экземпляра документа, предназначавшегося непосредственно УНКВД Николаевской области, сохранились рукописные пометки Карамышева: «тов. Поясов! [1] Затребовать санкцию на арест выявленных участников организации. [2] Об остальных мероприятиях по заводу переговорить со мной. 21.VI.[1938]»⁹⁷.

Во время следствия и судебного процесса бывшие сотрудники УНКВД по Николаевской области Карамышев, Трушкин и заместитель последнего Гарбузов в оправдание арестов, произведенных ими среди сотрудников судостроительных заводов в июле 1938 г., ссылались именно на эту телеграмму Фриновского, а Трушкин – конкретно на третий пункт требований Фриновского⁹⁸. Этот пункт звучал следующим образом: «По всем следственным и агентурным делам немедленно, еще раз, пересмотрите всех разоблаченных, но не репрессированных врагов, чтобы провести их аресты [в] ближайшие дни»⁹⁹. Именно реализация этого требования и привела к аресту Фомина. Трушкин заявлял на следствии: «На основе этой телеграммы Фриновского по предложению Карамышева была составлена справка на Фомина»¹⁰⁰.

После этого Карамышев согласовал арест Фомина с первым секретарем Николаевского обкома КП(б)У П.И. Старыгиным и первым заместителем народного комиссара оборонной промышленности СССР И.Ф. Тевосяном, будущим народным комиссаром судостроительной промышленности СССР, который находился в Николаеве с инспекционной поездкой. Гарбузов в свою очередь заявлял на следствии о том, что визит Тевосяна привел к многочисленным арестам среди инженеров. Свидетельство Гарбузова о прямом вмешательстве Тевосяна в «дело инженеров» подтвердил также Трушкин. Подпись заместителя наркома присутствует на

справках в отношении ряда сотрудников судостроительного завода, подшитых в дело. Они были арестованы еще до большого пожара¹⁰¹.

16 июля 1938 г., спустя месяц после телеграммы Фриновского, Николаев посетил народный комиссар внутренних дел Украинской ССР А.И. Успенский. Он принял участие в совещании, на котором присутствовал весь оперативный состав аппарата УНКВД и горрайотделений. Совещание было подготовлено бригадой под руководством начальника 3-го отдела НКВД УССР А.М. Ратынским в кооперации с местным УНКВД. Эта бригада была специально послана в Николаев за три дня до приезда Успенского. В своем рапорте о проведении совещания Успенский указал, что чекистами была установлена подрывная работа японской, английской и немецкой разведок в порту и на верфях, причем на заводе № 200 она якобы велась в контакте с директором завода Щербиной. Последний был незамедлительно арестован. По версии чекистов, Щербина также входил в состав правотроцкистской организации, среди членов которой Успенский назвал имя Стародубцева – будущего главного свидетеля по делу о пожаре на верфи. Особое беспокойство Успенского вызывало то, что завод не был защищен от атак вражеских подводных лодок¹⁰². Можно предположить, что Фриновский упомянул Николаев в своей телеграмме от 17 июня 1938 г. не без содействия Успенского, который в свою очередь теперь оказывал давление на Карамышева, чтобы тот решил проблему как можно более оперативно¹⁰³.

Интерес вышестоящих органов к ситуации на судостроительных заводах Николаева был еще больше подогрет в результате пожара, случившегося двумя неделями позднее, тем более что требования Фриновского, а также визиты Успенского и Тевосяна не принесли желаемых результатов. В итоге республиканский аппарат НКВД принял непосредственное участие во «вскрытии» роли саботажнической группы троцкистов в поджоге верфи. В Николаев самолетом незамедлительно была отправлена из Киева бригада 7-го отдела 1-го Управления НКВД Украинской ССР, отвечавшего за состояние дел на предприятиях оборонной промышленности¹⁰⁴. Бригаду возглавил начальник 7-го отдела А.М. Злобинский. Вместе с ним в Николаев вылетели чекисты, хорошо зарекомендовавшие себя в деле «оперативного обслуживания» предприятий советской индустрии, карьеры которых и в будущем будут связаны с этой сферой чекистской деятельности¹⁰⁵. Речь идет об А.Г. Назаренко, начальнике 1-го специального (учетно-регистра-

ционного) отдела НКВД УССР (с сентября 1938 г. – начальник 7-го отдела (оборонной промышленности) НКВД УССР), З.А. Новаке, занимавшем с апреля 1938 г. должность оперуполномоченного 10-го отделения 3-го (контрразведывательного) отдела НКВД УССР, а также оперуполномоченных 3-го отдела НКВД УССР П.К. Пугаче и А.Е. Рудном¹⁰⁶.

В расследование пожара вмешалась даже Москва, настаивавшая на ускорении темпов следствия. Согласно показаниям Трушкина, соответствующая директива содержалась в телеграмме, посланной из центра по линии прокуратуры¹⁰⁷.

Совершенно очевидно, что УНКВД Николаевской области находилось под значительным давлением сверху еще до пожара на судостроительном заводе, в результате чекисты стремились устранить ряд своих собственных упущений в деле ликвидации троцкистской саботажнической группы, что якобы должно было привести к существенному росту производительности верфей. Они оперативно выполнили все требования вышестоящего начальства, но не смогли предотвратить пожара на заводе № 200, что в свою очередь стало причиной расширения круга арестов.

4. Освобождение «троцкистов»

Однако позднее случилось нечто совершенно необычайное. В начале апреля 1939 г. арестованные члены троцкистской саботажнической организации, которые, по версии руководства УНКВД Николаевской области и его республиканского начальства, были виновны в поджоге судостроительного завода № 200, оказались выпущены на свободу. Основанием для освобождения послужил приговор Военного трибунала Киевского Особого военного округа, вынесенный 8 апреля 1939 года¹⁰⁸.

Такой поворот дела был тем удивительней, если принять во внимание, что еще 25 марта 1939 г. военный трибунал, рассмотрев следственное дело по факту пожара на судостроительном заводе № 200 и подготовленное на его основании обвинительное заключение от 16 января 1939 г., счел расследование законченным и принял дело к судебному разбирательству. Всем подсудственным предъявлялись обвинения по «политической» статье 54, пункты 7, 8, 9 и 11 УК УССР, которые соответствовали аналогичным пунктам печально знаменитой 58 статьи УК РСФСР¹⁰⁹.

Начавшийся судебный процесс продлился целых четыре дня, наряду с восемью обвиняемыми в разбирательстве приняли участие 54 свидетеля, а также члены экспертной комиссии, сформированной уже по решению суда в составе пяти технологов и инженеров, а именно Е.Г. Могилевского, А.П. Норова, А.П. Дубравина, А.П. Наумовца и М.Г. Никифорова, причем в случае с Могилевским, Дубравиным, Наумовцем и Никифоровым речь идет о четырех членах экспертной комиссии, образованной сразу же после пожара.

При ознакомлении с материалами судебного заседания сразу бросается в глаза то, что те мучения, которые подсудимые вынесли в процессе предварительного следствия, упоминались здесь мимоходом. Обвиняемые только весьма коротко смогли рассказать о том, что дали признательные показания под физическим и моральным давлением со стороны следователей НКВД. До конкретных примеров дело не дошло¹¹⁰. Зато суд уделил максимальное внимание тому, чтобы самым подробным образом выяснить, действительно ли на заводе существовала троцкистская саботажническая организация, и являлся ли пожар случайностью или делом рук саботажников. Свидетели из числа коллег обвиняемых, приглашенные в массовом порядке, а также члены экспертной комиссии в своих выступлениях нарисовали картину, которая самым решительным образом отличалась от разоблачений госбезопасности. Так, свидетели по-прежнему ставили в вину обвиняемым организационные и технические просчеты, халатность и разбазаривание средств, однако одновременно подчеркивали, что в условиях, царящих на заводе, обвиняемые прилагали все свои силы, чтобы успешно решить текущие производственные проблемы. Суду удалось лишь частично установить прямую персональную ответственность обвиняемых, например, за исчезновение деталей или за децентрализованное планирование, поскольку завод испытывал хронические трудности с поставкой материалов, ремонтом машин, а также нехватку квалифицированных кадров. В конечном итоге суд не нашел в действиях обвиняемых состава уголовного преступления. Кроме того, в выступлениях свидетелей преобладали позитивные оценки подсудимых. Так, директор завода № 200 И.Г. Миляшкин нарисовал практически идеальный образ советского человека, когда давал характеристику якобы неисправимому троцкисту и опасному саботажнику Фомину: «За все время работы со мной я его считал лучшим начальником цеха, всегда давал ему преимущества, он пользовался неизмеримым

авторитетом не только у инженерно-технического состава, но и у всех рабочих его цеха. Фомин неоднократно премировался, я лично ему выделил легковую машину для служебного пользования, в то время как другие начальники цехов это не имели. Фомин активно участвовал в общественной жизни. Стахановское движение в корпусном цехе было развито неплохо. Фомин старался выращивать стахановцев, часто бывал у них на квартирах, создавал им хорошие бытовые условия. Мои приказания Фомин выполнял добросовестно и аккуратно»¹¹¹.

Важным было также то, что не нашло своего подтверждения обвинение, согласно которому многочисленные неудачные (отложенные) спуски судов на воду являлись результатом диверсионной деятельности. Суд установил только несчастливое сочетание причин, таких как просчеты в планировании, дефицит материалов, нехватку времени, но также и невежество работников, нехватку технических знаний и превышение компетенции.

Далеко не последнюю роль также сыграло то, что экспертная комиссия, созданная по решению суда, пришла теперь к выводу, «что пожар мог произойти не только как результат диверсионного акта, а мог возникнуть совершенно случайно»¹¹². С большей степенью вероятности пожар возник, как на это неоднократно указывалось в ходе процесса, от искры в ходе сварочных работ, и не был своевременно потушен по причине отсутствия на месте пожарной команды, сильного ветра, раздувшего пламя, а также игнорирования превентивных мер, таких как увлажнение деревянных конструкций. Это в свою очередь привело к возбуждению следствия по обвинению в служебных преступлениях в отношении помощника начальника пожарной команды завода Зайцева, дежурного пожарника Лепкина и начальника строительства объекта № 1066 – то есть сгоревшего судна – Андреева¹¹³.

Удивительным является то, что к такой оценке причин пожара пришли члены комиссии Е.Г. Могилевский, М.Г. Никифоров, А.П. Дубравин и А.П. Наумовец. Ведь именно они в прошлом неоднократно выступали в качестве экспертов по поручению УНКВД, и начиная с августа 1938 г. в течение почти полугода упорно придерживались своей позиции, согласно которой имелись неоспоримые доказательства саботажа. В 1956 г. Гордиенко, бывший председатель другой экспертной комиссии, также созданной по настоянию УНКВД в целях объективного подкрепления заговорщицкой теории, объяснил внезапное изменение позиции членов комиссии весной 1939 г. тем, что на них больше не

оказывалось давление со стороны УНКВД, а до этого времени они были вынуждены подписывать заключения, подготовленные самими чекистами¹¹⁴. Однако это объяснение выглядит неправдоподобным, поскольку и негативный, и позитивный отзывы очень похожи друг на друга как по стилю, так и по структуре. Скорее всего, первые отзывы экспертных комиссий свидетельствуют о том, что члены комиссии, равно как и сотрудники госбезопасности, с самого начала даже не рассматривали другую версию, кроме саботажа. Однако «перегретая» атмосфера 1937–1938 гг. отнюдь не являлась темой данного судебного разбирательства.

Большая часть обвиняемых, вышедших на свободу, даже вернулись на свои рабочие места. «Главарь саботажников» Фомин, освобожденный 8 апреля 1939 г., снова стал начальником корпусного цеха завода. Афанасьев, который, по версии следствия, должен был реализовывать преступные замыслы Фомина, вместо своей прежней должности – начальник участка цеха – стал техником-строителем. Однако из-за увечий, причиненных ему в ходе следствия, он скончался в начале 1940-х гг.¹¹⁵ Должностью техника довольствовался бывший начальник участка цеха Бондарь. Они оба были отпущены в один день с Фоминым. Спустя два дня, 10 апреля 1939 г., последовало освобождение Гаврилова, который получил работу в областном земельном управлении¹¹⁶. 9 апреля 1939 г. на свободу вышел Гладков, который стал уже не помощником, а заместителем начальника корпусного цеха и по-прежнему возглавлял столярную мастерскую. Чикалов после освобождения возобновил свою трудовую деятельность в качестве мастера¹¹⁷. М.Ф. Чулков, один из немногих «заговорщиков» не из числа заводчан, получил обратно свою должность преподавателя Николаевского судостроительного института. Также были оправданы Базилевич, Меламуд и Носов¹¹⁸.

На свободу вышел даже бывший второй секретарь Николаевского обкома КП(б)У Деревянченко, «разоблаченный» как троцкист и крупный взяточник¹¹⁹. Тогда же был освобожден Д.Ф. Кобцев, с мая по июль 1938 г. работавший вторым секретарем Николаевского горкома КП(б)У и арестованный 24 июля 1938 г. по обвинению в троцкизме и взяточничестве. После освобождения он занял пост старшего конструктора завода № 198 им. Марти¹²⁰. Они оба не входили, в отличие от Чулкова, Гаврилова или Гладкова, в число непосредственных участников «саботажнической организации», однако органы госбезопасности вменяли им в вину участие в разветвленном троцкистском заговоре, охватившем всю Николаевскую область.

Бывшие арестованные получили денежные компенсации, вероятно, в размере потерянного ими рабочего заработка, бесплатные путевки в санаторий, а также были восстановлены в партии¹²¹. Начальник 1-го отделения 2-го отдела УНКВД Воронин должен был выплатить Кобцеву девятьсот рублей, конфискованные во время ареста и не учтенные должным образом. Дополнительно Кобцев получил от финотдела УНКВД тысячу рублей, которые были у него изъяты официально¹²².

Однако для участников «троцкистской саботажнической организации», осужденных особой («национальной») тройкой, которая рассматривалась сотрудниками НКВД как внесудебная инстанция для осуждения так называемой «низовки» (рядового состава контрреволюционных организаций¹²³), помощь пришла слишком поздно. Как уже упоминалось, Барсуков, Чернохатов и Мацковский были приговорены тройкой к ВМН в сентябре 1938 г. и расстреляны 4 ноября 1938 г. в 12 часов ночи¹²⁴. Только гораздо позднее, в 1941 г., Военный трибунал войск НКВД Киевского Особого военного округа отменил смертный приговор тройки по этому делу, что, по меньшей мере, давало возможность родственникам казненных ходатайствовать о выплате компенсации¹²⁵. Казненных реабилитировали только в 1957 году¹²⁶.

Судьи военного трибунала посчитали недостаточными обвинительные материалы, собранные сотрудниками УНКВД Николаевской области. Отсутствовали прямые доказательства того, что ответственность за пожар несла некая саботажническая троцкистская организация. Судя по новейшей информации, пожар не был результатом сознательного действия, к нему привело общее плохое состояние завода, недостаточная организация труда и плохая выучка персонала.

В целом данный судебный процесс, результатом которого стало освобождение из-под стражи «членов троцкистской саботажнической группы», свидетельствует, что процедура отнюдь не отличалась поверхностным автоматизмом. Судьи, даже в новой ситуации, получив административный сигнал о невиновности обвиняемых, безусловно, хотели исключить любую возможность оправдания настоящих саботажников, что требовало сил и времени.

Как сам судебный процесс, так и материалы, собранные в процессе следствия сотрудниками НКВД, дают возможность получить глубокое представление о повседневной жизни советского промышленного гиганта¹²⁷. При этом на себя обращают внимание не только описанные выше трудности и проблемы. Так, стано-

вится очевидным, что квалифицированные специалисты, в первую очередь инженеры-управленцы, до своего ареста обладали значительными привилегиями (выше уже упоминалась служебная машина Фомина) и карьерными возможностями, в их распоряжении находились почти неограниченные денежные средства. Они имели все возможности, чтобы претворить в жизнь свои идеи. Так, главный инженер Бабенко не только лелеял, но и приступил к реализации гигантского плана расширения судостроительного завода, что означало многочисленные новостройки и перестройки, а также закупку машин и оборудования за границей. В менее затратном виде этот план тем не менее продолжал реализовываться и в 1939 году¹²⁸. Все это являлось почвой для зависти, конкуренции и острой критики, поскольку ошибки были запрограммированы изначально. Соответствующим образом, реабилитация служила еще и тому, чтобы недвусмысленно указать всем инженерам – как бывшим обвиняемым, так и свидетелям – на то, что они должны научиться коллективно находить ответы на вызовы ускоренной индустриализации.

5. Заговор против НКВД

Участники «троцкистской организации» тем не менее не были удовлетворены своим освобождением и остальными «благодеяниями» советского государства и коммунистической партии. Спустя две недели после того, как «заговорщиков» выпустили на свободу, агент по кличке «Герд» сообщил руководству СПО, тем временем переименованного во 2-й отдел, следующее: «Собранные мною факты говорят с несомненной точностью о том, что к-р разговоры, слухи рождаются в среде бывших арестованных, а сейчас освобожденных. [...] [Среди них стали] усиленно распространяться антисоветские разговоры, различные измышления»¹²⁹.

Чтобы подчеркнуть взрывоопасность ситуации, «Герд» и другие агенты несколько раз сообщали сведения о наиболее активных членах «троцкистской организации» на заводе № 200 из числа освобожденных. По словам источника «Герда» – учителя школы № 20 Т. Бондаренко, – группа бывших арестованных, а именно Чулков, Гаврилов, Гладков, Кобцев и другие, «систематически после освобождения собираются друг у друга», чтобы произвести «обмен мнениями» и выработать «общую ориентацию».

От Бондаренко «Герд» узнал, насколько негативно Чулков оценивал политическую ситуацию в СССР. Он якобы утверждал, что «в стране безусловно орудует к[онтр]р[еволюционная] сила», которая проникла вплоть до «верхушечной части партии», о чем свидетельствовал расстрел А.И. Рыкова¹³⁰ и других. Чулков также сравнивал царские и советские тюрьмы и утверждал, что советские тюрьмы хуже, чем места заключения самых мрачных времен царской деспотии. В качестве примера он заявлял, что заключенные при царе всегда имели в камерах достаточно света, «сейчас эти же окна заколотили специальными щитами», которые не пропускают солнечный свет. Кроме того, Чулков якобы выражал сожаление в том, как это выяснил «Герд» в специально устроенном разговоре с его соседкой по квартире Фесенко-Макеевой, другом семьи Чулкова, «что там в центральных организациях кто-то обратил внимание на то, что в стране открыто проводится контрреволюция, если бы не это, то несомненно произошел бы политический переворот и арестованные все вошли бы в историю русской революции как поборники ее».

О Гладкове агент «Герд» сообщал, ссылаясь на студентку Слеповатую, подругу жены Гладкова, что тот распространяет слухи, что в тюрьме Николаева «ежедневно пачками расстреливали» осужденных.

Брат Гаврилова, который работал в педагогическом институте, в разговоре с «Гердом» поведал о воззрениях родственника следующее: в центре царит «полная растерянность», там не знают, что делать с девятью миллионами заключенных. С одной стороны, нецелесообразно оставлять их в тюрьмах и концлагерях, поскольку «на местах растут дети, многочисленные родственники, а около них массы сочувствующих им». С другой стороны, их нельзя отпустить на свободу разом, поскольку тогда «на местах произойдет концентрация людей с неизгладимой враждой к руководству».

Донесение «Герда» заканчивалось сообщением, согласно которому Гладков во всеуслышание рассказывал о том, что их группа, когда она находилась под арестом, знала все о ходе следствия, однако им лишь с большим трудом удалось с помощью перестукивания убедить человека (который их предал), а именно Д.Т. Стародубцева, отказаться от своих показаний¹³¹.

Спустя 10 дней агент «Герд» в своем сообщении от 3 мая 1939 г. дополнил информацию о заключенном Стародубцеве, на этот раз на основании разговора, состоявшегося на улице между

А.К. Стародубцевой, женой этого «репрессированного троцкиста», и директором школы № 14 П. Балдуком. Согласно донесению «Герда», Балдук заверил Стародубцеву в скором освобождении ее мужа, поскольку «суд¹³² теперь превратили в игрушку, которой пытаются сгладить то, что наделали». В ходе разговора Балдук в красках расписал эту благоприятную для репрессированных ситуацию: «Работников НКВД половину уже перестреляли не только в Молдавии¹³³, а и в других городах».

Однако «Герд» не ограничился лишь описанием той моральной поддержки, которую жена арестованного троцкиста получила от высокопоставленного советского чиновника, но и сообщил о том, какую катастрофическую картину общего настроения населения нарисовал Балдук и как он распространял свои «вымыслы». На первомайской демонстрации, которую они посетили совместно, Балдук обратил внимание «Герда» на «якобы» огромное число людей, которые в этом году стояли в стороне и не принимали участие в демонстрациях. По словам Балдука, это был «результат пьяной кампании Ежова. Это жены, дети, родственники и просто люди, сочувствующие той массе арестованных, что сидят в тюрьмах, или тех, кто погиб в ссылке». Конца этому давлению на население не видно, и под прессом, заявлял Балдук, оказались не только взрослые, но и дети. В частности, Балдук говорил: «То, что дети [так плохо] ведут себя в школах, на улицах, объясняется также озлоблением, которое также охватило и детей».

Еще один отпущенный на свободу арестованный, некто Свирса, бывший руководитель отделения украинского общества «Просвита», встреченный на улице «Гердом» и Балдуком, в ходе разговора своими риторическими вопросами дискредитировал московское руководство: «А как ты думаешь, кто в этом виноват, нельзя же думать, что это творчество на местах. Сидя в тюрьме, я убедился, что это имело место по всему Советскому Союзу, причем везде и всюду применялись одни и те же методы. Кроме того, нельзя допускать, что это делалось без ведома центра, так как каждый день в центральные организации отправляются тысячи заявлений и никто не получает ответа на заявления, никакого внимания не обращают. Значит отвечать им нечего, против своих же мероприятий идти неудобно».

В своем донесении «Герд» зафиксировал также утверждения Свирсы, касающиеся политики выборочных освобождений. Заявления Свирсы сопровождались фундаментальной критикой всей карательной системы Советского Союза. Согласно ему, «НКВД

имеет директиву сглаживать положение, в первую очередь за счет освобождения членов партии. В тюрьме сидит еще очень много беспартийных, которых всячески будут выдерживать, чтобы массовое освобождение не обратило на себя внимания широких масс». Кроме того, репрессированные были «осуждены судом, который не предусмотрен никакими законами в мире». Венчал аргументацию Свирсы заявление о том, что «успех фашистского движения и надо объяснить тем, что рабочие организации увидели у нас большие противоречия между законами Советского государства и действительностью».

«Истинное лицо» Свирсы и враждебность его точки зрения «Герд» разоблачал, приводя слова Свирсы о процедуре его восстановления в партии. Свирса открыто признал, что в результате ареста был «выбит из той политической направленности, которой он обладал до ареста».

Компрометация Свирсы служила для агента НКВД средством для того, чтобы дополнительно скомпрометировать свой главный источник информации – Балдука, представив в мрачном свете его «сомнительное» прошлое: в бытность свою учителем в деревне Варваровка Балдук был связан с неким троцкистом И. Скрыпниковым, поскольку они были женаты на сестрах, и делил со Скрыпниковым одну квартиру. Кроме этого, Балдук поддерживал контакт с осужденным греческим гражданином Матисто, который работал в Николаеве в клубе интернационалистов. Криминал заключался в том, что Балдук принимал у себя дома Матисто вместе с членами команд иностранных судов. Не в последнюю очередь также упоминались многочисленные контакты Балдука с женами арестованных¹³⁴.

12 мая 1939 г., спустя девять дней после последнего донесения, 2-й (Секретно-политический) отдел УНКВД получил свежую информацию от «Герда». На этот раз агенту удалось собрать сведения не только в результате уличных встреч, но и побывать непосредственно в гостях у отпущенных на свободу членов «троцкистской саботажнической организации». У Чулкова он встретил Гаврилова и Гладкова с женами, а также неизвестную ему юную персону. В то время как женщины накрывали на стол, мужчины играли в шашки. Внезапно, как описывал «Герд» в донесении, присутствующие открыто заподозрили в нем провокатора и стали его всячески чернить. Они припомнили его знакомство со Стародубцевым, которое почему-то не имело для «Герда» печальных последствий, в отличие от членов «троцкистской ор-

ганизации». Само собой разумеется, агенту, по его собственным словам, удалось сохранить свою тайну, так как он сумел убедить всех в своей невиновности. Среди прочего «Герд» заявил, что он сам не поверил своему счастью, когда его не арестовали, что он даже взвешивал возможность из страха перед арестом бежать в Сибирь.

Очевидно, истинная цель «Герда», которую он преследовал, описывая эту историю, заключалась в том, чтобы показать, что также и в сознании членов «саботажнической группы» Стародубцев фигурировал в качестве слабого звена, болтуна, члена действительно существовавшей в прошлом троцкистской организации, используя которого, НКВД сумело разоблачить многих «троцкистов».

После того как «Герд» сумел немного развеять подозрения в свой адрес, он поинтересовался у «товарищей»: «[...] как вы себя чувствуете и что слышно, как надо понимать всю эту историю, говорят, что те, которые сидят в тюрьме, гораздо больше осведомлены, чем те, которые на воле». Гладков дал свой ответ с иронической усмешкой на лице: «Мы [там были] не одни, мы составляем какую-то миллионную часть, значит, чувствовать себя плохо нет оснований».

Из факта очень хорошей информированности членов группы не только в заключении, но и на свободе «Герд» сделал вывод, что они уже в курсе того, что в Николаеве будет заседать военный трибунал, и теперь они спекулируют на тему того, не будет ли вскоре освобожден и Стародубцев¹³⁵.

Для «Герда» было особенно важно в этом контексте продемонстрировать и подчеркнуть групповое сознание присутствовавших, а именно то, что все эти люди воспринимали себя именно как группу и были крайне горды взаимным доверием. Наглядное выражение этого «Герд» увидел в застольном тосте, произнесенном Гладковым: «Пусть рабы и подхалимы пьют “за кого”, а мы будем пить за нашу дружбу».

Гладков, если судить по донесению «Герда», был занят анализом общего настроения широких масс, при этом, как писал «Герд», облачал свои суждения в форму нелицеприятной критики карательной политики советского государства. Согласно «Герду», он выражал мнение, что власть своими средневековыми методами пыталась сначала устранить недовольных. Теперь она перешла к тому, чтобы привлечь их на свою сторону, предлагая пострадавшим деньги и курорты. Однако это ни к чему не привело. Власть

всеми своими мерами добилась лишь того, «что на заводе тысячи рабочих инженеров, техников устроили нам такую встречу, как будто мы возвратились после совершения большого героического подвига. Значит, вы теперь можете себе представить, как народ воспринял это дело и какое создалось настроение у широких масс»¹³⁶.

Спустя семь дней, 19 мая 1939 г., «Герд» в своем очередном донесении еще раз уделил внимание крайней самоуверенности группы, которая нашла свое отражение в распространяемых ее членами слухах о появлении в Николаеве судей военного трибунала. Гладков был уверен в том, что трибунал прибыл лишь для того, чтобы освободить всех поголовно. В качестве примера Гладков приводил следствие по своему делу: «Когда некоторые свидетели начали заминаться, стали давать намеки на виновность, то председатель трибунала обратился к таким свидетелям и сказал, что “Вы пытаетесь натянуть обвинение, раз люди не виноваты, так и говорите”». Согласно Гладкову, «председатель трибунала этим прямо сказал или дал понять, что в обвинениях трибунал не нуждается». В результате среди свидетелей больше не нашлось никого, кто выступил бы против обвиняемого. В его случае все десять свидетелей дали «блестящие» показания в его пользу¹³⁷.

В тот же самый день 2-й (Секретно-политический) отдел УНКВД получил еще одно донесение, на этот раз от агента по кличке «Добровольский». Объектом наблюдения агента была все та же группа, сформировавшаяся вокруг отпущенных на свободу членов «троцкистской саботажнической организации», якобы виновных в пожаре на заводе. Главной темой донесения являлось прибытие в Николаев особоуполномоченного НКВД, получившего задание первого секретаря ЦК КП(б)У Хрущева проверить работу областного УНКВД. Особоуполномоченный заслушивал показания бывших арестованных о том, как с ними обращались в НКВД во время их пребывания под стражей.

«Добровольский» сообщил, что Гаврилов, Деревянченко, Фомин и другие занимаются распространением слухов, а именно в связи с их письмами Хрущеву и прокурору СССР А.Я. Вышинскому, в которых они описывали, что с ними случилось в заключении. Фомин, в частности, заявлял о том, что «показания у него и у других вымогали методом пыток и что он доходил до того, что подписывал чистый лист бумаги». По словам некоего М.Ф. Головастика, которого сумел разговорить «Доброволь-

ский», Фомин якобы дословно заявлял: «Я был истинным коммунистом и боролся за счастье народа, а что они со мною сделали. Я никогда не мог себе представить, что у нас в СССР может быть [то], что я увидел и узнал. [...] Я перенесенные муки не забуду [...] и мы, т. е. Гаврилов, Деревянченко и Фомин, – им этого не простим». От описания Фомина, по сочувственной характеристике Головастика, «веяло средневековьем». Фомин, однако, также подчеркивал, что теперь у чекистов возникли серьезные проблемы: «За это им [...] влетит и влетит здорово».

Эти «слухи, пущенные в народ», согласно «Добровольскому», вели к тому, что теперь в разговорах населения появились «мы и они», т. е. народ и НКВД, которые «как будто находятся в двух противоположных лагерях». Что же касается пресловутого стремления заговорщиков группироваться, то «Добровольский» утверждал: инициатором и руководителем всех «кампаний» Фомина, Гаврилова и Деревянченко, по данным Фомина, является Деревянченко¹³⁸.

Спустя еще три дня, 21 мая 1939 г., вновь было получено донесение от «Герда». На этот раз он проинформировал сотрудников УНКВД о том, что Чулков был неприятно удивлен тем, почему трибунал все еще не разобрал дело Стародубцева, и что он полагал, что это было бы крайне важно для окончательного прекращения дела в отношении своей собственной группы, поскольку, по словам Чулкова, «по характеру своему эти дела одинаковы». По словам «Герда», оценка Чулковым актуальной ситуации сводилась к следующему: «Сейчас начали опять поджигать: массовое освобождение прекратилось»¹³⁹. Вину за это Чулков также возлагал на жену Стародубцева, эту «дуру», которая хотела передать весточку своему мужу через одного из охранников, но была на этом поймана, арестована и осуждена. Теперь единственным путем для нее было все отрицать – и то, что она передавала своему мужу сообщение, и то, что во время очной ставки сигнализировала ему, и ничего больше не выдавать чекистам.

На следующий день, 22 мая 1939 г., «Герд», вслед за «Добровольским», на основании собранных им сведений, сообщил о прибытии в город особоуполномоченного НКВД. В своем донесении он, опираясь на слова жены Чулкова, описал большое возбуждение, охватившее группу. В частности, «саботажникам» было известно, «что в Областное управление НКВД приехал из Наркомата Внутренних Дел, какой-то очень ответственный работник, фамилия Твердохлеб (правильно Твердохлебенко. – *Авт.*) (ка-

жется так) [...]. Сидит он в НКВД и принимает заявления от бывших под арестом». Как считала жена Чулкова, присылка особоуполномоченного могла быть ловким шагом со стороны НКВД «для успокоения умов». Свою идею она развивала следующим образом: «Так или иначе, но, по мнению “наших”, надо сейчас приложить все усилия к тому, чтобы распространить возможно шире среди бывших арестованных, чтобы они буквально засыпали этого представителя заявлениями, чтобы они не стеснялись формой и содержанием изложения, пусть пишут, били, мучили, издевались». Далее жена Чулкова якобы призывала: даже если особоуполномоченный приехал pro forma, чтобы подшить в дело два – три показания и этим ограничиться, необходимо организовать все так, чтобы он получил «вагон и маленькую тележку» драматических заявлений, вне зависимости от того, хочет он этого или нет. «Герд» сообщал, что даже ему она поручила оповестить всех «обиженных».

Чтобы еще раз доказать высокую степень организованности группы, «Герд» в заключение заявлял, что план «саботажников» также сводится к тому, чтобы непрерывно звонить уполномоченному, а именно по телефонному номеру 1-26, принадлежавшему комендатуре УНКВД¹⁴⁰.

Донесения «Герда» и «Добровольского» в своей совокупности рисовали антисоветскую троцкистскую группу, имеющую высокую степень организованности и прочные внутренние связи, располагающую внутренней, сугубо доверительной информацией, которую группа получает от «источников» в партийно-советских органах, а также из НКВД. Члены этой группы всячески пытались выдать себя за жертв с помощью слухов, преувеличений и лжи. Их непосредственной преступной целью являлось УНКВД Николаевской области, но они также пытались очернить и дискредитировать всю судебную и карательную систему СССР, включая его руководство. НКВД у них был нарушителем законов, палачом и фальсификатором. Осуждение судебной и карательной системы производилось путем проведения параллелей с «темным средневековьем», деспотией царизма и фашизма. В свою очередь, население, в интерпретации «заговорщиков», испытывало симпатии к бывшим заключенным, при этом в значительной мере чувствовало себя угнетенным, униженным и оскорбленным. Москва представлялась, с одной стороны, главным организатором и участником репрессий, с другой – лишившейся ориентиров и крайне нерешительной в сложившейся ситуации.

Все донесения агентов об освобожденных арестованных были 3 августа 1939 г. сведены СПО УНКВД в единое агентурное дело под кодовым названием «Ретивые», на деле была сделана пометка «Троцкисты»¹⁴¹.

6. НКВД: стратегии оправдания

После того как в мае 1939 г. руководству УНКВД из сообщений агентов «стало ясно», что среди отпущенных на свободу арестованных сформировалась опасная группа заговорщиков, деятельность которой была направлена, в частности, против чекистов, новый начальник УНКВД И.Т. Юрченко, временно назначенный на должность после снятия Карамышева в январе 1939 г., направил в начале июня 1939 г. рапорт врид. наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулову¹⁴². Непосредственным автором текста рапорта был Трушкин, причем до этого он передал донесения агентов особоуполномоченному НКВД УССР А.М. Твердохлебенко, проводившему расследование деятельности чекистов по поручению Хрущева¹⁴³.

Рапорт Юрченко состоял из компиляции цитат из уже известных нам донесений агентов «Герда» и «Добровольского», комментариев и оценок. Новой была только информация еще одного агента, некоего «Иванова». Однако руководство УНКВД озвучило в своем документе отнюдь не все темы, присутствовавшие в донесениях агентуры.

Действующими персонами, о которых шла речь в документе, снова были члены «троцкистской саботажнической организации», якобы виновные в пожаре на заводе № 200, включая их ближайшее окружение. Главное внимание обращалось на Гаврилова, Гладкова, Чулкова и Кобцева, а также Деревянченко. Особое внимание чекисты уделили «группированию» подозреваемых, при этом подбор и интерпретация цитат более четко, чем в донесениях агентуры, подчеркивали, что группа, в первую очередь, преследовала цель дискредитации сотрудников УНКВД. Согласно рапорту Юрченко, члены группы «систематически собирались друг у друга», где «устанавливают общую ориентацию своего поведения в Обкоме КП(б)У, в заявлениях вышестоящим партийным органам и в НКВД СССР и УССР о том, что всем нужно писать, что их били и издевались над ними».

Вслед за этим Юрченко целенаправленно указывал, что действующая в настоящее время группа была в прошлом частью большой троцкистской саботажнической организации и по-прежнему поддерживает контакты с «троцкистским окружением». Обосновывалось это, во-первых, сообщением об отчаянных усилиях членов группы заставить замолчать главного свидетеля обвинения Стародубцева, выдавшего всех их. Во-вторых, на основании донесений агента «Иванова» указывалось на сохранившиеся контакты группы с троцкистами или с их посредниками. Так, цитировалось сообщение «Иванова» о встрече Гаврилова с отцом «кадрового троцкиста» Бородаева, находившегося в ссылке. Встреча состоялась после освобождения Гаврилова, который высказывал свою заинтересованность в судьбе сосланного троцкиста.

Далее в рапорте сообщалось об антисоветской агитации членов группы, направленной против советской карательной системы в целом, ее отождествлении с карательными системами царизма и фашизма.

В заключение в рапорте приводилась оценка, которую члены группы давали политике центра, направленной на освобождение репрессированных. В их интерпретации она представляла сумбурной и тупиковой: с одной стороны, «невыгодно» держать в заключении девять миллионов зеков, поскольку их ждут дети и родственники, а окружающие им сочувствуют; с другой стороны, освобождение могло привести к концентрации лиц, настроенных неисправимо враждебно по отношению к советскому руководству. Показательно, что в рапорте были опущены места из донесений агентов, в которых речь шла о высказываниях «троцкистов» на тему соучастия Москвы в репрессиях¹⁴⁴. В последних строках Юрченко сообщал, что отдал распоряжение о проведении дальнейших «глубоких разработок» группы, что и было выполнено. Об этом свидетельствует рапорт Юрченко от 22 июля 1939 г.

В этом донесении руководство УНКВД сообщало о действиях, направленных на то, чтобы с помощью тайной «прослушки» проверить донесения агента «Герда». В его квартире, где поставили подслушивающее устройство, 16 июля 1939 г. в 22 часа была организована встреча с А.К. Стародубцевой, женой главного свидетеля обвинения Д.Т. Стародубцева, который в рапорте упоминался как «участник троцкистского подполья». Юрченко в присутствии Гарбузова, заместителя начальника 2-го отдела УНКВД, прослушивал разговор, состоявшийся между Стародубцевой и «Гердом».

Однако прежде чем перейти к описанию этого разговора, в рапорте Юрченко подробно рассказывается об аресте А.К. Стародубцевой, последовавшем в мае 1939 г. Тогда она попыталась передать своему мужу через охранника Островского письмо, в котором советовала отказаться от данных ранее показаний и заявить о том, что он подвергался физическому воздействию со стороны следователей, что и вынудило его дать признательные показания о своей принадлежности и принадлежности других лиц к троцкистскому подполью. Сотрудники УНКВД в свою очередь с помощью агента «Герда» узнали место и время передачи письма и денег и произвели арест женщины. В итоге Стародубцева, как следует из рапорта, была осуждена военным трибуналом к двум годам лишения свободы условно, однако после своего освобождения тут же вступила в контакт с бывшими подследственными Кобцевым, Гавриловым, Гладковым и Чулковым. Как бы между прочим Юрченко проинформировал Кобулова также о том, что агент «Герд» продолжительное время наблюдал за троцкистом Стародубцевым, который еще до своего ареста в июне 1938 г. в присутствии своей жены и «Герда» открыто вел «антисоветские беседы и даже [разговоры] организационного порядка о троцкистском подполье».

Согласно Юрченко, Стародубцева, войдя в конспиративную квартиру и убедившись в том, что в ней никого нет, заявила: «Значит, здесь и контрреволюцией заниматься можно». Потом она рассказала, что во время встречи с Кобцевым, Гавриловым, Гладковым и Чулковым, состоявшейся сразу же после ее освобождения, выяснилось, что все они, в особенности Кобцев, «мечут гром и молнии по адресу руководителей партии и власти», «со скрежетом зубов высказывают ненависть и злобу против партийного руководства». Гаврилов в свою очередь якобы сказал Стародубцевой: «Успенского расстреляли, Ежов находится в психиатрической больнице». О высокой степени организованности группы свидетельствовало описание Стародубцевой стратегии «троцкистов»: «Они нанимают подставных лиц, посылают в центр, собирают сведения и, собираясь, всех и вся дискредитируют, чернят и строят разные козни». Кобцев якобы дословно сказал: «Мы действовали, действуем и будем действовать».

Массивное давление, которое группа заговорщиков оказывала на Стародубцеву, выразилось в бесконечных упреках в адрес ее мужа, который предал их всех. Нельзя простить, заявляли они, что он все «разболтал». Гаврилов якобы даже объявил, что если

Стародубцева отпустят, то ему придется «выехать из Николаева» в наказание за «его трусость и мягкотелость, которую он проявил на следствии и в результате того, [что] рассказал все полностью о своей и их антисоветской деятельности». Стародубцев «их разоблачил и рассказал следствию всю действительность, что было с ними». В результате «заговорщикам» потребовалось много усилий, чтобы его «образумить» и «принудить» отказаться от всех своих показаний.

В этой щекотливой ситуации, если верить рапорту Юрченко, «Герд» специфическим образом представил свою собеседницу в лучшем свете. На вопрос Стародубцевой, почему он также не был арестован, хотя с ним вели свои контрреволюционные разговоры ее муж, Гаврилов, Гладков и Чулков, «Герд» дал сначала «соответствующие пояснения». Стародубцева же в ответ совершенно неожиданно подтвердила, что все те разговоры, на основании которых еще до пожара на заводе были выявлены вожаки троцкистской группы, действительно были «контрреволюционными» по содержанию.

После описания операции по прослушке, Юрченко в конце своего рапорта информировал Кобулова о том, что в ближайшее время Николаевский обком КП(б)У должен был утвердить уже последовавшее восстановление в партии Кобцева, Гаврилова, Гладкова, Чулкова и Деревянченко, однако не преминул при этом упомянуть, что Гаврилов и Деревянченко ведут себя антисоветски и были уволены со своей работы на «оборонном заводе». Это упоминание можно трактовать как подсказку для Кобулова вмешаться в дело на уровне ЦК КП(б)У¹⁴⁵.

Что же касается собственно операции по прослушке, то, с точки зрения Юрченко, можно было выделить два ее главных результата. Во-первых, целиком и полностью получила подтверждение оценка «Герда», согласно которой существовала хорошо организованная группа заговорщиков, настроенных резко враждебно по отношению к партии и государству и стремившихся, в первую очередь, дискредитировать органы НКВД. Во-вторых, и это был новый аспект, выяснилось, что группа оказывала сильное давление на жену главного свидетеля обвинения Стародубцеву, подтвердив тем самым свои троцкистские взгляды в прошлом и настоящем, и это давление стало причиной, по которой Стародубцева внезапно якобы солидаризовалась с НКВД.

Рапорты начальника УНКВД, а также организованная им операция по прослушке стали краеугольным камнем скоординиро-

ванной акции по защите чекистов от грозившего им обвинения в нарушении социалистической законности. О такой возможности они подозревали, самое позднее, уже в начале января 1939 г., когда пост начальника УНКВД все еще занимал Карамышев. Ведь примерно в это время, с большой долей вероятности, в УНКВД Николаевской области, очевидно, состоялось общее оперативное или партийное собрание сотрудников всех подразделений, на котором чекистам было зачитано и разъяснено совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. о прекращении массовых операций НКВД. Одним из результатов этого собрания могло стать позорное увольнение из НКВД Карамышева, последовавшее 15 января 1939 г. Позднее он потерял все свои политические посты: членство в Николаевском областном комитете КП(б)У и мандат депутата Верховного Совета УССР¹⁴⁶.

Новое руководство УНКВД стало действовать в защиту корпоративных интересов, а значит, и Карамышева, только в апреле 1939 г., в ходе кампании по освобождению подследственных и параллельно с начавшимися допросами Карамышева¹⁴⁷. Организовав слежку за «троцкистами», руководство Николаевского УНКВД отнюдь не нарушало новой инструкции Л.П. Берии за № 00262, которая, в том числе, требовала «всех освобожденных [...] взять на оперативный учет НКВД»¹⁴⁸.

Возникает ощущение, что чекисты, которые ранее играли основные роли в аппарате УНКВД и которым предстояло оказаться на скамье подсудимых, в своей попытке обезопасить себя и добиться оправдания могли рассчитывать на мощную поддержку коллег, особенно со стороны руководства управления.

7. Арест сотрудников госбезопасности

Несмотря на все усилия нового начальника УНКВД обелить своих подчиненных и дискредитировать бывших подследственных «троцкистов», в начале августа 1939 г., т. е. спустя немногим более недели после рапорта Юрченко от 22 июля 1939 г., последовали аресты начальника СПО УНКВД Трушкина и его бывшего начальника Карамышева¹⁴⁹. Арест Карамышева не был лишен определенного драматизма и элементов инсценировки. Карамышев позднее так описывал его в письме особоуполномоченному НКВД УССР, который вел следствие: «Меня схватили на глазах у

публики, в том числе моих избирателей, тащили из одного конца вокзала в другой с криком “Давай оружие”. Так расправляются с избранниками народа на глазах у самих избирателей. Что это такое? И с чем это сообразно? Странно и непостижимо! [...] Меня арестовали без предъявления санкции Верховного Совета УССР»¹⁵⁰.

В постановлениях прокуратуры г. Николаева на арест Трушкина и Карамышева значилось, что они обвиняются в совершении служебных преступлений по статье 206, пункт 17 «а» УК УССР, то есть им вменялись менее тяжкие проступки, чем в случае с пунктом «б»¹⁵¹. Конкретные обвинения в адрес Трушкина гласили, что он проводил «[...] необоснованные аресты, утверждал справки, не соответствовавшие действительности, на партийных работников и специалистов заводов, допускал грубейшие извращения в следствии, протоколы составлялись в отсутствие обвиняемых, после чего корректировал их, поощрял и культивировал провокационные методы следствия. В 1939 году, после решения ЦК и СНК, Трушкин умышленно задерживал освобождение ряда арестованных, оказавшихся оговоренными, в то же время без всякого основания освободил свыше 40 человек арестованных, на коих имеются соответствующие серьезные компрометирующие материалы. По показаниям арестованных [Л.М.] Тейтеля и [А.М.] Шепетина¹⁵², Трушкин характеризуется как антисоветская личность, поддерживающая к-р троцкистские взгляды»¹⁵³.

Санкция на арест Карамышева основывалась на следующих обвинениях: «Будучи нач. Николаевского УНКВД, производил аресты по фальсифицированным справкам, фальсифицировал следственные документы, применял по отношению к арестованным физические меры воздействия, прикрывал факты убийства арестованных во время следствия, поддерживал связь с лицами, подозрительными по антисоветской деятельности»¹⁵⁴. Кроме того, указывалось, что Карамышев игнорировал донесения агентов о враждебно настроенных лицах¹⁵⁵.

Спустя полгода, в начале марта 1940 г., за служебные преступления были арестованы еще два бывших подчиненных Трушкина – М.В. Гарбузов, начальник отделения и заместитель начальника СПО, и К.А. Воронин, также начальник одного из отделений этого отдела. Основное обвинение против них гласило: «применение мер физического воздействия». Этим эвфемизмом описывались пытки и издевательства над арестованными¹⁵⁶.

Главными свидетелями, на показаниях которых строилось обвинение, были люди, арестованные по подозрению в поджоге

завода № 200 и к тому времени вышедшие на свободу. В своих обращениях к местному и центральному партийному руководству они жаловались на то, что в ходе следствия сотрудники органов госбезопасности добивались от них признаний в антисоветской деятельности, искусственно объединили их в троцкистскую группу и систематически отказывали им в контактах с прокуратурой и другими органами надзора; на то, что их обманывали, избивали, оплеывали, мучили и угрожали арестом близких. Бывшие арестованные в один голос сообщали о многочасовых, зачастую длившихся сутками «выстойках», чудовищно опухавших от этого ногах, лишении воды, еды и сна, избиениях различными предметами, глухоте и прочих тяжелых травмах, многосуточных наказаниях карцером и содержании в переполненных сверх всякой меры камерах. Уже во время следствия многие из них отказались от своих данных ранее показаний и обратились к работникам прокуратуры с заявлениями о том, как плохо с ними обращались¹⁵⁷.

Однако самый настоящий поток жалоб вызвал приезд в Николаев в мае 1939 г. специальной комиссии во главе с особоуполномоченным НКВД УССР А.М. Твердохлебенко, поскольку комиссия уделила большое внимание жалобам пострадавших. Особоуполномоченный работал в аппарате НКВД УССР и был наделен полномочиями вести расследование в отношении сотрудников НКВД как уже арестованных, так и лишь подозревавшихся в нарушении соцзаконности¹⁵⁸. Конкретно комиссия Твердохлебенко, как и ее предшественница, работавшая в Николаеве в сентябре 1938 г., имела задание ознакомиться с ситуацией, сложившейся в областном управлении НКВД¹⁵⁹. Она собирала показания жертв массовых репрессий, допрашивала трех сотрудников СПО УНКВД во главе с Карамышевым, против которых уже были выдвинуты обвинения, а также большое число сотрудников управления¹⁶⁰. В результате комиссия пришла к выводу, что ответственность за должностные преступления несут Карамышев, Трушкин, Гарбузов и Воронин¹⁶¹.

В 1939–1940 гг., в ходе дальнейших следственных действий, осуществлявшихся сотрудниками 2-го отдела НКВД УССР, в результате дополнительных допросов как жертв, так и сотрудников Николаевского УНКВД, были получены подтверждения того, что личный состав управления практиковал пытки и фальсифицировал документы следственных дел¹⁶².

Сотрудники НКВД перекладывали вину друг на друга. Так, Гарбузов показал, что видел, как Трушкин избивал подследст-

венного¹⁶³. Согласно его показаниям, рукоприкладством занимался целый ряд его сослуживцев, но ни в коем случае не он, Гарбузов¹⁶⁴. Лишь Воронин признался, что избивал подследственного Прицкера (бывшего сотрудника УНКВД), однако это якобы была лишь защитная реакция на нападки арестованного на коллег Воронина, которых тот обзывал «фашистами». Прицкер, по показаниям Воронина и Гарбузова, в ходе допроса внезапно напал на Гарбузова и, дико ругаясь, схватил следователя НКВД за волосы, укусил его и ударил. Гарбузов, который также считал, что случившееся давало чекистам право избить подследственного, тем не менее утверждал, что сначала он в присутствии сотрудника Волошина проинформировал об инициативе бывшего начальника СПО УНКВД Ю.Н. Толкачева. Получив от него санкцию, сотрудники отдела Воронин, Басов и Козачук «применили [к Прицкеру] физические меры воздействия»¹⁶⁵.

Еще один подчиненный Гарбузова, Федотов, в свою очередь, неоднократно давал показания о фальсификации протоколов допросов и внесении в них записей Гарбузовым и Трушкиным в отсутствие подследственных¹⁶⁶. Вслед за этим Гарбузов признался, что по своему усмотрению исправлял и дополнял протоколы допросов, но только на основании информации из других достоверных источников, таких, как решения партии. Однако, заявлял Гарбузов, он никогда не настаивал на том, чтобы следователи его отделения требовали от подследственных подписать эти видоизмененные протоколы¹⁶⁷. П.Д. Козачук, помощник начальника еще одного отделения СПО, подробно описал, каким образом Трушкин вносил коррективы в протоколы допросов¹⁶⁸.

Главное обвинение в адрес Карамышева гласило, что он не только «поощрял и культивировал незаконные методы допросов», но мирился и способствовал ненормальностям в работе тройки УНКВД. В результате отдельные дела на тройке представляли не те сотрудники госбезопасности, которые составляли короткие обвинительные заключения для протоколов тройки (так называемые докладчики), а чекисты, которые не были знакомы с делами, например начальники соответствующих отделов, в которых работали «докладчики»¹⁶⁹. Помимо этого, некоторые протоколы тройки оформлялись в отсутствие областного прокурора и первого секретаря Николаевского обкома КП(б)У – постоянных членов тройки. Как правило, протоколы подписывались членами тройки спустя два-три дня после заседания, и по меньшей мере трижды из протоколов были удалены фамилии осужденных, хотя на тот момент протоколы уже были подписаны¹⁷⁰.

Также в вину Карамышеву вменялось, с опорой на показания Зельцмана, опытного следователя НКВД, его заявление на оперативном совещании сотрудников, согласно которому чекисты имели право проводить аресты без санкции прокуратуры. Кроме этого, Зельцман упомянул об антисемитских нападениях Карамышева на сотрудника НКВД Бромберга, который выделялся своим «либеральным» отношением к подследственным. Карамышев якобы угрожал «вырвать это бедное еврейское сердце»¹⁷¹.

Что же касается пожара на заводе № 200, то комиссия постепенно установила, что многие компрометирующие данные в отношении мнимых участников саботажнической группы либо полностью, либо частично не согласовывались между собой, а следствие закрывало глаза на эти противоречия. Так, в следственных материалах неоднократно указывалось на то, что инженер А.Е. Гаврилов, бывший заместитель начальника выгоревшего цеха, был в 1937 г. исключен из ВКП(б) за троцкистские взгляды и контакты с троцкистами, но следователи предпочли «забыть» о том, что в том же 1937 г. Гаврилов был восстановлен в партии¹⁷². Арест Гаврилова последовал не в связи с тяжелой ситуацией на заводе, а как наказание за отказ стать негласным осведомителем НКВД. Чтобы сломить сопротивление Гаврилова, целую неделю, вплоть до ареста 27 июля 1938 г., его каждый день вызывали в управление НКВД на допрос, который длился с десяти часов вечера до пяти часов утра, после чего Гаврилов отправлялся на работу¹⁷³. Только после ареста инженера чекисты стали собирать на него компрометирующие материалы, фальсифицировали протоколы допросов и нашли свидетеля, давшего показания о том, как он завербовал Гаврилова в состав троцкистской группы. Как было установлено позднее, «27 июля 1938 года на его арест была составлена сотрудниками УНКВД Федотовым, Гарбузовым и Трушкиным фиктивная справка, в которой было указано, что Гаврилов изобличается в принадлежности к к-р организации показаниями арестованного Стародубцева, однако таких показаний в следственном деле и вообще в делах Николаевского облуправления НКВД – не имеется»¹⁷⁴.

В конце концов сотрудники НКВД С.Г. Танфилов, А.Ю. Федоровский, Воронин, Гарбузов и Трушкин вынудили Гаврилова в ходе длительных допросов (так называемого конвейера) и в результате «применения провокационных и незаконных методов следствия» подписать фальсифицированные протоколы допросов¹⁷⁵. Позднее Гаврилов в свидетельских показаниях от 8 сен-

тября 1939 г. нарисовал образы чекистов, которые чувствовали себя всемогущими. По его словам, однажды во время допроса Гарбузов заявил: «Мы сами суд и сами следствие, на нашей стороне все, – общественность, суд. Вам никто не поверит, что мы захотим, то с вас и сделаем. Помните, вы в ежовых рукавицах, Николай Иванович [Ежов] нам все разрешил. Мы вас порасстреливаем, как бешеных собак, если вы не будете писать того, что мы от вас требуем»¹⁷⁶.

Несмотря на то, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. официально положило конец массовым операциям, сотрудники НКВД продолжали использовать пытки и издевательства, хотя и делали теперь это не так часто и не в таких объемах. Подследственные, если сравнивать с периодом Большого террора, реже давали об этом показания. В новой ситуации чекисты должны были проявить все свое профессиональное мастерство и применить все уловки, чтобы выиграть в беспримерной «войне нервов», а также «дисциплинировать» подследственных, в массовом порядке отказывавшихся от своих показаний. Однако на этот раз на кону стояла уже собственная жизнь сотрудников госбезопасности. Поэтому те показания арестованных, в которых они дистанцировались от сделанных ранее признаний и самооговоров, следователи не фиксировали¹⁷⁷.

Дело бывшего второго секретаря Николаевского горкома КП(б)У Д.Ф. Кобцева было одним из тех, в рамках которых подследственных продолжали избивать и после 17 ноября 1938 г. Однако в данном случае главное место все же занимали так называемые «белые пытки» (меры психического и физического воздействия, не оставлявшие явных следов), призванные заставить Кобцева подтвердить данные им ранее показания. На допросах 2 декабря 1938 г. и 16 февраля 1939 г. сотрудники СПО УНКВД Николаевской области поставили Кобцева на «выстойку», то есть заставили стоять на ногах в течение многих часов, возможно дней, в результате чего ноги у Кобцева опухли настолько, что он не мог носить обувь, а также у него шла носом кровь. «Выстойка» сопровождалась руганью и оскорблениями. Кобцеву было отказано во врачебной помощи, хотя он жаловался на сердечные боли и, очевидно, находился на грани нервного срыва, поскольку рыдался, когда просил вызвать к нему врача, тем более что следователи угрожали ему провести 20 очных ставок с другими свидетелями. И все же Кобцеву предоставили возможность обратиться с письмом на имя прокурора СССР А.Я. Вышинского.

В этом обращении он вновь отказался от своих показаний о принадлежности к троцкистской организации, которые был вынужден подтвердить на двух последних допросах. Кроме этого, Кобцев просил Вышинского защитить его от «зверских избиений» со стороны следователей. Жалоба на имя Вышинского не принесла Кобцеву облегчения, напротив, во время допроса, состоявшегося 18 или 19 февраля 1939 г. в кабинете Воронина, он был жестоко избит Гарбузовым в присутствии хозяина кабинета. Избиение вызвало у Кобцева несколько сердечных приступов¹⁷⁸.

Подследственный М.П. Дудин, бывший начальник производственного цеха судостроительного завода им. Марти, будучи допрошен в Киеве в марте 1939 г., показал, что его также передопрашивали Трушкин и Гарбузов, поскольку он отказался от своих предыдущих показаний. Изготовленный в результате протокол допроса был, согласно правилам, зачитан Дудину, но следователи не дали ему очки, чтобы он мог проверить корректность записи. Вслед за этим в результате очередного допроса, на этот раз проведенного прокуратурой Николаевской области, выяснилось, что следователи не зачитали Дудину имевшие решающее значение места, в которых тот якобы вновь подтверждал свои старые показания¹⁷⁹.

Прямые улики, избличавшие Трушкина в служебных преступлениях, следствие получило в результате обыска, проведенного в квартире чекиста в день его ареста. Сразу же после того, как Трушкин в конце июля – начале августа 1939 г. получил из Киева приказ об увольнении, он брал домой совершенно секретные материалы, чтобы подготовить мотивированные жалобы на имя народного комиссара внутренних дел Украины и его заместителя, а также чтобы во всеоружии лично поехать с жалобами в Киев и Москву. Во время обыска были найдены копии донесений агентов, которые вели слежку за выпущенными на свободу «троцкистами» с завода № 200, материалы, содержавшие статистические данные об арестах, произведенных Трушкиным с момента начала его работы в Николаеве в июне 1938 г., а также сведения об осведомителях и агентах, которые были у Трушкина «на связи» до и после 17 ноября 1938 г., и поступивших от них донесениях. Среди этих документов была обнаружена копия телеграммы М.П. Фриновского от 17 июня 1938 г. с требованием провести аресты на промышленных предприятиях, в том числе и на судостроительном заводе № 200. Также были найдены статистические данные, призванные доказать, что только после назначения

Трушкина в июне 1938 г. сотрудники 4-го отдела УНКВД стали работать с полной отдачей, в результате чего резко выросло число законченных ими дел. Внимание следствия также привлекли две справки: первая была написана самим Трушкиным, но отправлена за подписью Юрченко в начале июня 1939 г. Кобулову, Берии и в ЦК КП(б)У. Речь в ней шла о донесениях агентов, «освещавших» деятельность освобожденных из-под стражи «поджигателей». Во второй содержалась информация об акции по прослушке, организованной в июле 1939 г. в квартире агента «Герда»¹⁸⁰.

Главный козырь, оказавшийся в руках сотрудников следственного отдела НКВД УССР, расследовавших преступления николаевских чекистов, также относился ко времени после завершения Большого террора. Речь идет о показаниях все того же агента «Герда», избличавших Трушкина и его подчиненных – Воронина и Гарбузова¹⁸¹. Будучи заместителем директора Николаевского педагогического института¹⁸², «Герд» в качестве агента вел профильное наблюдение за педагогами. Однако, как выяснилось в октябре 1939 г. в ходе следствия, сотрудники 2-го отдела (СПО) УНКВД стали «активно» использовать этого агента главным образом для разработки выпущенных на свободу инженеров завода № 200¹⁸³. По словам «Герда», Трушкин в первую очередь «настойчиво предлагал мне активно освещать Чулкова, Гаврилова, Кобцева и других». В частности, Трушкин заявлял: «Эта группа врагов, и их нужно глубоко разработать»¹⁸⁴. Теперь же «Герд» открыто признался в том, что не располагал конкретными фактами, его информация была случайного происхождения, собрана им из третьих рук, поскольку группа, которую ему поручили «разрабатывать», знала, что в случае с «Гердом» речь идет о тайном информаторе НКВД. Заявление, которое агент сделал в ходе своего допроса 25 октября 1939 г., было для чекистов убийственным: «[...] я признаю, что сведения [...] сильно преувеличены, обобщены [...]. Эти данные я под нажимом Трушкина и Гарбузова [...] натягивал, вносил в сводки свои предположения и в результате создавалось впечатление, что эта группа лиц связана общностью антисоветских взглядов. [...] Материалы [...] неправдоподобны. Единственное, что соответствует действительности [...] это их некоторая озлобленность против тех работников НКВД, которые вели следствие по их делу, и излишняя болтливость о методах допроса и т. п. Гаврилов, Чулков и другие особенно ругали работников НКВД Трушкина, Гарбузова, Воронина за те методы, которые они применяли к ним при допросах»¹⁸⁵.

На вопрос следователя Н.А. Казина, заместителя начальника 2-го отдела УГБ НКВД УССР¹⁸⁶, что же подвигло «Герда» к «извращению» фактов, агент сообщил о давлении, оказанном на него в июне 1939 г. со стороны Трушкина и заместителя начальника УНКВД Николаевской области А.Ф. Поясова¹⁸⁷. Они не только остро критиковали «Герда» за его донесения, которые не содержали конкретных данных об антисоветских настроениях и подрывной деятельности членов троцкистской группы, но и шантажировали агента: «Трушкин мне заявил, что я капитулянт, что я не желаю продолжать активную разработку группы врагов. [...] Отсутствие конкретных материалов [...] он будет расценивать как нежелание с моей стороны бороться с врагами, и сообщил мне о наличии на меня компрометирующих материалов в НКВД. Эти материалы [...] будут использованы для расправы со мной, в том случае, если я не продолжу и не вскрою антисоветскую деятельность этой группы лиц. Трушкин мне прямо заявил, дословно, следующее: “Учтите это, а то мы с вами крепко посчитаемся”»¹⁸⁸.

Тот факт, что на «Герда» оказывало давление все руководство Николаевского УНКВД, подтвердился в ходе дальнейших допросов Трушкина. Так, выяснилось, что Юрченко в июне 1939 г. дал указание подкрепить опросами на местах сведения, содержащиеся в личном деле агента, согласно которым «Герд» во время гражданской войны, будучи председателем сельского совета, издевался над крестьянами, занимался самосудами и поддерживал связь с белогвардейцами. Однако опросы, проведенные чекистами, не дали нужного результата¹⁸⁹. Кроме того, Юрченко приглашал к себе «Герда» на беседу, посвященную данному эпизоду в биографии агента. Беседа проходила в присутствии Трушкина и Федоровского. «Герд», в свою очередь, попытался выбраться из расставленной ловушки, заявив, что источником компрометирующей информации служат кулаки, с которыми он боролся в годы гражданской войны¹⁹⁰.

Высокопоставленный следователь УГБ НКВД УССР Н.А. Казин, чьи полномочия подтверждались документом за подписью заместителя народного комиссара внутренних дел Украинской ССР Н.Д. Горлинского, на основании этих показаний агента «Герда», в своем заключении по агентурному делу «Ретивые» от 5 декабря 1939 г. пришел к выводу, что Трушкин, Гарбузов и Воронин намеренно использовали четырех агентов для разработки мнимой троцкистской группы, чтобы «во что бы то ни стало [до-

казать наличие] вражеской деятельности» в «целях прикрытия своей преступной деятельности в органах НКВД». Что же касается агента «Герда», то Казин предлагал арестовать его и провести «самое тщательное расследование» в отношении имевшихся на агента компрометирующих материалов, что и было сделано¹⁹¹.

Однако Гарбузов и Воронин, которые на тот момент все еще оставались на свободе, не собирались сдаваться, действуя целиком и полностью в духе Трушкина. Спустя два дня после того, как Казин подписал свое разгромное заключение по делу «Ретивые», Гарбузов написал рапорт на имя Берии и заместителя наркома внутренних дел УССР Н.Д. Горлинского, в котором полностью обелял свои действия. В свою очередь, Юрченко отдал распоряжение о повторном допросе «Герда», в котором приняли участие заместитель Юрченко Л.Т. Готовцев и оперуполномоченный В.Н. Никитин. Проведенный допрос принес сенсационный результат: «Герд» отказался от своих показаний от 25 октября 1939 г., на которых главным образом основывался Казин, составляя документ, компрометировавший николаевских чекистов. При этом «Герд», как позднее подчеркивал Гарбузов, «категорически» отрицал, что на него оказывалось давление посредством «провокационных и преступных методов»¹⁹².

«Герд» повторил эти показания в ходе очередного допроса в марте 1940 г., который на этот раз провел помощник начальника следственного отдела УГБ НКВД УССР М.Л. Хайтин. Показательно, что именно Хайтин во время допроса фактически помог «Герду» выбрать правильную стратегию, благодаря которой тот смог представить метаморфозы своих показаний в выгодном свете. Теперь «Герд» заявил Хайтину, что все собранные им сведения в отношении троцкистской группы соответствовали действительности, он лишь немного «сгущал краски», учитывая то особое внимание, которое сотрудники УНКВД Трушкин, Гарбузов и Воронин уделяли этому делу. В результате преувеличение фактов трансформировалось в «некоторую предвзятость» в отношении «троцкистов», которую «Герд» якобы испытывал из-за их нелюбимых высказываний в адрес сотрудников НКВД Трушкина, Гарбузова и Воронина. Даже «раскопки» в прошлом «Герда», в его бытность председателем сельского совета в годы Гражданской войны, которые агент в ходе допроса в октябре 1939 г. характеризовал как попытку оказания на него серьезного давления со стороны сотрудников НКВД, теперь были сведены к банальной перепроверке, после чего следователь и допрашиваемый

быстро перешли к главной теме – слежке за освобожденными «саботажниками». На вопрос, почему на допросе в октябре 1939 г. он прибег к таким преувеличениям, «Герд» заявил, что его фактически заставил это сделать следователь Казин, который утверждал, «что мне должно быть известно, что враги, пробравшиеся в органы НКВД, пытались избить честных людей». Кроме этого, свою роль якобы сыграли ходившие по Николаеву слухи о том, что Трушкин, Карамышев и другие сотрудники НКВД оказались врагами народа¹⁹³.

То, что эта версия показаний «Герда» на самом деле гораздо больше соответствовала правде, чем его первые показания, следует из заявлений агента в марте 1941 г., на втором судебном процессе над Карамышевым, Трушкиным, Гарбузовым и Ворониным. Здесь давление со стороны Юрченко и Трушкина уже не выглядит таким безобидным – «Герд» рассказал, что он прождал своего допроса до глубокой ночи в коридоре и думал о том, что будет неминуемо арестован. Однако агент тем не менее не согласился с тем, что слова Юрченко («Мы с Вами крепко рассчитаемся, если материалы о Вас подтвердятся») были «запугиванием», а также отрицал, что свои донесения он писал под давлением со стороны сотрудников НКВД. Напротив, «Герд» вновь подчеркнул, что для него выражение недовольства в адрес беспорочных чекистов со стороны бывших арестованных было ничем иным, как «антисоветскими разговорами», после чего извиняющимся тоном добавил: «Ибо так меня воспитывали 20 лет»¹⁹⁴.

Таким образом, арест сотрудников НКВД проводился преимущественно на основании свидетельских показаний как их коллег-чекистов, так и освобожденных подследственных. Документальные доказательства вины чекистов были редкими и затрагивали главным образом нарушение приказов и не всегда корректное – с процедурной точки зрения – осуждение репрессированных тройкой. И все же секретные материалы, найденные во время обыска квартиры Трушкина, были серьезной уликой, изобличавшей чекиста в грубом нарушении служебных обязанностей.

Серьезную роль в изобличении Трушкина, Гарбузова и Воронина также сыграл агент «Герд». Однако проблема здесь заключалась в том, что «Герд» впадал из крайности в крайность. Сначала он выступал в качестве главного свидетеля обвинения, потом неожиданно вновь солидаризовался с курировавшими его чекистами, заявляя, что он так же, как и они, перестал понимать, почему поведение лиц, за которыми он вел наблюдение, больше

не рассматривается как «троцкистское» и «враждебное». В конечном итоге возникает впечатление, что в общем и целом «Герд» все время, за исключением небольшого перерыва, придерживался той же линии, что и Трушкин, Гарбузов и Воронин, и пытался, наряду с руководством УНКВД Николаевской области, оказать им поддержку. То, что эта поддержка не всегда отвечала ожиданиям арестованных чекистов, было уже другим делом.

8. Первый процесс: освобождение

Стоит отметить, что показания агента «Герда», которые он дал в середине марта 1940 г., не нашли своего отражения в обвинительном заключении в отношении Карамышева, Трушкина, Гарбузова и Воронина, датированном 11 мая 1940 г. Напротив, авторы обвинительного заключения предпочли использовать «старые» показания «Герда», данные им в октябре 1939 г., которые содержали гораздо больше компрометирующих сведений о чекистах. Также и все другие пункты обвинения, упоминавшиеся в постановлении об аресте, подкреплялись теперь, как казалось, в достаточной мере массой свидетельских показаний коллег арестованных из числа сотрудников НКВД, их жертв, а также материалами многочисленных очных ставок и некоторыми другими обличительными материалами¹⁹⁵.

Месяц спустя Военная коллегия Верховного Суда СССР в Москве санкционировала предъявление обвинения и поручила организацию и проведение судебного процесса Военному Трибуналу войск НКВД Киевского Особого военного округа¹⁹⁶.

Однако непосредственно судебный процесс состоялся только спустя полгода и продлился целую неделю, с 27 декабря 1940 г. по 4 января 1941 г. Местом проведения суда стало здание областного управления НКВД в Николаеве. Процесс проходил при закрытых дверях, под председательством военюриста 1-го ранга Гурьева. Членами суда были народные заседатели Чепикова и Лыскова, секретарем – техник-интендант 1-го ранга Миляков. Прокурор и защита к процессу допущены не были. Обвинение гласило – должностные преступления, статья 206, пункт 17 «б» УК УССР, то есть тяжелые проступки, за которые предусматривалась смертная казнь.

Трибунал пригласил 44 свидетеля, из них шестеро не смогли явиться на суд. В случае со свидетелями речь шла исключительно о (бывших) сотрудниках УНКВД Николаевской области, а также об освобожденных арестованных, ставших жертвами методов работы НКВД. Однако среди последних был проведен предварительный тщательный отбор – в качестве свидетелей были приглашены только те, кто работал на предприятиях и судостроительных заводах Николаева как до своего ареста, так и, большей частью, после освобождения. Что же касается свидетелей из числа колхозников, дела которых также являлись темой как следствия, так и судебного разбирательства, то их не пригласили. В ответ на ходатайство Карамышева суд также вызвал для дачи показаний еще пятерых свидетелей, которые все без исключения были сотрудниками НКВД¹⁹⁷. Отсутствие защитников обернулось во вред обвиняемым чекистам. Они должны были защищать себя сами, но их ознакомили, хотя и достаточно поздно, со всеми собранными против них материалами. Отказ в допуске защитников обосновывался наличием в деле данных, «не подлежащих оглашению»¹⁹⁸.

В случае с обвиняемыми речь шла о молодых людях, которые, за исключением Трушкина, лишь относительно недавно стали сотрудниками НКВД и вступили в партию. Несмотря на это, все они быстро добились карьерных успехов. Так, к началу судебного процесса Петру Васильевичу Карамышеву было 35 лет. Он родился в 1905 г., был уроженцем г. Сердобска Пензенской губернии, русским, имел незаконченное среднее образование. В 33 года Карамышев стал капитаном госбезопасности и начальником УНКВД Николаевской области (фактически с апреля 1938 г. по декабрь 1938 г.), хотя на тот момент он отработал в органах только десять лет начиная с 1928 г. В 1928 г. он также вступил в ВКП(б), членству в партии предшествовали шесть лет пребывания в комсомоле¹⁹⁹. В РККА Карамышев не служил. Имел на иждивении дочь.

Яков Лукьянович Трушкин родился в 1904 г. в Крыму, в городе Керчь, в русской семье и был только на год старше Карамышева. Уже в 15 лет он стал членом РКП(б), а с 17 лет, т. е. с 1921 г., работал на разных должностях в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД. Однако его карьерный взлет начался только в годы Большого террора. С 1 июня 1938 г. по 30 июля 1939 г. Трушкин временно исполнял должность начальника 4-го (потом 2-го) отдела УНКВД Николаевской области, ему было присвоено специальное звание «стар-

ший лейтенант госбезопасности». Трушкин ранее не был судим и дисциплинарных взысканий не имел, был женат, имел на иждивении жену и двух детей.

Михаил Васильевич Гарбузов, уроженец станции Дерюгино Курской губернии, русский, родился в 1909 г. На момент суда ему исполнился 31 год, он был самым молодым из обвиняемых. До службы в органах госбезопасности Гарбузов три с половиной года проработал на производстве, в РККА не служил. Членом ВКП(б) он стал в 1931 г., с 1932 г. по 1940 г. работал в органах ОГПУ–НКВД. Уже в возрасте 29 лет, с 15 августа 1938 г. по 10 марта 1940 г., он занимал пост заместителя начальника СПО УНКВД Николаевской области, ему было присвоено специальное звание «сержант госбезопасности». За время работы в органах имел одно дисциплинарное взыскание – 10 суток ареста, но даже его не отбывал, впоследствии это взыскание с него сняли. Был женат, имел на иждивении ребенка.

Константину Афанасьевичу Воронину на момент суда исполнилось 34 года. Он родился в 1906 г. в г. Одессе, по национальности – украинец. До поступления в органы госбезопасности на протяжении шести лет работал на производстве мотористом. С 1928 г. по апрель 1929 г. служил в войсках ОГПУ, откуда был переведен в органы ОГПУ–НКВД, в которых служил до 1 марта 1940 г. С октября 1937 г. по 15 августа 1938 г. Воронин занимал должность начальника одного из отделений СПО УНКВД Николаевской области. Имел звание сержанта госбезопасности. Ранее судим не был.

Таким образом, кроме Карамышева, выросшего в крестьянской семье, остальные подсудимые были пролетарского происхождения и имели низшее образование. Никто из них не был ранее судим, напротив, они неоднократно поощрялись за свою работу. Так, Трушкин имел несколько поощрений и благодарностей, Гарбузов был награжден в 1938 г. знаком «Почетного работника ВЧК–ГПУ», Воронина «несколько раз премировали за хорошую работу в органах НКВД», а Карамышев даже был в 1937 г. награжден орденом Ленина²⁰⁰.

Обвиняемые применяли стратегию защиты, которая имела несколько аспектов. Прежде всего, Карамышев ни на секунду не допускал сомнений в необходимости и правильности той деятельности, которую под его руководством осуществляло областное управление НКВД. Он неустанно подчеркивал большие достижения управления, а также трудности, которые чекисты преодолели,

устраняя огромные экономические и организационные проблемы, особенно на судостроительных заводах. При этом они действовали в обстановке постоянной внутренней и внешней угрозы. «Здесь активно работала английская, немецкая, японская и польская разведка, особенно польская. [...] Было очень трудно ориентироваться. В 1938 г. [...] здесь же крупные заводы, особенно кораблестроения, были засорены классово-чуждым элементом. Здесь же была родина Троцкого. [...] Мы имели большой размах по уничтожению врагов, но все равно их разведка так работала, что не успели еще поставить на з[аво]де “Марти” агрегат, как уже стало об этом известно в иностранной прессе», – заявлял суду Карамышев²⁰¹.

Все обвиняемые подчеркивали, что в отношении тех лиц, которых они арестовывали и допрашивали, у них имелось достаточное количество как изобличающих агентурных материалов, так и показаний свидетелей, которые они расценивали как равноценные вещественным доказательствам²⁰². Кроме того, бывшие чекисты снова и снова приводили примеры того, что их действия осуществлялись в непосредственном контакте и даже при активном участии партийных органов и прокуратуры, особенно в тех случаях, когда речь шла об арестах лиц с высоким политическим и служебным статусом²⁰³.

В качестве неопровержимого доказательства фактического участия бывших подследственных в антисоветской контрреволюционной троцкистской группе, что, в свою очередь, задним числом полностью оправдывало их арест летом 1938 г., все четверо чекистов называли материалы агентурного дела «Ретивые», заведенного в августе 1939 г. Неоднократно они подчеркивали, что это агентурное дело было заведено и разрабатывалось при активной поддержке действующего начальника УНКВД Николаевской области Юрченко.

Что же касается свидетелей обвинения из числа работников судостроительных заводов, в первую очередь тех, которые были арестованы по делу о пожаре, то подсудимые чекисты характеризовали их как сомнительных свидетелей, в особенности потому, что те имели подозрительное прошлое, часть из них была исключена в свое время из партии, и теперь они были озлоблены своим арестом и заключением под стражу. Для Карамышева освобожденные не были настоящими коммунистами, поскольку они слишком быстро дали признательные показания, да еще и неопытному следователю: «Но ведь мы дело имели с коммунистами

в большинстве, и я все же удивлен, почему они с первых дней некоторые давали показание о признании еще такому следователю, как Федотову, молодому, неопытному работнику. Я все же хочу отметить, что ряд лиц по освобождению все же не были восстановлены в партии, и это вполне правильно»²⁰⁴.

Компрометирующие показания большинства своих бывших коллег обвиняемые сотрудники НКВД расценивали как желание свести с ними «личные счеты», поскольку как Карамышев, так и Трушкин якобы неоднократно наказывали этих сотрудников за то, что они своими противоправными действиями нарушали закон. Согласно Карамышеву, эти свидетели не заслуживали доверия и действовали исключительно «в интересах карьеры и личной выгоды»²⁰⁵.

Из всех подсудимых чекистов именно Карамышев отличался умением продемонстрировать – как в ходе предварительного следствия, так и на суде – свою безупречную преданность партии и государству. Он последовательно оспаривал все обвинения, выдвинутые в его адрес, и подчеркивал, что в прошлом и настоящем он делал все, чтобы воспрепятствовать нарушениям социалистической законности. Так, его первым действием на посту начальника УНКВД Николаевской области стала ликвидация в апреле 1938 г. «специальной комнаты для избияния арестованных», которую завел его предшественник на посту начальника управления И.Б. Фишер²⁰⁶. Сам Фишер в июне 1938 г. был переведен на должность начальника лагеря, а его увольнение из НКВД последовало только в сентябре 1939 г. В период Второй мировой войны он уже в 1941 г. был вновь мобилизован в органы госбезопасности и занимал руководящие посты в системе армейских особых отделов.

Непосредственно на процессе Карамышев попытался использовать в своих интересах выводы двух комиссий, которые по заданию НКВД Украинской ССР в конце сентября 1938 г. и в январе 1939 г. под руководством Н.Д. Горлинского проверяли УНКВД Николаевской области, в том числе – деятельность областной тройки при УНКВД. При этом в январе 1939 г. Горлинский действовал уже в ранге заместителя народного комиссара внутренних дел УССР. Согласно заявлению Карамышева, комиссия Горлинского охарактеризовала его как начальника управления НКВД «одного из лучших областных городов Украины» и не имела к нему «никаких претензий»²⁰⁷. СПО под руководством Трушкина также получил исключительно хорошие оценки²⁰⁸. Все ошибки в работе управления, отмеченные комиссиями – и в этом Карамы-

шева поддержал также Трушкин, – были чекистами учтены и устранены. В первую очередь речь шла, согласно Трушкину, об улучшении агентурной работы, как того требовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.²⁰⁹

По собственным показаниям Карамышева, после инспекции в сентябре 1938 г. и потом, после 17 ноября 1938 г., он работал не покладая рук, проведя целый ряд дисциплинарных расследований в отношении сотрудников управления, выделявшихся «ненормальностями» в работе или склонными к нарушению социалистической законности.

«Если имели отдельные случаи со стороны сотрудников, незаконные методы следствия, то я на таких сотрудников налагал дисциплинарные взыскания, поручал коменданту обходить комнаты и обязал вести наблюдение Г.Л. Гончарова – пом[ощника] нач[альника] Управления», – заявлял на суде Карамышев²¹⁰.

Эта аргументация Карамышева основывалась на стратегии, выработанной им еще во время следствия. Она сводилась к тому, чтобы представить расследование в его отношении и отношении его сотрудников тенденциозным, в то же время выставив чекистов в лучшем свете. Карамышев неоднократно заявлял о деяческом, «беспринципном и провокационном подходе к делу» и к подбору свидетелей. Вот несколько образчиков критических заявлений Карамышева: «[...] данные о работе судебной тройки, изложенные в акте комиссии, который составлялся следователем Н.А. Бурданом, скрывают сущность дела и фальсифицируют положение вещей»²¹¹, или «Директива НКВД СССР № 00606 комментируется следствием произвольно и на основании тенденциозно подобранных данных»²¹².

В этом Карамышева активно поддерживал Трушкин, который неоднократно жаловался в ходе предварительного следствия и на суде на оказываемое на него давление, фальсификацию показаний свидетелей и даже на избияния²¹³. Трушкин не воспринимал большое число освобождений бывших арестованных как знак того, что сотрудники его отдела ошибались, для него волна освобождений была лишь признаком того, что власть бросилась из одной крайности в другую. Карамышев в свою очередь высказывал недовольство по поводу того, что следствие и суд не упоминали его высокие политические должности и награды, а также замалчивали «самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий». Все это было, считал Карамышев, чем угодно, «но только не партийно-объективным подходом»²¹⁴.

Полностью в духе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. Карамышев объяснял самому себе и трибуналу предвзятое ведение предварительного следствия и преувеличенные обвинения проникновением в органы НКВД «врагов народа», которые все еще занимаются своим черным делом. На Украине такими «врагами народа» были протеже Успенского, в том числе и следователи, которые вели предварительное следствие по его делу. Указание на связь с бывшим наркомом внутренних дел УССР Успенским было тяжелым обвинением, поскольку «враг народа Успенский», чтобы избежать грозившего ему ареста, фальсифицировал самоубийство («Труп мой [...] ищите в Днепре») и перешел на нелегальное положение. Бывший нарком был пойман с большим трудом, осужден и расстрелян²¹⁵. Карамышев, в частности, заявлял: «Все эти Твердохлебовы, Калужские – это ставленники Успенского, которые перебили добрую половину чекистских кадров, то же они сделали и со мной, неправильно информируя руководство»²¹⁶.

Проводя разделение на добрых и злых чекистов, Карамышев открыл для себя и для других обвиняемых возможность, во-первых, отнести себя к «светлой» стороне, во-вторых, объяснить таким образом все ошибки и эксцессы в деятельности органов госбезопасности. Так, в отношении себя лично Карамышев, Трушкин, Гарбузов и Воронин признавали только наличие в работе «отдельных недостатков», но ни в коем случае не совершение преступлений²¹⁷. Если же ошибки и эксцессы все же имели у них место, то в этом, согласно Карамышеву, были опять-таки виноваты «враги», пробравшиеся в органы, деятельность которых сделала эти ошибки неизбежными: «[...] нужно учесть тот период времени – в органах НКВД оказалось большое количество врагов, которые вместо правильного руководства пошли по вражеской линии, и как результат этого имелось много ошибок не только у нас, но и в других местах»²¹⁸. Далее он риторически вопрошал: «Что я мог сделать в этих реальных условиях? Известно, что субъективная воля отдельных работников здесь оказывалась бессильной. И тем не менее я делал все для того, чтобы исключить возможность этих ошибок, а допущенные ошибки – исправить»²¹⁹.

На этом основании Карамышев, чтобы реабилитировать себя как можно больше, оспаривал каждый пункт со стороны обвинения. В ответ на обвинение в том, что им был создан в управлении общий климат, способствовавший применению физического воздействия, то есть пыток, он сначала ссылался на разрешение со

стороны московского руководства применять меры физического воздействия в отношении отдельных «враждебных элементов»²²⁰. Кроме этого, он утверждал, что лишь пять раз давал своим подчиненным санкцию на применение этих мер, и каждый раз у него были для этого весомые основания, например, когда Деревянченко набросился на следователя²²¹. Что же касается тех случаев применения «незаконных методов следствия», когда его санкция отсутствовала, то Карамышев объяснял этот недосмотр своей перегруженностью в работе, а также тем, что ему не сообщали об избиениях ни его заместитель, ни другие подчиненные. Дословно Карамышев показал следующее: «[...] мои частые отсутствия были использованы в отделах, а возможно, Поясов больше знал о незаконных методах следствия, но он мне не говорил. Если еще присовокупить мои депутатские обязанности и обязанности как члена обкома, то я часто отсутствовал»²²². Обвинение в неправомерных арестах бывший начальник УНКВД также отклонял, ссылаясь в наиболее важных случаях на прямые приказы Москвы или Киева²²³.

Карамышев также напрочь отрицал нарушение предписаний директивы № 00606 «Об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и других» за подписью Н.И. Ежова от 17 сентября 1938 г., согласно которой были учреждены так называемые национальные тройки (в источниках также часто именуются судебными тройками)²²⁴. Но у следствия имелись документальные подтверждения того, что Карамышев действовал вопреки предписаниям директивы № 00606 и дополнявшего ее циркуляра № 189, согласно которым осуждению «национальными» тройками подлежали только лица, арестованные до 1 августа 1938 г. Кроме того, «национальная» тройка была карательной инстанцией, предусмотренной исключительно для внесудебного осуждения представителей национальных диаспор «враждебных государств», однако в Николаевской области ее использовали также для осуждения значительного числа русских, украинцев, евреев и лиц других национальностей. Не соблюдалось также ограничение, в соответствии с которым этим тройкам запрещалось осуждать специалистов высокой квалификации.

Карамышев утверждал в свою защиту, что все эти нарушения имели место в исключительных случаях, причем зачастую с санкции Киева или Москвы. Так, по его словам, Успенский дал разрешение на то, чтобы контингент жертв тройки мог до 30 %

состоять из представителей «непрофильных» национальностей²²⁵. Когда в таких случаях тройкой осуждались русские, украинцы и евреи, то речь шла о нарушителях границы и /или о лицах, проходивших по групповым делам. Эти группы якобы ни в коем случае нельзя было разделять, «исходя из госуд[арственных] интересов»²²⁶. В итоге Карамышев подчеркивал: «Я считал и считаю, что судебная тройка действовала вполне правильно и в интересах государственной безопасности»²²⁷.

И для Карамышева, и для Трушкина было очень важно дистанцироваться от «врага народа» Успенского. В их показаниях бывший нарком фигурировал исключительно как сторонник крутых мер, в то время как сами эти чекисты пытались «выхолостить» его приказы, и поэтому все время чувствовали себя под дамокловым мечом. При этом Карамышев не упускал возможности выставить своего бывшего заместителя А.Ф. Поясова как доверенного человека Успенского: «От Успенского же была установка на арест 1000 человек, которую я не выполнил. Он меня ненавидел и на совещания вызывал Поясова, а не меня. [...] Вопрос о наказании по тройке перед нами был поставлен крепко, т. к. там, в директиве, указывалось, что тройка может выносить решение только ВМН или 10 лет л[ишения]/свободы и лишь в некоторых случаях – 8 лет л[ишения]/свободы, но мы кое в чем брали на себя ответственность. За это мне Успенский звонил и по телефону сказал: “Вы бросьте либеральничать, готовьте сухари к посадке”»²²⁸.

В целом, по заявлению Карамышева, УНКВД Николаевской области «обработало» под его руководством в 5–6 раз меньше дел, чем в других областях Украины, что свидетельствовало о том, что «мы подходили более осторожно к арестам и только по имеющимся материалам»²²⁹.

Еще один пункт обвинения гласил, что Карамышев плохо обращался с подчиненными, а также забросил партийную работу. В ответ на это он приводил следующий аргумент: «[...] Несмотря на то, что у меня был фонд наградных 12000 рубл., я расходовал в месяц 18000 рубл. Это говорит за то, что я чутко прислушивался к нуждам сотрудников и никогда не слышал упрека сотрудников»²³⁰. Со стороны партийных организаций к нему также никогда не было претензий, поскольку даже «в самый разгар операции я предложил выделить специальный день для политзанятий»²³¹.

Основная мысль, которую Карамышев неоднократно высказывал в свою защиту в разных вариациях и в разных обстоятельствах, сводилась к следующему: «В течение десяти лет я работал

по существу на низовой оперативной работе, работал изо дня в день, [из] ночи в ночь, не пользуясь годами отпуском в натуре [...] и никогда не терял революционные перспективы. [...] ибо я всегда исходил из чистых побуждений – партийных и государственных интересов. Личных интересов у меня не было, нет и не может быть!»²³²; «Я не преступник и преступной деятельностью не занимался; наоборот, я всю свою сознательную жизнь боролся с преступниками и врагами, отстаивая позиции партии и соввласти [...]»²³³; «[...] за что меня избрали депутатом Верховного Совета и наградили высшей наградой – орденом Ленина [...]»²³⁴; «за самоотверженное выполнение правительственных заданий»²³⁵; «Я – жертва, и партия не нуждается в такой жертве, а поэтому и я прошу меня оправдать»²³⁶.

Остальные обвиняемые, выстраивая линию своей защиты, могли отчасти расставлять другие акценты. Это зависело в первую очередь от специфики тех задач, которые они решали в свое время в качестве следователей. Как правило, по роду своих занятий они были гораздо ближе, чем Карамышев, к следственным делам и подследственным. Поэтому наряду с главным обвинением в применении «мер физического воздействия» им также вменялась в вину фальсификация следственных дел. Речь шла о датировке документов задним числом, внесении изменений и дополнений в протоколы допросов в отсутствие подследственного, о преувеличениях, уничтожении улик и других формальных нарушениях. В качестве главных объяснений «отдельных» ошибок, которые они признавали, чекисты называли давление Киева и Москвы, «занятость» по партийной линии, свою загруженность работой²³⁷.

Кроме этого, они пытались преуменьшить тяжесть совершенных ими «ошибок». Так, Воронин, единственный из обвиняемых, кто не столь последовательно отрицал все предъявленные ему обвинения, признавал, что «мы» в отдельных случаях, особенно когда загорелся судостроительный завод, действительно применяли «выстойки», но обвиняемых ни в коем случае не заставляли стоять на ногах пять суток подряд, речь шла «всего лишь» о двух-трех днях. При этом к «выстойке» чекисты прибегали лишь потому, что Николаевский обком КП(б)У и ЦК КП(б)У требовали от них быстрых результатов следствия²³⁸. То, что в результате «выстойки» у подследственных чудовищно опухали ноги, Воронин якобы не замечал. Гарбузов в свою очередь также утверждал, что длительные «выстойки» подследственных были узаконены

«с приездом в командировку в Николаев работников НКВД УССР» и после этого применялись повсеместно. Заключительная часть этого вынужденного признания тем не менее свидетельствует, что сам Гарбузов прибегал к «выстойкам» не только под давлением сверху: «[...] я считал тогда, что это мероприятие вполне законно»²³⁹. Трушкина, Гарбузова и Воронина с Карамышевым объединяло также то, что они ни в коем случае не соглашались с интерпретацией своих ошибок как «нарушений социалистической законности», категорически отрицая, что их действия заслуживают наказания. Воронин показал: «Рукоприкладством к арестованным я не занимался, и нюхать палку я никому из арестованных не давал»²⁴⁰. В своем последнем слове на суде Воронин заявил: «Я хочу сказать чистосердечно, что никогда ни одного [арестованного] не ударил. Я работал честно, добросовестно и то, что мне партия доверяла [...] все выполнял [...] был честным большевиком [...] прошу суд дать мне возможность быть полезным для нашего общества»²⁴¹.

Трушкин также настаивал на том, чтобы его считали настоящим советским человеком, который «честно и преданно» выполнял возложенные на него обязанности. Когда же он узнал о применении незаконных методов следствия, то принял самые «решительные меры к устранению таких безобразий» и потребовал на оперативном совещании, чтобы следователи «ни в коем случае к арестованным не применяли физические меры воздействия». В заключение он, как и Карамышев, объявил себя жертвой, которую суд безусловно должен освободить²⁴².

В своем последнем слове Гарбузов упирал на следующее: «Дни и ночи сидел, допрашивая арестованных, каждый факт анализировал, и благодаря моей упорной работе, я добился хороших результатов. [...] Незаконных арестов с моей стороны не было. Фальсификацией следственных дел я не занимался»²⁴³.

Подсудимые чекисты с успехом сыграли навязанную им роль собственных адвокатов. Как и профессиональные защитники, они разбирались в судебном процессе вплоть до мельчайших деталей и требовали, чтобы обвинение основывалось на неопровержимых уликах и непротиворечивых показаниях свидетелей. Что же касается выдвинутых обвинений в политической неблагонадежности, то они их отметили, заявляя о своих высоких моральных качествах и успехах, которых добились на чекистском поприще.

Предварительное следствие и суд над чекистами оставляют в целом впечатление корректного формально-юридического дейст-

вия. Время содержания подследственных под стражей было соблюдено, пытки не применялись, и только в редких случаях речь шла о психологическом давлении. Подсудимые получили в свое распоряжение все необходимые документы, и за небольшим исключением суд удовлетворил все их просьбы о вызове свидетелей и предоставлении дополнительных материалов.

Стратегия Карамышева оказалась успешной. Военный трибунал войск НКВД оправдал его 4 января 1941 г. Кроме того, освобожден был также Гарбузов. Двухлетний срок лагерного заключения был заменен ему на трехлетний условный срок, при этом суд отметил, что Гарбузов не представляет опасности для общества. Его «подельник» Воронин был приговорен к трем годам лишения свободы. Гарбузов и Воронин были осуждены согласно статье 206-17 УК УССР (должностные преступления), пункт «а», хотя изначально им вменялись преступления, которые наказывались согласно пункту «б» этой же статьи. Тяжелее всех был наказан Трушкин, но и он смог отделаться сравнительно легко. Согласно пункту «б» статьи 206-17 он был приговорен к ВМН – расстрелу, но, учитывая его непрерывную, начиная с 19 лет, службу в органах государственной безопасности и Красной Армии, а также то, что преступления были совершены им не из корыстных интересов, трибунал помиловал Трушкина и заменил ему смертный приговор на восемь лет лишения свободы²⁴⁴.

Трибунал считал доказанным, что Трушкин проводил аресты рабочих и служащих, не имея достаточных на то оснований, а также искусственно создал на судостроительном заводе № 200 «троцкистскую группу» путем грубого нарушения порядка судопроизводства и конституционных прав подследственных, то есть посредством грубости, оскорблений, «выстоек», угроз и непрерывных допросов. Далее в приговоре указывалось, что подчиненные Трушкина в его присутствии избивали арестованных, и в одном из случаев он лично приложил руку к избиениям. Важное место в приговоре занимали обвинения в самовольном исправлении протоколов допросов, давлении на заключенных с целью получения требуемых показаний, в поощрении заведомой клеветы со стороны свидетелей, превышении сроков содержания подследственных под стражей, в неправомерном освобождении обвиняемых. Суд смог документально доказать в отношении Трушкина фальсификацию дат арестов, а также хранение на квартире совершенно секретных документов.

Такие же преступления вменялись Воронину и Гарбузову, однако признавалась меньшая степень их виновности. Кроме того, многие из обвинений в отношении Гарбузова трибунал не смог подкрепить документальными доказательствами. Свою положительную роль сыграло и то, что Гарбузов в свое время выступил с инициативой освобождения арестованных, о чем он неоднократно заявлял в ходе следствия. История с агентурным делом «Ретивые» не повлияла на вынесенный приговор, поскольку агент «Герд» отказался от своих показаний.

Освобождение Карамышева было обусловлено тем, что трибунал фактически согласился с его защитой по каждому пункту. Дисциплинарные взыскания, наложенные Карамышевым на ряд сотрудников, расценивались в обосновании приговора как решающий вклад в дело сохранения социалистической законности. Неправомочные аресты были отнесены на счет Успенского, а не Карамышева. Трибунал также продемонстрировал большое понимание ситуации в случае с неправомерным использованием «национальной» тройки как карательной инстанции для осуждения украинцев, русских и евреев. Судьи заимствовали один к одному аргументацию Карамышева, согласно которой тот имел на это полное право, поскольку эти люди были якобы избалованы в шпионаже, саботаже и терроре, то есть в преступлениях, тесно связанных с заграницей. Трибунал в своей солидарности с подсудимыми пошел еще на шаг дальше, позволив себе критику директивы № 00606 и дополнительного циркуляра № 189. В частности, в приговоре трибунала говорилось: «Утверждение акта, запрещающее рассматривать дела лиц этих национальностей, упуская из виду контрреволюционную деятельность этих лиц, ослабляет борьбу органов с к-р элементами»²⁴⁵. Суд принял на веру интерпретацию Карамышева, согласно которой он не осуждал специалистов высокой квалификации через «национальную» тройку.

Суд со снисходительностью отнесся также ко всему, что могло расцениваться как служебное преступление, поскольку речь шла якобы об отдельных инцидентах, вызванных оперативной необходимостью. Это в первую очередь касалось неправомерных осуждений тройкой лиц, арестованных после 1 августа 1938 г., а также исправлений протоколов заседаний тройки задним числом²⁴⁶.

Главным козлом отпущения трибунал выставил Трушкина в двойной роли преступника и организатора нарушений социалистической законности. Зато все остальное руководство УНКВД

Николаевской области суд щадил всеми возможными способами, при этом дальше всего в этом направлении судьбы зашли в отношении Карамышева.

9. Второй процесс: «Приговорить к ВМН – расстрелу»

Оправдательный приговор в отношении Карамышева был, по его словам, «сочувственно встречен основной массой чекистского коллектива». Самого Карамышева он был призван вернуть «к жизни того коллектива», с которым тот был «органически связан и активно боролся на передовых участках классовой борьбы, отстаивая позиции партии и советской власти»²⁴⁷.

Тем большим был шок, когда спустя всего пять дней после освобождения, 9 января 1941 г., последовал очередной арест Карамышева. В своем письме второму секретарю ЦК КП(б) Украины и председателю Верховного Совета УССР М.А. Бурмистенко Карамышев написал: «Это выше моих сил», по-прежнему веря «в торжество большевистской правды»²⁴⁸.

Чего Карамышев не мог знать, так это того, что председательствующий Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа Гурьев уже 4 января 1941 г., т. е. в день вынесения оправдательного приговора, официально изложил свое «особое мнение». В этом документе Гурьев хотя и не критиковал оправдательный приговор Карамышева, тем не менее охарактеризовал приговор, вынесенный в отношении Трушкина и Воронина, как чересчур «мягкий»²⁴⁹. «Особое мнение» Гурьева, а также соответствующий протест, который вслед за этим с большой вероятностью был направлен в адрес народного комиссара юстиции СССР, очевидно стали главной причиной повторного ареста Карамышева и Гарбузова.

Формальное решение о возобновлении судебной процедуры в ходе апелляционного производства было принято только спустя два месяца после завершения первого процесса, 4 марта 1941 г. Это решение принималось на высшем московском уровне – Военной коллегией Верховного Суда СССР. Важнейшей новацией по сравнению с первым судебным процессом было то, что оба народных заседателя, которые несли ответственность за непри-

емлемый приговор, были целенаправленно заменены двумя сотрудниками НКВД, Свирским и Воедило. Был заменен и председательствующий – вместо Гурьева трибунал возглавил военный юрист Фельдман. Эти замены, наряду с немедленным повторным арестом Карамышева, были еще одним признаком того, что приговор от 4 января 1941 г. вызвал резкое недовольство Москвы. «Особое мнение» Гурьева не спасло ситуацию²⁵⁰.

Второй судебный процесс был организован быстро. Он состоялся с 18 по 23 марта 1941 г., местом его проведения снова стало здание областного управления НКВД в Николаеве²⁵¹. Второй процесс в целом не отличался от первого. Наряду с уже известными свидетелями было привлечено лишь несколько новых, таких как бывший заместитель начальника УНКВД Николаевской области А.Ф. Поясов. Однако ни новые, ни повторно выступавшие «старые» свидетели не придали суду новое качество. Как и ранее, свидетели не только резко критиковали и обвиняли подсудимых чекистов, но и безмерно их восхваляли. Однако, как известно, дьявол кроется в мелочах. Только при повторном рассмотрении становится заметным усиление тенденции, уже свойственной первому процессу, но не получившей развития из-за «неправильного» состава трибунала. Согласно этой тенденции, суд стремился уличить обвиняемых чекистов в самоуправстве и склонности к эксцессам. В результате все больше внимания стало уделяться сознательному пренебрежению чекистами своими обязанностями по надзору за следствием, фактам безответственного обхождения с подследственными и их показаниями, а также с уликами.

Свидетель Ю.С. Лейзеровский, бывший сотрудник из отдела Трушкина, еще раз повторил свои показания о том, что Трушкин последовательно критиковал его за стремление проявлять умеренность в «разоблачении врагов», однако на этот раз Лейзеровский дословно воспроизвел заявление Трушкина: «Ты не чекист, ничего не понимаешь, я заберу от тебя дело»²⁵².

Бывший подследственный, начальник участка корпусного цеха судостроительного завода № 200 Афанасьев, показал в этот раз, что Трушкин прекрасно знал о том, что его подчиненные – Зельцман и Заикин – избивали его²⁵³.

Трушкин и Гарбузов описывались свидетелями как те, кто запрещали подследственным жаловаться и жестоко наказывали, если жалобы имели место. Так, Трушкин не остановился даже перед тем, чтобы избить арестованного, пытавшегося покончить жизнь

самоубийством. Согласно показаниям нового свидетеля, Б.М. Ку克林ского, короткое время работавшего сотрудником СПО УНКВД, Трушкин повел себя неправильно после неудачной попытки самоубийства бывшего директора завода № 200 Щербины. В частности, Трушкин разорвал прощальную записку, в которой говорилось: «Ухожу из жизни с чистой совестью. Врагом никогда не был и не буду. Да здравствует Сталин и социализм [...]». Далее Ку克林ский показал: «[Трушкин] ее разорвал и с ругательством “мерзавец”, “provokator” бросил ее Щербине в лицо. [...] Щербина рассказал, что после попытки к самоубийству его взяли к Трушкину и там избивали так, что сейчас сидеть ему больно»²⁵⁴.

Кроме того, как выяснилось, Трушкин 16 ноября 1938 г., то есть за день до принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., когда «земля уже начинала гореть под ногами» у чекистов, получил от арестованного М.П. Дудина, начальника производственного цеха завода им. Марти, показания, компрометирующие секретаря Николаевского обкома КП(б)У П.И. Старыгина. Текст показаний был сформулирован Трушкиным заранее, сделал он это в качестве подстраховки или для того, чтобы иметь возможность шантажировать партийного функционера²⁵⁵.

Воронин на втором процессе уже не столько фигурировал в роли жестокого следователя, сколько под сомнение ставилась его верность системе. М.Ф. Гладков, один из тех, кто был арестован по делу о пожаре на судостроительном заводе, рассказал о том, как в ходе допроса он сослался на свои права, гарантированные советской конституцией. В ответ Воронин заявил ему дословно: ««Она [Сталинская конституция] меня не касается», – и при этом выразился нецензурно по адресу Конституции»²⁵⁶. Когда инженер Бондарь сказал, что отзовет на суде выбитые из него показания и расскажет правду, Воронин якобы ответил: «Я – тебе следователь, и мы же будем судить тебя»²⁵⁷.

Целый ряд показаний свидетелей развенчивал Гарбузова, который ранее утверждал, что поднимал руку на арестованных только в самых исключительных случаях, а в остальном всегда выступал на страже социалистической законности. Теперь свидетели утверждали, что Гарбузов систематически избивал подсудимых.

Неоднократные заявления Карамышева о том, что он, будучи начальником УНКВД, ничего не знал об избиваниях, в противном случае он бы наказал виновных, были опровергнуты еще одними показаниями Бондаря. В частности, Бондарь сообщил, что как-то

раз, сразу же после избияния, его привели на допрос к Карамышеву. «Карамышеву об избиянии меня я не говорил, но мое состояние он прекрасно видел и так», – заявил Бондарь²⁵⁸.

Оперуполномоченный УНКВД Николаевской области в 1938 г. Т.Т. Черкес, приглашенный в качестве нового свидетеля, заявил, что Карамышев на оперативных совещаниях настраивал аппарат по возможности избегать контроля со стороны партии и прокуратуры в ходе массовых операций и не «щепетильничать» в отдельных случаях. В частности, он призывал «поменьше ходить в парткомитеты и в прокуратуру. Нам нужно посадить 2000 чел. [...] Не страшно, если ошибаемся при арестах в одном человеке [...]»²⁵⁹. Аналогичные показания дал еще один новый свидетель, также бывший сотрудник Трушкина, А.П. Федотов. Он рассказал: «Однажды на оперативном совещании один работник высказался, что нужно бы советоваться с секретарем горкома. [...] Карамышев заявил: “Что Вы все секретари да секретари: Вы больше чем секретарь горкома и сами должны решать вопросы”»²⁶⁰.

Д.Ф. Кобцев, бывший 2-й секретарь Николаевского горкома КП(б)У, утверждал, что грубость Карамышева была хорошо известна партии: «Карамышев был груб в обращении, на заседаниях обкома ругался матом, в связи с чем [ему] даже делались замечания»²⁶¹.

Бывший руководитель УНКВД был единственным из четырех обвиняемых, отметившим новые черты в процессе, поначалу не бросавшиеся в глаза, но которые не стоило недооценивать, исходя из нового состава судей. Карамышевотреагировал на них вербально. Он не изменил свою линию защиты, лишь с еще большим упорством отклонял все обвинения. Зато куда как более подробно, чем на первом процессе, он описывал свои усилия по наведению порядка при принятии дел в качестве начальника областного управления. Сначала он рассказал о том, что по его приказу были освобождены 600–700 человек из 2000, арестованных еще его предшественником Фишером. Потом подчеркнул свои усилия, направленные на упорядочение работы тройки, а также указал на свой запрет использовать негласных сотрудников в качестве «штатных» свидетелей, что было до этого обычной практикой. В бытность его начальником УНКВД, указал Карамышев, было арестовано в десять раз меньше людей (на первом процессе он приводил другую цифру – в пять раз), чем в других областях Украины. В заключение Карамышев указал на инициированную им

чистку чекистского аппарата и мобилизацию новых сотрудников, на 30–40 % рекрутированных из числа партийных кадров²⁶².

После этого Карамышев перешел к следующему пункту защиты: все осуществленные им мероприятия напрямую вытекали из приказов московского центра. Как и на первом процессе, он в прежде всего указал на разрешение со стороны ЦК ВКП(б) применять меры «физического воздействия»: «Так как физические методы были санкционированы ЦК партии и применяются по сей день»²⁶³. Но на этот раз Карамышев гораздо подробнее остановился на ведущей роли Москвы в репрессиях. В результате тактика, применявшаяся им на первом процессе – щадить Москву, возлагая ответственность за неправомерные действия хороших чекистов на врагов, пробравшихся в руководство государства и партии, – теперь утратила свое значение. «В тот период директивами центра нам предоставлялось право ареста по оперативным спискам без санкции прокурора. Перебежчики же и харбинцы подлежали аресту даже без наличия на них материалов и для рассмотрения дел обвинительные заключения были не обязательны. [...] Это порядок был установлен не Карамышевым, а авторитетными вышестоящими органами. Да и судебные инстанции в той обстановке рассматривали дела в таком же примитивном порядке, и ведь одна очень авторитетная судебная инстанция рассматривала в день 30 дел», – заявлял Карамышев²⁶⁴. Оценивая работу тройки, Карамышев высказался еще более недвусмысленно: «По этому пункту обвинения [о работе тройке] прокуратура ссылается на закон, но я считаю, что здесь говорить о законах неуместно, так как сами тройки не были предусмотрены законом»²⁶⁵.

Однако бывший начальник не допускал ни малейшего сомнения в том, что репрессии и форма их проведения были правильными. Его беспокоило только то, что теперь обвинение стремилось использовать это обстоятельство для максимального наказания. «Дела на этих лиц рассмотрены правильно, как по существу, так и по форме, и политике партии действия тройки не противоречат», – утверждал Карамышев²⁶⁶.

Его подход – критиковать те или иные детали в деятельности московского руководства, но в целом хвалить его – сопровождался старой стратегией, опробованной на первом процессе. Вину за «эксцессы» он перекладывал на украинские республиканские структуры. Так, Карамышев сначала признал, что под его руководством в управлении имели место «безобразия» в процессе следствия, но вслед за этим сразу же всю вину полностью пере-

ложил на Киев: «[...] безобразия продолжали еще иметь место, что объясняется тем, что в отдельные периоды я фактически был отстранен от руководства, которое переходило к бригадам, приезжавшим из Киева»²⁶⁷. В результате у него оставался только один выход – каким-нибудь образом исправить ошибки, совершенные киевскими «гастролерами». Жаловаться же Киеву, например на то, что бригада из НКВД УССР под руководством Злобинского избивала подсудимых, было бесполезно, как утверждал Карамышев,²⁶⁸.

Трушкин, в отличие от Карамышева, практически уже не защищался. Очевидно, он понял, что пробил его последний час. Он не только отказался от последнего слова, но и предпринял во время суда попытку бежать и был задержан в вестибюле здания УНКВД²⁶⁹.

Приговор, вынесенный Карамышеву на втором суде, был уже далеко не оправдательным. Теперь его приговорили к расстрелу. Такая же судьба постигла Трушкина. Наказание Воронина было серьезно увеличено – десять лет лагерей вместо трех, а получивший ранее условный срок Гарбузов был теперь приговорен к восьми годам лагерей. Акта о приведении приговора в исполнение в отношении Карамышева и Трушкина в деле не имеется.

Авторы мотивировочной части приговора оперировали главным образом старыми, лишь слегка дополненными материалами, которые уже использовались для обоснования первого приговора, но в этот раз материалы интерпретировал «правильный» состав новых судей²⁷⁰. Теперь трибунал счел доказанным, что Карамышев был прекрасно осведомлен обо всех нарушениях «социалистической законности», им же были санкционированы противоправные действия Трушкина, Воронина и Гарбузова в отношении арестованных, а также фальсификация материалов следствия. Суд больше «не видел» никаких аргументов в пользу Карамышева. Внезапно выяснилось, что он действовал вопреки приказам и директивам, то есть давал распоряжения о том, чтобы специалистов – лиц, имевших профессиональную квалификацию, – судила «национальная» тройка, при этом были репрессированы люди, арестованные уже после 1 августа 1938 г.

В отношении Воронина и Гарбузова, по сравнению с первым судом, из приговора полностью исчезла формулировка о том, что что-то было «не доказано» следствием. Все выдвинутые против них обвинения теперь считались полностью доказанными с помощью свидетельских показаний и документальных материалов.

Что касается Трушкина, то мотивировка приговора теперь была гораздо лапидарней, и в ней больше не упоминалась его многолетняя служба в органах госбезопасности и Красной Армии²⁷¹.

Смена состава военного трибунала и небольшое изменение в подборе состава свидетелей привели к тому, что двое подсудимых из числа бывших чекистов получили теперь «расстрельный» приговор, а еще двое были приговорены к более длительным срокам заключения. Ядро обвинений в должностных преступлениях образовывали халатное отношение к служебным обязанностям, манкирование агентурной работой, внесение исправлений задним числом в протоколы допросов и другие материалы следствия, их неполнота и избирательный подбор, нарушение директив и приказов, самовольные действия и применение «мер физического воздействия».

Ниже мы попытаемся «вписать» осуждение бывшего начальника УНКВД Николаевской области П.В. Карамышева и его подчиненных в общий контекст кампании по восстановлению социалистической законности в Николаевской области, а в дальнейшей перспективе – также в общеукраинский и общесоюзный контекст.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 1. Л. 165.

² Акт экспертной комиссии инженеров фабрики № 200 г. Николаева. 28.08.1938 // ГА НикО Украины. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 5747. Л. 330–331. Для сравнения: в 1937 г. зарплата оперсостава возросла примерно вдвое, месячная зарплата рядовых оперативников достигла 500–800 руб. В 1937 г. начальник Бийского РО НКВД М.Н. Буторин получал 900 руб., основные работники – от 500 до 700, начальник тюрьмы – 450; зарплат менее 400 рублей не было ни у кого из оперативников. Жалованье наркома республиканского НКВД доходило до 3500 руб. вместо прежних 1200. Остальная высшая номенклатура серьезно отстала от руководящих чекистов: к осени 1938 г. зарплата секретаря обкома ВКП(б) составляла 2000 руб. в месяц, председатель Верховного Суда СССР в 1938 г. получал ежемесячно 1200 руб., а глава Военной коллегии Верховного Суда СССР – 1100 руб. Таким образом, начальник КРО УНКВД по Северной области капитан ГБ (подполковник) А.С. Ройтгеринг в мае 1937 г. получал 1200 руб. в месяц, т. е. больше, чем председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР, армвоенюрист (генерал-полковник) В.В. Ульрих. При этом следует учесть, что за выслугу лет чекист-оперативник мог получать до 50% добавки к окладу. Высокими были и пенсии: в 1937 г. пенсия бывшего начальника Ачинского окротдела ОГПУ

К.П. Болотного составляла 270 руб., что было выше средней зарплаты рядовых граждан: рабочие получали ежемесячно порядка 200–250 руб., а многие категории служащих – гораздо меньше. Большая разница в оплате труда между начальниками и рядовыми сотрудниками сохранялась и после 1937 г.: так, зарплата помощника оперуполномоченного Полтавского РО УНКВД Омской области составляла в 1939 г. всего 650 руб., а оперуполномоченного КРО УНКВД – 800 руб. в месяц. См.: *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД в Сибири в 1929–1941 гг. – М., 2008. С. 528–529.

³Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 1. Л. 165.

⁴После поголовных арестов членов бюро обкомов КП(б)У в областях создавались оргбюро ЦК КП(б)У, которые действовали до проведения областных партийных конференций и официального избрания новых составов обкомов и бюро обкомов КП(б)У.

⁵Протокол № 31 заседания оргбюро ЦК КП(б)У по Николаевской области «О пожаре на заводе № 200». 02.08.1938 // ГА НикО Украины. Ф. 7. Оп. 1. Д. 20. Л. 130–131.

⁶Протокол закрытого судебного заседания Военного трибунала (ВТ) войск НКВД Киевского Особого военного округа по обвинению П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова и К.А. Воронина. 27.12.1940–04.01.1941; 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 112, 121, 129, 229, 424.

⁷В большинстве используемых документов, которые датируются преимущественно 1939 г. и позже, речь идет не о 4-м, а о 2-м отделе УНКВД. Это объясняется тем, что в конце 1938 г. произошла реорганизация структуры органов НКВД, в ходе которой 4-й отдел (СПО) был переименован во 2-й отдел.

⁸По данным П.С. Волошина, «Секретно-политический отдел» находился на то время в состоянии реорганизации. Из его состава должно было быть выделено отделение, ответственное за «обслуживание» оборонных предприятий, которое подлежало преобразованию в самостоятельный отдел. Но на момент пожара на судостроительном заводе этого еще не случилось. Лишь в конце 1939 г. произошло выделение самостоятельного 7-го отдела, курировавшего судостроение. См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–01.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–236.

⁹Там же. Л. 226; Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 424. Об осуждении этих трех человек «национальной» тройкой см.: Приговор Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа касательно П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова, К.А. Воронина. 23.04.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 484–488, здесь л. 486.

¹⁰Там же (приговор).

¹¹Одно из старейших судостроительных предприятий Российской империи. На этом заводе был построен броненосец «Потемкин». В 1920 г. предприятие было реорганизовано под названием «Тремсуд» («Трест морского судостроения») путем слияния трех заводов: «Руссуд», «Ремсуд», «Тэмвод». В 1931 г. завод был переименован в память о шестидесяти одном рабочем

судостроительного завода «Руссуд», которые были расстреляны деникинцами в ночь на 20 ноября 1919 г.

¹² См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–01.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226; Заявление Е.Ф. Демчука Народному комиссару внутренних дел СССР Л.П. Берии. 03.12.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 168. Л. 2–17.

¹³ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–01.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об.

¹⁴ Там же. Т. 13. Л. 174.

¹⁵ Постановление бюро обкома КП(б)У Николаевской области «О докладе тов. Карамышева – об общей и противопожарной охране оборонных заводов». 01.09.1938 // ГА Нико Украины. Ф. 7. Оп. 1. Д. 22. Л. 54–55.

¹⁶ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–01.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 174.

¹⁷ Там же. Л. 227.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 263.

²⁰ Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // Там же. Т. 1. Л. 165.

²¹ См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ. 27.12.1940–01.01.1941 // ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 111–236.

²² См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ. 27.12.1940–01.01.1941 // ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 111–236; Протокол судебного заседания Военного трибунала. 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

²³ Протокол закрытого судебного заседания ВТ. 27.12.1940–01.01.1941 // ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 129, 112.

²⁴ См.: Протокол судебного заседания Военного трибунала. 04–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57 об.

²⁵ См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ. 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 111–226 об. Протокол судебного заседания Военного трибунала. 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57 об.

²⁶ См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ. 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 111–226 об.; Протокол судебного заседания Военного трибунала. 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

²⁷ См.: Протокол судебного заседания Военного трибунала. 04–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

²⁸ См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ. 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 111–226 об.; Протокол судебного заседания Военного трибунала. 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

²⁹ См.: Протокол судебного заседания Военного трибунала. 04–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

³⁰ Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 19.08.1939 // ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 67990. Т. 2. Л. 30–32; Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 05.10.1939 // Там же. Т. 3. Л. 274–287.

³¹ Обвинительное заключение старшего следователя следственной части УГБ НКВД УССР Н.А. Бурдана по делу П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова и К.А. Воронина. 11.05.1940 // Там же. Т. 11. Л. 347–358; Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 25 сентября 1939 // Там же. Т. 2. Л. 42–47; Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 03.10.1939 // Там же. Т. 1. Л. 131–134.

³² См.: Протокол судебного заседания Военного трибунала... 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

³³ См.: Продолжение допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 17.08.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 2. Л. 23–26; Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // Там же. Т. 1. Л. 165; Протокол судебного заседания Военного трибунала ... 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

³⁴ См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об.

³⁵ Постановление старшего следователя следственной части УГБ НКВД УССР Н.А. Бурдана об избрании меры пресечения в отношении М.В. Гарбузова. 03.03.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 1. Л. 79–81.

³⁶ Продолжение допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 17.08.1939 // Там же. Т. 2. Л. 23–26.

³⁷ Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // Там же. Т. 1. Л. 165.

³⁸ Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 19.08.1939 // Там же. Т. 2. Л. 30–32.

³⁹ См.: Нач. учетно-архивного отдела УКГБ Трапезников помощнику военного прокурора ДВО Калько (г. Николаев). 14.09.1956 // ГА НикО Украины. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 5747. Л. 294.

⁴⁰ Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 1. Л. 159.

⁴¹ Там же.

⁴² Протокол судебного заседания Военного трибунала Киевского Особого военного округа по обвинению Л.П. Фомина, Л.М. Гладкова, С.С. Меламуда, Г.П. Афанасьева, Д.А. Бондаря, Н.И. Базилевича, Т.И. Чикалова и В.И. Носова. 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57 об., здесь л. 53 об., 54.

⁴³ Письмо Л.П. Фомина Г.В. Бабенко. 22.02.1938 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Том 8. Л. 196.

⁴⁴ Характеристика главного инженера завода № 200 Г.В. Бабенко на бывшего директора завода № 200. Не позже 26.02.1938 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 8. Л. 197.

⁴⁵ Письмо Л.П. Фомина Г.В. Бабенко. 22.02.1938 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 8. Л. 196. Вероятно, письмо Фомина и другие материалы были обнаружены чекистами в процессе обыска квартиры при аресте Бабенко.

⁴⁶ Нач. учетно-архивного отдела УКГБ Трапезников помощнику военного прокурора ДВО Калько, г. Николаев, 14.09.1956 // ГА НикО Украины. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 5747. Л. 294. В статье 58, пункт 7 УК речь шла, в том числе, о «подрыве государственной промышленности», в статье 58, пункт 8 –

о «террористических актах, направленных против представителей советской власти», в статье 58, пункт 11 – о мерах наказания в случае, если эта деятельность носила организованный характер.

⁴⁷ Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 1. Л. 160.

⁴⁸ См.: Протокол судебного заседания Военного трибунала... 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

⁴⁹ См.: Протокол судебного заседания Военного трибунала... 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

⁵⁰ ДВК – Дальневосточный край, т. е. суда предназначались для Тихоокеанского флота.

⁵¹ Акт экспертной комиссии инженеров фабрики № 200 г. Николаева. 28.08.1938 // ГА НикО Украины. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 5747. Л. 330–331; Протокол допроса свидетеля М.Н. Гордиенко. 29.11.1956 // ГА НикО Украины. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 5747. Л. 323–324 об; Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 1. Л. 159. Вторая комиссия была создана непосредственно 2 августа 1938 г. См.: Протокол допроса М.Н. Гордиенко. 10.01.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 8. Л. 116–121.

⁵² Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 1. Л. 164.

⁵³ Там же. Л. 164.

⁵⁴ Де-факто ЭКО в управлениях НКВД Украинской ССР были восстановлены в начале 1939 г.

⁵⁵ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // Там же. Т. 1. Л. 161–162.

⁵⁸ Там же. Л. 163.

⁵⁹ Протокол допроса свидетеля П.С. Волошина. 23.01.1940 // Там же. Т. 6. Л. 100–107; Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об. Кампанию против Волкова начал еще нарком внутренних дел УССР А.И. Успенский. В своём выступлении на XIV съезде КП(б)У нарком объявил М.Ф. Волкова руководителем правотроцкистской организации в Николаевской области. См.: Выступление тов. Успенского на XIV съезде КП(б)У // Бажан О., Золотарьов В. Олександр Успенський: «Я вважаю себе учнем Миколи Івановича Єжова» // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2014. № 1. С. 379.

⁶⁰ Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 19.08.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 2. Л. 30–32.

⁶¹ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об.

⁶² Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

⁶³ Заявление П.В. Карамышева председателю Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа Я.М. Васютинскому. 13.07.1940 //

Там же. Т. 13. Л. 46–49 об; Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 21.01.1940 // Там же. Т. 3. Л. 155–164. Гладков был действительно исключен 19 декабря 1937 г. из членов ВКП(б) за «бытовую и политическую связь» с «врагами народа и троцкистами» Клигерманом, Сухановским, Бородаевым и Слободским. См.: Выписка из протокола № 30/5 заседания бюро КП(б)У Горьковского партийного комитета г. Николаева. 19.12.1937 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 2. Л. 16.

⁶⁴ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 111–226 об. Клигерман был осужден по обвинению в троцкизме.

⁶⁵ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об; Продолжение допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 17.08.1939 // Там же. Т. 2. Л. 23–26; Протокол закрытого судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа по обвинению П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова, К.А. Воронина. 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

⁶⁶ См.: Обзорная справка по личному делу директора судостроительного завода № 198 Степанова Сергея Александровича // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 321. Л. 127–127 об.

⁶⁷ Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 21.01.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 3. Л. 155–164; Протокол допроса свидетеля К.А. Воронина. 20.01.1939 // Там же. Т. 3. Л. 244–253.

⁶⁸ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

⁶⁹ Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 21.01.1940 // Там же. Т. 3. Л. 155–164.

⁷⁰ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

⁷¹ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

⁷² Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 232; Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // Там же. Т. 1. Л. 166.

⁷³ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об; Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 19.10.1939 // Там же. Т. 1. Л. 166.

⁷⁴ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об.

⁷⁵ Всего Бондарь назвал пятерых членов антисоветской организации. При этом Трушкин указывал на тесную связь между Бондарем и Афанасьевым. См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об; Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

⁷⁶ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

⁷⁷ Протокол допроса свидетеля П.С. Волошина. 23.01.1940 // Там же. Т. 6. Л. 100–107; Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об.

⁷⁸ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 405–458.

⁷⁹ Акт экспертной комиссии в составе М.Н. Гордиенко, Е.Г. Могилевского и Г.И. Цехановского о пожаре в цехе № 1 завода № 200 г. Николаева. 28.08.1938 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 6. Л. 126–128.

⁸⁰ Протокол допроса главного технолога завода № 200 г. Николаева Е.Г. Могилевского. 10.01.1939 // Там же. Т. 8. Л. 129–131, здесь Л. 129, 130; Протокол допроса старого инженера завода № 200 г. Николаева М.Н. Гордиенко. 10.01.1939 // Там же. Т. 8. Л. 116–121, здесь Л. 117.

⁸¹ Акт экспертной комиссии в составе М.Н. Гордиенко, Е.Г. Могилевского и Г.И. Цехановского о пожаре в цехе № 1 завода № 200 г. Николаева. 28.08.1938 // Там же. Т. 6. Л. 126–128.

⁸² Протокол допроса главного технолога завода № 200 г. Николаева Е.Г. Могилевского. 10.01.1939 // Там же. Т. 8. Л. 129–131; Протокол допроса старшего инженера завода № 200 г. Николаева М.Н. Гордиенко. 10.01.1939 // Там же. Т. 8. Л. 116–121. Эти протоколы допросов находятся также в томе 4 (Л. 303–309, 310–313) в отношении Г.П. Афанасьева, в томе 5 (Л. 202–208, 209–2011) в отношении Д.А. Бондаря, в томе 6 (Л. 108–113, 114–116) в отношении Т.И. Чикалова и в томе 7 (Л. 113–118, 119–124) в отношении Н.И. Базилевича.

⁸³ Постановление УНКВД Николаевской области о назначении экспертной комиссии для вскрытия и документации диверсионной деятельности Н.И. Базилевича. 23.08.1938 // Там же. Т. 6. Л. 125. Аналогичные решения были приняты руководством УНКВД в отношении Гладкова, Афанасьева, Меламуда, Фомина, Бондаря и Чикалова. См.: Там же. Т. 2. Л. 221; Т. 3. Л. 327; Т. 4. Л. 318; Т. 5. Л. 212; Т. 4; Т. 6. 125; Т. 7. Л. 121; Т. 8. Л. 140

⁸⁴ Акт экспертной комиссии в составе М.Г. Никифорова, А.П. Дубравина и А.П. Наумовца для вскрытия и документации диверсионной деятельности С.С. Меламуда. 22.11.1938 // Там же. Т. 3. Л. 231–235.

⁸⁵ Там же. Л. 234.

⁸⁶ Там же. Л. 235.

⁸⁷ Справка мастера цеха № 1 завода № 200 г. Николаева Цехановского в комиссию по делу С.С. Меламуда. 24.11.1938 // Там же. Т. 3. Л. 236; Справка нач. участка цеха № 1 завода № 200 г. Николаева Цехановского в комиссию по делу С.С. Меламуда. 24.11.1938 // Там же. Л. 239; Справка старшего мастера цеха № 1 завода № 200 г. Николаева Л.К. Осколкова в комиссию по делу С.С. Меламуда. 24.11.1938 // Там же. Л. 240; Характеристика мастера цеха № 1 Цехановского о работе быв. помощника нач. цеха № 1 С.С. Меламуда в 6-й отдел завода № 200. 22.11.1938 // Там же. Л. 243; Характеристика нач. ПВО завода № 200 г. Николаева Прутяного о работе быв. помощника нач. цеха № 1 С.С. Меламуда в 6-й отдел завода № 200. 22.11.1938. 22.11.1938 // Там же. Л. 245; Характеристика планировщицы цеха № 1 В.А. Сторчаевой о работе быв. помощника нач. цеха № 1 С.С. Меламуда в 6-й отдел завода № 200. 22.11.1938 // Там же. Л. 246; Характеристика рабочего цеха № 1 А.П. Мартынова о работе быв.

помощника нач. цеха № 1 С.С. Меламуда в 6-й отдел завода № 200. 22.11.1938. 22.11.1938 // Там же. Л. 247; Разъяснение инженера цеха № 1 Журенко о вредности бутафорной постройки караблей, наблюдаемой в цехе № 1 в течение 1936–1937 гг. 20.11.1938 // Там же. Л. 248; Характеристика заведующего ЦПРБ цеха № 1 Костина о работе быв. помощника нач. цеха № 1 С.С. Меламуда в 6-й отдел завода № 200. 22.11.1938. 22.11.1938 // Там же. Л. 249–250; Характеристика мастера цеха № 1 М.Л. Федина о работе быв. помощника нач. цеха № 1 С.С. Меламуда в 6-й отдел завода № 200. 22.11.1938 // Там же. Л. 251; Характеристика нач. участка цеха № 1 Шульмана о работе быв. помощника нач. цеха № 1 С.С. Меламуда в 6-й отдел завода № 200. 21.11.1938 // Там же. Л. 252; Объяснение № 1 старшего мастера цеха № 1 С.Д. Якушкина о работе быв. помощника нач. цеха № 1 С.С. Меламуда в 6-й отдел завода № 200. 21.11.1938 // Там же. Л. 253; Объяснение № 2 старшего мастера цеха № 1 С.Д. Якушкина о работе быв. помощника нач. цеха № 1 С.С. Меламуда в 6-й отдел завода № 200. 21.11.1938 // Там же. Л. 254.

⁸⁸ Акт экспертной комиссий назначенной Дирекцией завода № 200 согласно постановлению Николаевского УНКВД от 14.12.1938 г. 08.01.1939 // Там же. Т. 2. Л. 222–226.

⁸⁹ Там же. Л. 226.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Справка мастера по ремонту цеха № 1 завода № 200 г. Николаева Яроша в 6-й отдел завода № 200 в комиссию по делу Л.М. Гладкова. 31.12.1938 // Там же. Т. 2. Л. 228; Справка № 1 нач. цеха № 1 Славгородского о реконструкции цеха № 1. 07.01.1939 // Там же. Т. 2. Л. 229; Справка № 2 нач. цеха № 1 Славгородского о реконструкции цеха № 1. 07.01.1939 // Там же. Т. 2. Л. 230; Справка нач. ОКС Борисова о реконструкции цеха № 1. 07.01.1939 // Там же. Т. 2. Л. 233; Справка техника Филевского о работе Л.М. Гладкова на заводе № 200 г. Николаева. 31.12.1938 // Там же. Т. 2. Л. 234; Справка Щербакова и Котенко по делу Л.М. Гладкова. 31.12.1938 // Там же. Т. 2. Л. 235; Справка Дробот по делу Л.М. Гладкова. 31.12.1938 // Там же. Т. 2. Л. 237; Инженер Шульман в 6-й отдел завода № 200 по делу Гладкова. 04.01.1939 // Там же. Т. 2. Л. 239; Справка мастера по ремонту цеха № 1 завода № 200 г. Николаева Яроша в 6-й отдел завода № 200 в комиссию по делу Гладкова. 06.01.1939 // Там же. Т. 2. Л. 245.

⁹² Обвинительное заключение по делу по обвинению Л.П. Фомина, Л.М. Гладкова, С.С. Меламуда, Г.П. Афанасьева, Д.А. Бондаря, Н.И. Базилевича, Т.И. Чикалова и В.И. Носова. 04–08.04.1939 // Там же. Т. 8. Л. 143–168, здесь Л. 150–151, 164.

⁹³ Там же. Л. 143.

⁹⁴ Телеграмма заступника наркома НКВС СССР М. Фріновського начальнику УНКВС Миколаївської області П. Карамішеву про ліквідацію «шпигунсько-диверсійних та контрреволюційних формувань» на оборонних заводах. 17.06.1938 // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга четверта. – Київ – Миколаїв, 2008. С. 261–263, здесь с. 261.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 262.

⁹⁷ Телеграмма заместителя народного комиссара внутренних дел СССР М.П. Фриновского начальнику УНКВД Николаевской области П.В. Карамышеву. 17.06.1938 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 9. Д. 672. Л. 187–194. Автор благодарит Андрея Савина за указание на рукописные замечания Карамышева на оригинале документа.

⁹⁸ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 405–458; Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 05.10.1939 // Там же. Т. 3. Л. 274–287; Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 10.09.1939 // Там же. Т. 3. Л. 133–141.

⁹⁹ Телеграма заступника наркома НКВС СССР М. Фріновського... 17.06.1938 // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга четверта. Київ – Миколаїв, 2008. С. 263.

¹⁰⁰ Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 05.10.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 3. Л. 274–287

¹⁰¹ Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 05.10.1939 // Там же. Т. 3. Л. 274–287; Дополнительные показания М.В. Гарбузова. 12.09.1939 // Там же. Т. 3. Л. 147–149.

¹⁰² Рапорт Народного комиссара внутренних дел УССР А.И. Успенского об оперативном совещании от 16 июля 1938 г. со всем составом аппарата УНКВД и горрайотделений Николаевской области. 16 июля 1938 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 16. Д. 300. Л. 42–49.

¹⁰³ «16 июля 1938 г. в г. Николаеве было созвано областное оперативное совещание, на котором присутствовал Успенский». См.: Рапорт бывшего начальника Херсонского горотдела НКВД П.И. Каткова на имя особоуполномоченного НКВД УССР А.М. Твердохлебенко. [1939 г.] // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 8. Л. 105.

¹⁰⁴ В приказах НКВД УССР по личному составу за 1938 г. 7-й отдел (отдел оборонной промышленности) впервые упоминается как подразделение, в первых числах августа как 7-й отдел 1-го Управления НКВД УССР. Однако, исходя из показаний бывшего начальника 6-го отдела 1-го Управления НКВД УССР Василия Романовича Грабаря, возглавлявшийся им отдел (а следовательно, 7-й отдел также) был сформирован уже в конце июня 1938 г. За сведения автор благодарит В. Золотарева.

¹⁰⁵ Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 03.10.1939 // Там же. Т. 1. Л. 131–134; Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 05.10.1939 // Там же. Т. 3. Л. 274–287; См.: также ответ П.С. Волошина на вопрос судей Военного трибунала. Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об.

¹⁰⁶ Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 05.10.1939 // Там же. Т. 3. Л. 274–287; Заявление бывшего оперуполномоченного УНКВД Николаевской области Т.Т. Черкеса об искривлении соцзаконности особоуполномоченному НКВД УССР А.М. Твердохлебенко [без даты, не позже мая 1939 г.] // Там же. Т. 12. Л. 109–121, здесь л. 116.

¹⁰⁷ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

¹⁰⁸ Приговор военного трибунала № 434 Киевского Особого военного округа в отношении Л.П. Фомина, Л.М. Гладкова, С.С. Меламуда, Г.П. Афа-

нашева, Д.А. Бондаря, Н.И. Базилевича, Т.И. Чикалова и В.И. Носова. 04.04.1939–08.04.1939 // ГА НикО Украины. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 5747. Л. 274–276; Обзорная справка помощника военного прокурора ОдВО Калько по делу Л.П. Фомина, Л.М. Гладкова, С.С. Меламуда, Г.П. Афанасьева, Д.А. Бондаря, Н.И. Базилевича, Т.И. Чикалова, В.И. Носова. 02.08.1956. // Там же. Л. 272–273.

¹⁰⁹ Протокол подготовительного заседания 434-го военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа по делу Л.П. Фомина. Л.М. Гладкова, С.С. Меламуда, Г.П. Афанасьева. Д.А. Бондаря, Н.И. Базилевича, Т.И. Чикалова и В.И. Носова. 25.03.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 27. В статье 54, пункт 7 УК УССР речь шла в том числе о «подрыве государственной промышленности», в статье 54, пункт 8 – о «террористических актах, направленных против представителей советской власти», в статье 54, пункт 9 – о «причинении ущерба системе транспорта» и в статье 54, пункт 11 – о мерах наказания в случае, если эта деятельность носила организованный характер.

¹¹⁰ Протокол судебного заседания Военного трибунала ... 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Том 9. Л. 41–57 об.

¹¹¹ Там же. Л. 48.

¹¹² Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа, в закрытом судебном заседании. 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 451.

¹¹³ Протокол судебного заседания Военного трибунала ... 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Том 9. Л. 41–57 об., здесь л. 57.

¹¹⁴ Протокол допроса свидетеля М.Н. Гордиенко. 29.11.1956 // ГА НикО Украины. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 5747. Л. 323–224 об. Гордиенко не выступал на судебном разбирательстве в качестве свидетеля. Согласно протоколу служебного заседания трибунала, он находился на тот момент в служебной командировке. Зато свои показания дал тогда председатель новой экспертной комиссии Никифоров. Протокол судебного заседания Военного трибунала... 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Том 9. Л. 56.

¹¹⁵ Витяг з протоколу допиту свідка О.Є. Гаврилова. 24.05.1956 // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. – Київ – Миколаїв, 2005. С. 269–270. Тем не менше на второму судовому процесі проти Карамьшева, Трушкина, Гарбузова и Воронина Афанасьев еще выступал как свидетель. Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа в закрытом судебном заседании. 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 405–424.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об; Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

¹¹⁸ Получили ли эти люди после суда свои прежние должности, остается неизвестным. См.: Обвинительное заключение старшего следователя следственной части УГБ НКВД УССР Н.А. Бурдана по делу П.В. Карамьшева,

Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова и К.А. Воронина. 11 мая 1940 // Там же. Т. 11. Л. 347–358.

¹¹⁹ Протокол огляду архівно-слідчої справи колишніх співробітників УНКВС Миколаївської області. 07.02.1956 // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. Київ – Миколаїв, 2005. С. 264–269, здесь 266. На областной партийной конференции, проходившей в Николаеве 29 мая 1938 г., Дервянченко, как следует из публикации в прессе, был заклеен «как оторвавшийся от масс бюрократ, [который] глушил и мариновал тревожные сигналы о ныне разоблаченных врагах и тем самым, вольно или невольно, покрывал лютого врага народа Волкова и ему подобных негодяев и помешал партийной организации своевременно вскрыть подлинное лицо замаскировавшихся шпионов и вредителей» См.: «Полностью выполнить решения областной партийной конференции партии» // Южная правда. 30.05.1938. № 116. С. 1.

¹²⁰ Кобцев был освобожден 2 апреля 1939 г. См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 111–226 об.

¹²¹ Сводка агента «Герд» 2-му отделу УНКВД Николаевской области. 12.05.1939 // Там же. Т. 9. Л. 132–133; Докладная записка начальника УНКВД Николаевской области И.Т. Юрченко заместителю наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулову о группировании бывших арестованных, освобожденных из под стражи в г. Николаеве. 22 июля 1939 // Там же. Т. 9. Л. 147–152.

¹²² Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 201.

¹²³ «Поясов: Карамышев был настроен передать дело о поджоге в Военный трибунал, но Трушкин предлагал передать туда только организаторов поджога, а второстепенных участников пропустить по тройке. Барсуков, Чернохатов, Мацковский [были осуждены по] 1-й кат[егории] тройкой, а первостепенные участники Военным трибуналом оправданы». См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 429.

¹²⁴ Выписка из акта расстрела С.В. Мацковского за подписью коменданта УНКВД Николаевской области Крюковского. Без даты // ГА НикО Украины. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 5747. Л. 354; Выписка из акта расстрела А.А. Барсукова за подписью коменданта УНКВД Николаевской области Крюковского. Без даты // Там же. Л. 356; Выписка из акта расстрела М.В. Чернохатова за подписью коменданта УНКВД Николаевской области Крюковского. Без даты // Там же. Л. 358.

¹²⁵ Приговор Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа по отношению П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, К.А. Воронина и М.В. Гарбузова. 23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 485–486 об.

¹²⁶ Барсуков Олексій Олександрович, 1892 // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. Київ – Миколаїв, 2005. С. 458.

¹²⁷ См. по этому поводу наряду с многочисленными другими экспертными заключениями в особенности следующие: Акт экспертной комиссии в составе М.Г. Никифорова, А.П. Дубравина и А.П. Наумовца для вскрытия

и документации диверсионной деятельности С.С. Меламуда. 22.11.1938 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 3. Л. 231–235.

¹²⁸ Акт экспертной комиссии, назначенной Дирекцией завода № 200 согласно постановлению Николаевского УНКВД от 14.12.1938 г. 08.01.1939 // Там же. Т. 2. Л. 222–226, здесь л. 223; Справка № 2 нач. цеха № 1 Славгородского о реконструкции цеха № 1. 07.01.1939 // Там же. Т. 2. Л. 230; Справка нач. ОКС Борисова о реконструкции цеха № 1. 07.01.1939 // Там же. Т. 2. Л. 233.

¹²⁹ Сводка агента «Герд» 2-му отделу УНКВД Николаевской области. 23.04.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 9. Л. 135–136.

¹³⁰ А.И. Рыков был осужден к ВМН вместе с Н.И. Бухариным как глава «правого уклона» на третьем Московском показательном процесс в марте 1938 г.

¹³¹ Все приведенные здесь выше цитаты, авторство которых не было оговорено отдельно, принадлежат агенту «Герду». См.: Сводка агента «Герд» 2-му отделу УНКВД Николаевской области. 12.05.1939 // Там же. Т. 9. Л. 132–133.

¹³² Речь идет о военном трибунале, в обязанности которого входила систематическая проверка дел подследственных. Трибунал также мог принять решение об их освобождении.

¹³³ О процессе над сотрудниками НКВД Молдавской АССР подробнее см.: *Кауц И.* «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора. Дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей. – М., 2017. С. 596–630.

¹³⁴ Все приведенные здесь выше цитаты, авторство которых не было оговорено отдельно, принадлежат агенту «Герду». См.: Сводка агента «Герд» 2-му отделу УНКВД Николаевской области. 03.05.1939 // Там же. Т. 9. Л. 137–138.

¹³⁵ Стародубцев, очевидно, был освобожден только после 16 ноября 1939 г. решением Особого совещания при НКВД СССР. См.: Постановление нач. первого отделения второго отдела УНКВД Николаевской области К.А. Воронина по делу Д.Т. Стародубцева, Н.Н. Задорожного и Г.Т. Стародубцевой. 16.11.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 3688-с. Т. 3. Л. 385–387.

¹³⁶ Все приведенные здесь выше цитаты, авторство которых не было оговорено отдельно, принадлежат агенту «Герду». См.: Сводка агента «Герд» 2-му отделу УНКВД Николаевской области. 12.05.1939 // Там же. Т. 9. Л. 132–133.

¹³⁷ Все приведенные здесь выше цитаты, авторство которых не было оговорено отдельно, принадлежат агенту «Герду». См.: Сводка агента «Герд» 2-му отделу УНКВД Николаевской области. 19.05.1939 // Там же. Т. 9. Л. 139.

¹³⁸ Все приведенные здесь выше цитаты, авторство которых не было оговорено отдельно, принадлежат агенту «Добровольскому». См.: Сводка агента «Добровольский» 2-му отделу УНКВД Николаевской области. 20 мая 1939 // Там же. Т. 9. Л. 134.

¹³⁹ Сводка агента «Герд» 2-му отделу УНКВД Николаевской области. 21.05.1939 // Там же. Т. 9. Л. 140.

¹⁴⁰ Все приведенные здесь выше цитаты, авторство которых не было оговорено отдельно, принадлежат агенту «Герду». См.: Сводка агента «Герд» 2-му отделу УНКВД Николаевской области. 22.05.1939 // Там же. Т. 9. Л. 131.

¹⁴¹ Заключение зам. нач. 2-го отдела УГБ НКВД УССР Н.А. Казина по агентурному делу «Ретивые». 05.12.1939 // Там же. Т. 9. Л. 164–171.

¹⁴² А.З. Кобулов был первым заместителем народного комиссара внутренних дел УССР с 07.12.1938 по 02.09.1939. См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. С. 236. В то время наркома НКВД не было, и Кобулов де факто был врид. наркома.

¹⁴³ Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 27–28.10.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 3. Л. 23–33.

¹⁴⁴ Все приведенные здесь выше цитаты, авторство которых не было оговорено отдельно, основываются на докладной записке нач. УНКВД Николаевской области И.Т. Юрченко зам. наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулову о группировании бывших арестованных, освобожденных из под стражи в г. Николаеве. 02.06.1939 // Там же. Т. 9. Л. 142–146.

¹⁴⁵ Докладная записка нач. УНКВД Николаевской области И.Т. Юрченко зам. наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулову о группировании бывших арестованных, освобожденных из под стражи в гор. Николаеве. 22.07.1939 // Там же. Т. 9. Л. 147–152.

¹⁴⁶ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа в закрытом судебном заседании. 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 451.

¹⁴⁷ Допросы Карамышева начались в апреле 1939 г. См. Заявление П.В. Карамышева Л.П. Берии. 27.11.1939 // Там же. Т. 1. Л. 186–186 об.

¹⁴⁸ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 232.

¹⁴⁹ Ордер на арест Трушкина был датирован задним числом, дата изменена с 7 на 5 августа 1939 г. См.: Ордер на арест Я.Л. Трушкина. 5.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 34. Однако фактически он был арестован 3 августа 1939 г. См.: Анкета арестованного Я.Л. Трушкина. 11.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 36. Ордер на арест П.В. Карамышева датирован 07.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 7. На самом деле Карамышев был взят под стражу уже 4 августа 1939 г. См.: Анкета арестованного П.В. Карамышева. 15.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 8–8 об.

¹⁵⁰ Заявление арестованного П.В. Карамышева в следственную часть НКВД УССР. 18.01.1940 // Там же. Т. 1. Л. 219–220 об.

¹⁵¹ Постановление Военного прокурора пограничных и внутренних войск Киевского Особого военного округа Морозова о санкционировании ареста П.В. Карамышева. 02.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 6. Первая санкция на оформление ордера на арест Трушкина была дана 1 августа 1939 г. В ней еще упоминается § 206, пункт 17 «б» УК УССР. См.: Постановление на арест Я.Л. Трушкина. 01.08.1939 // Там же. Л. 31. Второе постановление на арест было датировано 2 августа 1939 г. См.: Постановление на арест Я.Л. Трушкина. 02.08.1939 // Там же. Л. 29. Арест Карамышева санкционировал военный прокурор Морозов, а арест Трушкина – заместитель народного комиссара внутренних дел УССР А.З. Кобулов.

¹⁵² Речь идет о сослуживцах Трушкина по СПО УГБ УНКВД Черниговской области Лазаре Моисеевиче Тейтеле и Аврааме Мордковиче Шепетине.

¹⁵³ Постановление на арест Я.Л. Трушкина. 02.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 29.

¹⁵⁴ Протокол допроса П.В. Карамышева. 15.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 91–94.

¹⁵⁵ Постановление следователя следственной части УГБ НКВД УССР Грунина и зам. нач. следственной части УГБ НКВД УССР Калужского на арест нач. УНКВД П.В. Карамышева. 02.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 2–3.

¹⁵⁶ Гарбузов и Воронин были арестованы 7 мая 1940 г. Их увольнение из органов НКВД последовало 10 марта и соответственно, 1 марта 1940 г. См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111 об. –113.

¹⁵⁷ Протокол допроса обвиняемого М.П. Дудина. 26.12.1938 // Там же. Т. 8. Л. 37–39; Протокол допроса обвиняемого М.П. Дудина. 06.02.1939 // Там же. Т. 8. Л. 40–42; Протокол допроса обвиняемого М.И. Муратова. 26.12.1939 // Там же. Т. 8. Л. 53–56.

¹⁵⁸ Твердохлебенко на момент кампании «по восстановлению социалистической законности» был новичком в органах НКВД. До 1938 г. он работал заместителем заведующего шахтой «София» треста «Макеевуголь». В марте 1938 г. Сталинским обкомом КП(б)У был послан в распоряжение ЦК КП(б)У, откуда был направлен на работу в органы НКВД. См.: Автобиография Твердохлебенко Алексея Михайловича. 21.10.1938 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 166. Т. 2. Л. 5–8.

¹⁵⁹ Сводка агента «Герд» 2-му отделу УНКВД Николаевской области. 22.05.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 9. Л. 131.

¹⁶⁰ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 197.

¹⁶¹ Там же. Л. 234.

¹⁶² 13 сентября 1939 г. бывший начальник участка корпусного цеха судостроительного завода № 200 Г.П. Афанасьев заявил о том, что его систематически избивал Гарбузов, причем избиения начались еще в кабинете директора завода в ходе предварительного расследования пожара сотрудниками НКВД. См.: Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 03.03.1940 // Там же. Т. 3. Л. 194–201. Преподаватель Николаевского судостроительного института М.Ф. Чулков непосредственно сразу же после своего освобождения написал заявление на имя государственного прокурора Карпенко. См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 220.

¹⁶³ Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 03.03.1940 // Там же. Т. 3. Л. 212–223.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Протокол допроса свидетеля К.А. Воронина. 05.03.1939 // Там же. Т. 3. Л. 270–278; Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 03.03.1940 // Там же. Т. 3. Л. 212–223.

¹⁶⁶ Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 03.03.1940 // Там же. Т. 3. Л. 212–223.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Протокол очной ставки между обвиняемым Я.Л. Трушкиным и свидетелем П.Д. Козачуком, бывшим обвиняемым, который содержался под стражей в УНКВД Николаевской области. 17.02.1940 // Там же. Т. 7. Л. 108–124.

¹⁶⁹ Заявление П.В. Карамышева председателю трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа Я.М. Васютинскому. 13.07.1940 // Там же. Т. 13. Л. 46–49 об; Протокол допроса свидетеля К.А. Воронина. 20.01.1939 // Там же. Т. 3. Л. 244–253.

¹⁷⁰ Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 03.03.1940 // Там же. Т. 3. Л. 212–223; Протокол допроса свидетеля П.В. Карамышева. 11.02.1940 // Там же. Т. 1. Л. 277–281; Протокол допроса свидетеля П.В. Карамышева. 13.02.1940 // Там же. Т. 1. Л. 288–295.

¹⁷¹ Протокол допроса свидетеля Г.С. Зельцмана. 02.09.1939 // Там же. Т. 3. Л. 139–149.

¹⁷² Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об; Продолжение допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 17 августа 1939 // Там же. Т. 2. Л. 23–26; Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

¹⁷³ Гаврилов сообщил об этом в ходе его допроса от 8 сентября 1939 г., и Гарбузов позднее подтвердил эти показания на допросе. См.: Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 03.03.1940 // Там же. Т. 3. Л. 181–186; Протокол допроса свидетеля К.А. Воронина. 20.01.1939 // Там же. Т. 3. Л. 244–253.

¹⁷⁴ Заключение зам. нач. 2-го отдела УГБ НКВД УССР Н.А. Казина по агентурному делу «Ретивые». 05.12.1939 // Там же. Т. 9. Л. 164–171.

¹⁷⁵ Указания пом. Военного прокурора войск НКВД Киевского Особого военного округа Дворенко по делу бывшего нач. УНКВД Николаевской области П.В. Карамышева и нач. 2-го отдела того же управления Я.Л. Трушкина. 23.12.1939 // Там же. Т. 1. Л. 69–77; Заключение зам. нач. 2-го отдела УГБ НКВД УССР Н.А. Казина по агентурному делу «Ретивые». 05.12.1939 // Там же. Т. 9. Л. 164–171.

¹⁷⁶ Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 03.03.1940 // Там же. Т. 3. Л. 181–186

¹⁷⁷ Фомин и Гладков выступили с аналогичными показаниями, в которых описали эту чекистскую практику. См.: Протокол судебного заседания Военного трибунала... 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Том 9. Л. 41–57.

¹⁷⁸ Протокол очной ставки между обвиняемым Я.Л. Трушкиным и свидетелем Д.Ф. Кобцевым, бывшим обвиняемым, который содержался под стражей в УНКВД Николаевской области. 05.02.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 7. Л. 21–31.

¹⁷⁹ Гаврилов сообщил об этом в ходе его допроса от 8 сентября 1939 г. и Гарбузов позднее подтвердил на допросе эти показания. См.: Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 03.03.1940 // Там же. Т. 3. Л. 181–186.

¹⁸⁰ Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 14.02.1940 // Там же. Т. 3. Л. 80–85.

¹⁸¹ Протокол допроса Ф.Ф. Николаевского. 25.10.1939 // Там же. Т. 9. Л. 153–163.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ В ходе неоднократных допросов «Герда» и Трушкина выяснилось, что Трушкин определял содержание инструкций, которые давались агентам, с

самого начала, а не только с июня 1939 г. См.: Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 26.10.1939 // Там же. Т. 3. Л. 1–6; Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 27.10.1939–28.10.1939 // Там же. Т. 3. Л. 23–33; Протокол допроса Ф.Ф. Николаевского. 19.03.1940 // Там же. Т. 11. Л. 256–257 об.

¹⁸⁴ Протокол допроса Ф.Ф. Николаевского. 25.10.1939 // Там же. Т. 9. Л. 153–163. Позднее «Герд» показал на допросе, что таким же образом его инструктировал Поясов в присутствии Трушкина.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Позднее заместитель начальника и начальник следственной части НКВД УССР.

¹⁸⁷ См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 424, 430.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 26.10.1939 // Там же. Т. 3. Л. 1–6; Заключение зам. нач. 2-го отдела УГБ НКВД УССР Н.А. Казина по агентурному делу «Ретивые». 05.12.1939 // Там же. Т. 9. Л. 164–171.

¹⁹⁰ Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 8.12.1939–9.12.1939 // Там же. Т. 3. Л. 44–56

¹⁹¹ Заключение зам. нач. 2-го отдела УГБ НКВД УССР Н.А. Казина по агентурному делу «Ретивые». 05.12.1939 // Там же. Т. 9. Л. 164–171. Агент «Герд» был освобожден позднее. См.: Постановление Н.А. Бурдана. 03.03.1940 // Там же. Т. 1. Л. 79–81.

¹⁹² Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 03.03.1940 // Там же. Т. 3. Л. 181–186.

¹⁹³ Протокол допроса Ф.Ф. Николаевского. 19.03.1940 // Там же. Т. 11. Л. 256–257 об.

¹⁹⁴ В частности, Николаевский заявил по этому поводу: «В Наркомате мне разъяснили, что эти проявления не являются антисоветскими, так как, пробыв в заключении, эти лица имели некоторые основания к таким настроениям». См.: Протокол закрытого судебного ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 445 об., 446.

¹⁹⁵ Обвинительное заключение было составлено сотрудниками аппарата госбезопасности НКВД УССР, а именно следственного отдела. Утвердили заключение начальник следственного отдела Н.А. Казин и заместитель народного комиссара НКВД УССР Н.Д. Горлинский. См.: Обвинительное заключение... 11.05.1940 // Там же. Т. 11. Л. 347–358.

¹⁹⁶ В документе ошибочно речь идет об Украинском военном округе, который был ликвидирован в 1935 г. См.: Протокол подготовительного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова и К.А. Воронина. 21.06.1940 // Там же. Т. 13. Л. 2. Лишь незадолго перед этим был официально установлен порядок, согласно которому сотрудники НКВД подлежали суду военного трибунала. См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об изменении подсудности военных трибуналов». 13.12.1940 // Организация суда и прокуратуры СССР / Сост. Н.А. Баженова. – М., 1988. С. 69. До этого применялась статья 204 УК УССР, предусматривавшая передачу уголовных дел сотрудников

НКВД на рассмотрение судов военных трибуналов. См. Обвинительное заключение по обвинению П.Я. Коробцева и Е.Ф. Демчука. 05.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38809. Т. 1. Л. 198–203, здесь л. 202–203.

¹⁹⁷ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 111–111 об.

¹⁹⁸ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно И.Ф. Федяева, А.А. Семенова, А.П. Протопопова, Г.И. Барвинка. 25.11.1940–28.11.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 7. Л. 213.

¹⁹⁹ «Наши кандидаты в депутаты Верховного Совета УССР: Петр Карамышев» // Южная правда. 30.05.1938. № 116. Автор благодарит Марию Панову и Ирину Бухареву за поиск и просмотр газеты «Южная правда».

²⁰⁰ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 112–113 об.

²⁰¹ Там же. Л. 262

²⁰² На суде Карамышев заявил: «Ни я, ни кто[либо] из числа членов тройки, не усомнились в правдивости доказательств – признаний». Там же. Л. 233.

²⁰³ Там же. Л. 114–115 об., 232, 242.

²⁰⁴ Там же. Л. 232.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Протокол допроса П.В. Карамышева. 15.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 91–94.

²⁰⁷ Комиссия под руководством Горлинского работала в Николаеве 17 и 21 сентября 1938 г., а потом, начиная с января 1939 г. – в течение нескольких месяцев. См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 115, 173, 232. Насколько можно судить на основании имеющейся информации, Н.Д. Горлинский в сентябре 1938 г. еще служил оперуполномоченным 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Если это верно, то можно предположить, что в сентябре 1938 г. он возглавлял комиссию, отправленную непосредственно по приказу Москвы, тогда как январская 1939 г. комиссия была уже сформирована по приказу и из числа сотрудников республиканского аппарата НКВД Украины, поскольку в декабре 1938 г. Горлинский был назначен заместителем народного комиссара внутренних дел Украины.

²⁰⁸ Там же. Т. 13. С. 245

²⁰⁹ Там же. Т. 13. С. 113–115, 232.

²¹⁰ Там же. Л. 232

²¹¹ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 233

²¹² Там же. Л. 263.

²¹³ Там же. Л. 254; Заявление Карамышева председателю трибунала Я.М. Васютинскому... 13.07.1940 // Там же. Т. 13. Л. 46–49 об; Заявление Я.Л. Грушкина председателю Трибунала войск НКВД УССР Я.М. Васютинскому. 03.07.1940 // Там же. Т. 13. Л. 14–19 об.

²¹⁴ Заявление П.В. Карамышева председателю трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа Я.М. Васютинскому. 13.07.1940 // Там же. Т. 13. Л. 46–49 об.

²¹⁵ Золотарьов В. Олександр Успенський. Особа, час, оточення. Харків, 2004; Золотарьов В. Фаворит Єжова: сторінки біографії наркома внутрішніх справ УРСР О.І.Успенського // Політичні репресії в Українській РСР: дослідницькі рефлексії та інтерпретації. До 75-річчя «Великого терору» в СРСР. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Київ. 15 березня 2012 р. – Київ, 2013. С. 165. Посмертне письмо А.И. Успенского. Без даты // ОГА СБУ. Киев. Ф. 13. Оп. 1. Д. 409. Л. 3.

²¹⁶ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 233.

²¹⁷ Там же. Л. 245 (Трушкин), 261 (Воронин), 262 (Карамышев), 265 (Гарбузов).

²¹⁸ Там же. Л. 262 (Карамышев).

²¹⁹ См.: Заявление П.В. Карамышева Л.П. Берин. 27.11.1939 // Там же. Т. 1. Л. 186–186 об.

²²⁰ Документ, санкционировавший применение пыток, до сих пор не найден. Самое известное упоминание о нем приводится в телеграмме И.В. Сталина от 10 января 1939 г., в которой разъяснялось, что ЦК ВКП(б) санкционировал в 1937 г. применение мер «физического воздействия» в исключительных случаях. Более подробно об этой телеграмме см.: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Т. 2 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Р. Биннер, Г.А. Бордюгов, С.А. Кокин, О.А. Довбня. – М., 2010. С. 418–420.

²²¹ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 232.

²²² Там же. Л. 262.

²²³ Одно из характерных заявлений Карамышева гласило: «Дело Трубия было нам прислано из Москвы для рассмотрения». См.: Там же. Л. 232. По заявлению следователя НКВД, сделанному на суде, дело Гущина также расследовалось в Николаеве по требованию руководства НКВД УССР.

²²⁴ См.: Приказ № 00606 Народного комиссара внутренних дел СССР «Об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др[угих]» 17.09.1938 // Большевицкий порядок в Грузии. Т. 2: Документы и статистика / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. – М., 2015. С. 165–167.

²²⁵ Протокол допроса свидетеля П.В. Карамышева. 11.02.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 1. Л. 277–281.

²²⁶ Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 01.10.1939 // Там же. Т. 1. Л. 100–104; Протокол допроса обвиняемого П.В. Карамышева. 04.10.1939 // Там же. Т. 1. Л. 142–145; Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 263.

²²⁷ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 263.

²²⁸ Там же. Л. 231. Фигурально речь идет об аресте, осуждении и отправке в лагерь.

²²⁹ Там же. Л. 232.

²³⁰ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 264.

- ²³¹ Там же. Л. 113.
- ²³² Заявление П.В. Карамышева Л.П. Берии. 18.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 98–99 об.
- ²³³ Заявление П.В. Карамышева председателю трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа Я.М. Васютинскому. 13.07.1940 // Там же. Т. 13. Л. 46–49 об.
- ²³⁴ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 264.
- ²³⁵ Заявление П.В. Карамышева Л.П. Берии. 18.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 98–99 об.
- ²³⁶ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 264.
- ²³⁷ О давлении, которое на них оказывалось, см. показания чекистов: Там же. Л. 242 (Воронин), 245 (Трушкин). О перегруженности работой см.: Там же. Л. 239 (Гарбузов).
- ²³⁸ Там же. Л. 242 (Воронин).
- ²³⁹ Там же. Л. 239.
- ²⁴⁰ Там же. Л. 241.
- ²⁴¹ Там же. Л. 261, 262.
- ²⁴² Там же. Л. 266.
- ²⁴³ Там же.
- ²⁴⁴ Приговор Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа касательно П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова и К.А. Воронина. 04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 305–310.
- ²⁴⁵ Там же.
- ²⁴⁶ Там же.
- ²⁴⁷ Заявление П.В. Карамышева секретарю ЦК КП(б)У и председателю Верховного Совета УССР М.А. Бурмистенко. 15.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 510.
- ²⁴⁸ Там же.
- ²⁴⁹ Особое мнение председательствующего Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа Гурьева по делу Я. Трушкина и других. [05.01.1941] // Там же. Т. 13. Л. 304а (конверт).
- ²⁵⁰ Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР относительно рассмотрения кассационного протеста на приговор Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа касательно П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова, К.А. Воронина. 04.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 369–369 об.
- ²⁵¹ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа в закрытом судебном заседании. 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 405–458.
- ²⁵² Там же. Л. 410–424.
- ²⁵³ Там же. Л. 410–424.
- ²⁵⁴ Там же. Л. 436.
- ²⁵⁵ Там же. Л. 410–424.
- ²⁵⁶ Там же. Л. 410–424.
- ²⁵⁷ Там же.
- ²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же. Федотов также почти дословно цитировал это высказывание Карамышева. Там же. Л. 442.

²⁶⁰ Там же. Л. 442.

²⁶¹ Там же. Л. 405–458.

²⁶² Там же. Л. 448.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же. Л. 447.

²⁶⁵ Там же. Л. 449.

²⁶⁶ Там же. Л. 449 об.

²⁶⁷ Там же. Л. 448.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Приговор Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа касательно П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова, К.А. Воронина. 23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 484–488.

²⁷¹ Там же.

ЖЕРТВА ПЕШКИ, ХОД КОНЕМ И ЭНДШПИЛЬ

Дайте мне на допрос японского императора, и он у меня через сутки расколется и даст развернутые показания о своей шпионской деятельности в пользу абиссинского негуса.

*Ф.Т. Овчинников, бывший начальник 5-го отдела
УНКВД Николаевской обл.*

Протоколы переписывались для более культурного оформления следствия.

*П.Я. Коробцев, бывший помощник начальника
УНКВД Кировоградской обл.*

Только лишь в результате моей преданности работе, честности в работе я был временно мобилизован для работы в Херсонский ГО НКВД [...], я был доволен и горд тем, что мне доверили работать в таком ответственном учреждении.

*Г.И. Барвинок, бывший сотрудник Херсонского
городского отдела НКВД*

Я сфальсифицировал два протокола допроса [...], это я сделал лично потому, что я не мог доказать обвинения. Это сделать побудила меня та международная ситуация, в которой мы находились в то время, т. е. борьба в Испании, нападение на наш Советский Союз на Дальнем Востоке и вскрытие контрреволюционной банды внутри нашей страны.

*А.П. Протопопов, бывший сотрудник Херсонского
городского отдела НКВД*

Я считаю, что раз это исходит от начальника РО НКВД – значит явление законное.

*М.И. Короленко, участковый инспектор РОМ
Долинского района Кировоградской обл.*

1. Карьерист

В УНКВД Николаевской области служил еще один чекист, который в период массовых операций занимал высокие должности на областном уровне. Речь идет о начальнике 5-го отдела Федоре Тимофеевиче Овчинникове. Весной 1938 г. он короткое время даже временно исполнял обязанности начальника областного управления, а именно в период после ухода Фишера, начиная с 3 марта 1938 г. и вплоть до фактического вступления в должность Карамышева в апреле 1938 г. В своем качестве начальника 5-го отдела Овчинников отвечал за надзор над частями Красной Армии и полувоенными организациями типа «Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству».

Овчинников родился в 1902 г. в Белоруссии, в деревне Смолка Чаусского уезда Могилевской губернии. Таким образом, в 1938 г. ему исполнилось 36 лет. В автобиографии, написанной в декабре 1940 г., Овчинников много места уделил описанию своего безупречного социального происхождения. В частности, он сообщал, что родился в семье крестьянина-бедняка, его отец примерно в течение 12–14 лет был деревенским пастухом, а потом вплоть до 1917 г. вел «маломощное середняцкое хозяйство». При этом формулировка «маломощное» выглядит здесь слишком расплывчато, и возникает впечатление, что Овчинников стремится «смазать» середняцкий характер отцовского хозяйства. В 1929 г. отец со всей семьей вступил в колхоз «Дзержинский». Он не лишился избирательных прав и не был судим. В царской армии Тимофей Овчинников служил простым солдатом, в белых армиях ему служить не довелось. Наемным трудом Овчинников-старший никогда не пользовался, в его семье никто не пострадал от репрессий. На момент написания автобиографии отец нашего героя работал сторожем склада подразделения Местной противовоздушной обороны (МПВО) в Могилеве, являлся членом профсоюза. Мать Федора Овчинникова также выросла в бедной семье, долгое время была батрачкой. Она была добропорядочной советской гражданкой – не имела родственников за границей, не была судима и не занималась неразрешенной трудовой деятельностью. Пять сестер Овчинникова, если верить его словам, также вели безупречный образ жизни. Чтобы подчеркнуть тесную связь всей своей

семьи с Красной Армией, Овчинников вставил в текст об отце следующее предложение: «С периода гражданской войны по настоящее время семейство отца является непрерывно красноармейским семейством».

Свою собственную биографию Овчинников описывал как восхождение по социальной лестнице с самого низа, которое стало возможно только благодаря советской власти. Уже в возрасте десяти лет он помогал отцу по хозяйству, а также подрабатывал пастухом, приглядывая за соседским скотом. Только зимой он учился в церковно-приходской школе и в 2-классном училище Министерства народного просвещения. С 1916 по 1921 г. Овчинников учился в Могилевской центральной фельдшерско-акушерской школе, в 1920 г. принимал участие в борьбе с тифом. После окончания школы он работал санитаром лишь короткое время, вслед за этим, после безработицы, занимал различные должности в низовом советском аппарате: секретаря сельсовета (в Смолке), секретаря Крестьянского комитета общественной взаимопомощи (ККОВ), уполномоченного Союза Работземлеса. В 1924 г. его призвали в Красную Армию, в которой он добровольно прослужил до ноября 1931 г., пока его не перевели на оперативную работу в Особый отдел Украинского Военного Округа (УВО) и ГПУ УССР. В Красной Армии Овчинников служил сначала простым красноармейцем, затем – политгрупповодом, секретарем политчасти и военфельдшером. В 1925–1931 гг. являлся секретным сотрудником, резидентом и секретным помощником Особого отдела ГПУ. Его карьера в органах государственной безопасности была более успешной, чем в армии: за восемь лет свежеиспеченный чекист проделал путь от помощника уполномоченного Особого отдела УВО, уполномоченного, оперативного уполномоченного, помощника начальника отделения, начальника отделения, заместителя начальника 5-го отдела УГБ НКВД УССР и Особого отдела НКВД Киевского Особого военного округа до особоуполномоченного НКВД УССР, начальника 5-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области и начальника Особого отдела армейской группы. 9 января 1936 г. ему было присвоено специальное звание младшего лейтенанта ГБ, 17 ноября 1937 г. – старшего лейтенанта ГБ, 31 мая 1939 г. – капитана ГБ, которое на тот момент соответствовало армейскому полковнику. Овчинников неоднократно поощрялся «за активную борьбу с контрреволюцией», в том числе 26 января 1937 г. был награжден знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ» (XV).

В 1923 г. Овчинников вступил в комсомол, в 1931 г. – в ВКП(б). Описывая свое пребывание в партии, он особо подчеркивал отсутствие партийных и прочих дисциплинарных взысканий. Наш герой был женат, его жена, как следует из автобиографии, была чиста перед партией и народом и не имела каких-либо темных пятен в своей биографии и биографии своих родственников¹.

Только в середине апреля 1939 г. персону Овчинникова привлекла к себе внимание следователей центрального аппарата НКВД УССР, задачей которых было «вскрытие» ненормальностей в работе НКВД. Впервые компромат на Овчинникова поступил непосредственно из УНКВД Николаевской области. Оперуполномоченный СПО УНКВД Николаевской области А.П. Кублановский обратился 16 апреля 1939 г. к особоуполномоченному НКВД УССР Твердохлебенко, с заявлением, в котором выдвинул против Овчинникова серьезные обвинения. В частности, он обвинялся в том, что в 1937 г. ударил во время допроса председателя городского совета николаевского Осовавиахима Е.Г. Майера, а в марте 1938 г. вместе с другими чекистами так избил военнослужащего 15-й авиабригады орденосца А.И. Городинского, что тот вскоре умер от причиненных увечий в карцере областной тюрьмы².

Спустя еще месяц после заявления Кублановского, в мае 1939 г., один из бывших подследственных направил жалобу в ЦК ВКП(б), из которой следовало, что Овчинников избивал брата заявителя – высокопоставленного военного, а самого автора жалобы били подчиненные Овчинникова³. Эти сведения были подтверждены свидетелями из числа сотрудников НКВД, которые дали показания о том, что Овчинников не только лично рукоприкладствовал, но и систематически давал санкцию подчиненным на применение избиений⁴. Еще будучи начальником Особого отдела НКВД 15-й стрелковой дивизии Красной Армии, Овчинников «отличился» в случае с майором Л.И. Клейнгофом, которого он «расколол» после 30-часовой «усиленной работы», в результате майор дал показания, что является шпионом не только немецкой, но и латышской разведки⁵. Когда кто-то из его коллег высказал сомнения по поводу правдивости этого «раскола», Овчинников заметил с улыбкой: «Ну что же, связей нет, [зато] есть доклад для Киева о вскрытой нами латвийской линии»⁶.

Следующий пункт обвинения в показаниях чекистов гласил, что Овчинников якобы отдал приказ об аресте 25 % личного состава 43-го стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии, базиро-

вавшейся в Кировограде, и угрожал подчиненным арестом в случае невыполнения своего приказа⁷. В этом намерении Овчинникова поддержал заместитель начальника УНКВД Николаевской области Поясов, который в ответ на заявления сотрудников о невозможности ареста 20–25 % личного состава полка, поскольку нет достаточного количества компрометирующих материалов, заявил следующее: «Вы много на себя берете. Это не по-чекистски, у нас кругом враги»⁸.

Еще одной целью обвинений в адрес Овчинникова стал его стиль руководства, который отличался высокомерной заносчивостью в отношении молодых сотрудников. Согласно показаниям, он якобы заявил юной чекистской смене следующее: «Вы отстали от жизни, работаете с врагами в белых перчатках, по-кустарному, не умеете колоть. Вот в Киеве арестованный через 24 часа дает показание. [...] Дайте мне на допрос японского императора, и он у меня через сутки расколется и даст развернутые показания о своей шпионской деятельности в пользу абиссинского негуса, и вы пройдете по его показаниям как соучастник его по шпионской деятельности»⁹.

Также в конце мая 1939 г. особоуполномоченный НКВД УССР Твердохлебенко получил еще два заявления, обличавшие Овчинникова. Сотрудники УНКВД Николаевской области подтверждали данные о том, что Овчинников недостаточно и неправильно осуществлял руководство молодыми чекистами¹⁰.

Против Овчинникова также играло извлеченное на свет обвинение, выдвинутое еще больше года назад, в котором он фигурировал как член «камарильи», сложившейся вокруг бывшего наркома внутренних дел УССР И.М. Леплевского, причем Овчинников якобы создавал вокруг наркома «ореол вождя, батьки украинских чекистов»¹¹. Леплевский лишился своего поста наркома в январе 1938 г. и был заменен А.И. Успенским. После перевода на службу начальником 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР Леплевский был арестован 26 апреля 1938 г. и осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 28 июля 1938 г. к ВМН как член контрреволюционной организации правых, член заговорщической организации в НКВД СССР и польский шпион¹².

Гораздо лучше для Овчинникова протекала проверка по партийной линии, которая в его отношении велась параллельно, также начиная с апреля 1939 г. Эта проверка осуществлялась областным комитетом партии во исполнение постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1938 г. об учете, проверке и утверждении

ЦК ВКП(б) ответственных работников НКВД. Аналогичное постановление уже принималось в 1936 г., теперь его фактически вновь привели в действие¹³. Поскольку Овчинников возглавлял Особый отдел НКВД Проскуровской кавалерийской армейской группы, он подлежал проверке Каменец-Подольским обкомом КП(б)У, так как г. Проскуров входил в состав Каменец-Подольской области. Как ни удивительно, обком ВКП(б) утвердил Овчинникова в его должности.

Очевидно, досье с компроматом, которое собрал на Овчинникова особоуполномоченный НКВД УССР Твердохлебенко, не попало на тот момент в руки партийной комиссии, занимавшейся проверкой кадров НКВД. Скорее всего, в неведении также оставался республиканский партийный аппарат: в конце мая – начале июня 1939 г. Овчинников был утвержден в своей должности ЦК КП(б)У¹⁴.

Однако партийная проверка протекала отнюдь не так гладко, как могло бы показаться. По настоянию секретаря Каменец-Подольского обкома КП(б)У Овчинников должен был персонально отправиться в Киев на встречу с начальником Особого отдела ГУГБ НКВД по Киевскому военному округу Н.А. Осетровым. Здесь, согласно Овчинникову, были проверены данные из досье, собранного на него особоуполномоченным НКВД УССР Твердохлебенко, причем это досье содержало не новые, а старые данные. Главным образом речь шла о том, в какой степени Овчинников нес ответственность за то, что не был своевременно «вскрыт» двойной агент Екатерина Негруш, проходившая по делу «Маскировка»¹⁵. Кроме того, в собранном на Овчинникова компромате говорилось о том, что он вовлекал в пьянки сотрудника УНКВД Николаевской области Александра¹⁶. Но в конечном итоге начальник Особого отдела ГУГБ НКВД Киевского военного округа Осетров пришел к выводу, что все выдвинутые против Овчинникова обвинения лишены оснований¹⁷. Очевидно, на момент разбирательства даже Осетров не располагал полным комплектом материалов, собранных Твердохлебенко на Овчинникова, и руководствовался при вынесении решения только «старыми» документами, подшитыми в личное дело его подчиненного.

После успешного прохождения партийной проверки и, отчасти, проверки со стороны НКВД, казалось, что ситуация складывается для Овчинникова неплохо. В последний майский день 1939 г. приказом народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии ему было даже присвоено внеочередное специальное звание «ка-

питан государственной безопасности», которого Овчинников так добивался. Вслед за этим начальство поощрило его бесплатным отдыхом на курорте в Сочи.

Арест, последовавший 5 августа 1939 г., спустя десять дней после возвращения Овчинникова с курорта, был для чекиста громом с ясного неба¹⁸. Пункты обвинения, перечисленные в постановлении о возбуждении следствия от 2 августа 1939 г., наглядно подтверждают, что решение об аресте Овчинникова принималось исключительно на основании новых данных о служебных проступках чекиста, которые особоуполномоченный НКВД УССР Твердохлебенко начал собирать с апреля 1939 г. При этом «старые» грехи Овчинникова – случай с двойным агентом, близость к Леплевскому или участие в пьянках не сыграли здесь какой-либо роли. Сам Овчинников упорно искал объяснения своего ареста и в то же время не мог представить, что его арест стал следствием приведенных выше служебных проступков.

Соответственно в постановлении о возбуждении следствия, завизированном врид. наркома внутренних дел УССР А.З. Кобуловым, приводились только следующие пункты обвинения: Овчинников проводил массовые аресты, вымогал у арестованных признания в антисоветской деятельности, избивал их, в том числе избил до смерти «военнослужащего Кировоградского авиасоединения орденоносца Городинского», а потом утверждал, что Городинский покончил жизнь самоубийством. В вину чекисту также вменялось то, что «в практике своей работы Овчинников искусственно создавал новые линии», устанавливая лимиты арестов. Так, Овчинников приказал оперуполномоченному младшему лейтенанту государственной безопасности Н.Е. Мамонтову арестовать в «подопечном» полку его командира, комиссара и 25 % командного состава, угрожая своим подчиненным арестом в случае невыполнения приказа¹⁹.

Обвинение сначала квалифицировалось по статье 206-17, пункт «б» УК УССР (должностное преступление, совершенное при отягчающих обстоятельствах, предусматривалось наказание вплоть до высшей меры), но после вмешательства исполняющего обязанности Военного прокурора пограничных и внутренних войск УССР Морозова было переквалифицировано на «менее тяжелый» пункт «а» статьи 206-17 УК УССР²⁰.

В ходе следствия, которое длилось с начала августа 1939 г. вплоть до марта 1940 г., то есть около $\frac{3}{4}$ года, сторона обвинения попыталась утяжелить обвинения, выдвинутые против Овчинни-

кова. То же самое случилось на процессе, который проходил 26–28 марта 1940 г. в Николаеве в здании УНКВД²¹. Как и в случае с судами в отношении «группы Карамышева», а также прочими процессами по делам чекистов-«перегибщиков», обвинение опиралось практически исключительно на показания свидетелей. Вещественные улики играли маргинальную роль.

Центральным моментом как предварительного следствия, так и самого процесса была смерть военнослужащего Городинского, которая, как предполагалось, была следствием побоев, причиненных подследственному Овчинниковым и его подчиненными. Проблема заключалась в том, что ни один из сотрудников НКВД не мог напрямую засвидетельствовать факт избияния Городинского лично Овчинниковым. Свидетели «лишь только» видели, как сильно избитого человека вынесли из кабинета следователя, а также слышали его крики. В пользу Овчинникова было также заявление его подчиненных о том, что Городинский в ходе допроса напал на Овчинникова и повредил ему руку. Также не было однозначно доказано прямое участие Овчинникова в возможной манипуляции со свидетельством о смерти заключенного. Опрошенные служащие центральной тюрьмы г. Николаева, в которой Городинский в итоге скончался от причиненных побоев, путались в своих показаниях.

Военная прокуратура предприняла попытку уличить Овчинникова обходным путем, собирая показания о том, что чекист и прежде неоднократно избивал подозреваемых. В конце концов Овчинников даже признался в том, что действительно поднимал руку на двух арестованных (Майер и Кравцевич), но не избивал их.

Дальнейшие показания свидетелей со стороны жертв можно было использовать лишь с оговорками, поскольку было ясно, что эти свидетели «только» слышали от третьих лиц, что Овчинников занимался рукоприкладством или что в ходе допросов применялись железные пруты.

Побочным эффектом допроса многочисленных свидетелей стало выяснение того, по какому принципу Овчинников и сотрудники его отдела выбирали и отдавали под суд «своих» жертв. Так, служащий аэродрома в Кирово, некто М.Б. Галицкий, был арестован по обвинению в халатности и осужден на два года условно²². При этом, согласно показаниям осужденного, следователи действовали следующим образом: «За 10 лет моей работы собрали недостатки, какие были, и их предъявили мне в обвинение»²³.

В своем последнем слове Овчинников, как и Карамышев, попытался представить себя в выгодном свете как борца «с извращениями законов в самом аппарате НКВД УССР». Кроме того, он похвалил сам себя за то, что лично «немало вскрыл врагов народа в самих органах НКВД». Только в самом конце Овчинников признал, что он действительно, хотя лишь в качестве исключения, избивал военнослужащих Красной Армии Майера и Кравцевича. Однако эти меры были им применены «как к явным врагам народа по разрешению»²⁴.

В конечном итоге процесс над Овчинниковым был, по своей сути, повторением первого суда над Карамышевым. Судьи вынесли исключительно мягкий приговор. В приговоре суда факт избивания военнослужащего Городинского был существенно преуменьшен. Суд присоединился к показаниям свидетелей, согласно которым смертельные побои были интерпретированы как акт самозащиты, как необходимое действие, чтобы утихомирить заключенного: «Во время допроса арестованный Городинский набросился на Овчинникова и нанес ему побои головы и руки стулом. На крик о помощи Овчинникова сбежались сотрудники и, видя арестованного со стулом в руках, применив физические меры к изъятию стула, при этом нанесли побои Городинскому. Ночью же Городинский был отвезен Овчинниковым в тяжелом состоянии в тюрьму и водворен в карцер. После этого часов через пять Городинский был обнаружен в карцере мертвым»²⁵.

Суд воспринял смерть Городинского как акт самоубийства. В приговоре суда также значилось, что тюремный врач «по своей инициативе» написал в заключении о смерти, «что заключенный с целью самоубийства с сильным ушибом лба о стенку умер вследствие сотрясения мозга».

Обвинения в избивании Овчинниковым других подследственных не были доказаны, поскольку не имелось каких-либо улик, кроме их собственных показаний. Своих сотрудников Овчинников также не побуждал применять «физическое воздействие при допросах».

Суд также выразил свое сомнение по поводу обвинения Овчинникова в необоснованных арестах ряда персон, поскольку, как подчеркивалось в тексте приговора, на этих лиц еще до ареста у органов имелись «некоторые материалы».

В конечном итоге в вину Овчинникову вменялось лишь неоказание медицинской помощи Городинскому, а также то, что не была установлена причина смерти военнослужащего, а тело было

погребено не через морг, а вместе с телами расстрелянных, что означало, что Городинского похоронили не в индивидуальной, а в безымянной братской могиле.

В итоге Овчинников был осужден к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком в три года. В приговоре особенно подчеркивалось, что чекиста осудили по пункту «а», а не пункту «б» ст. 206-17 УК УССР. В качестве смягчающего обстоятельства указывалось, что Овчинников не преследовал корыстной цели, не имел ранее судимостей и не был «социально опасным» элементом²⁶.

Три месяца спустя, 22 июня 1940 г., Военная коллегия Верховного Суда СССР, как и в случае с Карамышевым, хотя и несколько позднее, опротестовала вынесенный приговор. В первую очередь вопросы вызывала вынесенная мера наказания. В качестве обоснования указывалось, что предварительное следствие установило, что Овчинников проводил массовые аресты, применял незаконные методы в ходе следствия, а в случае с Городинским – «физические меры», которые привели к смерти подследственного. Кроме того, стали известны дополнительные факты, которые нуждались в проверке²⁷.

Заново начато следствие, как и в случае Карамышева, мало чем отличалось от предыдущего: новых свидетелей привлекали мало, уже опрошенные однажды свидетели были передпрошены еще раз. Гораздо важнее было то, что теперь сторона обвинения смогла предоставить конкретные улики, подрывавшие главный пункт оборонительной стратегии Овчинникова, а именно повторявшееся все снова и снова утверждение, согласно которому Овчинников не проводил и не мог проводить арестов, не получив санкции военной прокуратуры и НКВД УССР²⁸. Овчинников был здесь прав, однако теперь следствие сумело наглядно доказать, что далеко не во всех делах арестованных была подшита соответствующая телеграмма из Киева²⁹.

И все же факт остается фактом: повторное следствие не выявило ничего нового. Второй приговор был вынесен, как и в случае с Карамышевым, на основании уже имевшейся ранее информации. Чтобы добиться желаемого и не оставлять приговор на волю судьбы, власти сменили не только судью, но и, что было в данном случае особенно важно, двух народных заседателей «из числа утвержденных по УНКВД»³⁰.

Спустя год после первого процесса Военный трибунал войск НКВД Киевского Особого военного округа, заседавший 10–13

марта 1941 г., осудил Овчинникова по пункту «б» ст. 206-17 УК УССР (тяжкие служебные преступления) к 10 годам лагерей. Овчинников был признан виновным по всем пунктам, однако в качестве смягчающего обстоятельства была признана продолжительная служба обвиняемого в рядах Красной Армии и НКВД³¹.

В качестве новации в деле Овчинникова следует выделить то, что партийные инстанции и особоуполномоченный НКВД не работали вместе, и даже далеко не все заинтересованные подразделения НКВД были проинформированы обо всех результатах предварительного расследования особоуполномоченного. Зато готовность как местной партийной инстанции, так и трибунала добиться оправдания обвиняемого была здесь выше, чем в случае с первым процессом Карамышева.

2. Законопослушные руководители

Расследование фактов «нарушения социалистической законности» с последующим судом затронуло в Николаевской области не только сотрудников областного управления, но и чекистов из районных отделений НКВД. Одно из этих дел было даже связано с делом Карамышева, хотя эта связь и была опосредованной. Речь идет о деле бывшего начальника Владимировского РО НКВД Зельмана Давидовича Лившица.

Лившиц родился в 1888 г. в Белоруссии, в деревне Колочин Речицкого уезда Гомельской губернии, в бедной еврейской семье, насчитывавшей восемь человек. Он пошел по стопам своего отца и в 1907 г. стал работать в родной деревне на «кулака», став розничным торговцем. С 1910 г. по 1913 г. Лившиц служил в царской армии. В 1914 г. он вновь был мобилизован в армию, но вскоре попал в плен и был отправлен в Германию, где и находился вплоть до 1918 г. После своего возвращения домой он работал сначала регистратором и делопроизводителем, потом – заместителем секретаря Речицкого уездного ревкома. В 1919 г. Лившиц переселился в Житомир. До своего поступления на службу в органы ВЧК–ГПУ Лившиц служил политработником при Житомирском военном госпитале. С конца 1921 г. он начал служить в органах ВЧК–ГПУ – вплоть до 1926 г. в бывшей Волынской губернии, потом – в одном из окружных отделов ОГПУ в должности помощника уполномоченного по политическим группиров-

кам, после чего был откомандирован в Киев. Позднее он сменил ряд постов в особых отделах ГПУ и районных отделениях НКВД, пока 1 октября 1937 г. не занял пост начальника Владимировского РО НКВД.

В 1928 г. Лившиц вступил в ВКП(б). Чекист был женат, воспитывал дочь. Что касается наград, то здесь Лившиц мог похвастаться лишь двумя часами в металлическом корпусе, которые были вручены ему в декабре 1927 г. по случаю десятилетней годовщины ВЧК–ОГПУ. Зато груз наказаний был гораздо тяжелее, особенно часто его наказывали в 1930-е годы. Так, в 1934 г. Лившиц был арестован на пять суток за то, что допустил «чуждый элемент» к охране арестованных. В 1936 г. ему поставили на вид «отсутствие контроля над следственными делами». В этом же году он получил строгий выговор с предупреждением за «нарушение финансовой дисциплины и неудовлетворительное состояние финансовой работы в РО». В 1937 г. вновь последовал выговор, на этот раз от начальника УНКВД Николаевской области, «за беспринципную склоку с работниками раймилиции на почве лично хозяйственного обростания»³². Весной 1938 г. в личном деле Лившица была сделана запись, полная негативных характеристик: «оперативную работу знает слабо», «недостаточно грамотный», «бесцельно суетлив», «любит много говорить, а мало делает». Вывод из этого делался следующий: «Нуждается в повседневном руководстве и контроле в работе»³³.

Казалось бы, летом 1938 г. отношение начальства к Лившицу изменилось на 180 градусов. В наградном листе, подписанном Карамышевым, теперь значилось: «политически развит удовлетворительно», «дисциплинирован», «аккуратен», «инициативен». Несмотря на то, что Лившиц «все время в районе работал один, он сумел развернуть работу по вскрытую вражеского подполья в районе, проявляя инициативу и настойчивость»³⁴. Далее в наградном представлении перечислялись успехи Лившица: «В районе вскрыто две повстанческие организации из бывших эсеров и кулаков, по которым осуждено 38 человек, из них по 1-й кат[егории] 37. Вскрыта к-р организация, состоящая из кадров УКП, по которой проходит 18 чел., уже арестовано 12 чел. Вскрыта повстанческая группа, по которой проходит 27 чел., уже арестовано 7 чел. Следствие по делу разворачивается успешно»³⁵. За достигнутые успехи Лившиц был награжден «ценными подарками»³⁶.

Однако осенью 1938 г. положение Лившица вновь радикально изменилось. В ноябре 1938 г. Карамышев применил к нему меры

административного взыскания по обвинению в нарушении социалистической законности. Конкретная связь между делом Карамышева и Лившицем заключалась в том, что Карамышев во время следствия и суда все снова и снова ставил себе в заслугу свои энергичные действия в деле поддержания социалистической законности³⁷. В качестве наиболее выдающегося примера он приводил меры в отношении Лившица, принятые им в конце 1938 года³⁸. Автопортрет защитника законности, который нарисовал Карамышев, действительно имел документальное подтверждение. 17 ноября 1938 г. приказом Карамышева по областному управлению Лившиц был арестован на 20 дней и отстранен от оперативной работы, что фактически означало неминуемое увольнение из органов. В этом приказе, подписанном, помимо Карамышева, начальником отдела кадров областного управления А.С. Бовчалюком, в качестве обоснования штрафных санкций по отношению к Лившицу назывались нарушения, допущенные в процедуре следствия, а именно «взятие заведомо ложных показаний от арестованных и аресты по ним честных колхозников»³⁹.

В ходе предварительного расследования были установлены факты фальсификации документов следствия, а также запугивания и обмана обвиняемых, вербовки агентов и секретных сотрудников с целью получения от них требуемых показаний, с помощью которых Лившиц маскировал свои незаконные методы работы⁴⁰. Лившиц в свою очередь обратился в декабре 1938 г. к врид. наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулову с жалобой на несоизмеренно тяжелое, с его точки зрения, наказание. Сотрудник НКВД, который по поручению Кобулова расследовал жалобу, рекомендовал в конце декабря 1938 г. смягчить наказание – согласиться с дисциплинарным наказанием, при этом перевести Лившица в кадровый резерв НКВД⁴¹. В результате арест был сокращен с 20 до 15 суток, Лившиц остался на службе в НКВД. Сначала он был временно переведен в 1-й спецотдел НКВД УССР и какое-то время занимал должность исполняющего обязанности оперуполномоченного⁴².

Это, хотя и символическое, наказание Лившица по обвинению в нарушении социалистической законности, которое последовало в ноябре – декабре 1938 г., являлось составной частью кампании по дисциплинированию всего областного аппарата НКВД, предпринятой руководством УНКВД во главе с Карамышевым.

Карамышев позднее, в ходе «своего» судебного процесса, назвал еще ряд начальников районных отделений НКВД, против

которых он выдвигал обвинения в нарушении соцзаконности, а именно Гавриленко и Ф.И. Дарова, которых он отдал под суд⁴³, а также И.Г. Белова, которого за произвольные аресты он сажал под арест на 20 суток⁴⁴. Карамышев также приводил имена Н.Д. Лавриненко⁴⁵, А.И. Мишустина⁴⁶, И.Ф. Мартыненко⁴⁷, Л.И. Винницкого и Ю.М. Побережного. В отношении этих сотрудников⁴⁸ НКВД им применялись дисциплинарные взыскания, перевод на другие должности и, в качестве исключения, увольнение из органов⁴⁹.

Складывается впечатление, что готовность руководства УНКВД Николаевской области наказать своих подчиненных за служебные преступления носила скорее спорадический характер, и это подтверждает случай с еще одним сотрудником, дело которого Карамышев приводил в качестве очередного доказательства своей борьбы во имя укрепления социалистической законности. Речь идет о деле бывшего секретаря Еланецкого РО НКВД Ивана Филипповича Мартыненко.

Мартыненко родился в 1911 г. в с. Воссиятское Елисаветградского уезда Херсонской губернии в семье бедного украинского крестьянина. Получил только низшее образование, был женат, имел двух детей. Его жена работала в местном колхозе. В 1933–1938 гг. он был членом комсомола.

Арест Мартыненко последовал 27 августа 1938 г. по обвинению в участии в «антисоветской троцкистской террористической группе». Преступления, совершенные чекистом, сначала квалифицировались по «политической» статье 54 УК УССР, параграфы 8 и 11, однако вскоре параграф 8 был заменен на параграф десятый⁵⁰.

Вплоть до конца января 1939 г. обвинение придерживалось «троцкистско-заговорщицкой» линии. Все допросы преследовали цель «вскрытия» троцкистской группы с участием Мартыненко. Однако в постановлении о продлении сроков его содержания под стражей в 1939 г. в качестве обоснования неожиданно были приведены следующие причины: «[...] растратил денежные средства, занимался превышением власти, подлогами документов»⁵¹.

Однако это изменение не сразу отразилось в протоколах допросов. Лишь спустя четыре месяца, 16 апреля 1939 г., в деле Мартыненко произошел коренной поворот. Из обвинения полностью выпали «политические параграфы», тем более что сам подследственный уже в середине марта дистанцировался от своих «признаний», согласно которым он был членом троцкистской

группы; к тому же от своих показаний отказался один из свидетелей со стороны обвинения⁵².

Однако снятие обвинений в троцкизме отнюдь не означало освобождения из-под стражи. Напротив, обвинение было переквалифицировано на менее тяжкие должностные преступления по статьям 104 и 206-17«а» УК УССР. Расследованием дела в результате занялся особоуполномоченный УНКВД Николаевской области⁵³. Были опрошены многочисленные свидетели, установлено существование разветвленной системы пыток подследственных, в которых участвовал не только Мартыненко, но и целый ряд сотрудников госбезопасности и милиции Еланецкого РО НКВД⁵⁴.

3 декабря 1939 г. состоялось заседание Военного трибунала войск НКВД Одесской области, на котором Мартыненко был приговорен за преступления по должности к пяти годам лишения свободы.

В случае с начальником Владимировского РО НКВД Лившицем, как и в случае с Мартыненко, прошло много времени, прежде чем дело дошло до серьезного расследования по обвинению в служебных преступлениях. Только весной 1939 г. Поясов, заместитель Карамышева, отдал распоряжение еще раз проверить обвинения, выдвинутые ранее в адрес Лившица, причем, как подозревал Лившиц, Поясов это сделал в надежде отвести удар от себя самого⁵⁵. В апреле – мае 1939 г. были допрошены как бывшие сотрудники Лившица, так и его жертвы. На этой фазе следствия Лившиц, точно так же, как и Трушкин, предпринял все усилия, чтобы помешать бывшему негласному сотруднику НКВД, которого он в свое время использовал, чтобы подбрасывать оружие подозреваемым, отказаться от данных ранее сфабрикованных показаний. Для этого Лившиц даже отправился вслед за сексотом в Николаев, подкараулил его у здания областного управления НКВД, попытавшись помешать ему пойти к Поясову и выложить все начистоту, что, однако, не удалось⁵⁶.

Обвинения в адрес Лившица становились все более тяжелыми и многообразными, в том числе стали включать в себя обвинения в пытках⁵⁷. Уже 2 апреля 1939 г. Владимировский райком КП(б)У вынес Лившицу строгий выговор с занесением в личную карточку «за клевету и противопоставление своего служебного положения парторганизации района»⁵⁸. Это еще не означало исключения из партии, и все же петля на шее чекиста неуклонно затягивалась.

На партийном собрании работников УНКВД Николаевской области, состоявшемся 5–7 мая 1939 г., Лившиц уже характеризовался как сотрудник, «который допустил грубое извращение в работе»⁵⁹.

19 мая 1939 г. Лившиц, в поисках помощи и попытке оправдаться, обратился к особоуполномоченному НКВД УССР А.М. Твердохлебенко, который, как уже упоминалось, занимался в Николаеве расследованием случаев «нарушения социалистической законности»⁶⁰. Но все было напрасно. 8 июля 1939 г. последовал арест Лившица, постановление об аресте было подготовлено аппаратом особоуполномоченного НКВД УССР⁶¹. Одновременно Лившица исключили из ВКП(б). Спустя четыре месяца Военный трибунал войск НКВД Киевского военного округа в закрытом заседании, протекавшем с 30 октября по 2 ноября 1939 г., осудил Лившица по статье 206-17, пункт «а», к шести годам лагерей с лишением наград и специального звания⁶².

В ходе процесса было установлено, что наряду с другими правонарушениями специфическим приемом Лившица в ходе следствия являлось систематическое применение «высидки» и «выстойки» к особо «несговорчивым» подследственным, которых в «обычных случаях» заставляли беспрерывно стоять на ногах или сидеть на специальном табурете с высокими ножками в течение трех-четырёх суток. В экстремальных случаях пытка могла продолжаться до девяти суток.

У Лившица была серьезная мотивация выявить «врагов» в своем районе и выбить из них признания «специальными методами», поскольку его весьма влиятельное положение во Владимирке было далеко не бесспорным. В ходе тайных выборов в бюро РК КП(б)У кандидатура Лившица получила несколько голосов против, что было для него явным доказательством того, что на подвластной ему территории все еще есть неблагонадежные лица⁶³. В результате в случае с делом Лившица партийная организация вела себя, в виде исключения, существенно активней и внесла свой вклад в его осуждение.

Что же касается дела Мартыненко, то оно служит типичным аргументом в пользу тезиса, согласно которому период лета 1938 г. – весны 1939 г. представлял собой переходную фазу, когда стандартное обвинение в троцкизме было заменено обвинением в совершении должностных преступлений.

3. Убежденные исполнители

Осуждение сотрудников НКВД самого низшего – районного – уровня было весьма распространенной практикой. 16 ноября 1939 г., то есть точно посередине между датами суда над Лившицем и Мартыненко, были привлечены к ответственности начальник Долинского РО НКВД и помощник оперуполномоченного из этого же районного отдела. Они оба первоначально обвинялись по статье 206-17, пункт «б», в конечном итоге Военный трибунал войск НКВД Киевского Особого военного округа осудил их по пункту «а». Первый получил десять, второй – восемь лет лагерей⁶⁴. Трибунал заседал не в Долинске и даже не в Николаеве, а в Кировограде. Объясняется это тем, что Долинский район на момент суда уже не входил в состав Николаевской области, а был передан Кировоградской области, созданной 10 января 1939 г.

В случае с осужденными чекистами речь шла, во-первых, о Петре Яковлевиче Коробцеве, который родился в 1904 г. в с. Кайдаки Екатеринославской губернии. Таким образом, к моменту ареста ему исполнилось 35 лет. Коробцев происходил из русской рабочей семьи, имел начальное образование – шесть классов школы. В материалах следствия указывалось, что отец Коробцева работал железнодорожником. Сам чекист подчеркивал: «Я сын кадрового рабочего, отец мой 44 года проработал на производстве и сейчас работает. Коммунист». Коробцев вступил в комсомол уже в 1920 г. Комсомольцем был его брат, а его сестра – членом коммунистической партии. В 1927 г. Коробцев также вступил в партию, а на следующий год, в возрасте 24 лет, стал сотрудником РО НКВД. В 1938 г. он был назначен начальником Долинского РО НКВД, после этого стал делать успешную карьеру в органах УНКВД свежееиспеченной Кировоградской области, заняв должность исполняющего обязанности помощника начальника УНКВД. Арест, последовавший 24 мая 1939 г., прервал его только начавшееся восхождение по служебной лестнице⁶⁵.

Вторым чекистом, который оказался на скамье подсудимых вместе с Коробцевым, был Елизар Федорович Демчук. Его карьера в органах госбезопасности была менее впечатляющей. Демчук родился в 1905 г. в с. Деревичи Новоград-Волынского уезда Волынской губернии (ныне – Любарский район Житомирской области), но не в рабочей семье, как его начальник, а в семье крестьянина-бедняка. Как и Коробцев, он имел лишь начальное образование. В 1928 г. Демчук вступил в ВКП(б), в ноябре

1929 г., сразу же после демобилизации из Красной Армии, стал сотрудником ГПУ УССР. Вначале он работал простым делопроизводителем в окружных отделах ГПУ Нежина и Чернигова, потом, с 1930 г. по 1933 г. – фельдъегерем и начальником экспедиции Олевского и Овручского отделов ГПУ. В 1933 г. был переведен на оперативную работу на должность сверхштатного помощника оперуполномоченного Гельмязевского райаппарата ГПУ, с 1933 г. по 1937 г. работал в политотделах совхозов «Реконструкция» и «Прогресс». С февраля 1937 г. по апрель 1938 г. Демчук занимал должность помощника оперуполномоченного Долинского РО НКВД. Как и в случае с Коробцевым, его карьера начала ускоряться с образованием новой области в составе Украины – Кировоградской, где в областном управлении НКВД Демчук занял пост оперуполномоченного 2-го отдела (СПО), пока 7 мая 1939 г. не был уволен «за нарушение труддисциплины». Вплоть до своего ареста, который последовал спустя более двух месяцев после увольнения, 27 июля 1939 г., Демчук работал председателем Братолюбовского сельсовета Долинского района Кировоградской области⁶⁶.

Дело Коробцева и Демчука отличалось от дела Лившица в двух отношениях. Во-первых, оба чекиста привлекли к себе внимание начальства не в 1938 г., а весной 1939 г. Самые первые документы расследования в их отношении датируются концом марта 1939 г., когда в Долинск выехала «следственная» комиссия под руководством начальника 3-го отдела УГБ УНКВД по Кировоградской области А.А. Гайдука. Целью комиссии, которая была образована при активном участии нового начальника Долинского РО НКВД Воровика, был сбор компрометирующей информации о нарушении социалистической законности бывшим районным руководством НКВД⁶⁷. В распоряжении комиссии находилась жалоба, направленная к тому времени уже почти год назад председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину, где сообщалось о пытках и издевательствах над арестованными, практиковавшимися сотрудниками Долинского РО НКВД. Жалобу написал 17 апреля 1938 г. бывший директор совхоза им. Карла Маркса А.Я. Бажко, на тот момент арестованный и содержащийся в Николаевской тюрьме⁶⁸. Начальник Долинского РО НКВД Коробцев выступал в этой жалобе как главный нарушитель социалистической законности, под руководством которого процветало плохое обращение с арестованными. Комиссия также была поставлена в известность о том, что один из арестованных,

предназначенный бывшим руководством Долинского РО НКВД к осуждению, был освобожден 13 марта 1939 г. из-под стражи, поскольку все обвинения против него были полностью сфабрикованы долинскими чекистами.

Второе отличие от дела Лившица заключалось в том, что сначала следствие, а потом и суд концентрировались не столько на «применении физических мер воздействия», сколько почти исключительно на фактах фальсификации свидетельских показаний и экспертиз. Дело Коробцева – Демчука представляет особый интерес еще и потому, что следствию удалось с большой точностью установить, как сотрудники НКВД осуществляли масштабные манипуляции с материалами следствия и почему начальник РО НКВД Коробцев был убежден, что, несмотря на все эти нарушения закона, он верно действовал в духе политики партии и государства.

Практическое осуществление массовых репрессий на территории Долинского района выглядело, как следует из рапорта секретаря РО НКВД П.А. Гончарова, следующим образом: на подготовительной стадии массовой операции НКВД по приказу № 00447, а также операций по «национальным линиям» Коробцев был вызван для прохождения инструктажа в Днепропетровск, где руководящие кадры областного управления, получившие инструкции в Москве 16–20 июля 1937 г., теперь в свою очередь объясняли подчиненным, какую акцию им предстоит осуществить и каким образом⁶⁹. Вернувшись из Днепропетровска, Коробцев созвал совещание, на котором присутствовали не только чекисты, но и сотрудники милиции. Очевидно, присутствие милиционеров объяснялось инструкцией, полученной в Днепропетровске, тем более что милиция и органы государственной безопасности были объединены в 1934 г. в рамках единого комиссариата. На собрании Коробцев объявил подчиненным, что предстоит «большая оперативная работа по изъятию к-р и антисоветских элементов». Весь технический аппарат был привлечен для составления списков, в которые включались лица, находившиеся в агентурной разработке, на которых были заведены «дела-формуляры»⁷⁰ или «дела-первички»⁷¹, а также те, на кого в районном отделении НКВД имелись компрометирующие материалы, нуждавшиеся в дальнейшей проверке. Вслед за этим оперативному штабу, сформированному из числа работников госбезопасности и милиции района, было поручено заняться последней из групп потенциальных жертв. Для этой цели сотрудники штаба должны были отправить-

ся в поездки по селам района, чтобы собрать свидетельские показания, подтверждавшие имевшийся разрозненный материал.

Специальной миссией Коробцева в качестве начальника РО НКВД была поездка в Кривой Рог, в ходе которой он должен был представить законченные дела на рассмотрение руководства оперативного сектора (в «украинском» варианте – межрайонной оперативной группы). Сеть межрайонных оперативных групп покрывала собой всю Украину, каждая из них объединяла несколько районов, их задачей являлась координация массовых операций на самом низшем уровне. Межрайонные оперативные группы были изначально задуманы как промежуточное звено между областными управлениями и районными отделами НКВД. В Кривом Роге Коробцев получил санкцию на арест ряда лиц от начальника межрайонной оперативной группы Л.С. Райцеса⁷², который просто расписался на обложках дел. По возвращении в район Коробцев немедленно отдал приказ о проведении арестов.

Параллельно с этими арестами на стол Коробцева была положена целая кипа протоколов показаний свидетелей, собранных сотрудниками оперативного штаба на лиц, предназначавшихся к аресту. Однако вскоре после проверки выяснилось, что данные протоколы не отвечают требованиям, поэтому была создана специальная группа, занимавшаяся их переработкой. Как позднее писал в своем рапорте бывший секретарь Долинского РО НКВД П.А. Гончаров, «в связи с тем, что большинство протоколов были написаны уч[астковыми] инспекторами неграмотно, бессмысленно и неряшливо, Коробцев сказал, что такие протоколы в следдела подшивать нельзя, и организовал группу для переписывания протоколов и корректировки их»⁷³. В свою очередь Коробцев объяснял свои действия так: «Я давал указания переписывать те протоколы, в которых были написаны недопустимые выражения антисоветского порядка, и для того, чтобы протоколы были написаны в хронологическом порядке. [...] Протоколы переписывались для более культурного оформления следствия»⁷⁴.

В группу по переписыванию протоколов вошли наиболее грамотные сотрудники госбезопасности и милиции: секретарь Долинского РО НКВД Гончаров, оперуполномоченный РО НКВД Демчук, начальник паспортного стола Товстик, помощник уполномоченного отдела уголовного розыска Л.И. Сухой и деловод-архивариус районного ЗАГСа Ковсюков. Коробцев лично выработал для этой команды образцы показаний, которые подлежали внесению в протоколы. Переработанные протоколы, как показал позднее Гончаров, вновь подавались свидетелям на подпись⁷⁵.

По завершении этой работы Коробцев еще раз выехал в Кривой Рог, чтобы получить от сотрудников межрайонной опергруппы подтверждение удовлетворительного качества дел, оформленных его подчиненными. Однако выяснилось, что, несмотря на проведенную переработку показаний свидетелей, дела все еще не отвечали «стандартам» массовых операций. Критика главным образом сводилась к тому, что в показаниях свидетелей слишком много внимания уделялось «темному» прошлому потенциальных жертв, в то время как почти полностью отсутствовали данные об их актуальных проступках. Помимо этого, как показал позднее Гончаров, Коробцев по возвращении в район заявил, что руководство опергруппы потребовало от него сделать «нажим на повышение темпов в ведении следствия по делам, и чуть ли ими даже дан был “план” на представление на определенное число энного количества дел»⁷⁶.

Чтобы справиться с возникшими трудностями, был изменен состав группы по переработке протоколов. Из старого состава остались Товстик, Сухой и Демчук, к ним добавились начальник Долинского РОМ Ф.А. Колисный, уполномоченный УРО РОМ Деревой, участковые инспекторы РОМ М.И. Короленко и Залевский⁷⁷, а также сам Коробцев. Задача секретаря Долинского РО НКВД Гончарова заключалась теперь в том, чтобы выписывать постановления об аресте, получать санкцию на арест у прокурора, заполнять анкеты арестованных и подшивать законченные дела, включая опись бумаг⁷⁸.

В отличие от теории, «трудовая» реальность сотрудников госбезопасности и милиции выглядела несколько иначе. Проблемы начались уже в ходе получения компрометирующих свидетельских показаний: «трудно было подыскивать свидетелей, которые давали бы действительные показания о тех или иных антисоветских проявлениях арестованных, в основном показания давались о прошлом обвиняемого, а также делах, в которых не было отражено антисоветской агитации или других к-р действий»⁷⁹.

В этой ситуации следователи привлекали для дачи показаний так называемых «штатных» свидетелей, готовых по разным причинам дать требуемые сведения, а также использовали в качестве свидетелей секретных сотрудников УГБ и милиции, хотя тройка формально не имела права учитывать их показания. Для чекистов и милиционеров такого рода свидетели имели решающее «преимущество», поскольку они «давали показания такие, которые были нужны для следдела»⁸⁰. Одного из таких «штатных» свиде-

телей по фамилии Марикуц начальник паспортного стола Товстик характеризовал следующим образом: «Он всегда, когда угодно и что угодно подписывал»⁸¹.

Гончаров описывал использование таких свидетелей как регулярную практику и приводил целый ряд конкретных имен. «Штатные» свидетели даже подписывали по просьбе сотрудников НКВД чистые бланки протоколов, после чего следователь мог написать все, что ему вздумается⁸². Еще одна преступная практика заключалась в том, что сотрудники РО НКВД выуживали случайные фамилии из дворовых книг района, вносили их в качестве свидетелей в протоколы и расписывались от их имени⁸³. Манипуляциям со стороны специальной группы подвергались также и «чистовики» протоколов допросов свидетелей. Так, согласно показаниям Коробцева, следователями, наряду с правдивыми данными о «контрреволюционном» прошлом обвиняемого, «вписывались необходимые выражения антисоветской агитации, направленной на срыв мероприятий Соввласти, по адресу Вождя партии и членов правительства»⁸⁴.

Товстик подтвердил это, когда показал, что группе, занимавшейся «улучшением» свидетельских показаний, были предоставлены «готовые тексты с антисоветскими выдержками, чтобы эти мнимые показания свидетелей были бы более вескими и насыщенными фактами о якобы проводимой контрреволюционной деятельности обвиняемых»⁸⁵. Один из секретных сотрудников Долинского РО НКВД прямодушно признался, что, когда ему предъявили во второй раз такой переработанный протокол, он подписал его не читая⁸⁶.

Чтобы не тратить время и силы на процедуру вторичного подписания протоколов свидетелями, группа Коробцева разработала еще одну «стратегию». Демчук просто ставил подписи за свидетелей, расписываясь левой рукой, что впоследствии было подтверждено графологической экспертизой⁸⁷.

Чекисты занимались фальсификацией не только свидетельских показаний, но и другой важнейшей, фактически неотъемлемой составляющей следственных дел – фальсифицировались справки (характеристики) сельских советов, на территории которых проживали жертвы репрессий⁸⁸. Чекисты и здесь широко использовали свой авторитет, чтобы повлиять на содержание справок. Как следует из показаний секретаря РО НКВД Гончарова, «когда справки из сельсовета [...] РО не удовлетворяли, то нач. РО НКВД вызывал председателей сельсовета и предлагал им писать

справки, какие нужно. Был такой председатель сельсовета Подлубный, который выдавал справки любого содержания, и не только он, а все сельсоветы были тогда так настроены, если являлся работник НКВД в сельсовет и спрашивает справку о каком-либо гражданине, не говоря, зачем эта справка, председатель сельсовета думал, тот гражданин враг, и спрашивал, какого содержания писать справку»⁸⁹.

На судебном процессе в отношении Коробцева и Демчука, состоявшемся зимой 1939 г., обвинение подробно представило вниманию судей все инциденты, установленные в ходе предварительного следствия. Однако наряду с обвиняемыми выступали только четыре свидетеля. Трое из них были членами группы по «переработке» протоколов свидетельских показаний, а именно бывший начальник паспортного стола Товстик, занявший на момент суда должность начальника Долинского РОМ, секретарь РО НКВД Гончаров и участковый инспектор РОМ М.И. Короленко. В случае с четвертым свидетелем, не имевшим никакого отношения к группе, речь шла о бывшем арестованном Г.С. Глушакове, который давал показания о том, как его мучил и оскорблял Демчук⁹⁰.

Оба обвиняемых – впрочем, как и трое членов группы по фабрикации «протоколов» – на первый взгляд, в своих выступлениях использовали в качестве защиты классический аргумент о необходимости выполнения противоправных приказов, то есть ссылались на то, что их действия, противоречившие существующему законодательству, были вызваны приказами сверху, которые они были вынуждены выполнять как военнослужащие, в противном случае им грозило жестокое наказание. Коробцев в свою очередь ссылался на то, что директиву «дать как можно больше дел» он получил от областного управления НКВД, то есть от вышестоящего начальства.⁹¹ Начальник Николаевского УНКВД Фишер и начальник межрайонной опергруппы Райцес якобы открыто ему заявили: «Если хоть одна антисоветская личность останется в районе, что нач. РО за это должен пойти по 1-й категории», что означало только одно: Коробцеву угрожали расстрелом⁹². Демчук также указывал на приказы сверху, когда в своем «последнем слове» так описывал ситуацию, в которой он оказался: «[...] тогда давались такие установки вражеским руководством области»⁹³.

Что же касается участкового инспектора милиции Короленко, занимавшего нижнюю ступень служебной иерархии, то он, описывая свое положение в качестве исполнителя, логичным обра-

зом ссылался уже на давление со стороны районного начальства: «Должен вам сказать, что если бы я не выполнил приказание нач[альника] РО НКВД или нач[альника] РКМ, хотя бы оно было и незаконное, то меня бы посадили и передали суду»⁹⁴. Более того, Короленко неоднократно подчеркивал, что он указывал начальству на «ненормальности» в ходе следствия, но все снова и снова наткнулся на глухую стену непонимания: «Я как-то сказал нач[альнику] РОМ Колискому о незаконном допросе свидетелей, он мне ответил: “Не ваше дело”»⁹⁵. В другом месте Короленко показал: «Я знал, что это подлог, но я не знал, что мне делать. Распоряжение нач[альника] РО НКВД не выполнить не мог. Я как-то раз пытался [...] говорить, но нач[альник] РО и нач[альник] Милиции мне ответили, что за операцию отвечают они, а не я»⁹⁶.

Обвиняемый Коробцев пытался снять с себя вину еще одним способом: он представлял все инциденты, случившиеся в его районном отделе НКВД, как абсолютное исключение из правила, как единичные разрозненные случаи⁹⁷.

Однако при повторном взгляде на дело Коробцева и Демчука становятся очевидными зияющие прорехи в защитной аргументации, вращавшейся вокруг вынужденного выполнения противоправных приказов. Самооценки обвиняемых и свидетелей из числа чекистов и милиционеров, прозвучавшие в ходе их объяснений, почему во время Большого террора они действовали так, а не иначе, можно считать как минимум противоречивыми. Уже в ходе предварительного следствия участковый инспектор Короленко, объясняя, что же его подвигло принять участие в исправлении протоколов свидетельских показаний, отчеканил следующую формулу: «Я считаю, что раз это исходит от нач[альника] РО НКВД – значит явление законное»⁹⁸. Такая позиция подрывает веру в правдивость его показаний, согласно которым он фальсифицировал протоколы против своей совести, поскольку на него надавили и угрожали арестом. В таком же духе он заявлял в другом месте: «Кроме того, я не допускал мысли, чтобы нач[альник] РО НКВД в своей работе делал беззакония»⁹⁹. Следующим высказыванием Короленко еще больше ослабляет представление о том, что он адекватно понимал происходившее и по меньшей мере критически относился к начальственным директивам: «Я не особенно развит и не разбирался – правильно ли мне давались распоряжения или нет»¹⁰⁰.

В конечном итоге именно обвиняемый Демчук четко выразил позицию, которая была свойственна чекистам в годы Большого

террора, а также показал, как он оценивал новую ситуацию 1939 г.: «Моя ошибка и была в том, что я как коммунист слепо доверял указаниям»¹⁰¹.

Что же касается обвиняемого Коробцева, то даже в 1939 г. он не задавался вопросом о неправомерности творившегося в районе при его непосредственном участии. «Улучшение» свидетельских показаний для Коробцева было лишь частью общего контекста борьбы с врагами народа. Содержательные вставки и дополнения в протоколы, равно как и фабрикацию показаний, он не рассматривал как что-то неправомерное, ведь фальсифицированные протоколы опирались на материалы агентурных донесений в отношении подозрительных лиц и групп населения. Коробцев открыто заявлял: «Когда начали оформлять следствие на арестованных, то я действительно выбирал из агентурных материалов заметки, что такой-то свидетель о данном обвиняемом может показать что-то, и эти заметки давал следователям»¹⁰². Даже когда он признался в том, что были сфабрикованы три протокола допроса одного и того же свидетеля в отсутствие последнего, он тут же в качестве объяснения своих действий пояснил, что содержание фиктивных протоколов отвечало агентурным данным: «Три протокола допроса свидетелей я действительно писал в РО НКВД на основании агентурных материалов и с этими протоколами послал уч[асткового] инспектора Короленко к нашему секретному сотруднику на подпись, который безоговорочно их подписал»¹⁰³.

Точно такими же аргументами бывший начальник РО НКВД оправдывал фабрикации протоколов очной ставки, которой в реальности никогда не было: «В протокол очной ставки Олейника я писал показания свидетелей, и поскольку Олейник сознался в своей несоветской деятельности, я тоже это вписал в протокол очной ставки. На самом деле очной ставки Олейника я не проводил»¹⁰⁴.

Насколько Коробцев высоко ценил и доверял донесениям своих агентов, показывает дело бухгалтера конторы торгово-производственного отдела НКВД (ТОПО НКВД) М.Л. Фиха¹⁰⁵. Бухгалтер был арестован на основании доноса одного из своих коллег. Когда же доносчик дистанцировался от своих показаний, Фих все равно остался под стражей. Свое нежелание освободить Фиха Коробцев объяснил тем, что это «политически не выгодно». В основе этого решения лежали агентурные материалы на Фиха, имевшиеся в РО НКВД, а также справка сельского совета компрометирующего свойства. В них Фих изображался как «антисо-

ветская личность», «в прошлом торговец», как человек, имевший родственников за границей, который ко всему прочему «восхвалял троцкизм». В конечном итоге Фих был осужден на 10 лет при помощи фиктивных свидетельских показаний, которые были сфабрикованы с опорой на имевшиеся агентурные данные. Дело Фиха было прекращено Военной коллегией Верховного Суда СССР 8 мая 1939 г., сам Фих был освобожден¹⁰⁶. Согласно Гончарову, дело Фиха было далеко не единственным делом такого рода в районе¹⁰⁷. Общий комментарий Коробцева по этому поводу сводился к следующему: «В то время так поступал, [поскольку] считал свои действия правильными»¹⁰⁸.

В конечном итоге Коробцев рассматривал себя как жертву злонамеренной интерпретации своих неправомочных действий: «Должен Вам сказать, что следователи, ведшие мое дело, сфальсифицировали дело на фальсификатора»¹⁰⁹.

Дело Коробцева и Демчука, рьяных и убежденных в своей правоте исполнителей, демонстрирует, что для осуждения чекистов не требовалось обязательно доказать применение пыток обвиняемых. Для вынесения сурового приговора было достаточно констатации факта фальсификации дел и нарушения процедуры следствия.

Следовательно, Карамышев был осужден как нарушитель «социалистической законности» не только потому, что в интересах кампании требовалось принести в жертву чекистов высокого ранга. Он подлежал наказанию, даже если не приложил непосредственно руку к нарушениям, поскольку не контролировал своих подчиненных в достаточной мере либо терпимо относился к их противоправным действиям.

4. Пособники

В поисках подходящих кандидатов на роль «нарушителей социалистической законности» из числа сотрудников Николаевского УНКВД аппарат особоуполномоченного НКВД УССР «наткнулся» – так же относительно поздно, как и в случае с Коробцевым и Демчуком, – на целую группу сотрудников госбезопасности и милиции Херсонского городского отдела НКВД. Ядро группы образовывали чекисты среднего уровня, но в нее также входил негласный сотрудник НКВД, формально не числившийся на службе в «органах».

Дело группы «перегибщиков» из Херсона отличалось двумя особенностями. Во-первых, состоялись два судебных процесса, хотя речь шла о среднем звене, а не о руководителях, как в случае с Карамышевым и Овчинниковым. Во-вторых, основными фигурантами обоих процессов поразительным образом стали не трое сотрудников городского отдела НКВД, а их «помощники», т. е. агенты, сексоты, «штатные» свидетели и прочие «информаторы». Главной мишенью обвинения стал негласный сотрудник НКВД.

Однако по официальной версии группу обвиняемых возглавил сотрудник НКВД Иван Федорович Федяев. Именно его имя стояло на обложке следственного дела. В период Большого террора, т. е. во время совершения преступления, он являлся оперуполномоченным 4-го отделения Херсонского горотдела НКВД, а именно с 27 октября 1937 г. по апрель 1938 г. После этого, если верить собственным словам Федяева, он уволился по личным причинам. Бывший чекист устроился работать начальником спецгруппы николаевских профсоюзов. В этом качестве вплоть до конца августа 1938 г. он определял кадровую политику профессиональных союзов. Федяев был поощрен начальством «за отличную постановку моб[илизационной] работы». Начиная с 1 сентября 1938 г. и до своего ареста в декабре 1939 г. он работал заместителем директора Херсонского государственного педагогического института по административно-хозяйственной части. В этой должности он вновь отвечал за мобилизационную работу.

Федяев родился в 1904 г. в семье батрака, русского по национальности, в деревне Березуево Духовщинского уезда Смоленской губернии (ныне – Ярцевский район Смоленской области). В 1911–1916 гг. он посещал школу, после этого закончил один курс из двух обучения на автомеханика. Вслед за этим он отработал три года на ткацкой фабрике и четыре года – оперативником милиции в городах Мелитополь, Джанкой, Запорожье и пос. Сирогози. Начиная с 1929 г. Федяев принимал активное участие в борьбе с бандитизмом, за что неоднократно поощрялся начальством, в том числе был награжден револьвером системы «наган». В 1931 г. в течение 10 месяцев он занимал должность инспектора Контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции на Днепрострое, а также выступал в роли председателя комиссии по чистке советского аппарата. В то же время Федяев закончил курсы розыскников-оперативников. После этого, с 8 декабря 1931 г. по 25 декабря 1932 г., он учился в Запорожском автомобильном техникуме, вслед за тем оказался на службе в органах госбезопасности.

Ключевыми моментами его чекистской карьеры стало «разоблачение шпиона английской разведки» и «вскрытие» украинской повстанческой организации. Начальство неоднократно поощряло Федяева, например, в 1936 г. за разоблачение фашистской группы на фабрике им. Ленина и «за лучшее комплектование войск НКВД в Днепропетровской области». Он не был судим, среди его взысканий числился только 10-дневный арест за то, что во время Большого террора он не произвел ареста некоего шофера. Вступление Федяева в ряды ВКП(б) датируется 1931 г., во время службы в НКВД в марте 1936 г. ему было присвоено специальное звание «сержант госбезопасности». Федяев был женат, воспитывал двоих детей¹¹⁰.

Вторым лицом, обратившим на себя внимание аппарата особоуполномоченного НКВД УССР в связи с нарушениями социалистической законности, был Александр Александрович Семенов. Он родился в 1895 г. в семье рабочего-украинца, получил низшее образование и был вынужден уже подростком работать носильщиком. Позднее ему удалось освоить профессию слесаря, в 1912–1915 гг. он работал в этом качестве в гавани г. Николаева. В 1917–1924 гг. он служил в Красной Армии, сначала как красный партизан, а начиная с 1922 г. – в регулярных частях РККА. В 1920 г. Семенов командовал отрядом по борьбе с бандитизмом. В 1924–1930 гг. он служил в ОСОАВИАХИМ в Зиновьевске (будущем Кировограде), после этого – на «рыбной» фабрике в Херсоне в должности начальника спецчасти и заведующего кадрами Херсонского рыбозавода. Официально Семенов не являлся сотрудником НКВД, однако он был частым гостем в здании ГО НКВД, принимал участие в допросах в качестве свидетеля и даже сам проводил допросы, т. е. он, скорее всего, был прикомандированным для ведения следствия – обычная практика в 1937–1938 гг. Кроме того, он был негласным сотрудником НКВД. В 1939 г. Семенова мобилизовали, он принимал участие в «освобождении своих братьев украинцев и белорусов»¹¹¹. В этом же году вступил в партию¹¹². Семенов никогда не был судим.

В случае с третьим «перегибщиком» речь шла об Анатолии Петровиче Протопопове. Его в 1937 г. мобилизовали на работу в НКВД, хотя еще в 1935 г., будучи военнослужащим погранвойск НКВД, он вышел на пенсию. С ноября 1937 г. по август 1938 г. Протопопов служил в Херсонском ГО НКВД. После этого он вернулся на машинную фабрику им. Петровского в Херсоне, где с конца 1934 г. работал слесарем после демобилизации из по-

гранвойск. Однако теперь Протопопов сразу же занял высокий пост заместителя директора фабрики.

Протопопов родился в 1897 г. (по другим данным – 1895 г.) в Николаеве в русской рабочей семье, получил низшее образование. За участие в забастовке фабричных рабочих он был осужден на два года тюремного заключения. После своего освобождения Протопопов три года был безработным и лишь в 1916 г. получил место на одной из трех судостроительных фабрик Николаева – будущей фабрике № 200 им. 61 коммунара. В 1917 г. он принимал активное участие в свержении Временного правительства и вступил в Красную гвардию. В 1918–1921 гг. Протопопов служил в РККА «и вместе с ее славными героями принимал участие в борьбе за Сиваш, в борьбе в разгроме Врангеля». Службу в армии сменил на службу в пограничных войсках ОГПУ, вплоть до выхода на пенсию в 1935 г. Его служба в погранвойсках была отмечена начальством грамотами и премиями, а также наградным оружием и часами. В 1939 г. Протопопов стал кандидатом в члены ВКП(б), судимостей не имел, был женат¹¹³.

Четвертым лицом, чья деятельность в Херсоне во время Большого террора привлекла к себе интерес следствия, что в свою очередь привело к возбуждению уголовного дела, был Григорий Иванович Барвинок. С 1935 г. он служил в милиции, а в период с начала 1937 г. по 10 января 1938 г. его временно мобилизовали для работы в городском отделе НКВД. Позднее Барвинок писал: «Только лишь в результате моей преданности к работе, честности в работе я был временно мобилизован для работы в Херсонский ГО НКВД [...], я был доволен и горд тем, что мне доверили работать в таком ответственном учреждении»¹¹⁴.

Во время службы в органах госбезопасности Барвинок отличился тем, что «вскрыл фашистскую организацию», «которая ставила своей целью взорвать в случае надобности ж. д. полотна, мосты и этим внести дезорганизацию в народное хозяйство нашей страны»¹¹⁵. На фабрике стеклотары он разоблачил «шайку», которая намеревалась «вредить Советскому Союзу и подрывать его мощь»¹¹⁶. Начиная с января 1938 г. и вплоть до своего ареста Барвинок занимал пост начальника спецотделения Управления рабоче-крестьянской милиции по Николаевской области, ему было присвоено звание лейтенанта милиции. Милицейское начальство четырежды премировало Барвинка, кроме того, он был награжден двумя грамотами как ударник социалистического труда. В период своего временного откомандирования для работы в орга-

нах госбезопасности Барвинок еще трижды поощрялся руководством. В послужном списке Барвинка отсутствовали сведения о наложенных взысканиях или наказаниях за исключением условного срока, полученного им в 1925 г. за избивание арестованного. В 1939 г. Барвинок смог стать членом ВКП(б), что свидетельствовало о доверии руководства.

Барвинок родился в 1907 г. в семье украинца – рабочего железной дороги на станции Знаменка. Уже ребенком он работал, чтобы поддержать семью. «Только благодаря Советской власти, – писал Барвинок, – я, выходец из бедной рабочей семьи, получил среднее образование»¹¹⁷. После получения образования он решил попробовать себя на практической работе и устроился в местный лесхоз, где за трудовые достижения был отмечен «несколькими премиями и благодарностями»¹¹⁸.

Арест этой четверки «перегибщиков» осуществлялся в два этапа. Федяев и Семенов были взяты под стражу соответственно 8 и 29 декабря 1939 г., Протопопов и Барвинок – только спустя полгода, 7 июля 1940 г. В итоге количество обвиняемых на втором суде по сравнению с первым удвоилось. Так, первый суд состоялся 6–7 июля 1940 г. лишь над Федяевым и Семеновым. На втором процессе, который прошел почти пять месяцев спустя, 25–28 ноября 1940 г., на скамье подсудимых уже оказалась вся группа¹¹⁹. На первом суде председательствовал судья военного трибунала Я.М. Васютинский, на втором – военюрист 1-го ранга Гурьев. Они оба также принимали участие в осуждении группы чекистов во главе с Карамышевым.

Драматизма происходившему добавил арест Протопопова и Барвинка, последовавший непосредственно на первом судебном процессе над Федяевым и Семеновым, где Протопопов и Барвинок выступали в роли свидетелей со стороны обвинения. Даже возникает ощущение, что первый процесс состоялся лишь для того, чтобы увеличить число обвиняемых. Формально являясь свидетелями, Барвинок и Протопопов фактически оказались на первом суде в роли обвиняемых, поскольку были вынуждены постоянно отвечать на обвинения в попытках и фальсификации документов, звучавшие со стороны других свидетелей¹²⁰. Так, бывший подследственный Ш.Х. Меерсон показал в отношении Барвинка: «Я с первого дня моего ареста везде писал заявления и жалобы: на имя т.т. Сталина, Берия, Хрущева, куда вы не пойдете, вы во всех моих заявлениях встретите фамилию Барвинок, и я его никогда не забуду. [...] Барвинок бил меня с конца декабря [1937 г.] до 7 января [1938 г.] систематически»¹²¹.

Первый судебный процесс был прекращен без вынесения приговора. В обоснование своего решения судьи сослались на необходимость доследования в связи с новыми выявленными фактами «злоупотреблений по следственным делам», а также привлечением к уголовной ответственности Барвинка и Протопопова¹²². В частности, судьи потребовали от стороны обвинения конкретизации фактов «создания фиктивных протоколов допросов и очных ставок, а также вынуждения вымышленных показаний»¹²³. Последнее в особенности относилось к делу бывшего директора рыбозавода П.К. Зубкова. В его случае в распоряжении суда, помимо свидетельских показаний, оказались настоящие улики, доказывавшие «ненормальности» в деятельности НКВД. Зубков был приговорен тройкой к ВМН 30 декабря 1937 г., в то время как обвинительное заключение было датировано 3 февраля 1938 г., причем на тексте документа от руки позднее задним числом была поставлена буква «Р», что означало «расстрелять». Все это указывало на то, что Зубков был сначала расстрелян, а дело было оформлено уже после его смерти¹²⁴.

Главное действующее лицо обоих процессов, внештатный сотрудник НКВД Семенов, отклонял все выдвинутые против него обвинения в даче заведомо ложных показаний и искажении информации. Ядром его защитной стратегии, целью которой было доказать свою невиновность, стало представление себя в качестве жертвы НКВД. Кроме того, Семенов попытался дискредитировать своих «подельников». Уже в своем первом выступлении на суде он заявил, что пытался покончить жизнь самоубийством «в связи с понуждением меня работниками ГО НКВД искать разные материалы на лиц, арестованных НКВД»¹²⁵. Семенов повторял на обоих процессах, что он занимался сбором компрометирующих материалов и фабрикацией фиктивных свидетельских показаний только под давлением извне¹²⁶.

Однако, если принять во внимание показания свидетелей из числа сотрудников НКВД, все обстояло с точностью до наоборот¹²⁷. Как вспоминал сотрудник НКВД М.С. Валь, начальник Херсонского городского отдела НКВД И.П. Рудницкий высоко ценил Семенова и однажды заявил, что «Семенов стоит 10 оперативных работников»¹²⁸. Бывший сотрудник НКВД М.А. Весбейн показал: «Семенов работал в качестве установщика»¹²⁹, подыскивал свидетелей, знающих арестованных, и рекомендовал таких»¹³⁰. При этом оба чекиста в один голос подчеркивали гиперактивность Семенова. Согласно заявлению Валя, по горотделу НКВД

ходила фраза: «если кому нужны материалы, обратитесь к Семенову и он достанет любой материал и на любого человека»¹³¹.

Весбейн в свою очередь сосредоточился на характеристике бесславной роли Семенова в качестве свидетеля: несмотря на то, что Семенов был внештатным сотрудником НКВД, он неоднократно фигурировал в следственных делах как свидетель, хотя такая практика была запрещена¹³². В глазах Весбейна Семенов был настоящим «энтузиастом по даче показаний» и «клеветником»¹³³. Семенов даже замещал сотрудников НКВД и лично допрашивал свидетелей, что также было строгойше запрещено¹³⁴.

Ключевая роль Семенова подчеркивалась еще и тем, что второй процесс превратился в эффективное средство, позволившее на большом количестве примеров продемонстрировать образ действий более или менее «добровольных» пособников НКВД. Если на первом процессе общее число свидетелей составляло шестнадцать, из них по меньшей мере трое были внештатными сотрудниками или добровольными информаторами НКВД, то на втором процесс численность пособников НКВД среди свидетелей выросла до девяти из двадцати пяти.

Одним из таких свидетелей был 78-летний И.Е. Храпко, бывший политкаторжанин. К тому времени он уже два года тесно сотрудничал с НКВД в качестве информатора и неоднократно вызывался в городской отдел НКВД, чтобы, например, дать сведения о бывших эсерах или меньшевиках¹³⁵. На суде Храпко заверял: «[...] все те показания, которые я давал, всегда были правильны [...]»¹³⁶.

Как выглядели такие показания, становится ясным при изучении протокола допроса Храпко в качестве свидетеля по делу уже упоминавшегося выше директора рыбозавода Зубкова. Допрос проводил сотрудник НКВД Г.Н. Нертик. В протоколе Зубков фигурировал как сын богатого строительного подрядчика, а также белый офицер, поскольку Храпко якобы видел его в 1919 г. в офицерской форме. Кроме того, Зубков якобы убеждал Храпко и остальных рабочих не выступать против белых, так как советская власть проигрывает схватку с белыми. После этого Храпко принялся изображать Зубкова как троцкиста-контрреволюционера: в 1927 г. Зубков выступал на рабочем собрании в доме профсоюза строителей вместе с другими, поименно названными и к моменту допроса уже арестованными троцкистами, против формулы построения социализма в одной отдельно взятой стране, причем Зубков был крепко связан с троцкистами¹³⁷.

Свои показания образца 1937 г. Храпко подтвердил два с половиной года спустя, на первом судебном процессе над Федяевым: «Я говорил, что Зубков был подрядчиком, а сын его Зубков Павел проводил а[нти]с[оветскую] агитацию по вопросу о невозможности построить социализм в одной стране [...]. Я считаю, поскольку Зубков Павел высказался в антисоветском духе, то значит он был связан с троцкистами Файтелевичем и друг[им], и в данном случае Нертик правильно записал мои показания»¹³⁸.

По-настоящему интересно стало тогда, когда Храпко принялся ожесточенно оспаривать содержание второго протокола своих свидетельских показаний, также записанных Нертиком, и третьего протокола допроса в качестве свидетеля, который в январе 1938 г. записал Федяев. В этих протоколах говорится, что Храпко определенно знал о службе директора рыбозавода в рядах белой армии, при этом Храпко лично был свидетелем того, как Зубков расстреливал рабочих, причем расстрелянных он называл по именам¹³⁹. Судя по этим протоколам, Храпко существенно «конкретизировал» свои первые показания.

На вопрос, откуда же взялись эти показания, которые он теперь внезапно стал оспаривать, хотя в свое время поставил свою подпись под протоколами, Храпко ответил, что протоколы ему не зачитывались, кроме того, он как-то подписал чистые страницы. Эту аргументацию Храпко превратил на втором процессе над Федяевым и «подельниками» в настоящую позицию, которую взяли на вооружение остальные пособники НКВД, включая Семенова. Двое из подсудимых также ссылались на психологическое давление¹⁴⁰.

По большому счету, эта стратегия (подписание протоколов без зачитывания, а также заверение подписью чистых бланков по требованию сотрудников НКВД) отнюдь не оправдывала свидетелей. Слепо доверяя чекистам, такие свидетели превращались в соучастников преступления. Тем более зачастую, как это было в случае с Храпко, разница между устными показаниями и теми показаниями, которые оказались занесенными в протоколы, был крайне мала.

Кроме того, даже те показания, которые Храпко признал «своими», на самом деле являются в высшей степени проблематичными. В глаза бросается то, что бывший политкаторжанин на первом процессе над Федяевым целиком и полностью подтверждал данные им ранее показания, однако при этом подверг их ревизии по ряду ключевых пунктов. Теперь речь уже не шла о «бе-

логвардейском» прошлом Зубкова, поскольку на упоминаемое время Зубкову было только 20 лет и его офицерская карьера выглядела в высшей степени сомнительной. Отец Зубкова также превратился из «крупного подрядчика» просто в «подрядчика». Из всех прежних обвинений Храпко настаивал лишь на факте «антисоветской агитации» в связи с сомнениями Зубкова в официальной партийной доктрине. В целом же можно сделать вывод, что данный свидетель, делясь сведениями, до последнего не только не соблюдал нейтральность, но и сознательно интерпретировал информацию, оценивал ее и использовал в доносительских целях, не говоря уже об изменении самих показаний.

Масштабы вреда, который Храпко причинил жертвам, давая показания такого рода, становятся очевидными, если учесть только лишь количество протоколов его допросов за два года. Он допрашивался в НКВД, по самым грубым подсчетам, около 200–300 раз в отношении самых разных людей¹⁴¹. Вызывает также вопрос, почему Храпко, бывший политический каторжанин, который при царском режиме на собственном опыте, очевидно, испытал все ужасы тюремного заключения или по меньшей мере видел все собственными глазами, так легко поверил карательной системе сталинского государства и практически добивался «чести» выступать в роли «штатного свидетеля». В свою очередь сотрудники НКВД использовали намеки, полуправду и интерпретации Храпко в своих интересах, чтобы сделать материалы следственных дел как можно более убедительными. Так, например, Зубков был арестован по обвинению в троцкизме, и показания Храпко, в особенности о «белогвардейском» прошлом директора рыбозавода, стали в обвинительном заключении главными пунктами, обусловившими в конечном итоге вынесение смертного приговора¹⁴². Для НКВД такие свидетели, в которых, судя по всему, не имелось недостатка, были крайне необходимы. Они в значительной мере облегчали чекистам задачу «снабдить» следственные дела жертв убедительными свидетельствами, игравшими роль главных улик.

Материалы судебного процесса по делу Федяева и его подельников выделяются еще тремя моментами, которые, впрочем, не выходят за общие рамки кампании по восстановлению социалистической законности. Во-первых, предметом судебного разбирательства стали события, случившиеся достаточно задолго до проведения процесса. Речь идет о делах УНКВД Николаевской области конца 1937 – начала 1938 г. В этот отрезок времени во

главе управления стоял еще не Карамышев, а Фишер. Самая главная фигура из числа реабилитированных жертв, директор рыбозавода, в отличие от других процессов над чекистами-«перегибщиками» в Николаевской области, не мог свидетельствовать лично о перенесенных страданиях, поскольку уже давно был осужден и казнен.

Во-вторых, на основании дела Федяева можно установить, что вплоть до всесоюзной кампании по наказанию нарушителей социалистической законности, стартовавшей весной 1939 г., служебные преступления играли маргинальную роль в качестве основы для судебного преследования чекистов. В-третьих, после ознакомления с делом Федяева становится ясно, когда и как принимались решения о возбуждении уголовных дел в отношении «перегибщиков».

Так, у самого Федяева, как с несомненностью следует из его личного дела, серьезные проблемы начались не в конце 1939 г., а полтора годами ранее, весной 1938 г., когда он оказался под серьезным прессингом со стороны руководства управления и партийной организации НКВД. В его отношении были выдвинуты обвинения в сексуальном домогательстве, «неэтичном поведении», халатном выполнении партийных поручений, грубом обращении с подсудимыми, вплоть до избиения, а также в антисемитизме. Внутреннее расследование концентрировалось весной 1938 г. на обвинениях в антисемитизме и применении силы на допросах, а также регулярном использовании Федяевым собаки для запугивания подследственных¹⁴³. Кроме того, как уже упоминалось, он не произвел арест «контрреволюционера», за что был арестован на 10 суток¹⁴⁴.

Однако в этот период, до начала кампании по восстановлению социалистической законности, «дело» Федяева было улажено «полюбовно». В конечном итоге стороны пришли к соглашению о том, что Федяев сам подаст заявление об увольнении из НКВД «по семейным обстоятельствам»¹⁴⁵. Что также характерно, увольнение Федяева было почетным, его внесли в резерв НКВД и не исключили из партии. Напротив, он получил высокий пост в администрации николаевских фабричных профсоюзов, связанный с отправлением чекистских функций, и на новой работе неоднократно поощрялся начальством.

Что же касается поделщиков Федяева, Семенова и Протопопова, то в их личных делах вообще отсутствуют какие-либо сведения о взысканиях¹⁴⁶. Как Семенов, так и Протопопов вернулись

в августе 1938 г., после «командировки» в НКВД, к исполнению своих прежних обязанностей, первый – на рыбозаводе, второй – на машиностроительной фабрике. Как и Федяев, оба заняли высокие должности в отделах кадров, связанные с контролем и надзором за персоналом. В 1939 г. один из них был принят в ВКП(б), другой – в кандидаты в члены ВКП(б). Темой разбирательства, да и то на короткое время, стало лишь поведение Семенова во время его «службы» в Херсонском ГО НКВД. Заместитель начальника УНКВД Николаевской области А.Ф. Поясов допросил Семенова осенью 1938 г. в качестве свидетеля по поводу сотрудников Херсонского ГО НКВД, против которых были выдвинуты обвинения в плохом обращении с заключенными и манипуляции материалами следственных дел¹⁴⁷. Начальник 5-го отдела УНКВД Николаевской области А.И. Лигерман. в объяснительной записке, датированной серединой декабря 1938 г., написал, что начальник УНКВД Карамышев на одном из оперативных совещаний, посвященных обсуждению ситуации в Херсоне, охарактеризовал Семенова как «жулика»¹⁴⁸. Весной 1939 г. новый начальник УНКВД Николаевской области Юрченко, очевидно, еще раз допросил Семенова в связи с обвинениями, выдвинутыми в отношении Протопопова. Как позднее во время суда, так уже и тогда Семенов утверждал, что манипуляции со свидетельскими показаниями он совершал под давлением Протопопова. В свою очередь Протопопов, допрошенный по данному поводу, видимо, отделался на тот момент легким испугом, получив устный выговор от Юрченко¹⁴⁹.

Барвинок вернулся на старую работу в милиции уже в январе 1938 г. Его вступление в коммунистическую партию также датируется 1939 г. В документах не содержится сведений о том, что в это время проводилось какое-либо расследование его деятельности в качестве сотрудника НКВД.

Таким образом, все расследования, проводившиеся до середины 1939 г. в отношении четырех бывших сотрудников и пособников Николаевского УНКВД, либо закончились ничем, либо не нанесли им сколько-нибудь существенного вреда, как недвусмысленно показывает прием в члены (кандидаты в члены) ВКП(б) Протопопова, Семенова и Барвинка.

По-настоящему опасной ситуация стала для четверки только начиная с конца 1939 г. Маховики следствия пришли в движение в результате жалобы, отправленной 11 апреля 1939 г. в адрес ЦК ВКП(б) семьей бывшего директора рыбозавода Зубкова и полученной Комиссией партийного контроля, как гласит штемпель

входящей корреспонденции, 29 апреля 1939 г. Жалоба приобрела особый вес, поскольку семья была хорошо осведомлена о пунктах обвинения, выдвинутого против Зубкова, а также потому, что все остальные члены семьи были членами ВКП(б) со стажем. Родные Зубкова не знали на момент написания жалобы, что их муж, брат и зять был приговорен к ВМН и уже давно расстрелян. Они все еще верили и надеялись, что Зубков согласно официальной версии отбывает наказание в лагерях – «10 лет без права переписки».

В своей жалобе близкие Зубкова сумели убедительно опровергнуть обвинение, согласно которому тот служил в белой армии. По данным семьи, Зубков служил в Красной Армии, в 1919 г. вступил в РКП(б) и принимал деятельное участие в создании Херсонской партийной организации. Слухи об офицерской карьере Зубкова были названы в жалобе клеветой, распространявшейся бывшим работником рыбозавода, уволенным Зубковым. Последний, согласно утверждению родственников Зубкова, нажил себе много врагов непримиримой борьбой с коррупцией на заводе¹⁵⁰.

Скорее всего, именно Комиссия партийного контроля передала жалобу Зубковых прокуратуре СССР, но возможно также, что семья сама параллельно отправила копию жалобы прокурору. Как бы то ни было, самое раннее в июне 1939 г. только что вступивший в свою должность прокурор СССР М.И. Панкратьев лично отдал поручение прокуратуре Николаевской области, которую на тот момент возглавлял И.Д. Ланчуковский, допросить по делу Зубкова как старых, так и новых свидетелей. Вслед за этим свое расследование начал спецотдел областной прокуратуры¹⁵¹. В начале августа 1939 г. помощник облпрокурора по спецделам Дубин допросил первых свидетелей и предпринял масштабные розыски в отношении прошлого Зубкова¹⁵². 17 ноября 1939 г. прокуратура завершила свое следствие и направила протест начальнику УНКВД Николаевской области Юрченко, в котором потребовала от УНКВД отменить приговор тройки в отношении Зубкова и начать следствие в отношении сотрудников УНКВД Федяева, Барвинка и Нерттика. Таким образом, Семенов и Протопопов вообще здесь не упоминались, зато фигурировал Нерттик, который проводил опрос свидетелей по делу Зубкова¹⁵³. 7 декабря 1939 г. теперь уже не прокуратура, а особоуполномоченный УНКВД Николаевской области Никитин, оценив предоставленные и собранные материалы, посмертно реабилитировал Зубкова, чем освободил от клейма «членов семьи врага народа» его близких. Также началось

расследование обвинений в отношении Федяева, Барвинка и Нерттика, которого потребовала прокуратура¹⁵⁴. Еще днем позже Юрченко дал свое согласие на арест Федяева, после чего областной прокурор Ланчуковский санкционировал арест бывшего сотрудника НКВД¹⁵⁵.

Ордер на арест Федяева был оперативно выписан в тот же день. Нерттик каким-то образом миновал ареста, вместо этого 29 декабря 1939 г. последовал арест Семенова. Барвинок, как уже упоминалось выше, был арестован только полгода спустя, 7 июля 1940 г. Федяев, Семенов, а также присоединившиеся к ним позднее Протопопов и Барвинок оказались поделщиками по той причине, что, во-первых, все они участвовали в следствии по делу Зубкова, и, во-вторых, допрошенные свидетели обвиняли их в манипуляциях со следственными делами. Кроме того, как в случае с Барвинком, нашлись свидетели, не связанные с делом директора рыбозавода, но пострадавшие от методов допросов чекистов. «Старые» жалобы о преступных методах следствия, которые в свое время были положены под сукно, внезапно оказались теперь востребованными¹⁵⁶. Актуальными стали также «старые» обвинения, которые, казалось бы, канули в Лету. Так, следователи нашли и подшили к делу все документы, касавшиеся увольнения Федяева из «органов» по причине использования им на допросах овчарки¹⁵⁷. Эти обвинения сыграли важную роль в 1940 г. и внесли свой вклад в осуждение Федяева к ВМН.

То, что расследование в конечном итоге вылилось в процесс по делу Федяева и его «поделщиков», а перед этим был даже отменен приговор тройки в отношении Зубкова, что было большой редкостью, можно объяснить тем, что Херсонский городской отдел НКВД пошел на поводу у своих негласных сотрудников и без какой-либо проверки использовал предоставленные ими компрометирующие материалы. Это подозрение высказывалось уже в жалобе семьи Зубкова¹⁵⁸. Действительно, в случае с Зубковым не была задействована обычная схема, согласно которой сотрудники госбезопасности, уже располагая материалами о взяточничестве, халатности или растрате, или же выполняя «заказ» партийной группировки, заинтересованной в чем-либо устранении, использовали своих негласных помощников для получения дополнительного компромата. На деле произошло следующее: уволенный Зубковым обиженный работник завода заручился поддержкой Семенова, работавшего в кадровом отделе предприятия, они вместе занялись подтасовкой фактов, и в результате им удалось, используя халатное, безответственное и предвзятое отношение Федяева,

Протопопова и Барвинка, отправить Зубкова в расстрельный подвал¹⁵⁹.

Протопопов перед лицом военного трибунала так объяснял причины того, почему он «купился» на сведения, предоставленные Семеновым: «Работая в такой международной обстановке и хорошо не зная Семенова, я верил последнему, теперь я убедился, что он [...] давал провокаторские показания, а я их не проверял, [...] я и виновен, что я потерял классовую бдительность [...]»¹⁶⁰. Утрату классовой бдительности Протопопов объяснял напряженной внешнеполитической ситуацией в комбинации со сложным положением внутри СССР, под воздействием которых он сам сознательно пошел на фальсификацию протоколов допросов: «[...] я сфальсифицировал два протокола допроса [...] это я сделал лично потому, что я не мог доказать обвинения. Это сделать побудила меня та международная ситуация, в которой мы находились в то время, т. е. борьба в Испании, нападение на наш Советский Союз на Дальнем Востоке и вскрытие контрреволюционных банд внутри нашей страны [...]»¹⁶¹. Дополнительно в свое оправдание Протопопов заявил, что он безоговорочно доверял авторитету Киева: «Протокол допроса Личкаки я получил из Киева, и поэтому я верил ему, т. е. я верил центру и иначе никак поступить не мог»¹⁶².

Когда речь на суде заходила о Семенове, то другие обвиняемые использовали такую же аргументацию, как и Протопопов, но при этом оперировали более общими фразами. Так, Федяев показал: «[...] я был перегружен работой и [...] просмотрел врага, т. е. я притупил классовую бдительность, не сумел распознать клеветника Семенова, который спровоцировал меня своими клеветническими показаниями. Ведя борьбу с врагами, я знал хорошо, что этим я укрепляю Советский Союз, и поэтому я был беспощаден к врагам. Но в этой борьбе не сумел разоблачить клеветника»¹⁶³.

Однако обращает на себя внимание то, что уже на первом процессе Федяев гораздо меньше фиксировался на Семенове, чем другие. Напротив, из его показаний следует, что в «изобличении» директора рыбозавода негласный сотрудник Семенов играл скорее второстепенную роль, в то время как главная и определяющая роль принадлежала лично Федяеву. Причем действия Федяева органично вписывались в контекст общего «репрессивного» настроения и экстремального упрощения процедуры следствия в период Большого террора. Так, в случае с делом Зубкова Федяев так выступал в свою защиту: «Зубкова трижды исключали из партии [...] и [я] видел в лице Зубкова врага, тем более на него

было много показаний, кроме Семенова [...]. Для того, чтобы осудить бывшего офицера, тогда много материалов не требовалось. Кроме того, Рудницкий давал указания не церемониться с бывшими офицерами и предупреждал, что ни один из этого контингента арестованных освобожден быть не может»¹⁶⁴. Когда же речь заходила об общей ситуации, в которой он оказался, Федяев гораздо более отчетливо, чем Протопопов ссылался на приказы вышестоящего начальства, безусловно обязательные к исполнению: «Винным себе не признаю, так как выполнял данные мне указания [...]»¹⁶⁵. Однако далее Федяев цинично признавался в том, что избивал лишь тех, кто уже был приговорен к расстрелу и от кого еще требовалось получить важные сведения¹⁶⁶.

Барвинок в своих показаниях был существенно проще. Что касается Семенова, то у него не было своей точки зрения. Он признал только грубое обращение с арестованными, но не избияния. Свое поведение он обосновывал следующим образом: «[...] в них я видел врагов народа, а к врагам я всегда был жесток»¹⁶⁷.

28 ноября 1940 г. Военный трибунал войск НКВД Особого Киевского военного округа осудил Федяева и Семенова по обвинениям по статье 206-17, пункт «б» УК УСССР к ВМН – расстрелу. Протопопов получил по той же статье пункту «б» 10 лет лагерей, Барвинок был осужден по статье 206-17, пункт «а» за менее тяжкие служебные преступления к восьми годам лагерей¹⁶⁸.

Приговор Военного трибунала по делу Федяева, Семенова, Протопопова и Барвинка стал недвусмысленным предупреждением, адресованным руководству УНКВД Николаевской области, впредь тщательно проверять и перепроверять показания свидетелей и негласных сотрудников. Также судьба Семенова должна была продемонстрировать, насколько тяжелые последствия для агентов, сексотов и осведомителей могут иметь интриги, распространение «полуправды» и стремление извлечь личную выгоду.

5. Предупреждения, взыскания, увольнения

Уголовное преследование чекистов по обвинению в нарушении социалистической законности не ограничивалось в Николаевской области (в границах до января 1939 г.) шестью вышеописанными процессами. Наряду с уголовным наказанием был задействован

широкий спектр дисциплинарных мер. Чтобы более масштабно представить данные случаи, желательно систематически ознакомиться в архивах Управлений СБУ Николаевской, Херсонской и Кировоградской областей с личными делами всех сотрудников НКВД, работавших в подразделениях органов государственной безопасности на территории Николаевской области в период 1937–1941 гг., с целью выявления обвинений в нарушении соцзакононости. Однако в настоящее время это технически невозможно. Ситуацию в какой-то мере спасает то, что в свое время в рамках реализации проекта автором в Киеве были заказаны дела тех чекистов, которые фигурируют, помимо обвиняемых, как фальсификаторы и держиморды в уже «отработанных» материалах шести судебных процессов. В результате нам действительно удалось получить несколько (сравнительно немного) личных дел с соответствующими записями о дисциплинарных взысканиях. Дополнительно здесь также использовались материалы Особой инспекции отдела кадров НКВД УССР, которые затрагивают непосредственно Николаевскую область. Эти материалы, за редким исключением, хранятся в Киеве.

Идея, порожденная дефицитом источников, – использовать дела чекистов, которые помимо основных обвиняемых лишь упоминались на процессах как фальсификаторы и держиморды, – неожиданно привела к развитию вспомогательной методической конструкции, позволившей более четко описать контекст, в рамках которого проходили шесть судебных процессов. Таким образом, чтобы получить представление, в какой мере в Николаевской области кампания по восстановлению социалистической законности затронула сотрудников УНКВД, против которых не было возбуждено уголовное преследование, нами были использованы материалы трех судебных процессов из шести, а именно процессов над Карамышевым, Федяевым и Коробцевым. В заключение на трех примерах детально показывается, какими путями, подчас замысловатыми, применялись меры в отношении «нарушителей соцзакононости», избежавших уголовного наказания. Кроме того, в обязательном порядке описывается, какие последствия имело для карьеры чекистов «вскрытие» их методов работы.

В материалах судебного дела Карамышева чаще всего (37 раз) упоминается старший следователь УНКВД Г.С. Зельцман. В период Большого террора он являлся сотрудником СПО УНКВД Николаевской области, где служил под руководством Трушкина. Хотя Зельцман выступал свидетелем обвинения – с его стороны в

адрес Карамышева было выдвинуто обвинение в антисемитизме, – сразу же бросается в глаза, что Зельцман фактически был обвиняемым. Целых шесть свидетелей из числа бывших подследственных выдвинули против него обвинения в применении «выстоек», угрозах и избиваниях. Типичным образчиком такого рода обвинений являются показания инженеров А.Ф. Седнева, М.П. Дудина и Г.П. Афанасьева. Седин так описывал допрос в кабинете у Зельцмана: «На следующий день Зельцман вновь потребовал подтвердить показания Муратова, но я опять отказался. Тогда он стал бить меня [головой] об стену и пресс-папье в грудь. [...] “Тебя же предупреждали, что будешь подписывать своей кровью. У нас есть все основания, все проверено”»¹⁶⁹.

Дудин в свою очередь детально описал практику вымогания Зельцманом признательных показаний: «Зельцман заявил: “Пиши. Ты в наших руках. Мы – партия и что захотим, то и сделаем”. Начал диктовать и под его диктовку я стал писать. На седьмые сутки он спросил, кого я знаю по Николаеву. Знакомых в Николаеве у меня много, я их назвал, он записал и сразу вышел. Когда потом вернулся, против ряда названных мною фамилий были проставлены птвички, и он предложил писать о к-р. деятельности этих лиц. Этот протокол переписывался несколько раз»¹⁷⁰.

Инженер Афанасьев рассказывал, наряду с избиваниями, в первую очередь о психологическом давлении: «8-го августа меня отправили в тюрьму и поместили в камеру площадью 8 метров, где находилось до 20 чел. Спустя месяц, полтора мое дело было передано Зельцману, и тот также настаивал на признании, уговаривая при этом, что я человек еще молодой»¹⁷¹.

Однако не только Зельцман, но и практически все свидетели из числа сотрудников УНКВД в свете таких показаний оказались в роли обвиняемых. В том числе это коснулось сотрудника УНКВД С.А. Шора. Его бывшие коллеги и начальники, Трушкин и Гарбузов, утверждали, что Шор «применял незаконные методы ведения следствия»¹⁷². Таким образом, Трушкин и Гарбузов стремились представить показания Шора, в которых он дискредитировал бывших начальников, как месть за то, что они в свое время якобы поспособствовали его переводу из 3-го отделения Херсонского ГО НКВД в Скадовский район. Перевод с понижением был обусловлен, по их словам, тем, что Шор избивал подследственных и допускал прочие нарушения процедуры следствия¹⁷³. Приказ о назначении Шора начальником Скадовского РО НКВД датирован 28 апреля 1938 г. Так, Карамышев в своих пока-

заниях не мог вспомнить о причинах перевода Шора, но косвенно подтвердил, что такой перевод был. Зато бывший заместитель начальника УНКВД Николаевской области Поясов показал, что на одном из оперативных собраний Трушкин вменял в вину Шору избивание арестованных¹⁷⁴. Очевидно, Шор все-таки не был переведен с понижением в Скадовск, поскольку в сентябре 1939 г. он и далее фигурировал в документах в качестве сотрудника 3-го отделения Херсонского ГО НКВД.

Фамилия молодого сотрудника УНКВД Николаевской области В.Н. Заикина упоминалась на процессе Карамышева не так часто, как Зельцмана. Однако бывший подследственный Афанасьев напрямую обвинил его в применении пыток и издевательствах: «Последний особенно издевался надо мной: харкал в лицо, давил кулаками в бок, не давал воды. От долгого стояния у меня отекли и опухли ноги [...] а [в] одну ночь Заикин, осыпая меня площадной бранью, издеваясь и избивая, требовал “Пиши”. [...] Заикин избивал меня систематически с 2-го по 8-е августа [1939 г.]»¹⁷⁵. Обвинения Афанасьева отчасти подтвердил сотрудник СПО УНКВД А.П. Федотов: «[Арестованный бывший оперуполномоченный 3-го отдела УНКВД] Прицкер оскорбил [сотрудника УНКВД] Гарбузова, и за это его Гарбузов, Воронин и Заикин избивали»¹⁷⁶.

В дурном свете в ходе процесса над Карамышевым оказался выставлен А.Ю. Федоровский, также сотрудник СПО УНКВД Николаевской области и свидетель со стороны обвинения. В показаниях свидетелей из числа жертв Федоровский выделялся не столько применением физических мер воздействия, сколько виртуозным манипулированием материалами следствия, знанием того, как запугать подследственных. Одна из его жертв, техник А.Е. Гаврилов, показывал: «При допросе Федоровский мне говорил: “Мы сами суд и что хотим, то и сделаем”»¹⁷⁷. П.Н. Киреев, еще один сотрудник Николаевского УНКВД, дополнил: «Затем Федоровский изготовил протокол допроса на Гаврилова с указанием, что Гаврилов – участник троцкистской организации. Этот протокол допроса Федоровский дал мне и сказал: “Добейтесь подписания этого протокола допроса Гавриловым”»¹⁷⁸.

Еще один свидетель из числа сотрудников УНКВД, А.П. Федотов, обвинялся техниками и инженерами судостроительного завода Л.П. Фоминым, Д.А. Бондарем и Т.И. Чикаловым в том, что он наносил им удары по голове и в живот, обливал водой и заставлял стоять на «выстойке» в течение целых пяти дней¹⁷⁹. Также не повезло П.Н. Кирееву, еще одному свидетелю-чекисту.

Бывший заместитель председателя Николаевского горсовета Ф.В. Сухоленцев пожаловался на угрозы и запугивания с его стороны: «Киреев также заходил во время допроса и говорил: “Ух, ты, троцкистская морда, к-р сволочь. Ишь, как рыло нажрал. Передайте его мне, он у меня скорее даст показания”»¹⁸⁰. Аналогичные обвинения Сухоленцев выдвинул также в отношении сотрудника УНКВД Баса¹⁸¹.

Чекистов И.М. Ганкина и П.А. Берестового обвинил в незаконных методах следствия бывший арестованный Седнев¹⁸². Его поддержал Афанасьев, заявивший о Ганкине следующее: «Ночью туда пришел Ганкин, бывший в нетрезвом состоянии, закрыл окна и стал вымогать признание: “Если хочешь видеть жену и ребенка, хочешь остаться живым, то пиши. Учти, что я могу тебя застрелить, а потом составлю акт, что ты напал на меня. Или застрелю тебя у двери и составлю акт, что убит при попытке бежать”. Схватил меня за горло, стал душить, и я потерял сознание. На рассвете Ганкин дал мне бумагу и по его указке я вынужден был написать, что совместно с Афанасьевым совершил поджог и др.»¹⁸³.

Во время суда над Карамышевым всплыл еще ряд имен сотрудников УНКВД, которых свидетели – бывшие подследственные обвиняли в незаконных методах следствия: С.Г. Танфилова, И.С. Купного, М.С. Болтынского, Д.И. Калужного¹⁸⁴ и Е.Л. Альбрехта, однако некоторые из них, например, Альбрехт, упоминались лишь вскользь.

В этом ряду особняком стоит бывший заместитель начальника УНКВД Николаевской области Поясов. Обвинения в избиениях высказывались в его адрес не только на суде над Карамышевым, но и над Мартыненко. Так, свидетель Н.И. Сушков, следователь следственной части УНКВД Николаевской области, показал на процессе над Карамышевым следующее: «На третий день зам[еститель] нач[альника] УНКВД Поясов подверг его [Чистякова] избиению, кажется, совместно с комендантом Московского НКВД, [...] этот комендант применил потом физическое воздействие [к] Чистякову еще раз, без Поясова, и дней через 6–10 Чистяков скончался»¹⁸⁵. Во время суда над Мартыненко в протоколе заседания было зафиксировано: «Поясов бил Махальского рукой по лицу»¹⁸⁶. При этом Поясов неоднократно упоминался в показаниях свидетелей как тот, кто давал подчиненным санкцию на применение физических мер воздействия, а также характеризовался как коварный и высокомерный начальник¹⁸⁷.

Обвинения в пытках и фальсификации в адрес перечисленных выше сотрудников УНКВД и многих других прозвучали на обоих процессах над Карамышевым отнюдь не впервые. Свидетели давали соответствующие показания еще в ходе предварительного следствия по делу бывшего начальника Николаевского УНКВД. В феврале 1940 г. старший следователь следственной части УГБ НКВД Украинской ССР Н.А. Бурдан подготовил постановление, в котором многочисленные сотрудники УНКВД Николаевской области обвинялись в «искривлениях» и применении незаконных методов ведения следствия¹⁸⁸. В первую очередь в документе упоминались подчиненные Трушкина, такие как оперуполномоченный СПО, а впоследствии – начальник 3-го отделения ЭКО Ю.С. Лейзеровский, А.Ф. Богуславский¹⁸⁹, Зерсон, П.С. Волошин (Лейзерзон) и Д.З. Эльзон. Кроме того, в тексте постановления фигурировали чекисты, уже упоминавшиеся в связи с обоими процессами над Карамышевым, а именно Ганкин, Зельцман, Заикин, Танфилов, Калюжный и Федотов.

Помимо имен, указанных в постановлении, подготовленном Бурданом, свидетели и потенциальные обвиняемые называли в ходе предварительного следствия другие имена сотрудников Секретно-политического и других отделов УНКВД Николаевской области, а также чекистов – начиная от уровня горотдела и заканчивая центральным аппаратом УНКВД, причастных к пыткам и фальсификациям. Речь идет об А.Г. Якименко¹⁹⁰, бывшем начальнике 4-го отдела УГБ УНКВД Р.Н. Сараеве¹⁹¹, М.С. Болтыанском, начальнике 3-го отдела УГБ УНКВД Л.Т. Готовцеве, Черняке¹⁹², П.К. Пугаче¹⁹³, начальнике Херсонского ГО НКВД П.И. Каткове и А.И. Лигермане.

Дело Карамышева не было исключением из правила, многие сотрудники УНКВД Николаевской области, а также городских отделов НКВД Херсона и Кировограда, привлеченные в ходе других судебных процессов в качестве свидетелей со стороны обвинения, фактически оказались в роли обвиняемых. Свидетели из числа бывших подследственных рассказывали о применявшихся ими пытках, манипуляциях и незаконных приказах. Так, в деле Федяева в таком сомнительном качестве фигурировали помощник начальника отделения 7-го отдела УНКВД Николаевской области А.И. Лигерман, начальник Херсонского ГО НКВД И.П. Рудницкий¹⁹⁴, оперуполномоченные Херсонского горотдела НКВД М.С. Болтыанский¹⁹⁵ и Ф.М. Стебновский.

Помимо материалов процессов, имена «перегибщиков» со-держатся в документах Особой инспекции при отделе кадров НКВД УССР по Николаевской области. Инспекция, выполняя распоряжение Секретариата НКВД УССР, который в свою очередь действовал в соответствии с московской директивой, специально занималась проверкой компрометирующих показаний Е.Ф. Демчука, прозвучавших на суде над Коробцевым в адрес целой группы чекистов. Обвинения Демчука, приговоренного к 8 годам лагерей, получили подтверждение в жалобах жертв Большого террора, оказавшихся на свободе¹⁹⁶. Эти обвинения и жалобы касались бывшего начальника 11-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области К.И. Ефремова и бывшего оперуполномоченного этого же отдела М.Н. Васильевского, бывшего начальника отделения 11-го отдела С.Ф. Петрова, занимавшегося оперативным «обслуживанием» Николаевской гавани, начальника «транспортного» отделения 11-го отдела П.А. Новакова, бывшего сотрудника УНКВД Николаевской области А.М. Седова, на тот момент уже заместителя начальника УНКВД Тернопольской области, а также бывшего сотрудника УНКВД Николаевской области С. Васильева, продвинувшегося в своей карьере до должности оперуполномоченного Особого отдела НКВД УССР¹⁹⁷.

Заместитель народного комиссара НКВД УССР Горлинский специально потребовал проведения «тщательного расследования» в отношении Седова, Васильева и Ефремова, приказав незамедлительно сообщить ему о результатах¹⁹⁸. Расследование велось также по поводу компрометирующих показаний Демчука в отношении начальника отдела кадров А.С. Бовчалюка, бывшего помощника оперуполномоченного Компанийца¹⁹⁹ и бывшего начальника отдела по «обслуживанию» сельского хозяйства УНКВД Николаевской области Ю.М. Побережного²⁰⁰.

Компрометирующие показания Демчука стали результатом недоумения и обиды: осужденный к восьми годам лагерей, он не был согласен с тем, что ему пришлось одному отвечать за преступления тех сослуживцев, которые, по его мнению, творили еще более худшие вещи, при этом занимая высокие посты, и тем не менее остались работать в НКВД. В этом же духе им была написана жалоба на имя Л.П. Берии²⁰¹.

Васильевский, закономерно расценивший как угрозу обвинения в применении мер физического воздействия, а также в том, что он угрожал Демчуку исключением из партии, если тот не будет добиваться успеха в получении признаний, написал в середи-

не марта 1939 г. восьмистраничное оправдательное письмо, которое адресовал особоуполномоченному НКВД по Одесской области Баранюку. Он описал Демчука как пьяницу и интригана, распространяющего о нем лживые слухи²⁰².

Однако этим дело для Васильевского не закончилось. Спустя несколько дней он был допрошен по поводу показаний Демчука сотрудником аппарата особоуполномоченного НКВД по Одесской области Белашем и поставлен в известность, что многие из тех, в отношении кого он готовил обвинительное заключение, выпущены на свободу, поскольку выдвинутые против них обвинения оказались несостоятельными. Кроме того, предметом тщательного допроса стали отношения Васильевского с бывшим наркомом Успенским²⁰³.

Седов, оказавшийся в роли потенциального обвиняемого, в своем рукописном обращении на имя заместителя наркома попытался представить себя в роли рассудительного следователя, который внимательно выслушивает подследственных и принимает решение об их освобождении при малейшем сомнении. При этом Седов признал, что дважды ударил подследственного, который, по его мнению, был опасным шпионом и против которого имелось множество компрометирующих материалов. Однако меры физического воздействия якобы применялись им после получения санкции заместителя начальника УНКВД Николаевской области Поясова. К большому удивлению Седова, этот подследственный был освобожден в конце 1938 года²⁰⁴.

В отношении ряда сотрудников Кировоградского горотдела УНКВД, принимавших участие в расстрелах, велось расследование по обвинению в мародерстве. В мародерстве подозревались врид. начальник Кировоградской тюрьмы Пугач²⁰⁵, а также водители Руденко и Грищук²⁰⁶. Кроме того, в пытках заключенных обвинялись помощник оперуполномоченного Некор, следователь А.Х. Святский, сотрудники горотдела В.П. Полюшкин и Волошин²⁰⁷.

Какие же последствия имело то парадоксальное обстоятельство, когда большинство свидетелей со стороны обвинения, выступавших на шести процессах по делам сотрудников НКВД, состоявшихся в Николаевской области, сами относились к числу (бывших) сотрудников НКВД и фактически оказались в роли обвиняемых? Чем завершились для них эти многочисленные «вызовы» и «собеседования», начавшиеся для некоторых еще в сентябре 1938 г. и мало чем отличавшиеся от допросов?

Сравнительно рано – уже осенью 1938 г. – был уволен из органов госбезопасности в рамках кампании по восстановлению социалистической законности начальник 11-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области К.И. Ефремов. Однако его падение вниз по карьерной лестнице было мягким, так как он тотчас же получил должность помощника директора завода им. Марти (№ 198) по кадрам, на которой Ефремов занимался примерно тем же, чем и в НКВД²⁰⁸. Очевидно, его увольнение можно отнести на счет попытки руководства УНКВД Николаевской области пожертвовать на старте кампании пешкой, чтобы сохранить на доске более крупные фигуры. То же самое, скорее всего, было справедливо в отношении бывшего оперуполномоченного Особого отдела НКВД УССР С. Васильева²⁰⁹. Можно только фантазировать на тему того, какие неприятности поджидали бы как Ефремова, так и Васильева в ходе расследования «перегибов», вновь набравшего обороты весной 1940 года.

Картина изгнания из НКВД остальных сотрудников госбезопасности мало чем отличалась от более ранних увольнений. Так, в мае 1940 г. потерей работы пришлось расчитаться за служебные преступления в годы Большого террора старшему следователю следчасти УНКВД Николаевской области Г.С. Зельдману²¹⁰. Тем не менее в 1940 г. он был принят в члены ВКП(б) и уже самое позднее с декабря 1940 г. занимал руководящий пост на одной из фабрик.

Нам неизвестно, в какой степени участие в процессе Карамышева в качестве свидетеля повлияло на карьеру бывшего сотрудника Секретно-политического отдела УНКВД А.П. Федотова. В конце 1940 г. он свидетельствовал на первом процессе над Карамышевым в должности заместителя начальника ЭКО УНКВД Николаевской области. В документах второго процесса, состоявшегося три месяца спустя, в его отношении уже не упоминается какая-либо должность. Его фамилия также отсутствует в списках личного состава УНКВД Николаевской области за 1940 г. Возможно, он был уволен, но нельзя исключать и возможность перевода на службу в другую область. Зато доказуемо по обвинению в должностных преступлениях был уволен в октябре 1940 г. сотрудник СПО А.Ю. Федоровский, после апреля 1940 г. расстался со своей должностью В.Н. Заикин²¹¹. Однако уже в 1942 г. Заикин занимал должность оперуполномоченного НКВД Дагестанской АССР. Федоровского уволили из органов госбезопасности в 1940 г. Это решение основывалось на заключении особоуполно-

моченного НКВД, согласно которому были установлены факты «неправильного ведения следствия по делам»²¹². Однако никакого обвинения против Федоровского выдвинуто не было. Его просто отправили на пенсию и даже не исключили из партии²¹³.

Что же касается бывшего сотрудника УНКВД Николаевской области Сыся Шора, то его действия во время Большого террора, очевидно, не навредили ему. По состоянию на апрель 1940 г. он продолжал занимать должность начальника третьего отделения второго отдела УНКВД Николаевской области. Однако это не значит, что все в конечном итоге закончилось для Шора благополучно, ведь и его коллега Федоровский был уволен из органов только осенью 1940 года.

В отношении заместителя начальника УНКВД по Тернопольской области А.М. Седова, обвинявшегося в совершении служебных преступлений в бытность начальником Еланецкого РО НКВД, имелось решение военного трибунала войск НКВД Одесской области, принятое в ходе процесса над Мартыненко в конце 1939 г. В соответствии с этим решением предписывалось возбудить следствие в отношении Седова, а также его сотрудников – участкового инспектора милиции И.Г. Чухнова и фельдъегеря К.И. Гудимова²¹⁴. Для Седова все это расследование было крайне неприятным еще и потому, что его карьера переживала в это время фазу стремительного взлета. Всего лишь за несколько лет он проделал путь от начальника Еланецкого РО НКВД до заместителя начальника УНКВД по Тернопольской области.

В конечном итоге расследование закончилось для Седова и других сотрудников НКВД, которые оказались на мушке у аппарата особоуполномоченного НКВД УССР по наводке Демчука, без каких-либо существенных потерь. В июле 1940 г. заместитель особоуполномоченного НКВД УССР Пронин рекомендовал прекратить расследование в отношении бывшего начальника Еланецкого РО НКВД, впрочем, как и в отношении бывшего оперуполномоченного УНКВД Васильевского, помощника оперуполномоченного Компанийца и бывшего начальника 9-го (сельскохозяйственного) отдела УНКВД Николаевской области Побережного. Рекомендация обосновывалась тем, что «факты извращений с их стороны, о которых Демчук указывает, не подтвердились»²¹⁵.

Седов продолжил выстраивать свою карьеру: после поста заместителя начальника УНКВД по Тернопольской области он возглавлял ряд областных управлений НКВД, занимал в годы войны высокие посты в системе армейских особых отделов, пока в на-

чале 1950-х годов не был переведен на руководящие должности в лагерной системе. Вскоре после столь удачного прекращения расследования, 24 сентября 1940 г., Седов был повышен в звании до капитана ГБ, а еще менее года спустя, 28 мая 1941 г., его наградили знаком «Заслуженный работник НКВД». В 1943 г. к наградам добавился орден Красной Звезды, в последующие годы – еще четыре ордена и медали. В 1944 г. ему было присвоено звание полковник ГБ²¹⁶. Васильевский, которого еще в апреле перевели в УНКВД Одесской области, служил там как минимум до февраля 1940 г. В годы Великой Отечественной войны он сделал карьеру в органах СМЕРШ, дослужился до подполковника и был награжден в 1944 г. орденом Красной Звезды²¹⁷.

Побережный, под руководством Трушкина возглавлявший 4-е отделение 2-го (Секретно-политического) отдела УНКВД, отделался дисциплинарным взысканием, которое не повлекло за собой зримых последствий²¹⁸. В 1940 г. он возглавлял следственную часть УНКВД Дрогобычской области, которая была создана 4 декабря 1939 г. В период Великой Отечественной войны Побережный продолжил карьеру чекиста и дослужился до майора.

По состоянию на июль 1940 г. расследование не было прекращено в отношении С.А. Петрова, все еще занимавшего пост начальника отделения УНКВД Николаевской области, отвечавшего за оперативное «обслуживание» судоходства²¹⁹. Оказался ли этот сотрудник НКВД в конечном счете на скамье подсудимых, был уволен или продолжил чекистскую карьеру, остается неизвестным. Нам также неизвестно, что стало с Компанийцем.

Зато среди наказанных оказался свежееиспеченный оперуполномоченный Херсонского ГО НКВД М.С. Болтянский. За фальсификацию материалов следствия он получил в конце 1938 г. выговор и 15 суток ареста. После этого его перевели в УНКВД Одесской области, где он и был уволен из органов госбезопасности 9 мая 1939 г. в ходе усилившегося расследования²²⁰. Спустя год, 15 мая 1940 г., следствие в его отношении было прекращено²²¹. Дальнейшая судьба Болтянского не была связана с НКВД: он участвовал в Великой Отечественной войне в качестве техника-интенданта 2-го ранга 324-й отдельной бригады морской пехоты Черноморского флота и был убит 28 марта 1943 г. в Новороссийске.

Заместитель начальника УНКВД Николаевской области Поясов был уволен из НКВД еще 15 мая 1939 г. с формулировкой «за невозможностью использования на работе в ГУГБ». В качестве

определенной компенсации он получил должность директора бондарного завода в Ярославской области, где и работал в 1941 г., однако его продолжали интенсивно допрашивать по поводу событий 1938 г. и использовали в качестве свидетеля обвинения²²². Что с ним случилось после 1941 г., еще предстоит выяснить.

Также был уволен из органов госбезопасности начальник Херсонского ГО НКВД Рудницкий, который на процессе по делу Федяева свидетельствовал уже в качестве заместителя начальника Нижневолжского государственного пароходства (Сталинград)²²³. В годы войны Рудницкий вернулся на службу в органы госбезопасности, в 1944 г. служил старшим лейтенантом, заместителем начальника 3-го отдела Охраны водного района Крымской базы Черноморского флота. Зато его коллега Готовцев дорос за 1939–1941 гг. до поста заместителя начальника УНКВД Николаевской области²²⁴. Проблемы у Готовцева начались только в сентябре 1941 г., когда высокопоставленный чекист ударился в бегство от наступающих немецких войск. Готовцев был арестован в этом же месяце, но только 29 июля 1942 г. был осужден по статье 206-17 «а» УК УССР за «самовольную отлучку с места службы». Обвинения в нарушении социалистической законности ему не предъявлялись. 15 июля 1944 г. Готовцев был полностью реабилитирован и никогда не находился под судом за служебные преступления, совершенные в период Большого террора²²⁵.

Расследование случаев мародерства, присвоения денег заключенных, попыток и фальсификации документов следствия, которое велось в отношении сотрудников Кировоградского ГО НКВД, закончилось увольнением начальника тюрьмы Пугача и вынесением строгих выговоров водителям Руденко и Грищуку²²⁶. Следователь Святский также был уволен из НКВД, однако в годы войны сделал карьеру в органах контрразведки СМЕРШ. Помощник оперуполномоченного Некор был наказан в административном порядке, отсидев под арестом 10 суток²²⁷. Волошин был уволен из НКВД 22 октября 1940 г. Эльзон и Лейзеровский избежали наказания.

В этом контексте только мимоходом следует упомянуть о бывшем начальнике УНКВД Николаевской области И.Б. Фишере, поскольку о нем сохранилось не так много данных, причем зачастую противоречивых. Увольнение с поста начальника областного управления протекало для Фишера сравнительно гладко, поскольку он получил пост в лагерной системе НКВД. Однако 14 сентября 1939 г. он внезапно был уволен из НКВД. О причинах увольнения

можно только догадываться. По некоторым сведениям, в июле 1939 г. Фишер стал пенсионером. Но уже в октябре 1939 г. Фишер занял пост начальника жилкоммунотдела Управления Черноморского морского пароходства, а с января 1940 г., как бы это цинично не звучало, стал работать ревизором Управления НКЮ УССР по Одесской области, с апреля 1941 г. – заведующим юридической консультацией в Одессе. В годы Великой Отечественной войны Фишер вернулся на службу в органы госбезопасности и занимал до лета 1943 г. руководящие должности в системе особых отделов в звании подполковника ГБ. После этого он возглавлял специальные части наркомата цветных металлов и наркомата строительных материалов СССР. В феврале 1948 г. Фишер вернулся на работу в гражданский сектор в качестве адвоката и заведующего юридической консультацией²²⁸.

Чтобы продемонстрировать наряду с количественными параметрами и широтой охвата также качественную сторону кампании за восстановление социалистической законности применительно к тем чекистам, которые *избежали* соответствующих обвинений, мы приведем ниже три показательных случая. Они должны помочь несколько упорядочить общую картину.

В первом случае речь идет об уже упоминавшемся выше начальнике «транспортного» отделения 11-го отдела П.А. Новакове, во втором – об оперуполномоченном 12-го отделения 2-го (СПО) отдела УГБ УНКВД Николаевской области А.И. Лигермане. Третьим примером служит бывший начальник Кировоградского ГО НКВД Н.Г. Шевченко. Их случаи позволяют представить самовосприятие чекистов и типичное восприятие «пострадавших» сотрудников со стороны бюрократии НКВД как вне рамок, так и в рамках кампании по восстановлению социалистической законности.

В случае с Петром Александровичем Новаковым интерес представляет то, как этому молодому сотруднику НКВД удалось, несмотря на отягчающие показания свидетелей, вытащить свою шею из петли. Новаков родился в Одессе в 1904 г. в семье рабочего, однако уже в возрасте трех лет потерял родителей. После этого он сначала попал в детский дом, потом воспитывался в бедной крестьянской семье в Молдавии. Новаков получил среднее образование, в 1922–1924 гг. служил рядовым бойцом в Красной Армии. После демобилизации он год отработал подсобным рабочим, потом приобрел квалификацию слесаря и к 1929 г. возглавил цех завода им. Благоева, располагавшегося в Одессе.

С января по август 1930 г. он занимал должность народного судьи Троицкого района Одесской области. Эта деятельность привела его на годовичные юридические курсы, организованные народным комиссариатом юстиции в Одессе. Их оказалось достаточно, чтобы считаться юристом и работать не просто народным судьей, но еще и заведующим сектором Одесского городского суда. Служба Новакова в органах госбезопасности началась в 1932 г. в качестве уполномоченного Одесского облотдела ГПУ. После этого он стал сверхштатным помощником уполномоченного СПО ГПУ Одессы. В 1934–1935 гг. Новаков занимал должность оперуполномоченного Очаковского РО НКВД Одесской области, а также был слушателем курсов оперативного состава при НКВД УССР в Харькове. В 1936–1937 гг. он продолжил свою службу в качестве оперуполномоченного СПО Очаковского РО НКВД, но вскоре был переведен в Одессу. В областном управлении с мая по август 1937 г. он занимал должность оперуполномоченного 3-го отдела УГБ. В 1937–1938 гг. Новаков исполнял аналогичные функции в УНКВД Николаевской области, а потом возглавил «транспортное» отделение 11-го отдела. С апреля по август 1938 г., являясь начальником отделения, он даже временно исполнял обязанности заместителя начальника 11-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. В декабре 1937 г., в ознаменование 20-й годовщины «органов», Новаков был награжден орденом «Знак почета». В конце 1938 г. Новакова перевели в Киев, в республиканский аппарат НКВД УССР, где он занял пост заместителя начальника управления дороги № 1 ГУШОСДОР НКВД УССР. В мае 1939 г. он уже возглавил второе отделение третьего отдела УГБ УНКВД только что созданной Кировоградской области. На этом посту Новаков оставался до сентября 1939 г. Характеристика, выданная ему 13 июля 1939 г., спустя два месяца после того, как он возглавил отделение, рисует образцового чекиста: «Энергичный, дисциплинированный и инициативный работник. Оперативно-следственную работу знает хорошо и имеет положительные показатели в работе». Характеристика была предоставлена для присвоения Новакову звания младшего лейтенанта ГБ²²⁹. В 1939–1940 гг. он занимал должность заместителя начальника следственной части УНКВД Кировоградской области, в 1940–1941 гг. Новаков был уже заместителем начальника контрразведывательного отдела УНКВД Измаильской (бывшей Аккерманской) области. Это повышение отчасти опиралось на блестящую характеристику, выданную Новакову заместителем

начальника УНКВД Кировоградской области по кадрам А.С. Чмелевым²³⁰. С мая 1941 г. по 1945 г. Новаков служил в армейских органах госбезопасности, в частности в 1945 г. в звании майора являлся начальником отдела контрразведки СМЕРШ 57-го стрелкового корпуса, был награжден орденом Красной Звезды (1944) и медалями²³¹.

Несмотря на внешне крутой подъем по карьерной лестнице, Новакова подстерегали нешуточные опасности. Проблемы начались весной 1939 г., когда на свободу из-за недостатка доказательств вышли арестованные, чьи дела вел Новаков. В частности, 16 марта 1939 г. был освобожден бывший начальник Николаевского областного управления связи С.И. Гайдт. Однако Гайдту было мало только одного освобождения. 11 мая 1939 г. он отправил в ЦК ВКП(б), секретарю Николаевского обкома ВКП(б) и начальнику УНКВД Николаевской области жалобу, в которой описал ужасные условия содержания под стражей. Новаков в этой жалобе выступает в роли главного мучителя Гайдта, который избивал его до бессознательного состояния, в том числе железной пряжкой от ремня и ногами в грудь. Кроме того, по утверждению Гайдта, Новаков фальсифицировал протоколы допросов. Допросы, писал Гайдт, сопровождалась «самой площадной бранью, которой я в жизни как советский гражданин не слышал от самого отъявленного хулигана»²³². После того как Гайдт в присутствии Новакова назвал эти методы допроса «фашистскими», его стали избивать еще более жестоко.

В конечном итоге, «чтобы все же остаться живым и показать свою правоту перед партией, я решил избавиться от избиения, я сказал “хорошо”, я согласен, что вам нужно – я буду писать, только чтобы прекратить издевательство надо мной. После того [...] я был представлен [зам. нач. УНКВД Николаевской области] капитану Поясову, где присутствовал и Новаков. [...] Я думал, что передо мной сидит честный коммунист, у которого я себе хочу найти защиту, но оказалось, что я ошибся. Поясов подошел ко мне, назвал меня проституткой и нанес мне удар кулаком на лицо [...]. Поясов после этого сказал Новакову, сегодня ночью я его сам буду допрашивать, приготовьте хорошую дубовую палку, услышав эти слова, я решил кончить жизнь самоубийством, и как только меня спустили в камеру, я ударился головой об радиатор, когда эту увидели арестованные, они схватили меня, не пустили, тогда я схватил черепяной горшок и стал наносить себе удары по голове. Голова моя была вся в крови. Узнав об этом, Новаков

прибежал вниз до камеры, вызвав меня в коридор, и начал меня душить здесь же в подвале, я очень кричал, и эти крики слышны были во все камеры НКВД. Так продолжалась экзекуция под руководством Новакова и Петрова. Я больше писать не могу, нет сил описать все подробно, что творилось, одни стены знают и те, кто был арестован»²³³. Свою жалобу Гайдт закончил следующим требованием: «Прошу привлечь к ответственности клеветника [М.Л.] Смородинскую и тех лиц, которые допрашивали меня, а именно Поясова, Ефремова, Новакова, Петрова С., Черепанова, Демчука, Лыскова. Я считаю, что этим лицам не место в рядах славной Советской разведки, они своими преступными действиями и незаконными арестами развалили областное управление связи, арестовав ряд руководящих работников связи, специалистов, ныне выпущенных на свободу и восстановленных на прежние работы [...]. Я считаю, что этим самым Петров С. и Новаков и им подобные, они дискредитировали наш боевой орган НКВД, принесли колоссальный ущерб нашей социалистической родине. Я считаю, что этим людям как совершившим тягчайшее преступление перед страной, они должны быть судимы революционной законностью»²³⁴.

Несмотря на факт такой жалобы, расследование обвинений в адрес Новакова началось только полгода спустя, и то лишь потому, что он оказался среди «нарушителей» социалистической законности, названных бывшим сотрудником УНКВД Николаевской области Демчуком. Демчук, в числе прочего, как уже упоминалось выше, сообщил 3 декабря 1939 г. о том, что Новаков принимал участие в систематических избиваниях начальника областного управления связи Николаевской области С.И. Гайдта с целью, принудить «дать вымышленные показания о существовании в Николаевском областном управлении связи правотроцкистской организации и о причастности к ней Шурховецкого В.Г., Калинина Н.В., Черницкого В.Д. и др.»²³⁵. Новаков применял пытки также в отношении лиц, которые были арестованы на основании показаний Гайдта²³⁶.

От Новакова следствие потребовало объяснений, которые он и предоставил в записке от 26 февраля 1940 г. В этой записке он использовал такую же стратегию защиты, как и сотрудник УНКВД Васильевский, в отношении которого Демчук также выдвинул обвинения. Новаков обвинил Демчука в контактах с «подозрительными элементами-собутельниками», объявил, что сам Демчук обладает «преступным характером» и описал бывшего коллегу

как «субъекта», который «мог идти на любое государственное преступление». Кроме того, Новаков объяснял показания Демчука личными мотивами мести, поскольку он, Новаков, способствовал переводу Демчука с должности оперуполномоченного УНКВД с понижением.

В ответ на обвинение в том, что в 1939 г. были освобождены и реабилитированы лица, которым Новаков в свое время в качестве следователя вменял в вину тяжелые преступления, чекист ответил, что против данных лиц имелись серьезные компрометирующие материалы: например, показания свидетелей о халатном обслуживании авиамоторов, что привело к падению самолета. Обвинения в избииении подследственных Новаков отрицал без всяких оговорок²³⁷.

Спустя день после подачи Новаковым объяснительной записки, то есть 27 февраля 1940 г., Демчук был вновь допрошен по поводу своих обвинений, в том числе и в адрес Новакова, и полностью подтвердил свои показания, которые он дал в декабре 1939 года²³⁸. Несколькоими днями позднее, 3 марта 1940 г., особополномоченный НКВД по Николаевской области В.Н. Никитин дал указание опросить освобожденных подследственных, в том числе тех, кого избивал Новаков²³⁹. Непосредственно вслед за этим был опрошен Гайдт, который повторил свои обвинения, а также еще четыре человека, Н.В. Калинин, В.Д. Черницкий, И.А. Друтман и В.Г. Шурховецкий, якобы члены заговорщицкой троцкистской группы, освобожденные в конце января 1939 года²⁴⁰.

Калинин показал, что Новаков избил его лишь единожды, «но этот удар был для меня самый больной, который я никак не могу забыть. [...] Новаков стал [...] говорить мне, что я контрреволюционер, что я прикрывался, и в то время, когда предъявлял мне такие обвинения, нанес мне сильный удар ногой (носком сапога) в мягкое место задней части, отчего пришлось перенести неимоверную боль, и не только потому, что от удара была сильная боль, но и по той причине, что со мной обратился Новаков не по-человечески»²⁴¹.

Черницкий заявил, что Новаков избивал его в кровь отрезком электрического кабеля²⁴². Шурховецкий в свою очередь описал следующую сцену в кабинете Новакова: ««[...] ну что, ничего не пишет?» Открыл ящик письменного стола, достал оттуда пояс с портупеей и, ничего не говоря, начал меня бить этим поясом и бил до тех пор, пока не поломалась пряжка пояса. «Вот так нужно допрашивать... заберите эту б...»»²⁴³. Друтман заявил, что

Новаков не применял к нему на допросах физическую силу²⁴⁴. Следствию также не удалось получить компрометирующие данные от коллег Новакова – Н.М. Митрофанова и В.Д. Смальченко, а также от еще двух допрошенных сотрудников УНКВД²⁴⁵. К апрелю 1940 г. дело Новакова выросло до 224 страниц²⁴⁶.

В конечном итоге расследованием дела Новакова занялся Киев, поставив об этом в известность московское начальство. 4 июля 1940 г. особоуполномоченный НКВД Украинской ССР Пронин сообщил начальнику секретариата НКВД СССР С.С. Мамулову, что расследование в отношении Новакова по обвинению в нарушении социалистической законности, начатое в конце 1939 г. в соответствии с постановлением Военного трибунала войск НКВД Одесской области, не только не прекращено, но, напротив, идет полным ходом²⁴⁷. Новаков был арестован 30 октября 1940 г., но отделался легким испугом. За нарушение социалистической законности он провел под арестом 10 суток. Одновременно он получил взыскание был предупрежден, что «при повторении подобных случаев он будет предан суду»²⁴⁸.

Прошрое Новакова как фальсификатора и истязателя догнало его позже, в период десталинизации конца 1950-х – начала 1960-х гг. 22 апреля 1961 г. Николаевский обком КПСС исключил его «из членов КПСС за нарушение советской законности в период работы в органах НКВД в 1937–1938 гг.»²⁴⁹. Инициировала указанные меры военная прокуратура Одесского военного округа, занимавшаяся в 1958 г. реабилитацией лиц, по делам которых Новаков вел следствие в 1937–1938 годах²⁵⁰.

Для А.И. Лигермана, в отличие от Новакова, расследование нарушений соцзаконности имело куда более неприятные последствия, хотя и не такие тяжелые, как в случае с его коллегами, осужденными на шести судебных процессах. Он лишь потерял свое рабочее место в НКВД. Обращает на себя внимание роль, которую в деле устранения Лигермана сыграла партийная организация.

Арон Исаакович Лигерман родился в 1912 г. в Одессе в рабочей еврейской семье. Его отец работал на щеточной фабрике, мать была продавщицей. Образование, полученное Лигерманом, можно охарактеризовать как низшее. В 1926 г. он закончил 5 классов трудовой школы. После этого он получил профессиональную подготовку в качестве кузнеца. В 1929–1931 гг. обслуживал штамповочный пресс на одесской фабрике им. Январского восстания, был членом профсоюза металлистов, женился. В 1929 г.

Лигерман стал комсомольцем, в 1932 г. – членом ВКП(б). В качестве одного из лучших «ударников-коммунистов» в 1931 г. Лигерман был мобилизован на работу в органы ГПУ²⁵¹. До 1936 г. он был разведчиком и сотрудником для особых поручений Одесского облотдела ГПУ – УНКВД. В 1936–1937 гг. являлся сотрудником отделения УГБ Николаевского ГО НКВД, отвечавшего за «оперативное обслуживание» гаваней, после этого с 1 августа 1937 г. по 5 октября 1937 г. временно исполнял обязанности оперуполномоченного 4-го отдела (СПО) УНКВД Николаевской области, то есть трудился под руководством Трушкина. До 15 января 1938 г. он занимал пост оперуполномоченного 12-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области, а также временно работал в январе 1938 г. начальником второго отделения 7-го отдела. Почти целый год, с 15 января по 1 декабря 1938 г., Лигерман был оперуполномоченным третьего отделения третьего отдела УНКВД Николаевской области. Его последовательное восхождение по карьерной лестнице продолжилось в декабре 1938 г., когда он получил назначение на пост помощника начальника одного из отделений 3-го отдела УНКВД, который он и занимал по 10 мая 1939 года²⁵².

Политическая и служебная биография Лигермана была до 1939 г. безупречной. Он не был участником какой-либо антипартийной группы, не имел судимостей и служебных взысканий. Можно было бы отметить, что Лигерман был обойден наградами и поощрениями, но это отчасти объяснялось его юным возрастом и коротким сроком службы. Тем не менее в [январе] 1938 г. врид. начальника 7-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области Ефремов написал на Лигермана хорошую характеристику, которая была необходима для присвоения специального звания младший лейтенант ГБ: «Оперативную работу усвоил хорошо, как агентурную, так и следственную. Фактически выполняет работу начальника отделения Оборонного отдела. Дисциплинирован, старателен. Любит работу органов УГБ НКВД. Пользуется авторитетом»²⁵³. Характеристика была утверждена Карамышевым. Таким образом, карьера Лигермана в целом находилась на взлете.

Внезапный конец службе в органах госбезопасности пришел в мае 1939 г. Лигерман был арестован на 10 суток с последующим увольнением из НКВД. Причиной увольнения было решение Николаевского обкома ВКП(б), который согласно директиве Москвы осуществлял проверку оперативных сотрудников НКВД и их утверждение на занимаемых должностях. Однако на этом непри-

ятности Лигермана не закончились, поскольку обком рекомендовал первичной организации «обсудить вопрос о его партийности», что прямо подразумевало лишение партийного билета²⁵⁴.

С помощью уже знакомого нам особоуполномоченного НКВД СССР Твердохлебенко было установлено, что Лигерман умолчал о том, что его отец родился в Варшаве, а не в Одессе, а теща спекулировала товарами в 1936 г. Наиболее тяжкое обвинение заключалось в том, что Лигерман, «работая на следствии в УНКВД, участвовал в извращениях методов следствия и применял к целому ряду арестованных физические меры воздействия – Бабенко, Горбенко и другим, которые в настоящее время из-под стражи освобождены»²⁵⁵.

В справке, подготовленной Твердохлебенко, также говорилось о том, что Лигерман принуждал свидетелей подписывать пустые протоколы допросов, после чего заполнял их сам в отсутствие свидетелей по собственному усмотрению. Кроме того, он поручал внештатному сотруднику НКВД Семенову поиск фамилий лиц, которые могли бы фигурировать в качестве свидетелей, после чего Семенов от их имени заполнял протоколы и предъявлял на подпись Лигерману²⁵⁶.

Пытаясь защищаться от такого рода обвинений, Лигерман еще в начале января 1939 г. написал Карамышеву, завершая свой подробный рапорт следующей моралью: «[...] работаю честно, добросовестно, никогда не ждал, что такое несчастье свалится на меня. И вот люди, потерявшие человечность, как эти свидетели и Семенов, могут, не стесняясь, громогласно клеветать на честного, ни в чем не повинного растущего молодого большевика-чекиста, которого могут опорочить на всю жизнь»²⁵⁷.

Вскоре после увольнения Лигерман предпринял еще одну попытку реабилитации: он отправил жалобу на имя Хрущева и Берии, в которой, как и в январе 1939 г., утверждал, что все обвинения против него базируются на показаниях двух провокаторов²⁵⁸. Однако как заместитель наркома Кобулов, так и начальник УНКВД Юрченко единодушно и окончательно отклонили восстановление Лигермана на службе²⁵⁹. Было лишь разрешено занести Лигермана в резерв РККА²⁶⁰. Очевидно, следствие в отношении Лигермана было окончательно прекращено 15 мая 1940 г., то есть спустя год после его увольнения, однако нам неизвестно, действительно ли тогда была поставлена точка в расследовании и избежал ли Лигерман в конечном итоге суда. Ведь Протопопов и Семенов, упомянутые наряду с Лигерманом в постановлении

аппарата особоуполномоченного НКВД УССР о прекращении следствия за недостатком улик от 15 мая 1940 г., были вскоре арестованы и осуждены на процессе по делу Федяева и других, причем Протопопов получил солидный срок, а Семенов был приговорен к расстрелу²⁶¹.

Что же касается третьего примера – дела Николая Григорьевича Шевченко – то речь здесь пойдет о чекисте, проделавшем в органах НКВД стремительную успешную карьеру, несмотря на обвинения в нарушении соцзаконности. Шевченко, украинец по национальности, родился в 1901 г. в местечке Большая Корениха (Николаевка) Корениховской волости Одесского уезда Херсонской губернии (ныне в составе Николаевской области). Его отец был из бедной крестьянской семьи, получил профессию моряка. Дед, отец матери, работал биндюжником в Одесском порту, сама мать была домохозяйкой. Шевченко был женат, имел двоих детей. Его жена в 1938 г. заведовала загсом в г. Кирово²⁶². В автобиографии, датированной октябрём 1938 г., Шевченко, описывая свое семейное окружение, подчеркивал: «из числа моих родственников никто не репрессирован и репрессиям органами Соввласти не подвергался, никто не служил в антисоветских армиях, лишенных избирательных прав нет и не было. За границей родственников и знакомых нет и не было»²⁶³.

Образование будущий чекист имел начальное – 4 класса народной школы. В 14 лет он начал работать в кустарных никелеваловых мастерских Власова в Одессе, потом овладел профессией токаря по металлу и проработал с 1916 г. по 1920 г. на одном из одесских заводов.

Его контакты с органами госбезопасности начались рано. Уже в возрасте 19 лет по его личной просьбе Шевченко был командирован Губпрофсоветом на работу в Одесскую губчека. В 1920–1923 гг. он занимал должности контролера-уполномоченного и старшего контролера в особом пограничном отделении в местечке Беляевка Одесской губернии. В 1924 г. закончил регулярные пограничные курсы ГПУ УССР в г. Харькове. После этого Шевченко прослужил год начальником погранзаставы 24-го Могилев-Подольского погранотряда ГПУ. В 1925–1927 гг. он был слушателем Высшей пограншколы ГПУ в Москве. После учебы, в 1927–1932 гг., служил начальником, потом старшим уполномоченным 20-го Славутского пограничного отряда ГПУ. В сентябре 1932 г. его служба в качестве пограничника закончилась – Шевченко был переведен райуполномоченным в Гросуловский район

Одесской области. С октября 1933 г. по декабрь 1934 г. он возглавлял Скадовский РО НКВД, после чего в начале 1935 г. получил назначение в качестве оперуполномоченного Херсонского ГО НКВД. В марте 1936 г. ему было присвоено специальное звание лейтенант ГБ. К июлю 1937 г. он уже дослужился до поста начальника горотдела, после чего в октябре 1937 г. возглавил Кировский (будущий Кировоградский) ГО НКВД. Эту должность он занимал до сентября 1938 г. В Кирово Шевченко одновременно руководил межрайонной оперативной группой (на остальной территории СССР, помимо Украины, эти группы назывались «оперативными секторами»), задачей которой являлась координация действий целого ряда соседних районных отделов НКВД для проведения массовых операций. После этого он был с повышением переведен в Киев, где возглавил вначале 11-й (водный) отдел УГБ НКВД УССР, а затем – 6-й отдел 1-го Управления НКВД УССР. Но уже в октябре 1938 г. он получил новый пост – помощника начальника отдела и начальника 1-го отделения Особого отдела НКВД Киевского Особого военного округа, а с февраля 1939 г. работал заместителем начальника этого же подразделения. Шевченко неоднократно награждался по службе, в 1930 г. – грамотой ГПУ УССР²⁶⁴, в декабре 1937 г. – в честь 20-летия органов ВЧК–ГПУ–НКВД «за образцовое выполнение заданий правительства, активную борьбу с контрреволюцией и охрану интересов трудящихся» – ценным подарком и грамотой от ЦИК УССР²⁶⁵ и в августе 1938 г. – знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ»²⁶⁶.

В 1938 г., описывая свою политическую деятельность, Шевченко указал, что не принимал участия в революционном движении, что простительно, учитывая его на то время юный возраст. Но уже в 1925 г. он был принят кандидатом в члены ВКП(б), а в 1927 г. стал полноправным членом ВКП(б). Далее Шевченко подчеркивал: «В оппозициях не участвовал, отклонений от генеральной линии партии не было»²⁶⁷. С 1931 г. его партийная активность существенно усилилась. Где бы он ни работал, его избирали членом бюро райкомов, а затем и горкомов КП(б)У. В 1938 г. он был избран делегатом от Кировской парторганизации на Николаевскую областную партконференцию.

В автобиографии Шевченко не замалчивал факта партийного взыскания, которое он получил в 1934 г. от Скадовского горкома КП(б)Украины за «политическую недооценку» убийства члена одного из сельских советов района. Однако это взыскание не

повлияло на его перевод с повышением в Херсонский горотдел НКВД. Уже в 1935 г. Херсонский горком КП(б)Украины снял с Шевченко наложенное взыскание.

В 1939–1940 гг. Шевченко, казалось бы, благополучно миновал все опасности, связанные с кампанией по восстановлению социалистической законности. 13 мая 1939 г. решением Политбюро ЦК КП(б)У он был утвержден на своей текущей должности – начальника 5-го (иностранного) отдела УГБ НКВД Украинской ССР²⁶⁸. В свою очередь Кобулов просил 26 мая 1939 г. заместителя наркома внутренних дел СССР по кадрам С.Н. Круглова подтвердить это решение по линии «органов»²⁶⁹, что и было сделано приказом НКВД СССР № 1640 от 28 августа 1939 г.²⁷⁰ В июне 1939 г. Шевченко был произведен в капитаны ГБ. 26 апреля 1940 г. указом Президиума Верховного Совета СССР он был даже награжден медалью «За отвагу». В 1940 г. его карьерный рост прервался: с должности начальника отдела в крупнейшей республике он был переведен на должность начальника отделения отдела в крошечной республике – Шевченко был назначен начальником 1-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД Эстонской ССР. Республиканское начальство предпочло проигнорировать имевшийся на Шевченко компромат, который заключался в том, что во время служебной поездки в Кишинев в 1940 г. он купил радиоприемник у негласной сотрудницы НКВД, а также принял участие в попойке. Вероятно, эти проступки более-менее компенсировались тем, что Шевченко, как говорилось в справке отдела кадров НКВД Эстонской ССР, «работу в НКВД знает в совершенстве», за что неоднократно поощрялся. Кроме того, Шевченко, очевидно, зарекомендовал себя таким усердным работником, что начальник отдела кадров Хансон не только написал, что он справляется с текущей работой, но и выразил уверенность в том, что Шевченко «вполне справится с работой большого объема»²⁷¹.

Поразительно, что в этой справке, написанной самое раннее в ноябре 1940 г., не упоминается, что в распоряжении «органов» к этому времени имелись гораздо более опасные сведения, дискредитирующие Шевченко. В октябре 1940 г. особоуполномоченный НКВД УССР Пронин подготовил заключение, в котором в вину Шевченко ставились не проступки типа интимных отношений с актрисой, продавшей ему радиоприемник, или пьяной оргии в командировке, а нарушения социалистической законности. Шевченко в бытность начальником Кировского (Кировоградского) ГО НКВД обвинялся в незаконных арестах граждан, избииении подследственных совместно со следователем А.Х. Свяцким, не-

правомерном обращении с деньгами, изъятыми у арестованных. Кроме того, утверждалось, что он был осведомлен о случаях мародерства своих подчиненных²⁷². По всей видимости, Шевченко уже в начале осени 1940 г. интенсивно допрашивали, поскольку по каждому пункту обвинения приведены его показания. Он даже признался в том, что избивал подследственного, однако делал это якобы с санкции бывшего заместителя начальника УНКВД Николаевской области Поясова²⁷³. В конечном итоге Шевченко отделался на тот момент лишь выговором.

В октябре 1942 г. он был наказан гораздо более жестко. Поскольку, несмотря на все предупреждения, Шевченко в своем новом качестве начальника Особого отдела НКВД Приморской опергруппы (с апреля 1942 г.) допускал нарушения социалистической законности подчиненными, он был снят с должности²⁷⁴. Но уже самое позднее в апреле 1943 г. новое начальство – командование Ленинградской армии противовоздушной обороны – наградило подполковника Шевченко, помощника начальника Особого отдела НКВД армии, орденом Красной Звезды. В наградном листе значилось: «тов. Шевченко, работая в особ[ых] органах НКВД с первых дней Отечественной войны, проделал огромную работу по разоблачению контрреволюционных элементов: шпионов, террористов, диверсантов и вредителей, проникших в армию»²⁷⁵. В мае 1945 г. его даже наградили орденом Ленина²⁷⁶. После войны Шевченко служил в органах госбезопасности до 1949 г., пока не был уволен в связи с достижением пенсионного возраста²⁷⁷. Тем не менее после смерти Сталина против Шевченко вновь велось расследование по обвинению в нарушении социалистической законности, однако и это расследование было прекращено, хотя из партии его исключили²⁷⁸.

В результате изучения контекста шести расследований и, соответственно, шести судебных процессов, на которых в Николаевской области были осуждены «нарушители социалистической законности», складывается противоречивая картина. Однозначным можно признать – и это отнюдь не мало – то, что практически любая информация о проступках, доходившая до сведения особоуполномоченных НКВД, приводила к допросам подозреваемых, а также опросам их коллег и жертв. Информационная база, на которую опирались в своих действиях особоуполномоченные, формировалась из апелляций к власти и свидетельских показаний бывших жертв, а также взаимных обвинений сотрудников НКВД, которые высказывались как в ходе предварительного следствия, так и непосредственно на самих судебных процессах.

Картина становится менее четкой, когда речь заходит о последствиях «розысков» особоуполномоченных. Здесь можно констатировать, что спектр наказаний простирался от переводов и административных арестов вплоть до увольнения и даже включения в число подсудимых. Если все ограничивалось увольнением, то, как правило, пострадавшие чекисты получали престижную гражданскую работу. Однако, будучи единожды уволенными из НКВД, вернуться на службу в органы было далеко непросто. Зато чекисты, в отношении которых ограничились лишь предупреждением, имели все шансы продолжить восхождение по служебной лестнице, получать награды и вступать в партию. Однако, как показывает случай Шевченко, были и проблемы. Если запятнавший себя чекист и после предупреждений не вел себя надлежащим образом, его могли ожидать дальнейшие переводы, очередные выговоры и понижения в должности.

Нам не удалось установить закономерности в определении меры наказания. Очевидно, что принималось во внимание количество проступков, поведение чекистов-«перегибщиков» после Большого террора, а также отклонение от предписанных норм в прошлом. Значение также имело, кто вел следствие: особоуполномоченные из республиканского комиссариата внутренних дел или из местных управлений НКВД. И те, и другие были наделены значительными полномочиями, однако следователи из Киева действовали, как правило, существенно жестче.

Сопротивление следствию давалось чекистам, попавшим в круг подозреваемых, тяжело и требовало от них много сил и времени. Поэтому не стоит говорить о кампании по восстановлению социалистической законности лишь как о символической акции. Она отличалась широким охватом и большой основательностью. Шесть процессов, о которых здесь идет речь, представляли собой лишь верхушку айсберга. Выговоры, дисциплинарные взыскания и увольнения являлись по меньшей мере такой же важной частью кампании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автобиография Федора Тимофеевича Овчинникова. 28.12.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38324. Т. 6. Конверт № 3.

² Объяснение сотрудника НКВД А.П. Кублановского особоуполномоченному НКВД УССР от 16.04.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38324. Т. 2. Л. 9–13.

³ Выписка из копии заявления члена партии К.А. Сабина на имя ЦК ВКП(б) И.В. Сталину. [После 29.05.1939] // Там же. Т. 2. Л. 6–7.

⁴ Выписка из заявления сотрудника УНКВД Николаевской области Мамонтова на имя особоуполномоченного НКВД УССР. 19.05.1939 // Там же. Т. 2. Л. 16–22, здесь л. 18.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 18–20.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 16.

¹⁰ Выписка из заявления зам. нач. 1-го отделения ЭКО УНКВД Николаевской области А.П. Федотова на имя особоуполномоченного НКВД УССР. 21.05.1939 // Там же. Т. 2. Л. 23–24; Выписка из заявления зам. нач. 1-го отделения 3-го отдела УНКВД Николаевской области Чернобыльского на имя особоуполномоченного НКВД УССР. 22.05.1939 // Там же. Т. 2. Л. 25–27.

¹¹ Выписка из собственноручных показаний обвиняемого Л.Д. Телешевского. 26.04.1938 // Там же. Т. 2. Л. 1–2. Обвинения в принадлежности к клану Леплевского играли в ходе кампании за восстановление социалистической законности только маргинальную роль. В деле Овчинникова подшиты два его старых рапорта, в которых он пытался разубедить республиканское начальство во главе с А.И. Успенским в том, что И.М. Леплевский в свое время являлся его покровителем. См.: Рапорт оперуполномоченного ОО НКВД УССР и КВО Ф.Т. Овчинникова начальнику ОО НКВД УССР и КВО М.К. Александровскому. Осень 1937 г. // Там же. Т. 1. Л. 17–25; Рапорт нач. 5-го отдела УГБ УНКВД УССР по Николаевской области Ф.Т. Овчинникова народному комиссару внутренних дел НКВД УССР А.И. Успенскому. 13.06.1938 // Там же. Т. 1. Л. 26–39.

¹² Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А. ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 178–182.

¹³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2004. С. 663–664. Ссылка 92; Постановление Политбюро об учете, проверке и утверждении в ЦК ВКП(б) ответственных работников Наркомвнудела, Комитета обороны, Наркомата обороны, Наркомата военно-морского флота, Наркоминдела, Наркомата оборонной промышленности, Комиссии партийного контроля и Комиссии советского контроля. 20.09.1938 // Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. – М., 1995. С. 42–44.

¹⁴ Собственноручные показания арестованного Ф.Т. Овчинникова. 15.10.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38324. Т. 4. Л. 194–216, здесь л. 202 об.

¹⁵ Речь идет об операции НКВД, направленной против лиц, эмигрировавших или вернувшихся в СССР из Польши, заподозренных в сотрудничестве с белогвардейской эмигрантской организацией «Братство русской правды» (БРП).

¹⁶ Там же. Л. 202–204. Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно Ф.Т. Овчинникова. 26–28.03.1940 // Там же. Т. 6. Л. 55–74 об., здесь л. 71 об.; Про-

токол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно Ф.Т. Овчинникова. 10–13.03.1941 // Там же. Т. 6. Л. 188–226, здесь л. 194.

¹⁷ Протокол судебного заседания ВТ... касательно Ф.Т. Овчинникова. 10–13.03.1941 // Там же. Т. 6. Л. 194.

¹⁸ Заявление арестованного Ф.Т. Овчинникова секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, секретарю Н.С. Хрущеву, члену ЦК ВКП(б) Л.П. Берия, народному комиссару УССР, военному прокурору НКВД УССР. 09.09.1939 // Там же. Т. 4. Л. 31–44, здесь Л. 31–35. Об усилиях Овчинникова добиться повышения в звании см. в том числе: Рапорт нач. 5-го отдела УГБ УНКВД УССР по Николаевской области Ф.Т. Овчинникова народному комиссару внутренних дел НКВД УССР А.И. Успенскому. 13.06.1938 // Там же. Т. 1. Л. 26–39.

¹⁹ Постановление следователя следственной части УГБ НКВД УССР Г.А. Грунина по обвинению Ф.Т. Овчинникова. 02.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 2–3.

²⁰ См. рукописную пометку Морозова на постановлении об аресте Овчинникова. Там же. Л. 2. О выполнении этого указания: Постановление следователя следственной части УГБ НКВД УССР Г.А. Грунина по обвинению Ф.Т. Овчинникова. 01.08.1939 // Там же. Т. 1. Л. 4.

²¹ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно Ф.Т. Овчинникова. 26.03.1940–28.03.1940 // Там же. Т. 6. Л. 55–74 об.

²² Там же. В 1939 г. военный трибунал отменил этот приговор.

²³ Протокол судебного заседания ВТ... касательно Ф.Т. Овчинникова. 26.03.1940–28.03.1940 // Там же. Т. 6. Л. 68 об., 69.

²⁴ Там же. Л. 74.

²⁵ Приговор Военного трибунала войск НКВД Киевского округа касательно Ф.Т. Овчинникова. 28.03.1940 // Там же. Т. 6. Л. 77–78.

²⁶ Там же. Приговор вынесли председатель суда, военный юрист 3-го ранга Фомичев и два члена трибунала, старший политрук Космачев и младший лейтенант милиции Нестеренко.

²⁷ Определение № 2–511 Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР касательно Ф.Т. Овчинникова. 22.06.1940 // Там же. Т. 6. Л. 91–91 об.

²⁸ Протокол допроса обвиняемого Ф.Т. Овчинникова. 12.10.1940 // Там же. Т. 5. Л. 13–17, здесь л. 14; Протокол допроса обвиняемого Ф.Т. Овчинникова. 15.10.1940 // Там же. Т. 5. Л. 45–58, здесь л. 45–46.

²⁹ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского военного округа в закрытом заседании касательно Ф.Т. Овчинникова. 10.03.1941–13.03.1941 // Там же. Т. 6. Л. 188–226.

³⁰ Председатель Военного трибунала войск НКВД Киевского военного округа Васютинский – нач. УНКВД Николаевской области об организации процесса по делу Ф.Т. Овчинникова. Март 1941 г. // Там же. Т. 6. Л. 154.

³¹ Приговор Военного трибунала войск НКВД Киевского округа касательно Ф.Т. Овчинникова. 13.03.1941 // Там же. Т. 6. Л. 230–232.

³² Справка начальника Особого отдела 844 ГКК Житомирской Кавалерийской дивизии Гагорского о З.Д. Лившице райуполномоченному ГПУ

г. Ново-Одесса. 02.10.1932 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 4518-ОС. Л. 6; Райуполномоченный ГПУ Ново-Одесского района Осипчук – начальнику Речицкого райотделения ГПУ. 31.08.1932 // Там же. Л. 7; Послужной список сотрудника Одесского областного Управления НКВД тов. З.Д. Лившица. Без даты // Там же. Часть I.

³³ Аттестация на З.Д. Лившица. 28.03.1938 // Там же. Часть II. Л. 19.

³⁴ Наградной лист УНКВД Николаевской области на нач. Владимировского районного отдела НКВД З.Д. Лившица. 05.07.1938 // Там же. Часть II. Л. 20–20 об.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 1. Л. 91–94; Т. 13. Л. 112–113 об., 232.

³⁸ Там же. Т. 13. Л. 112–113 об., 232.

³⁹ Приказ № 340 по УНКВД Николаевской области «О наложении дисциплинарного взыскания» в отношении З.Д. Лившица. 17.11.1938 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 2. Л. 166.

⁴⁰ Заключение врид. особоуполномоченного УНКВД Николаевской области Артёмьева о З.Д. Лившице. 23.12.1938 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 4518-ОС. Часть II. Л. 35–37.

⁴¹ Там же.

⁴² Рапорт З.Д. Лившица начальнику отдела кадров НКВД УССР Крутову. 31.12.1938 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. 4518 ОС. Л. 34; Анкета арестованного З.Д. Лившица. 16.06.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 1. Л. 11–11 об.

⁴³ Сведения о том, что эти лица были отданы под суд, см.: Приговор Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа касательно П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова, К.А. Воронина. 04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 305–310.

⁴⁴ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226 об.

⁴⁵ Лавриненко был очевидно уволен за «ненормальности» в ходе следствия.

⁴⁶ Мишустин был также уволен из НКВД за «ненормальности» в ходе следствия, но Карамышев заявил об этом только на втором судебном процессе. См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.

⁴⁷ Секретарь Еланецкого РО НКВД. Подробнее о деле Мартыненко см. ниже.

⁴⁸ Аналогичный ряд сотрудников упоминается в другом месте. См.: Там же. Л. 113. Из-за недостатка информации нам не удалось установить, кто из этих сотрудников (за исключением Мишустина и Лавриненко) был уволен из органов госбезопасности. В отношении Лавриненко и Побережного проводилось лишь дисциплинарное разбирательство. Побережный продолжал работать в УНКВД Николаевской области начальником 4-го отделения 4-го отдела после реорганизации НКВД в конце 1938 г. См.: Заявление бывшего оперуполномоченного 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области Т.Т. Черкеса об искривлении соцзакононости особоуполномоченному НКВД УССР А.М. Твердохлебенко. 16.05.1939 // Там же. Т. 12. Л. 80–85.

⁴⁹ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 112–113 об., 232.

⁵⁰ Постановление оперуполномоченного 4-го отдела УНКВД Николаевской области М.Н. Ткаченко о И.Ф. Мартыненко. 28.08.1938 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 76471. Л. 4; Постановление оперуполномоченного 4-го отдела УНКВД Николаевской области М.Н. Ткаченко о И.Ф. Мартыненко. 05.10.1938 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 76471. Л. 8.

⁵¹ Постановление оперуполномоченного 2-го отдела УНКВД Николаевской области Макаренко о И.Ф. Мартыненко. 28.08.1938 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 76471. Л. 18.

⁵² Протокол допроса обвиняемого И.Ф. Мартыненко. 13.03.1939 // Там же. Л. 80; Выписка из показаний обвиняемого Я.Е. Отрошенко. 26.03.1939 // Там же. Л. 82–83.

⁵³ Постановление нач. 3-го отделения 2-го отдела УНКВД Николаевской области А.Ю. Федоровского о И.Ф. Мартыненко. 16.04.1939 // Там же. Л. 92–93.

⁵⁴ Протокол огляду архівно-слідчої справи колишнього співробітника Сланецького райвідділу НКВС І.Ф. Мартиненка // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. – Київ – Миколаїв, 2005. С. 280.

⁵⁵ Следственное дело З.Д. Лившица. 1938–1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 3. Л. 40 об.

⁵⁶ Там же. Л. 30, 30об; Протокол допроса колхозника Н.К. Мартынова. 01.11.1938 // Там же. Т. 1. Л. 103–107; Протокол допроса колхозника Н.К. Мартынова. 21.05.1938 // Там же. Т. 1. Л. 122–124; Протокол допроса колхозника Н.К. Мартынова. 18.06.1938 // Там же. Т. 1. Л. 118–121.

⁵⁷ См. например: Протокол допроса инспектора Владимировского районного отдела УНКВД Николаевской области К.П. Литвиненко. 26.04.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 1. Л. 134–137; Протокол допроса бригадира огородной бригады колхоза «Червоний Заможник» // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 1. Л. 122–128.

⁵⁸ Протокол допроса З.Д. Лившица. 04.07.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 1. Л. 67–69, здесь л. 67.

⁵⁹ Протокол допроса нач. второго отделения ЭКО УНКВД Николаевской области А.П. Федотова. 31.08.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38324. Т. 2. Л. 28–38, здесь Л. 36.

⁶⁰ Рапорт З.Д. Лившица заместителю наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулову. После 19.05.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 1. Л. 27–32, здесь л. 32.

⁶¹ Постановление оперуполномоченного НКВД УССР Петрова на арест З.Д. Лившица. 08.07.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 1. Л. 2.

⁶² Приговор военного трибунала войск НКВД Киевского военного округа против З.Д. Лившица. 02.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 2. Л. 388–390.

⁶³ Следственное дело З.Д. Лившица. 1938–1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 3. Л. 26–24, здесь Л. 30 об., 31 об., 33, 34 об., 36, 36 об., 38.

⁶⁴ Приговор Военного трибунала войск НКВД Киевского округа касательно П.Я. Коробцева и Е.Ф. Демчука. 16.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38809. Т. 1. Л. 231–234.

⁶⁵ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно П.Я. Коробцева и Е.Ф. Демчука. 16.11.1939 // Там же. Т. 1. Л. 217–225 об., здесь л. 217–217 об., 225.

⁶⁶ Справка по материалам архивного личного дела Е.Ф. Демчука. 07.04.1958 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 314. Том 1. Л. 12, 13.

⁶⁷ Протокол ВТ касательно П.Я. Коробцева и Е.Ф. Демчука. 16.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38809. Т. 1. Л. 224 об.

⁶⁸ Жалоба быв. директора совхоза им. «К. Маркса» А.Я. Бажко председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину. 17.04.1938 // Там же. Т. 1. Л. [в конверте в конце дела].

⁶⁹ До образования Николаевской области 22 сентября 1937 г. из частей Одесской и Днепропетровской областей Долинский район входил в Днепропетровскую область. В 1939 г. район вошел в состав Кировоградской области, в 1940 г. был окончательно включен в состав Одесской области. О московской конференции см.: *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008. С. 30–36.

⁷⁰ Дела-формуляры (или дела формулярного учета) – это досье на граждан. Дела-формуляры заводились органами ГПУ в середине 1920-х годов на разных лиц.

⁷¹ Дела-первички (материалы первичного учета, литерные дела) велись органами ГПУ – НКВД в ходе наблюдения за отдельными организациями, учреждениями, в них приобщались поступающие оперативные материалы, в том числе агентурные сообщения о лицах, вызывавших подозрения. Другими материалами первичного учета были специальные картотеки на представителей бывших «эксплуататорских классов», работников царской охраны, жандармерии, полиции, членов «антисоветских партий», офицеров российской императорской и белых армий, участников различных повстанческих движений (окраска – «политический и уголовный бандитизм»), священнослужителей и т. п. Благодаря Сергея Кокина и Алексея Теплякова.

⁷² См. *Золотарев В., Степкин В.* ЧК–ГПУ–НКВД в Донбассе, 1919–1941. – Донецк, 2010. С. 281–282.

⁷³ Рапорт быв. секретаря Долинского районного отдела НКВД Кировоградской области П.А. Гончарова нач. УНКВД Кировоградской области Неборакову Г.П. 17.04.1939 // Там же. Т. 2. Л. 1–4, здесь л. 1; Протокол судебного заседания ВТ... 16.11.1939 // Там же. Т. 1. Л. 223 об.

⁷⁴ Протокол ВТ касательно П.Я. Коробцева и Е.Ф. Демчука. 16.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38809. Т. 1. Л. 220 об.

⁷⁵ Рапорт П.А. Гончарова. 17.04.1939 // Там же. Т. 2. Л. 1–4, здесь л. 1–2.

⁷⁶ Там же. Т. 2. Л. 2.

⁷⁷ Осужден в 1939 по ст. 206 УК УССР.

⁷⁸ Рапорт П.А. Гончарова. 17.04.1939 // Там же. Т. 2. Л. 1–2.

⁷⁹ Там же. Т. 2. Л. 2.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Протокол ВТ касательно П.Я. Коробцева и Е.Ф. Демчука. 16.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38809. Т. 1. Л. 220 об.

⁸² Рапорт П.А. Гончарова. 17.04.1939 // Там же. Т. 2. Л. 4.

⁸³ Целый ряд свидетелей подтвердил, что их никогда не допрашивали. См. Протокол допроса свидетеля И.[?] Фурса. [Апрель 1939 г.] // Там же.

Т. 2. Л. 43–44; Рапорт нач. Долинского РО НКВД Воровика нач. УНКВД Кировоградской области Г.П. Неборакову. 27.03.1939 // Там же. Т. 2. Л. 101.

⁸⁴ Рапорт П.А. Гончарова. 17.04.1939 // Там же. Т. 2. Л. 4.

⁸⁵ Дополнительные показания нач. Долинского РО РКМ Кировоградской области Н.Г. Товстика. 12.04.1939 // Там же. Т. 1. Л. 142–143.

⁸⁶ Протокол допроса работника колхоза «Перебудова» с. Белово Долинского района Кировоградской области Я.С. Бондаря [Апрель 1939 г.] // Там же. Т. 2. Л. 30–32.

⁸⁷ Протокол ВТ касательно П.Я. Коробцева и Е.Ф. Демчука. 16.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38809. Т. 1. Л. 218 об., 219; Пом. военного прокурора войск НКВД Киевского округа Хачатурин зам. нач. следственной части НКВД УССР Н.А. Казину. Сентябрь 1939 г. // Там же. Т. 1. Л. 186.

⁸⁸ Юнге М., Биннер Р. Справки сельсовета как фактор в осуждении крестьян // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М., 2009. С. 613–623.

⁸⁹ Протокол ВТ касательно П.Я. Коробцева и Е.Ф. Демчука. 16.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38809. Т. 1. Л. 221 об.

⁹⁰ Там же. Т. 1. Л. 218, 220, 221, 222 об.

⁹¹ Л.С. Райцес был руководителем Коробцева до октября 1937 г., пока Долинский РО входил в состав Днепропетровской области. Под руководство Фишера он попал в октябре 1938 г.

⁹² Там же. Т. 1. Л. 223 об.

⁹³ Там же. Т. 1. Л. 225.

⁹⁴ Там же. Т. 1. Л. 219.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. Т. 1. Л. 218 об.

⁹⁷ Там же. Т. 1. Л. 223 об., 224 об.

⁹⁸ Протокол допроса участкового инспектора РОМ Долинского района Кировоградской области М.И. Короленко. 26.03.1939 // Там же. Т. 1. Л. 95–99, здесь л. 97.

⁹⁹ Протокол ВТ касательно П.Я. Коробцева и Е.Ф. Демчука. 16.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38809. Т. 1. Л. 219.

¹⁰⁰ Там же. Т. 1. Л. 219 об.

¹⁰¹ Там же. Т. 1. Л. 225.

¹⁰² Там же. Т. 1. Л. 223 об.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. Т. 1. Л. 224 об.

¹⁰⁵ См.: Реабілітовані історією. Кіровоградська область. Книга 2 / Обласна редакційна колегія; С.М. Неділько (голова) та ін. – Київ – Кіровоград, 2004. С. 204.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Рапорт П.А. Гончарова. 17.04.1939 // Там же. Т. 2. Л. 3–4.

¹⁰⁸ Протокол ВТ касательно П.Я. Коробцева и Е.Ф. Демчука. 16.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38809. Т. 1. Л. 220 об., 223 об.

¹⁰⁹ Там же. Т. 2. Л. 220 об., 223 об., 224 об.

¹¹⁰ Характеристика директора Херсонского государственного педагогического института Загороднего на И.Ф. Федяева. 15.04.1939 // ОГА СБУ. Киев.

Ф. 5. Д. 68218. Том 2. Л. 138; Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно И.Ф. Федяева, А.А. Семенова, А.П. Протопопова, Г.И. Барвинка. 25.11.1940–28.11.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 7. Л. 211–211 об., 242–243; Автобиография И.Ф. Федяева. 15.04.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 2. Л. 140–142.

¹¹¹ Автобиография И.Ф. Федяева. 15.04.1939 // Там же. Л. 141. Речь идет о так называемом освободительном походе Красной Армии, начатом 17 сентября 1939 г. против Польши, результатом которого было присоединение к СССР Западной Украины и Белоруссии.

¹¹² Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11.1940–28.11.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 7. Л. 211 об., 242 об.; Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно И.Ф. Федяева, А.А. Семенова. 06.07.1940–07.07.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 3. Л. 14 об.

¹¹³ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11.1940–28.11.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 7. Л. 211 об., 242–242 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 242.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. Л. 211 об., 212, 242; Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07–07.07.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 3. Л. 5 об.

¹¹⁹ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07.1940–07.07.1940 // Там же. Том 3. Л. 1–21 об.; Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11.1940–28.11.1940 // Там же. Том 7. Л. 211–243.

¹²⁰ Там же. Том 3. Л. 4 об., 7 об., 11–12, 19 об.

¹²¹ Там же. Т. 3. Л. 6–6 об.

¹²² Определение по обвинению И.Ф. Федяева, А.А. Семенова. 07.06.1940 // Там же. Т. 3. Л. 29–32, здесь Л. 29.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07.1940–07.07.1940 // Там же. Том 3. Л. 1.

¹²⁶ Там же. Т. 3. Л. 1, 3 об., 18–20; Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11.1940–28.11.1940 // Там же. Т. 7. Л. 220, 224 об.

¹²⁷ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11–28.11.1940 // Там же. Т. 7. Л. 220. В ходе предварительного следствия Семенов охарактеризовал себя как временно мобилизованного следователя. См.: Протокол допроса А.А. Семенова. 22.12.1939 // Там же. Т. 1. Л. 172.

¹²⁸ Там же. Т. 7. Л. 216.

¹²⁹ Семенов дал показания о том, что перепроверял адреса арестованных. Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07.1940–07.07.1940 // Там же. Том 3. Л. 16.

¹³⁰ Там же. Т. 3. Л. 16.

¹³¹ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11.1940–28.11.1940 // Там же. Том 7. Л. 216.

¹³² К вопросу о том, был ли Семенов на деле агентом «Мироновым» см.: Там же. Т. 7. Л. 219 об., 222. Один из сотрудников НКВД дал показания о том, что при Фишере агентов тем не менее использовали в качестве свидетелей: «Распоряжение о том, чтобы допрашивать первоисточника, т. е. агента как свидетеля, было, и это распоряжение давал нач. обл. УНКВД Николаевской области [Фишер]». См.: Там же. Т. 7. Л. 222.

¹³³ Там же. Т. 7. Л. 221.

¹³⁴ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07.1940–07.07.1940 // Там же. Том 3. Л. 12 об., 13 об.

¹³⁵ Там же; Постановление особоуполномоченного УНКВД Николаевской области В.Н. Никитина в порядке надзора прокурора Николаевской области по обвинению П.К. Зубкова. 07.12.1939 // Там же. Том 8. Л. 130–136, здесь л. 132–133.

¹³⁶ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07.1940–07.07.1940 // Там же. Том 3. Л. 10.

¹³⁷ Протокол допроса свидетеля И.Е. Храпко. 19.10.1937 // Там же. Том 8. Л. 52.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Протокол [дополнительного] допроса свидетеля И.Е. Храпко. 19.10.1937 // Там же. Т. 8. Л. 53–54 об; Протокол дополнительного допроса свидетеля И.Е. Храпко. 13.01.1938 // Там же. Том 8. Л. 55; Протокол допроса свидетеля И.Е. Храпко. 10.08.1939 // Там же. Том 8. Л. 99–100.

¹⁴⁰ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11.1940–28.11.1940 // Там же. Т. 7. Л. 218, 220, 225 об., 231 об., 232 об., 234.

¹⁴¹ Постановление В.Н. Никитина. 07.12.1939 // Там же. Том 8. Л. 132.

¹⁴² Обвинительное заключение по делу П.К. Зубкова. 03.02.1938 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Т. 8. Л. 84–85; Выписка из протокола № 27 заседания тройки при УНКВД Николаевской области. 30.12.1937 // Там же. Т. 8. Л. 86.

¹⁴³ Характеристика на оперуполномоченного 4-го отдела УГБ Херсонского горотдела НКВД И.Ф. Федяева // ОГА СБУ. Херсон. Ф. 5. Д. 2372. Л. 3–5; Заседание парткома Никопольского городского отдела НКВД «Пункт 1: “Об антисемитических высказывании члена ВКП(б) [И.Ф.] Федяева»». 04.03.1937 // Там же. Л. 46–49; Выписка из общего закрытого партийного собрания партколлегии в г. Никополе «Пункт 2: “О нарушении партийной этики тов. [И.Ф.] Федяевым»» 19.03.1937 // Там же. Л. 50–52; Выписка из протокола № 17 закрытого партсобрания парторганизации РО НКВД Фрицгеккертовского района Николаевской области «О [неэтичном поведении] члена ВКП(б) тов. [И.Ф.] Федяева». 14.09.1937 // Там же. Л. 77; Начальник отдела кадров УНКВД Николаевской области Ф.М. Горин начальнику отдела кадров НКВД УССР Кабызеву о И.Ф. Федяеве. 27.04.1938 // Там же. Л. 82–84

¹⁴⁴ Заключение оперуполномоченного отдела кадров УНКВД Николаевской области Артемьева о невыполнении распоряжении со стороны И.Ф. Федяева // Там же. Л. 78.

¹⁴⁵ Автобиография И.Ф. Федяева. 15.04.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 2. Л. 140–142.

¹⁴⁶ Личное дело А.А. Семенова // ОГА СБУ. Херсон. Ф. 5. Д. 4998; Личное дело А.П. Протопопова // ОГА СБУ. Херсон. Ф. 5. Д. 1963.

¹⁴⁷ Особоуполномоченный УНКВД по Николаевской области В.Н. Никитин и. о. особоуполномоченному НКВД УССР П.С. Веретенникову «О высылке архивного материала расследования о Болтянском и других». 21.08.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Т. 5. Л. 82–83.

¹⁴⁸ Объяснение А.И. Лигермана. 16.12.1938 // Там же. Том 5. Л. 41–44.

¹⁴⁹ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11.1940–28.11.1940 // Там же. Том 7. Л. 224 об.

¹⁵⁰ Просьба Зубковых. 04.11.1939 // Там же. Т. 8. Л. 88–88 об.

¹⁵¹ Постановление В.Н. Никитина. 07.12.1939 // Там же. Том 8. Л. 131.

¹⁵² Протокол допроса свидетеля И.Е. Храпко. 19.10.1937 // Там же. Том 8. Л. 99–100; Протокол допроса свидетеля Д.Е. Масальского. 19.10.1937 // Там же. Том 8. Л. 101–102; Зам. прокурора Николаевской области А. Гоман прокурору Ковалевского района Харьковской области по делу П.К. Зубкова. 15.08.1939 // Там же. Том 8. Л. 116–117.

¹⁵³ Протест в порядке надзора по делу обвинения П.К. Зубкова и.о. зам. прокурора по спецделам Дубина начальнику УНКВД по Николаевской области И.Т. Юрченко. 17.11.1939 // Там же. Том 8. Л. 1–4.

¹⁵⁴ Постановление В.Н. Никитина. 07.12.1939 // Там же. Том 8. Л. 130–135.

¹⁵⁵ Постановление нач. УНКВД Николаевской области И.Т. Юрченко по делу П.К. Зубкова. 08.12.1939 // Там же. Том 1. Л. 12–13.

¹⁵⁶ Так, жалобы Ш.Х. Меерсона на Барвинка, датированные 1937 и 1938 гг., внезапно оказались востребованы. См.: Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07.1940–07.07.1940 // Там же. Том 3. Л. 6–6 об.

¹⁵⁷ Во втором томе материалов процесса по делу Федяева подшиты почти 150 листов документов, собранных весной 1938 г. и содержащих обвинения в его адрес. См.: Там же. Т. 2.

¹⁵⁸ Просьба Зубковых. 04.11.1939 // Там же. Т. 8. Л. 88–88 об.

¹⁵⁹ Постановление В.Н. Никитина. 07.12.1939 // Там же. Т. 8. Л. 130–136.

¹⁶⁰ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11.1940–28.11.1940 // Там же. Т. 7. Л. 240 об.

¹⁶¹ Там же. Т. 7. Л. 240.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же. Т. 7. Л. 243.

¹⁶⁴ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07.1940–07.07.1940 // Там же. Т. 3. Л. 20 об.

¹⁶⁵ Там же. Т. 3. Л. 3 об.

¹⁶⁶ Там же. Т. 3. Л. 4.

¹⁶⁷ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11.1940–28.11.1940 // Там же. Т. 7. Л. 242 об.

¹⁶⁸ Определение № 16687-р Военной коллегии Верховного Суда СССР по осуждению И.Ф. Федяева, А.А. Семенова, А.П. Протопопова, Г.И. Барвинка. 17.01.1941 // Там же. Том 7. Л. 363–363 об.

¹⁶⁹ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 123–124.

- ¹⁷⁰ Там же. Л. 125.
- ¹⁷¹ Там же. Л. 138.
- ¹⁷² Дело Карамышева // Там же. Т. 7. Л. 183.
- ¹⁷³ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 239.
- ¹⁷⁴ Там же; Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.
- ¹⁷⁵ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.
- ¹⁷⁶ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 150; Поступили «сигналы о том, что он [Заикин] применял незаконные методы ведения следствия». См.: Дело Карамышева // Там же. Т. 7. Л. 183.
- ¹⁷⁷ Там же. 111–226.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 111–226.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // Там же. Т. 13. Л. 111–226.
- ¹⁸³ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 405–458.
- ¹⁸⁴ См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 12. Л. 147.
- ¹⁸⁵ Протокол закрытого судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа по обвинению П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова, К.А. Воронина. 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 405–458.
- ¹⁸⁶ Протокол огляду архівно-слідчої справи колишнього співробітника Сланецького райвідділу НКВС І.Ф. Мартиненка // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. – Київ – Миколаїв, 2005. С. 275–280, здесь С. 278.
- ¹⁸⁷ См., например, заявления Седова, Гайдта и Сушкова в настоящей главе. По поводу высокомерного поведения Поясова см. показание М.В. Гарбузова: Протокол закрытого судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского военного округа по обвинению П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова и К.А. Воронина. 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 233.
- ¹⁸⁸ Постановление старшего следователя следственной части УГБ НКВД УССР Н.А. Бурдана о причастности к искривлениям в следственной работе и применению незаконных методов ведения следствия сотрудников УНКВД Николаевской области. 07.02.1940 // Там же. Т. 7. Л. 242.
- ¹⁸⁹ См.: Дело Карамышева // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 7. Л. 29; Т. 12. Л. 193.
- ¹⁹⁰ Там же. Т. 12. Л. 81.
- ¹⁹¹ Там же. Т. 12. Л. 110.

¹⁹² Там же. Т. 12. Л. 115.

¹⁹³ Там же. Т. 12. Л. 116.

¹⁹⁴ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07.1940–07.07.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 3. Л. 20 об; Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11–28.11.1940 // Там же. Т. 7. Л. 230.

¹⁹⁵ Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07.1940–07.07.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 3. Л. 4, 6.

¹⁹⁶ Нач. отделения секретариата НКВД УССР Воробьева особоуполномоченному НКВД СССР П.С. Веретенникову о заявлении Е.Ф. Демчука. Май 1940 г. // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 1.

¹⁹⁷ То, что Новаков лично занимался рукоприкладством, подтвердил следующий свидетель: Выписка из протокола допроса свидетеля Н.В. Калинина. 05.03.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 56. О плохом обращении Новакова с арестованными см. также: Протокол допроса врид. нач. 2-го спецотделения УНКВД Николаевской области П.И. Лыскова. 09.03.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 61–63. В адрес Петрова, кроме Демчука, были выдвинуты обвинения в избиениях, угрозах и оскорблениях со стороны бывшего заведующего областного управления связи Гайдта. См.: Выписка из протокола допроса свидетеля С.И. Гайдта. 04.03.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 57.

¹⁹⁸ Какие последствия имели обвинения Демчука в адрес Седова, Ефремова и Васильева см.: Зам. народного комиссара внутренних дел Украины Н.Д. Горлинский – нач. УНКВД Тернопольской области А.А. Вадису о применении физических мер воздействия при допросах арестованных и фальсификации дел со стороны сотрудника УНКВД А.М. Седова. 16.04.1940 // Там же. Л. 78; Зам. народного комиссара внутренних дел Украины Н.Д. Горлинский – нач. УНКВД Станиславской области А.Н. Михайлову о применении физических мер воздействия при допросах арестованных и фальсификации дел со стороны сотрудника УНКВД М.С. Васильева [С. Васильева]. 16.04.1940 // Там же. Л. 82; Зам. народного комиссара внутренних дел Украины Н.Д. Горлинский – нач. УНКВД Николаевской области И.Т. Юрченко о применении физических мер воздействия при допросах арестованных и фальсификации дел со стороны сотрудника УНКВД К.И. Ефремова. 19.04.1940 // Там же. Л. 89.

¹⁹⁹ В начале 1938 г. – заместитель начальника Бобринецкого РО НКВД Николаевской области. См.: Там же.

²⁰⁰ Справка оперуполномоченного ОСУ НКВД УССР Н.Д. Помазова о бывших сотрудниках УНКВД Николаевской области, проходивших по заявлению Е.Ф. Демчука. 03.06.1940 // Там же. Л. 91; Зам. особоуполномоченного НКВД УССР Пронин нач. секретариата НКВД СССР С.С. Мамулову о результатах расследований грубых извращений в следственной работе УНКВД Николаевской области. 04.07.1940 // Там же. Л. 92–93.

²⁰¹ Заявление Е.Ф. Демчука народному комиссару внутренних дел СССР Л.П. Берии. 03.12.1939 // Там же. Л. 2–17.

²⁰² Зам. Народного комиссара внутренних дел Украины Н.Д. Горлинский – нач. УНКВД Одесской области А.И. Старовойту о заявлении Е.Ф. Демчука. 02.02.1940 // Там же. Л. 23; Выписка из протокола допроса Е.Ф. Демчука.

Без даты // Там же. Л. 53; Объяснение М.Н. Васильевского особоуполномоченному УНКВД Одесской области Баранюку. 15.03.1940 // Там же. Л. 28–31 об.

²⁰³ Протокол допроса М.Н. Васильевского. 19.02.1940 // Там же. Л. 32–37.

²⁰⁴ Пояснение А.М. Седова заместителю народного комиссара внутренних дел Украины Н.Д. Горлинскому о заявлении осужденного Военным Трибуналом Киевского Особого военного округа Е.Ф. Демчука. 23.04.1940 // Там же. Л. 79–81.

²⁰⁵ Однофамилец высокопоставленного сотрудника НКВД УССР П.Е. Пугача.

²⁰⁶ Заключение зам. Особоуполномоченного НКВД УССР Пронина по материалам расследования на Н.Г. Шевченко. 29.10.1940 // ОГА СБУ. Кропивницький. Ф. 5. Оп. [?]. Д. 2592 [личное дело Н.Г. Шевченко]. Л. 281–285.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ См. Протокол закрытого заседания ВТ... 27.12.1940–01.01.1941, ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 111–226; Заявление Е.Ф. Демчука народному комиссару внутренних дел СССР Л.П. Берии. 03.12.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 168. Л. 2–17.

²⁰⁹ Справка оперуполномоченного [аппарата] особоуполномоченного НКВД УССР Н.Д. Помазова о бывших сотрудниках УНКВД Николаевской области, проходивших по заявлению Е.Ф. Демчука. 03.06.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 91

²¹⁰ Приговор Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа касательно П.В. Карамышева, Я.Л. Трушкина, М.В. Гарбузова и К.А. Воронина. 04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 305–310.

²¹¹ Там же.

²¹² Протокол допиту колишнього співробітника Миколаївського обласного управління НКВС А.Ю. Федоровського. 14.12.1955 // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. Київ-Миколаїв, 2005. С. 261–263, здесь с. 261.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Протокол огляду архівно-слідчої справи колишнього співробітника Сланецького райвідділу НКВС І.Ф. Мартиненка // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. – Київ – Миколаїв, 2005. С. 280.

²¹⁵ Зам. особоуполномоченного НКВД УССР Пронин нач. секретариата НКВД СССР С.С. Мамулову о результатах расследований грубых извращений в следственной работе УНКВД Николаевской области. 04.07.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 92–93.

²¹⁶ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. С. 376.

²¹⁷ Выписка из объяснительной записки П.А. Новакова особоуполномоченному по Николаевской области В.Н. Никитину. 26.02.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 54–55.

²¹⁸ Заявление бывшего оперуполномоченного 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области Т.Т. Черкеса об искривлении соцзакононости особоуполномоченному НКВД УССР А.М. Твердохлебенко. 16.05.1939 // Там же. Т. 12. Л. 80–85.

²¹⁹Зам. особоуполномоченного НКВД УССР Пронин нач. секретариата НКВД СССР С.С. Мамулову о результатах расследований грубых извращений в следственной работе УНКВД Николаевской области. 04.07.1940 // Там же. Л. 92–93.

²²⁰Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 25.11.1940–28.11.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 7. Л. 211–243, здесь 220 об; Заключение старшего следователя аппарата особоуполномоченного НКВД УССР Петрова по материалам расследования об извращенных методах введения следствия сотрудниками УНКВД Николаевской области. 14.09.1940 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. [?]. Оп. [?]. Д. 4541 [личное дело А.Ю. Федоровского]. Л. 35–39; Следственное дело И.Ф. Федяева // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 2. Л. 120; Следственное дело П.В. Карамышева 1939–1941 // ОГА СБУ. Киев. Д. 67990. Т. 12. Л. 74.

²²¹Заключение пом. особоуполномоченного НКВД УССР Петрова о прекращении дела А.И. Лигермана, М.С. Болтянского, Иваношенко, А.А. Семёнова, А.П. Протопопова. 15.05.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 5. Л. 3–6.

²²²Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 424, 430.

²²³Протокол ВТ касательно И.Ф. Федяева. 06.07.1940–07.07.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 3. Л. 20 об.

²²⁴Там же.

²²⁵Следственное дело Леонида Трофимовича Готовцева // ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 45291-ФП.

²²⁶Заключение зам. Особоуполномоченного НКВД УССР Пронина по материалам расследования на Н.Г. Шевченко. 29.10.1940 // ОГА СБУ. Кропивницкий. Ф. 5. Оп. [?]. Д. 2592 [личное дело Н.Г. Шевченко]. Л. 281–285.

²²⁷Там же.

²²⁸*Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 424.

²²⁹Аттестационный лист старшего оперуполномоченного отдела кадров УГБ УНКВД Николаевской области Олюнина на П.А. Новакова // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Оп. [?]. Д. 818 [личное дело П.А. Новакова]. Л. 15.

²³⁰Меморандум зам. нач. по кадрам УНКВД по Кировоградской области А.С. Чмелева на старые аттестации П.А. Новакова, составленные до 1 ноября 1938 г. 06.06.1940 // Там же. Л. 13.

²³¹Информация о жизни и деятельности Новакова основывается прежде всего на следующих документах: Справка зам. нач. Управления МГБ Николаевской области по кадрам В. Иванова о П.А. Новакове. 06.09.1952 // Там же. Л. 1–1 об.; Наградной лист на П.А. Новакова. 12.03.1951 // Там же. Л. 27; Автобиография Петра Александровича Новакова. 15.08.1949 // Там же. Л. [?].

²³²Заявление С.И. Гайдта секретарю Николаевского обкома С.И. Бутырину и нач. УНКВД Николаевской области И.Т. Юрченко. 11.05.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 818 [личное дело П.А. Новакова]. Л. 93–95 об. [в деле № 93]; Протокол допроса С.И. Гайдта в качестве свидетеля. 04.03.1940 // Там же. Л. 85–86 об. [в деле № 93].

²³³Заявление С.И. Гайдта секретарю Николаевского обкома С.И. Бутырину и нач. УНКВД Николаевской области И.Т. Юрченко. 11.05.1939 // ОГА

СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 818 [личное дело П.А. Новакова]. Л. 93–95 об. [в деле № 93].

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Выписка из объяснительной записки П.А. Новакова особоуполномоченному НКВД по Николаевской области В.Н. Никитину. 26.02.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 54–55.

²³⁸ Протокол допроса Е.Ф. Демчука. 27.02.1940 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 818 [личное дело П.А. Новакова]. Л. 10–11 об. [в деле № 93].

²³⁹ Особоуполномоченный НКВД по Николаевской области В.Н. Никитин – нач. первого спецотдела УГБ УНКВД Николаевской области Сомойленко о проверке разных лиц, проходящих по учетам первого спецотдела. 03.03.1940 // Там же. Л. 28 [в деле № 93].

²⁴⁰ Протокол допроса С.И. Гайдта в качестве свидетеля. 04.03.1940 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 818 [личное дело П.А. Новакова]. Л. 85–86 об. [в деле № 93]; Протокол допроса Н.В. Калинина в качестве свидетеля. 05.03.1940 // Там же. Л. 96–97 об. [в деле № 93]; Протокол допроса И.А. Друтмана в качестве свидетеля. 06.03.1940 // Там же. Л. 104–106 [в деле № 93]; Протокол допроса В.Г. Шурховецкого в качестве свидетеля. 04.03.1940 // Там же. Л. 102–103 об. [в деле № 93]; Протокол допроса В.Д. Черницкого в качестве свидетеля. 04.03.1940 // Там же. Л. 111–114 [в деле № 93].

²⁴¹ Протокол допроса Н.В. Калинина в качестве свидетеля. 05.03.1940 // Там же. Л. 96–97 об. [в деле № 93].

²⁴² Протокол допроса В.Д. Черницкого в качестве свидетеля. 04.03.1940 // Там же. Л. 111–114 [в деле № 93].

²⁴³ Протокол допроса В.Г. Шурховецкого в качестве свидетеля. 04.03.1940 // Там же. Л. 102–103 об. [в деле № 93].

²⁴⁴ Протокол допроса И.А. Друтмана в качестве свидетеля. 06.03.1940 // Там же. Л. 104–106 [в деле № 93].

²⁴⁵ Протокол допроса помощника нач. Николаевской тюрьмы в качестве свидетеля. 05.03.1940 // Там же. Л. 115–117 [в деле № 93]; Протокол допроса помощника оперуполномоченного «водного» отдела УНКВД Николаевской области В.Д. Смальченко в качестве свидетеля. 16.05.1939 // Там же. Л. 120–121 [в деле № 93].

²⁴⁶ Начальник Особой инспекции отдела кадров КГБ при Совете министров УССР Черкашин пом. нач. управления КГБ Николаевской области при Совете министров УССР по кадрам Н.В. Чистому по делу П.А. Новакова. 19.09.1958 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 818 [личное дело П.А. Новакова]. Л. [?]; Дела № 93 Петра Александровича Новакова. 16.02.1940–02.04.1940 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 818 [личное дело П.А. Новакова]. Л. 1–224.

²⁴⁷ Зам. особоуполномоченного НКВД УССР Пронин нач. секретариата НКВД СССР С.С. Мамулову о результатах расследований грубых извращений в следственной работе УНКВД Николаевской области. 04.07.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 92–93.

²⁴⁸ Заключение пом. нач. Управления КГБ при Совете министров УССР Николаевской области по кадрам Н.В. Чистого о применении ограничения в

пенсионном обеспечении к быв. сотруднику органов госбезопасности П.А. Новакову. 27.05.1961 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 818 [личное дело П.А. Новакова]. Л. [?].

²⁴⁹ Нач. УКГБ Николаевской области П. Семенов помощнику председателя КГБ УССР об исключении П.А. Новакова из КПСС. 23.11.1967 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 818 [личное дело П.А. Новакова]. Л. [?].

²⁵⁰ Заключение пом. нач. УКГБ Николаевской области Н.В. Чистого нач. УКГБ Николаевской области П. Семенову о применении ограничения в пенсионном обеспечении к П.А. Новакову // Там же. Л. [?].

²⁵¹ Автобиография А.И. Лигермана. Без даты // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 4447. (Личное дело Арона Исааковича Лигермана). Часть I; Аттестация нач. Отдела кадров ГПУ УССР Н.С. Бачинского на А.И. Лигерман. 21.10.1931 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 4447 [Личное дело Арона Исааковича Лигермана]. Часть III.

²⁵² Справка особоуполномоченного НКВД УССР А.М. Твердохлебенко об А.И. Лигермане. Июнь 1939 г. // Там же. Л. 14–15; Выписка из послужного списка А.И. Лигермана. 13.05.1939 // Там же. Л. 10.

²⁵³ Досрочная аттестация врид. нач. 7-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области Ефремова на оперуполномоченного 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области А.И. Лигермана // Там же. Л. 9.

²⁵⁴ Зам. наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулов народному комиссару внутренних дел СССР Л.П. Берии об увольнении А.И. Лигермана. 23.07.1939 // Там же. Материалы спецпроверки. Л. 62.

²⁵⁵ Справка особоуполномоченного НКВД УССР А.М. Твердохлебенко об А.И. Лигермане. Июнь 1939 г. // Там же. Часть III. Л. 14–15.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Рапорт врид. нач. 2-го отделения 7-го отдела УНКВД Николаевской области А.И. Лигермана начальнику УНКВД Николаевской области П.В. Карамышеву. 04.01.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Т. 5. Л. 40.

²⁵⁸ Нач. отдела кадров НКВД УССР П.Т. Чемисов нач. УНКВД Николаевской области И.Т. Юрченко о рапорте А.И. Лигермана Н.С. Хрущеву и Л.П. Берии. 11.07.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 5. Д. 4447 (личное дело Арона Исааковича Лигермана). Материалы спецпроверки. Л. 73.

²⁵⁹ Нач. УНКВД Николаевской области И.Т. Юрченко – нач. отдела кадров НКВД УССР П.Т. Чемисову об отказе в восстановлении в НКВД А.И. Лигермана. 03.07.1939 // Там же. Часть III. Л. 9–11; Зам. наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулов – народному комиссару внутренних дел СССР Л.П. Берии об увольнении А.И. Лигермана. 23.07.1939 // Там же. Материалы спецпроверки. Л. 62.

²⁶⁰ И. о. зам. нач. отдела кадров НКВД УССР М.Е. Кременчугский врид. нач. отдела кадров УНКВД Одесской области Н.Д. Дубовому. 09.10.1939 // Там же. Материалы спецпроверки. Л. 64.

²⁶¹ Заключение пом. уполномоченного НКВД УССР Петрова о прекращении дела А.И. Лигермана, М.С. Болтянского, Иваношенко, А.А. Семенова, А.П. Протопопова. 15.05.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 5. Л. 3–6.

²⁶² Автобиография Шевченко Николая Григорьевича. 20.10.1938 // ОГА СБУ. Кропивницький. Ф. 5. Оп. 5. Д. 2592 [личное дело Н.Г. Шевченко]. Л. 107–109.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Про нагородження працівників НКВС УРСР. Постанова Центрального Виконавчого Комітету УРСР // Вісти (Київ). 1937. 20 грудня.

²⁶⁶ Буяков А.М. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД. 1932–1940 гг. Часть II. Знак «Почетный работник ВЧК – ГПУ» (XV). – Владивосток, 2008. С. 262.

²⁶⁷ Автобиография Шевченко Николая Григорьевича. 20.10.1938 // ОГА СБУ. Кропивницький. Ф. 5. Оп. 5. Д. 2592 [личное дело Н.Г. Шевченко]. Л. 107–109.

²⁶⁸ Керівники української зовнішньої розвідки / Авт. упоряд: В.Д. Хоменко та інші. – Київ, 2010. С. 81–83.

²⁶⁹ Нарком внутренних дел УССР А.З. Кобулов – зам. народного комиссара внутренних дел СССР по кадрам С.Н. Круглову об утверждении в должности Н.Г. Шевченко. 26.05.1939 // ОГА СБУ. Кропивницький. Ф. 5. Оп. 5. Д. 2592 [личное дело Н.Г. Шевченко]. Л. 155.

²⁷⁰ Кадровый состав НКВД СССР 1935–1939 гг. // <http://nkvd.memo.ru/index.php>. Шевченко_Николай_Григорьевич.

²⁷¹ Справка зам. наркома внутренних дел Эстонской ССР по кадрам Хансона о Н.Г. Шевченко. После ноября 1940 г. // ОГА СБУ. Кропивницький. Ф. 5. Оп. 5. Д. 2592 [личное дело Н.Г. Шевченко]. Л. 161–161 об.

²⁷² Заключение зам. Особуполномоченного НКВД УССР Пронина по материалам расследования на Н.Г. Шевченко. 29.10.1940 // Там же. Л. 281–285.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Справки, копии заключений и другая переписка по личному делу Н.Г. Шевченко // Там же. Л. 276.

²⁷⁵ Приказ войскам Ленинградской армии противовоздушной обороны № 78/н. 19.01.1943 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 398. Л. 19–23 (<http://podvignaroda.ru/?#id=60036361&tab=navDetailDocument>) (29.04.2017).

²⁷⁶ Кадровый состав НКВД СССР 1935–1939 гг. // <http://nkvd.memo.ru/index.php>. Шевченко_Николай_Григорьевич.

²⁷⁷ Постановление старшего следователя Особой инспекции Отдела кадров КГБ при Совете министров УССР Кроха о прекращении следствия по делу И. Гончарова и других. 26.04.1956 // ОГА СБУ. Кропивницький. Ф. 5. Оп. 5. Д. 2592 [личное дело Н.Г. Шевченко]. Л. 299–308 об., здесь л. 308.

²⁷⁸ Там же. Л. 299, 308 об.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Платон мертв.

Кто интерпретирует Платона, тот ведет беседу с самим собой, в двойной роли читателя Платона – сначала – как читатель Платона, потом – как критик прочитанного.

*Курт Флаш. Правда
и философская метода*

Это становится правдой только в результате по-настоящему ложного понимания.

*Вольф Бирман. «Застольные беседы»
канала ВДР*

Путь компромисса, как мы знаем, единственный путь, который не ведет в Рим.

Йоахим Кайзер. Я возражаю

1. Диктатура воспитания

Судебные процессы по делам чекистов, в том числе сотрудников УНКВД Николаевской области, формально имели много общего с Большим террором. Как и операции НКВД 1937–1938 гг., аресты и суды над «нарушителями социалистической законности» были главной составляющей массовой карательной кампании, осуществлявшейся повсеместно во всесоюзном масштабе. В первую очередь следует отметить тайное проведение судебных процессов, несмотря на то, что суды над чекистами можно признать «полупубличными», поскольку в них принимали участие многочисленные свидетели из числа бывших подследственных и коллег-чекистов. Одинаковым было также «принуждение» судей к осуждению подсудимых, специально отсортированных в духе кампании. Только в исключительных случаях в некоторых областях Украины суды закончились оправданием обвиняемых, но не в Николаевской области. Здесь на свободу из зала суда не вышел ни один бывший чекист. Характерные совпадения имеются также на уровне деталей. Как и в случае с массовыми операциями 1937–1938 гг., у обвиняемых чекистов не было официальных защитников, хотя они и могли защищать сами себя, в отличие от жертв внесудебных карательных инстанций Большого террора. При этом подсудимые чекисты лично присутствовали на заседаниях суда, что, в свою очередь, роднило эти суды с московскими показательными процессами. Как правило, вещественные улики также отсутствовали, все здание обвинения строилось на показаниях свидетелей, очных ставках и взаимных доносах.

Теперь о различиях. Важным отличием от Большого террора было содержательное наполнение кампании. В сфере борьбы за социалистическую законность эта кампания по своим масштабам, возможно, не имела прецедентов в истории Советского Союза, хотя аналогичные попытки предпринимались в 1933 году. Репрезентативным документом здесь является директива-инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. за подписями В.М. Молотова и И.В. Сталина, адресованная всем «партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ». В документе содержалась резкая критика массовых арестов и выселений крестьян, практиковавшихся в деревне различными представителями власти, начиная от председателей сельсоветов и заканчивая чле-

нами правления колхозов. «Не удивительно, – говорилось в директиве, – что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания»¹. В итоге Сталин и Молотов настаивали на соблюдении компетенции органов прокуратуры и ОГПУ, усилении прокурорского надзора за производством арестов и содержанием под стражей, а также укреплении роли судов². В 1934 г. также предпринимались спорадические усилия, направленные на восстановление репутации социалистической законности, которое пострадало в ходе коллективизации и индустриализации, однако убийство Кирова положило конец этим попыткам, а постановление Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., напротив, открыло новые возможности перед НКВД³. Однако это не означало, что аппарат особоуполномоченного НКВД СССР, в обязанность которого входили проверка и расследование дел о сотрудниках НКВД, совершивших правонарушения, остановил свою деятельность. Подобного рода внутренние расследования проводились даже во время Большого террора, как показывают дела Федяева и Лившица, хотя их результат зачастую был нулевым или, в лучшем случае, приводил к увольнению чекистов с последующим трудоустройством на гражданской службе.⁴

Тем не менее суды над чекистами даже в период так называемой бериевской оттепели состоялись далеко не во всех республиках и областях Советского Союза. Так, в 1939–1941 гг. не было ни одного суда над сотрудниками НКВД в Грузии. Здесь в результате вмешательства народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии все ограничилось лишь расследованием «перегибов», дисциплинарными взысканиями и увольнениями. Зато на Украине процессы по делам чекистов были организованы практически во всех областях, а также в Молдавской АССР. Суды состоялись даже в «новых» областях Украины, выделенных в 1939–1941 гг. из состава «старых», как это было в случае с Кировоградской областью, выделенной в январе 1939 г. из состава Николаевской области⁵.

Чекистов осуждали за служебные преступления. Это главное обвинение, выдвинутое в их адрес со стороны советского государства, примерно с осени 1938 г. заменило обвинения политического свойства – как правило, в троцкизме, которые практически всегда использовались ранее в случае осуждения чекистов и других представителей партийно-государственных элит. Соответст-

венно, «политические» статьи УК, такие как пресловутая 58-я статья УК РСФСР – на Украине аналогом являлась 54-я статья УК УССР, – отошли на задний план. Если сформулировать более абстрактно, то теперь на первом месте у элит должна была находиться не политическая «правоверность», а лояльность по отношению к советскому государству. Ритуальное обвинение в троцкизме (или правом уклоне), доведенное в 1936–1938 гг. до абсурда и лишённое смысла, было теперь заменено (и, очевидно, не только в случае с чекистами) более рациональной карательной практикой, главным ориентиром для которой выступали интересы советской государственности. Враждебность по отношению к троцкизму, которая теперь лишь инсценировалась, утратила свое значение в качестве инструмента легитимации сталинского режима. Тем самым были усилены тенденции, уже наблюдавшиеся в ходе Большого террора, когда обвинения политического свойства и соответствующие статьи УК зачастую использовались скорее как вспомогательное средство массовых репрессий, с помощью которого следствие стремилось гарантировать осуждение жертв⁶.

Такое изменение карательной политики таило в себе существенные преимущества как для следователей УНКВД Николаевской области и особоуполномоченных из республиканского аппарата НКВД, так и для юристов из состава войск НКВД Киевского Особого военного округа, задействованных в кампании по наказанию «перегибщиков». Теперь им не нужно было прилагать усилия для того, чтобы доказывать участие чекистов в мифической троцкистской организации, и лишь потом, попутно и как бы между прочим, наказывать их за должностные преступления. Теперь они могли сразу же начинать с уличения последственных в пытках, фальсификации материалов следствия, мародерстве и нарушении приказов. Это было тем легче сделать после Большого террора, чем больше перед этим власть терпела и даже поощряла должностные преступления – теперь же государственное и партийное руководство вдруг стало требовать за них наказания как за недопустимые эксцессы. То, что следствие и сами рассмотренные судебные процессы в Николаеве оставляют, на первый взгляд, впечатление относительно «чистых» формально-юридических процедур, объясняется именно отпадением фиктивных «политических» пунктов обвинения, а также предварительным отбором сотрудников госбезопасности, наиболее запятнавших себя, в качестве козлов отпущения. При этом методы следствия

теперь существенно отличались от тех, которые в годы Большого террора практиковали сами чекисты. Обвиняемых только в виде исключения мучили и истязали. Психологическое давление на них было гораздо меньше. Следователи меньше применяли манипуляции, преувеличения и фальсификации, меньше обманывали и реже прибегали к махинациям. Судебные процессы длились гораздо дольше, нередко несколько дней. Обвиняемые получали для ознакомления все материалы следствия, на суде они могли затребовать пригласить свидетелей со своей стороны и приобщить к делу дополнительные документы. Также и само судебное следствие (исследование доказательств в судебном заседании) было обстоятельным и продолжительным. Во время Большого террора тройки также зачастую заседали долгими часами, однако за одно заседание, без заслушивания свидетелей и физического присутствия обвиняемых, тройки осуждали сотни людей к расстрелу или длительным срокам лагерного заключения. Судебные заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР длились в 1937–1938 гг. в среднем 15 минут, даже если обвиняемые имели право выступить в свою защиту. Материалы расследования в отношении лиц, осужденных внесудебными органами, ограничивались самым необходимым, дела Военной коллегии Верховного Суда СССР, занимавшейся осуждением элит, были существенно толще, но и их нельзя даже сравнивать с делом Карамышева, включающим в себя около 6000 листов⁷. В советских условиях процессы над чекистами представляли собой вполне нормальные судебные разбирательства, в то время как «суды» троек и Военной коллегии Верховного Суда СССР таковыми не являлись.

Следовательно, предположение, согласно которому преступники из числа сотрудников НКВД стали в 1939–1941 гг. жертвой той же карательной системы, которой они до этого служили, представляет собой грубое упрощение. При этом, однако, не стоит забывать, что данное изменение не являлось следствием внезапного роста правового сознания. Все объясняется проще: в общем и целом ситуация 1939–1941 гг. была гораздо более благоприятной для соблюдения правовых требований и законов⁸. Руководство партии и государства в очередной раз решило проложить дорогу законности и праву. Таким образом, признание доказательств виновности троцкистской саботажнической организации, представленных УНКВД Николаевской области, не было вопросом достоверности или недостоверности этих доказательств. В первую очередь все зависело от доминировавшей в настоящий

момент общественно-политической тенденции, которая задавалась сверху. Это же справедливо в отношении оценки действий сотрудников НКВД, оказавшихся на скамье подсудимых в 1939–1941 гг. Орбита политической тенденции вновь сблизилась с орбитой права и закона.

Внимания заслуживает то обстоятельство, что следователи из аппарата особоуполномоченного НКВД рекрутировались из личного состава того же учреждения, которое они должны были подвергнуть жесткой проверке. Правда, с 1922 г. такова была общепринятая практика. В случае с ними речь не шла о профессиональных юристах. Возможно, за этим скрывалось стремление более удобно манипулировать кампанией по восстановлению «социалистической законности» для достижения целей, намеченных в интересах государства. Однако непосредственное тесное участие сотрудников НКВД в чистке собственных рядов не было призвано защитить НКВД от «нападков». Напротив, это можно трактовать как важную программную часть кампании по восстановлению «социалистической законности». Очевидно, на фоне возвращения московскому центру карательной компетенции, делегированной ранее периферии, следствие и судебные процессы, в том числе в Николаеве, играли важную дидактико-воспитательную роль.

Таким образом, концепция широкомасштабной бериевской чистки сводилась к следующему: НКВД должен был сам себя высечь под руководством и надзором политического центра в Москве и военной прокуратуры. Сначала были образованы внутренние следственные комиссии НКВД, призванные вскрыть общие проявления нарушений социалистической законности и показательно выявить из общей массы чекистов главных «козлищ», в том числе занимавших высокие должностные посты. Речь здесь шла о предварительной селекции и показательности наказания, которое должно было оказать на органы госбезопасности воздействие требуемого диапазона. Об этой селективности свидетельствует то, что целый ряд высокопоставленных сотрудников НКВД, в отношении которых имелись материалы, изобличавшие их в попытках, издевательствах и т. п., не были арестованы и преданы суду. Их лишь понизили в должности, перевели на новое место работы или уволили, как это было в случае с бывшим заместителем начальника УНКВД Николаевской области А.Ф. Поясовым или бывшим начальником УНКВД Николаевской области И.Б. Фишером, разжалованным уже 3 марта 1938 г. и уволенным за слабую работу и компромат в сентябре 1939 г. Параллельно тема

должностных преступлений в обязательном порядке обсуждалась на собраниях сотрудников управлений НКВД, проходивших в каждой области с участием представителей партии и прокуратуры⁹. Следующим шагом было частичное освобождение жертв Большого террора, в том числе на свободу вышли фигуранты громких дел, сфабрикованных чекистами. После этого на местах были проведены «полуоткрытые» судебные процессы с участием большого количества свидетелей из числа партийно-советских и функциональных элит, аппарата НКВД и малочисленных свидетелей – представителей простого населения. Местом проведения процессов сознательно выбиралось здание (или клуб) областного управления или даже районных отделов НКВД. Их целью была критика прежнего стиля работы на конкретных примерах, а также выработка будущих методов деятельности органов госбезопасности. Помимо этого предполагалось, что выступавшие на процессах свидетели из числа элит и простого населения, а также бывшие жертвы массовых операций НКВД, полностью очищенные от прежних обвинений, послужат для общества неформальным источником информации о том, что сотрудники НКВД, виновные в массовых репрессиях прошлых лет и обманувшие партию и государство, теперь выявляются и наказываются партией и государством. Триумфальный прием, устроенный освобожденным инженерам и техникам на судостроительном заводе в Николаеве их коллегами, косвенно подтверждает успех этого концепта в рамках всего Советского Союза. Помимо судебных процессов, многие сотрудники НКВД получили выговоры и взыскания, были переведены на другие должности и даже уволены из органов по обвинениям в должностных проступках, связанных с нарушением «социалистической законности»¹⁰.

Дидактическая функция кампании по восстановлению социальности была ограничена рамками, установленными Москвой. Она не повлекла за собой массового освобождения *уже осужденных* жертв «кулацкой» и «национальных» операций НКВД, равно как и *уже осужденных* представителей советских элит. Речь может идти лишь об отдельных освобождениях¹¹. Типично в сталинском духе власть смотрела только вперед и только в будущее. То, что случилось вчера, не подлежало пересмотру и в принципе оставалось в силе. Главное счастье выпало на долю тех *арестованных*, по делам которых еще не было завершено следствие или вынесенный приговор еще не был приведен в исполнение. В соответствии с неформальным характером кампании со-

ветская пресса, за редкими, однако важными исключениями, держалась в стороне. Так, центральный орган ЦК КП(б)У «Комуніст» в течение трех дней, в конце декабря 1938 – начале января 1939 г., публиковал на последних страницах отчет о судебном процессе над чекистами Молдавии, обвинявшимися в нарушении социалистической законности¹². Несмотря на то, что это был единственный случай такого рода в Украине, данная газетная статья сыграла свою заметную роль в дисциплинировании аппарата госбезопасности, поскольку в газете открыто писалось о том, что все четверо обвиняемых были осуждены к смертной казни¹³.

Дидактический концепт кампании по восстановлению «социалистической законности» имел для партии и государства сталинской формации одни лишь преимущества. Осуждение чекистов и освобождение части арестованных стали краеугольным камнем в деле нормализации ситуации, но при этом власть не сделала обществу каких-либо серьезных уступок. Напротив, путь радикального переустройства экономики и социума, выбранный раз и навсегда, был сохранен без каких-либо корректив. Власть действовала согласно схеме, окончательно выработанной в начале 1930-х годов. Как это уже имело место на пике коллективизации и индустриализации, власть после Большого террора вновь осудила лишь «перегибы» и наказала так называемых «перегибщиков». Это означало, что первоначальные цели кампании были поставлены верно, поэтому критике было разрешено ограничиться только «эксцессами»¹⁴. Стратегия охлаждения «горячих голов» и понижения градуса репрессий прекрасно сработала и на это раз. Даже самые юные и рьяные карьеристы и «благоприобретатели» сталинской системы, такие как первый секретарь Николаевского обкома ВКП(б) П.И. Старыгин и его преемник С.И. Бутырин, очень быстро осознали, что охота на «врагов народа» (т. е. тех, кто был замечен в нелояльности) ведется теперь не в массовом порядке, а избирательно. Поэтому необходимо сократить «антивражескую» риторику и, что особенно важно, значительно ограничить публичное бичевание конкретных людей¹⁵.

Вину режиму следует поставить затянувшуюся промежуточную фазу кампании после 17 ноября 1938 г., в течение которой производилась селекция козлов отпущения и статистов, что значительно продлило страдания арестованных жертв Большого террора. Сотрудники госбезопасности продолжили их мучить и после 17 ноября 1938 г., на этот раз для того, чтобы защитить самих себя от обвинений в должностных преступлениях.

О том, в какой степени границы между палачами и жертвами были расплывчатыми, свидетельствует реакция на пытки некоторых жертв массовых операций. Так, бывший второй секретарь Николаевского горкома КП(б)У Д.Ф. Кобцев, которого самого истязали во время следствия, полагал, что применение к нему мер физического воздействия было незаконным, в то же время он считал, что их можно и следует применять по отношению «к бандитам и им подобным»¹⁶. В свою очередь второй секретарь Николаевского обкома КП(б)У Д.Х. Деревянченко, также оказавшийся в жерновах репрессий, в качестве члена «кулацкой» тройки УНКВД Николаевской области в 1938 г. отправил на смерть и в лагерь множество людей¹⁷.

2. Масштабы и пролонгированность кампании

Олег Хлевнюк склоняется к тому, чтобы подчеркнуть непоследовательность кампании по восстановлению социалистической законности. В частности, он пишет: «Несмотря на заметную активность партийного аппарата и прокуратуры в разоблачении преступлений НКВД, в целом органы государственной безопасности вышли из очередной чистки с гораздо меньшими потерями, чем можно было бы ожидать»¹⁸.

Оценка Хлевнюка, который игнорирует здесь ключевую роль особоуполномоченных НКВД, основывается исключительно на анализе документов высших органов партии и государства, при этом в распоряжении историков имеется явно недостаточно документов такого рода. С этой точки зрения действительно может возникнуть впечатление, что Берия при одобрении и даже определенной поддержке Сталина сумел организовать эффективную «контркампанию», направленную на защиту чести мундира органов госбезопасности, тем самым ослабив и извратив до неузнаваемости содержание кампании наказания нарушителей социалистической законности¹⁹. Тезис Хлевнюка получает поддержку, хотя и из другой перспективы, в трудах авторов, которые непосредственно занимались изучением судов над чекистами-«перегибщиками» 1939–1941 гг. и хорошо знакомы с «региональными» материалами.

Так, Алексей Тепляков, как и Хлевнюк, подчеркивает, что осуждение чекистов по обвинению в служебных преступлениях начиная с осени 1938 г. представляло собой новое явление²⁰. Однако, в отличие от Хлевнюка, Тепляков идет дальше и выделяет два специфических момента. Во-первых, он констатирует изменение парадигмы, а именно то, что чекисты до осени 1938 г. наказывались по обвинению в «контрреволюционной деятельности», после этого внезапно доминирующим стало обвинение в служебных преступлениях, при этом обвиняемые нередко приговаривались к смерти или длительным срокам лагерного заключения. Во-вторых, такая суровость обращала на себя внимание потому, что вся предшествующая карательная политика советской власти по отношению к сотрудникам госбезопасности, которых судили за «перегибы» на «фронте борьбы с контрреволюцией», отличалась сравнительной мягкостью. Тепляков, в частности, пишет о «снисходительном подходе к уголовным преступлениям, совершенным “своими” в борьбе с «врагами народа»»²¹.

Тем не менее Тепляков критически подчеркивает – и тем самым «работает» на тезис Хлевнюка о непоследовательности кампании, – что «основная часть» чекистов, осужденных к лишению свободы, вскоре после вынесения приговора была помилована в рамках широкой амнистии и отправлена на фронт. Во фронтовых условиях бывшие чекисты, как правило, быстро осваивались, получали награды и нередко уже во время войны или непосредственно после нее возвращались в ряды сотрудников госбезопасности²². Таким образом, нарушителям социалистической законности удалось «получить фактическую реабилитацию»²³. Тепляков даже утверждает – приводя мало эмпирических доказательств, – что в результате этой своеобразной амнистии в рядах армии и сотрудников особых отделов и отделов контрразведки СМЕРШ оказались лица, «стремившиеся окончательно реабилитироваться в глазах власти, применяя привычный опыт фальсификации крупномасштабных дел и получения от обвиняемых требуемых показаний любыми методами»²⁴. Поэтому, развивая свою мысль Тепляков, сохранились и развивались такие классические методы сталинских спецслужб, как «провокации, использование внутрикамерной агентуры, в т. ч. из лиц, приговоренных к расстрелу, обман, шантаж, запугивание, а также избияния и пытки»²⁵.

Описываемый Тепляковым феномен освобождения осужденных чекистов с последующей мобилизацией в армию имел место также и в Николаевской области как минимум в отношении че-

тырех человек. Были амнистированы и отправлены на фронт Коробцев, Мартыненко, Овчинников и Протопопов. Ни один из них не возвратился на фронте в органы госбезопасности. Мартыненко воевал простым шофером 98-го отдельного мотоциклетного батальона 31-го танкового корпуса, Овчинников – младшим сержантом, санинструктором 790-го артиллерийского Краснознаменного им. Александра Невского полка, Протопопов командовал стрелковым полком. Коробцев, судя по всему, также не служил на фронте в особых отделах или СМЕРШ – он лишь в 1948 г. был снова принят в члены ВКП(б), а в 1956 г. работал заведующим горкомхоза и заместителем председателя горисполкома г. Золотоноше²⁶.

Тезис о непоследовательности, поверхностности и, в конечном итоге, безрезультатности кампании наказания нарушителей социалистической законности как минимум спорен, если опираться на материалы расследований и судебных процессов по делам чекистов Николаевской области. Наш встречный тезис сводится к тому, что кампания, по меньшей мере в Николаевской области, обладала огромными масштабами и оказала пролонгированное воздействие.

В пользу нашего тезиса свидетельствует то, что в сферу кампании были вовлечены сотрудники НКВД и их пособники, выступавшие на судебных процессах свидетелями со стороны обвинения, а также многочисленные чекисты, которые в конечном итоге избежали уголовного преследования по обвинению в должностных преступлениях, однако в их отношении велось интенсивное расследование.

Так, на процессе по делу Лившица 38,5 % свидетелей являлись (бывшими) сотрудниками Владимировского РО НКВД, еще 50 % – либо негласными сотрудниками НКВД, либо лицами, занимавшими руководящие должности в сельских советах и колхозах, которых теперь допрашивали в связи с компрометирующими показаниями, данными ими во время Большого террора. Только два свидетеля (7,7 %) были из числа жертв, недавно вышедших на свободу. Один свидетель защиты (3,8 %) выступал в пользу Лившица²⁷. На процессе по делу Коробцева – Демчука соотношение между свидетелями из числа чекистов (3 человека) и из числа жертв (один человек) составило $\frac{3}{4}$ к $\frac{1}{4}$.

На первом процессе по делу Овчинникова 19 из 26 свидетелей, то есть 73 %, или больше $\frac{2}{3}$ свидетелей, являлись сотрудниками НКВД, которые на время совершения преступлений служили в УНКВД Николаевской области, включая центральную тюрьму

г. Николаева. И только треть свидетелей (27 %) – всего семь человек – были из числа либо освобожденных жертв (четыре человека), либо лиц, которых в свое время сотрудники НКВД вынуждали дать компрометирующие показания в отношении начальника мастерских 15-й авиабригады Городинского (три человека). Поскольку свои показания они давали под давлением, они причислены здесь к жертвам²⁸. Во время второго процесса по делу Овчинникова соотношение было почти таким же, лишь незначительно изменившись в пользу свидетелей из числа сотрудников НКВД²⁹.

В процессе по делу Федяева картина была более сложной. В первом суде принимало участие 16 свидетелей. Из них только четыре человека (25 %) являлись на момент суда сотрудниками госбезопасности. Еще трое (19 %) служили в органах во время совершения преступлений. Свидетелями обвинения, которые не принадлежали к числу жертв, но оказывали в период Большого террора содействие чекистам, являлись два человека (12 %). Еще семеро (44 %) были в свое время арестованы и находились под следствием. На втором суде по делу Федяева численность свидетелей увеличилась на треть и достигла 25 человек. Вновь только 24 % (6 человек) были действующими сотрудниками НКВД и еще один (4 %) – бывшим. Доля свидетелей со стороны обвинения, не являвшихся в прошлом жертвами Большого террора, увеличилась с 12 % до 48 % (12 человек). Соответственно доля свидетелей из числа жертв сократилась почти вдвое – с 44 до 24 % (6 человек).

В результате складывается следующая общая картина. Из общего числа свидетелей, выступавших на процессе по делу Лившица, 88,5 % (38,5 % + 50 %), то есть почти 90 %, являлись либо сотрудниками Владимировского РО НКВД, либо лицами из числа неформальных сотрудников и местных элит, которые более или менее добровольно оказывали содействие органам. Остаток в размере чуть более 10 % (7,7 % + 3,8 %) составляли свидетели из числа жертв и свидетель, выступавший в защиту Лившица. На суде по делу Овчинникова соотношение свидетелей из числа сотрудников НКВД и из числа жертв составило две трети (73 %) и одну треть (27 %). На процессе по делу Коробцева – Демчука доля свидетелей из числа жертв составила 25 %, однако в ходе предварительного расследования доля опрошенных из числа сотрудников НКВД, их агентов и «штатных» свидетелей превышала 90 %, что, впрочем, справедливо и в отношении других дел.

Дело Федяева отклоняется от этой схемы, по крайней мере на первый взгляд. На первом суде доля свидетелей из числа жертв была непривычно высокой – 44 %. Однако уже на втором процессе она опустилась до «нормы» в размере 24 %. Важнее то, что доля свидетелей из числа пособников НКВД выросла с 12 % (два человека) до 48 % (12 человек). Таким образом, соотношение двух основных групп свидетелей обвинения на втором суде по делу Федяева было такое же, как на процессе по делу Лившица.

Однозначное превалирование как в ходе предварительного следствия, так и на самих процессах свидетелей из числа сотрудников и пособников НКВД над свидетелями из числа жертв Большого террора свидетельствует о том, что в случае с кампанией по восстановлению социалистической законности речь главным образом шла о «воспитании» и дисциплинировании сотрудников репрессивного аппарата советского государства. При этом главным инструментом «воспитания» являлись полупубличные судебные процессы. Сотрудникам госбезопасности четко давали понять: массовое избиение арестованных, применение пыток и фальсификация материалов следствия теперь и впредь запрещены. Наглядное предупреждение получали не только чекисты, но и их агенты, секретные сотрудники, а также добровольные или подневольные пособники (председатели сельсоветов, бригадиры и председатели колхозов и т. п.). В деле Лившица их доля достигала половины свидетелей, в деле Федяева – почти половины. Адресованное им послание гласило, что «слепая» заверка протоколов, сфабрикованных сотрудниками НКВД, а также дача показаний из желания угодить чекистам, распространение непроверенной информации, равно как и информации, вырванной из контекста и подвергшейся интерпретации, не является более желательным.

Приведенные цифры доказывают в первую очередь наличие «дидактической» линии кампании по восстановлению социалистической законности. Однако они также подкрепляют тезис, согласно которому суды над чекистами были средством успокоения общества. Как установлено, свидетели из числа жертв занимали в глазах особоуполномоченных НКВД и судей военных трибуналов второе место. И все же, как и в случае с процессом по делу Карамышева, речь шла о людях, которые были освобождены, реабилитированы, получили компенсацию, в том числе им были возвращены их посты и должности. Например, братья Сабины –

А.А. Сабин-Гуз и К.А. Сабин – были арестованы как враги народа и шпионы. На момент ареста один из них служил в РККА, другой занимал пост в органах государственной власти. Весной 1939 г. братья были освобождены из-под стражи и заняли достаточно высокие места в социальной иерархии: в 1940 г. Сабин-Гуз работал в Днепропетровском металлургическом институте, его брат – в областном совете г. Николаева. Они также были восстановлены в партии³⁰.

Те немногие свидетели из числа жертв, которые принимали участие в судах над Лившицем и Коробцевым – Демчуком, должны были послужить источником хоть какого-то морального удовлетворения для деревенских жителей, свидетели по делу Овчинникова – для военнослужащих. В процессе по делу Федяева свидетели представляли не только городские структуры, но и, как в случае с судом над Карамышевым, местные промышленные предприятия. Несмотря на малочисленность свидетелей из числа жертв, не стоит недооценивать информационный эффект их участия в судах над чекистами. Частичная реабилитация жертв демонстрировала, что советское государство, будучи единственным и весьма притязательным работодателем, умело использовать не только кнут, но и пряник.

О воспитательно-дидактической и «умиротворяющей» функции судов над чекистами явно свидетельствуют не только специфический подбор свидетелей, но и места проведения судебных заседаний. Так, процесс по делу Лившица в отличие от процессов, на которых подсудимыми фигурировали сотрудники областного управления НКВД (суды над Карамышевым и Овчинниковым), состоялся не в Николаеве, в здании УНКВД, а в провинции: трибунал заседал непосредственно в здании Владимировского РО НКВД. Процесс по делу Коробцева и Демчука проходил в областном центре – Кировограде, однако, учитывая сельскохозяйственный характер новой области, его можно также трактовать как еще один неформальный сигнал деревенскому населению. Процесс по делу Федяева состоялся в Херсоне, и, принимая во внимание полную реабилитацию директора рыбозавода и его семьи, стал сигналом ослабления напряженности для городских элит. В любом случае это географическое распределение судебных процессов было призвано повысить действенность кампании.

«Воспитание» сотрудников НКВД и их пособников посредством судебных процессов, равно как реабилитацию ряда жертв ре-

прессий, можно рассматривать также в более общем контексте. В широком смысле они являлись центральным элементом задачи придать кампании масштабы и пролонгированное действие. Еще одним, не менее важным элементом решения этой задачи стало систематическое и всеохватывающее расследование особоуполномоченными НКВД и прокуратурой практически любых нарушений законности, о которых сотрудники НКВД и их жертвы упоминали в ходе следствия или непосредственно на самих процессах. Расследование злоупотреблений являлось недвусмысленным сигналом: подобное поведение больше не является допустимым и влечет за собой серьезные последствия, особенно в случае повторного попадания в поле зрения следователей. И даже если расследование далеко не всегда заканчивалось для подозреваемых наказанием, нельзя недооценивать глубины его дисциплинирующего воздействия. Фальсификаторы и палачи, в отношении которых в конечном итоге так и не было выдвинуто обвинение, но чьи действия тем не менее расследовались, исполнили роль мультипликаторов и катализаторов эффекта шести судебных процессов, состоявшихся в Николаевской области. Как третий элемент может расцениваться широкая география мест проведения судов. Четвертым элементом концепта – гарантировать широту, глубину и пролонгированность воздействия кампании – являлось большое количество процессов, численность осужденных и жесткость наказания. Всего на территории Николаевской области в 1938 г.³¹ состоялось шесть процессов по обвинению в нарушении социалистической законности в отношении 13 сотрудников НКВД (госбезопасности и милиции). Один подсудимый был приговорен к пяти, еще один – к шести, трое – к восьми, четверо – к десяти годам лишения свободы и еще четверо – к смертной казни. Таким образом, правилом были суровые наказания, которые, несомненно, привлекли к себе внимание чекистов. Пятым, и последним, элементом кампании стала избирательная реабилитация жертв Большого террора. Она также придала кампании «пробивную» силу.

Учитывая эти пять элементов, нельзя говорить о непоследовательности кампании, по меньшей мере применительно к Николаевской области. Следствие и процессы не были инсценировкой, а наказания нельзя признать «чисто символическими», тем более что с формальной точки зрения «перегибщики»-чекисты действительно грубо нарушали действующее советское законодательство.

во. Напротив, источники недвусмысленно указывают на то, что прокуратура и аппараты особоуполномоченных НКВД действительно были заинтересованы в раскрытии преступлений. С особым беспристрастием здесь действовала прокуратура, поскольку на высшей стадии террора она играла лишь подчиненную роль. Полностью за рамками расследований остался вопрос о солидарной ответственности партии и государства. Напротив, чекисты были вынуждены мириться с тем, что теперь они обвинялись государством за преступления, которые они ранее совершали по приказу этого же государства, к которым государство их подталкивало или по меньшей мере попустительствовало им.

На этом фоне не стоит переоценивать негативное влияние амнистии осужденных чекистов на результаты кампании по восстановлению социалистической законности, о чем пишет Алексей Тепляков. Пролонгированный эффект кампании от этого существенно не пострадал. Едва ли освобождение с последующей отправкой на фронт было воспринято как разрешение вернуться к прежним методам работы, поскольку при любом сигнале о служебных преступлениях чекистам могли быть предъявлены и предъявлялись старые обвинения, подшитые в их личных делах и делах Особой инспекции при отделах кадров НКВД. То же самое справедливо в отношении амбивалентных последствий кампании для чекистов-«перегибщиков», избежавших осуждения.

Кроме того, ни амнистирование большого количества осужденных чекистов, ни поразительные карьерные возможности, которые открывались перед «выдрессированными» сотрудниками органов госбезопасности, не являлись реабилитацией, они лишь несли в себе возможность прохождения проверки. Таким образом, речь шла не о реабилитации, а о классической амнистии, которая допускала возобновление расследования «старых» обвинений в любое время. Таким образом, эта кампания, рассчитанная на длительный эффект, привела к тому, что доминировавшее в 1920–1930-е гг. снисходительное отношение и сравнительно мягкое наказание за преступления, связанные с нарушением должностными лицами социалистической законности, больше не задавали основной тон, хотя этот наш тезис еще нуждается в эмпирических доказательствах для периода начиная с 1941 года. Однако стоит принципиально указать на то, что эффективный государственный и политический контроль, равно как и управление функциональными элитами, несовместимы с халатностью и небрежением³².

3. Процедура селекции и действующие лица

Все шесть процессов, состоявшиеся на территории Николаевской области, однозначно продемонстрировали, что после формального предъявления обвинения и последующего ареста дело неминуемо заканчивалось вынесением обвинительного приговора. Прекращение следствия или оправдательный приговор, очевидно, не были предусмотрены, и прецедентов такого рода в Николаевской области действительно не имелось. Ведению предварительного следствия и формальному предъявлению обвинения благоприятствовали семь взаимосвязанных факторов, которые перечислены ниже:

1. Использование на начальном этапе кампании рядовых сотрудников НКВД в качестве «пешек», принесенных в жертву.

2. Компрометирующие показания уже арестованных коллег.

3. Жалобы и ходатайства жертв Большого террора.

4. Прекращение дел и снятие обвинений с лиц, вышедших на свободу.

5. Переквалификация обвинений в троцкизме в обвинение в совершении служебных преступлений.

6. Поиски главного лица, ответственного за преступления.

7. Давление сверху.

Как показывает случай Лившица, была высока вероятность того, что весной 1939 г. начнется предварительное расследование в отношении тех лиц, которых руководство УНКВД Николаевской области уже использовало в конце 1938 г., чтобы продемонстрировать свои решительные действия против нарушителей социалистической законности. В случае с этими чекистами, которых мы здесь охарактеризовали как «пешек», принесенных в жертву, речь шла исключительно о рядовых сотрудниках низшего уровня. В их отношении, как правило, уже имелось много компрометирующего материала, большей частью – жалобы жертв и показания коллег. Однако эти сведения приобрели убийственную силу только в 1939 г., когда они оказались востребованными для наказания за «перегибы» и нередко становились причиной ареста и осуждения.

Следствие по обвинению в нарушении социалистической законности было возбуждено весной 1939 г. также в отношении тех сотрудников НКВД, которые все снова и снова упоминались в качестве фальсификаторов и истязателей в показаниях как уже

арестованных, так и продолжавших службу чекистов. Здесь примером служит дело Федяева, а также Коробцева и Демчука.

Ситуация для «перегибщиков» осложнялась в том случае, если бывшие подследственные или их родственники выдвигали против них многочисленные обвинения. Как правило, в 1939 г. власти стали уделять пристальное внимание также жалобам, написанным в годы Большого террора. Кроме того, как со всей несомненностью показывает дело Карамышева, начиная с весны 1939 г. резко возрос поток жалоб как освобожденных, так и оставшихся под следствием лиц, которые адресовали свои письма в партийные и государственные инстанции. Импульс к написанию такого рода писем жертвы Большого террора получали от особоуполномоченных отдельных областных управлений и республиканского аппарата НКВД, которые на местах занимались расследованием служебных преступлений. В большинстве случаев в этих письмах приводились конкретные имена следователей НКВД, если же этого не случалось, то особоуполномоченным не составляло труда установить, каким подразделением госбезопасности были арестованы авторы писем и за каким следователем они числились.

Серьезную озабоченность у сотрудников госбезопасности вызывал в конце 1938–1939 гг. факт прекращения Военными трибуналами войск НКВД военных округов громких дел, заведенных НКВД еще в период Большого террора. Последовавшее за этим освобождение арестованных означало, что НКВД проводил аресты людей по ложным обвинениям и фабриковал на них дела. Кроме того, показания приглашенных свидетелей и заявления бывших обвиняемых отнюдь не делали чести органам госбезопасности, как это видно на примере процесса над лицами, обвинявшимися в поджоге на судостроительном заводе № 200 («дело Стародубцева») ³³.

Еще одним путем попадания в жернова кампании по наказанию нарушителей социалистической законности был, как в случае с Мартыненко, арест, последовавший еще в 1938 г. В новых условиях обвинение в троцкизме без проблем заменялось обвинением в нарушении социалистической законности, что означало скорый суд. Это было тем более просто, поскольку обвинение в троцкизме уже в 1938 г. выступало в качестве эрзаца обвинения в совершении служебных преступлений, в первую очередь в отношении сотрудников НКВД низшего звена. В результате обвинения в служебных преступлениях тем или иным образом уже

выплывали на поверхность в ходе предварительного следствия, и теперь следователям оставалось только конкретизировать их и расширить.

В случае с Карамышевым свою роль сыграла необходимость примерно наказать «главного» ответственного за преступления, но не только. Это был лишь один фактор из многих. Ему также вменялись многочисленные должностные преступления.

Не стоит забывать и о том, что именно массивное давление сверху привело к тому, что компрометирующие показания чекистов против своих коллег, а также факты, содержащиеся в жалобах жертв, в конечном итоге вылились в расследования против сотрудников госбезопасности, подозревавшихся в пытках и фальсификациях. Давление сверху было особенно необходимо в случае с высокопоставленными сотрудниками госбезопасности, такими как Карамышев, Гарбузов и Овчинников, которые избежали бы наказания, будь на то воля местного руководства.

Это пресловутое «давление сверху» представляло собой сложное переплетение разных факторов. На первом месте следует назвать изменение общественно-политического климата. Начиная с осени 1938 г. в целях торможения и прекращения массовых репрессий создавались «высокие» комиссии из представителей партии и государства, принимались решения Политбюро ЦК ВКП(б) и постановления СНК и ЦК ВКП(б), прокуратура и НКВД издавали многочисленные приказы, директивы и циркуляры. Все эти действия одновременно служили цели подготовки и запуска кампании за восстановление социалистической законности. Еще одним рычагом кампании стали партийные и оперативные собрания сотрудников государственной безопасности каждого областного и краевого управлений НКВД СССР, состоявшиеся, как правило, в январе 1939 г. Пресса играла подчиненную роль, как показывают только два коротких отчета о суде над молдавскими чекистами и один – над чекистами Ленинск-Кузнецкого горотдела УНКВД Новосибирской области, опубликованные в провинциальных газетах³⁴. Однако воздействие даже этих заметок было, очевидно, непропорционально высоким. В общем и целом здесь следует констатировать серьезное усиление роли партийных организаций и прокуратуры по сравнению с органами НКВД³⁵.

Все приговоры к высшей мере наказания, вынесенные в ходе кампании военными трибуналами войск НКВД, подлежали, наряду со смертными приговорами, вынесенными судами другой под-

судности, утверждению Комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам. Так, на заседании от 12 мая 1941 г. комиссия подтвердила смертный приговор, вынесенный военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа в отношении Трушкина. 17 мая 1941 г. решение комиссии было одобрено Политбюро ЦК ВКП(б)³⁶. Однако данный протокол заседания Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам не доступен для исследователей. В качестве примера может послужить протокол заседания Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам от 23 февраля 1940 г. под председательством М.И. Калинина с участием В.Н. Меркулова, М.Ф. Шкирятова и М.И. Панкратьева. На этом заседании члены комиссии рассмотрели приговоры в отношении 75 человек, в том числе трех чекистов, осужденных к ВМН по обвинению в нарушении социалистической законности. Из этого протокола следует, какой информацией руководствовалась комиссия и непосредственно Политбюро ЦК ВКП(б), принимая свое решение. Так, например, было заслушано дело бывшего начальника Ярунского РО НКВД Житомирской области И.Т. Рыбальченко: «[...] [Слушали:] 8. Р[ыбальченко] Иван Тимофеевич [(1901–1939)] постановлением военного трибунала войск НКВД Киевского округа от 22–23 ноября 1939 года приговорен к расстрелу по ст. 206-17 п. “б” УК УССР за то, что, являясь нач. Чудновского Р.О. НКВД [Житомирской области], злоупотреблял своим служебным положением, грубо нарушал революционную законность, производил необоснованные аресты граждан, применял незаконные методы следствия и вымогал фиктивные справки-характеристики на арестованных и т. д. Кроме того, убил при допросе необоснованно арестованного, гр. Манило, а с целью сокрытия следов своего преступления приобщил к делу фиктивную справку врача, о якобы естественной смерти Манило. [Постановили:] Согласиться с применением расстрела к Р[ыбальченко] И.Т.»³⁷.

Последовательное одобрение Комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам смертных приговоров чекистов, осужденных по обвинению в нарушении социалистической законности, было недвусмысленным политическим сигналом неизменной поддержки кампании со стороны Политбюро ЦК ВКП(б). Кроме того, роль «приводного ремня» кампании играл новый нарком внутренних дел Л.П. Берия, который вошел в состав комиссии 19 января 1939 г., причем в случае отсутствия Берии его замещал В.Н. Меркулов³⁸.

4. Юстировка кампании

Дела, исследованные в дополнение к делу Карамышева, конкретизируют наши представления о возникновении, формировании и развитии кампании за восстановление социалистической законности. В первую очередь речь идет о переходных периодах, связанных с юстировкой кампании. Здесь также с несомненностью констатируется различие между практикой осуждения высокопоставленных чекистов и чекистов среднего и низшего уровня.

Более тщательно изучить начальную фазу кампании, которая пришлась на лето 1938 – конец 1938 – начало 1939 г., позволили дело начальника Владимировского РО НКВД Лившица и секретаря Еланецкого РО НКВД Мартыненко, а также дело сотрудника Херсонского ГО НКВД Федяева. Они представляют повышенный интерес, поскольку показывают, насколько тяжело местным структурам госбезопасности и милиции давалась смена парадигмы, которую диктовал московский центр, а именно переориентация от борьбы с троцкизмом и прочими «уклонами» на борьбу за восстановление социалистической законности как инструмента укрепления советского государства³⁹.

Из материалов дела Федяева становится очевидным, что вплоть до лета 1938 г., то есть до фазы «разогрева» кампании, служебные преступления сотрудников НКВД периода массовых операций также являлись объектом расследования, однако это расследование не было ни систематическим, ни последовательным. Те сотрудники, которых затрагивали такого рода обвинения, как правило, отделывались предупреждением или мелкими административными наказаниями, даже если было очевидно, как в случае с Федяевым, что они не только истязали подсудимых, но и были замешаны в других противоправных деяниях⁴⁰. Соответствующим образом, в материалах «спецпроверок», предпринятых особоуполномоченными НКВД в период Большого террора, не упоминается ни один случай осуждения чекистов по обвинению в служебных преступлениях за этот период. Увольнение из органов, как это случилось с Федяевым в апреле 1938 г., уже само по себе являлось максимальным наказанием, при этом уволенные из НКВД чекисты получали, как правило, хорошо оплачиваемую гражданскую должность. Бывший начальник УНКВД Николаевской области Фишер после увольнения весной 1938 г. утратил политическое доверие, но получил должность заместителя на-

чальника строительства № 203 НКВД, хотя вышестоящему руководству было известно, что он не только лично избивал арестованных, но и создал в стенах УНКВД пресловутую «комнату пыток» для выбивания показаний. Чуть раньше Фишера, в марте 1938 г., был отправлен на работу в ГУЛАГ его заместитель Л.И. Мейтус⁴¹.

В общем и целом руководство УНКВД Николаевской области начиная с лета 1938 г. пыталось на первом этапе кампании против нарушителей социалистической законности продолжать двигаться этим же привычным путем, хотя и с небольшими уступками центру. Так, категорически было запрещено применение по отношению к подсудимым так называемой «стойки». Эта давно практикуемая и широко распространенная метода допроса являлась формой «белой пытки»: допрашиваемый был вынужден находиться на ногах долгими часами под наблюдением следователя, иногда в течение нескольких дней, пока не давал признательные показания. Однако дальше этой «уступки» дело не пошло⁴². На расследование комиссии под руководством Горлинского, которое проводилось в сентябре 1938 г., и даже на постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. руководство областного НКВД отреагировало лишь легким «натяжением поводьев». Так, объективно тяжелые преступления Лившица и других «перегибщиков» не просто игнорировались или наказывались неформальным путем, как ранее в случае с Федяевым. Теперь начальство УНКВД выносило официальные решения о наказаниях проштрафившихся сотрудников, однако эти наказания были исключительно мягкими. 15-суточный арест Лившица или спорадические наказания других сотрудников фактически демонстрируют, как относились Карамышев и его заместитель Поясов к служебным преступлениям и какое место они отводили борьбе с «нарушениями». Они хотели, чтобы все ограничивалось дисциплинарным производством, коротким арестом в административном порядке, а также переводом или увольнением «перегибщиков». Эта тактика на данный период все еще находила поддержку в республиканском руководстве НКВД.

По этой причине следует рассматривать Лившица и других подобных ему чекистов как пешек, которыми начальство пожертвовало в большой игре. Наивную убежденность руководства НКВД в действенности мер такого рода следует отнести на счет описанного выше самопонимания чекистов и их доминантной роли в Большом терроре. Чекисты все еще были убеждены, что,

несмотря на ряд мелких ошибок, они действовали правильно и во благо советской власти, и, даже учитывая новые ветры, задувшие на кремлевском Олимпе, они были «неприкасаемыми», по меньшей мере во всем, что касалось исполнения служебных обязанностей.

Вторую и наиболее интересную фазу кампании, которая началась весной 1939 г. и продлилась, по меньшей мере в Николаевской области, до конца 1940 г., следует охарактеризовать как переходную фазу, или фазу юстировки кампании. Она знаменовалась арестами и первыми судами над чекистами. Руководство НКВД на периферии поначалу довольно успешно и здесь вставляло палки в колеса. Чувство солидарности, которое местное николаевское начальство испытывало по отношению к «нарушителям соцзаконности», в случае с делом Карамышева простиралось настолько далеко, что осенью 1940 г. с помощью местных судей и лояльного судьи военного трибунала обвиняемые даже были оправданы или получили сравнительно мягкие наказания. Казалось, что чекистская обязанность защищать советское государство, даже пренебрегая законом, смогла полностью нейтрализовать обвинение в тяжких должностных преступлениях.

В случае с делом Овчинникова также нашли свое отражение усилия местных элит, направленные на ослабление эффекта кампании, руководимой московским центром. Местная организация КП(б)У, впрочем, как и республиканское партийное руководство, вплоть до 1939 г. не видели в действиях Овчинникова признаков служебного преступления. Военная прокуратура Киевского военного округа уже в ходе начавшегося производства переквалифицировала обвинение в отношении Овчинникова по статье 206-17 УК Украинской ССР с пункта «б» (тяжелые преступления) на пункт «а» (менее тяжелые преступления). Тем самым и судьи военного трибунала, и, в особенности, местные народные заседатели продемонстрировали особую чуткость в отношении оправдательной стратегии, примененной Овчинниковым. Учитывая тяжесть совершенных преступлений, Овчинников отделался символическим наказанием.

При этом на данном этапе юстировки кампании следует четко различать суды над чекистскими кадрами областного уровня, с одной стороны, и районного и городского уровня – с другой. Когда весной 1939 г. органы дознания предприняли серьезное расследование в отношении Лившица, Мартыненко, Коробцева, Демчука, Федяева, Семенова, Протопопова и Барвинка, которые

являлись представителями чекистских кадров низшего и среднего звена, последние не могли рассчитывать на сколько-нибудь действенную помощь и защиту со стороны областного начальства. Напротив, этих рядовых чекистов вновь, как и в случае с Лившицем в 1938 г., руководство попыталось пожертвовать в качестве «пешек». Руководящие кадры УНКВД Николаевской области, полностью осознавшие серьезность своего положения только после драматического увольнения Карамышева, сделали все возможное – особенно заместитель Карамышева Поясов – чтобы использовать дело Лившица в качестве своеобразного щита и защитить себя, с энтузиазмом расследуя чужие преступления. Поясову это в конечном итоге удалось⁴³.

В процессе над Коробцевым и Демчуком себя проявил уже не сотрудник УНКВД высшего звена, которому самому угрожало обвинение в служебных преступлениях, а делавший стремительную карьеру в органах начальник 3-го отдела УНКВД Кировоградской области А.А. Гайдук. Расследование по делам Мартыненко и Федяева возглавлял особоуполномоченный УНКВД Николаевской области В.Н. Никитин, который вложил в него много сил. В деле Федяева большой интерес продемонстрировали прокуратура СССР и органы прокуратуры Николаевской области, оказывавшие давление на следствие.

Эта фаза юстировки кампании характеризуется еще сильным влиянием специфики местных условий. Обвинительные приговоры затронули главным образом чекистов, уже запятнавших себя в прошлом избиением арестованных и фабрикацией материалов следствия, что было легко доказуемо юридически. Как правило, эти чекисты были сурово наказаны. Такой образ действия являлся выражением иерархического мышления. Ведь руководящий персонал госбезопасности, в отношении которого не существовало убедительных доказательств участия в пытках и фальсификациях, тем более поднаторевший в своей защите, был осужден либо гораздо мягче, либо вовсе оправдан. То, что отношение к руководящим кадрам в целом было более щадящим, зависело в особенности, но не только, от тесной связи членов суда с местным руководством. Даже бывший начальник Секретно-политического отдела УНКВД Николаевской области Трушкин, которого можно считать идеальной кандидатурой для осуждения на данном этапе кампании, был приговорен к смертной казни, а получил в конце концов 10 лет лагерей. Доказательством того, что судьи руководствовались двойными стандартами, является особое мнение

председателя военного трибунала Гурьева, высказанное по итогам первого суда над Карамышевым в декабре 1940 г. Военюрист не критиковал оправдательный приговор Карамышева, однако охарактеризовал приговор, вынесенный Трушкину (замена ВМН десятью годами лишения свободы), как чересчур мягкий. Он также не был доволен мягкостью приговора Воронина. Кроме того, месяцем ранее военный судья добился вынесения суровых приговоров чекистам среднего звена, проходившим по делу Федяева.

Влияние периферии на кампании выразилось также в том, что в случае с «пешками» использовался определенный фильтр, позволявший выбрать подходящих кандидатов, а именно лиц, которые ранее не только отличились в деле нарушения социалистической законности, но и обратили на себя внимание проблемами с алкоголем, коррупцией, антисемитизмом, пассивностью в деле выполнения партийных поручений, склонностью к интриганству и т. п., тем более если все это отразилось в личных делах.

Третью – и заключительную – фазу кампании, которая в Николаевской области началась лишь в конце 1940 г., следует характеризовать как фазу окончательного утверждения диктата центра над периферией, в ходе которой Москва демонстративно в одностороннем порядке полностью разорвала тесный симбиоз, образовавшийся между центром и периферией в ходе Большого террора.

В результате несомненного вмешательства Москвы и в соответствии с отданным приказом как Карамышев с подельниками, так и Овчинников были примерно осуждены на повторном процессе. При этом всем было наглядно продемонстрировано: обвинения в совершении служебного преступления вполне достаточно для того, чтобы осудить высокопоставленного сотрудника госбезопасности к смертной казни или продолжительному заключению. Приговоры были вынесены на основании ранее собранных материалов, при этом Москва не столько манипулировала возможностью их интерпретации, сколько ограничила интерпретационные рамки и задала судам направление. Теперь никого уже не беспокоил тот факт, что доказательная база состоит в основном не из вещественных улик, а из показаний свидетелей. Смягчающие обстоятельства, которые суды раньше охотно учитывали, поскольку это не противоречило общей политической линии, теперь практически перестали приниматься во внимание. Однако в случае с Овчинниковым их все же хватило, чтобы спасти ему жизнь.

5. Преступление и наказание

Наиболее горячая фаза кампании по восстановлению социалистической законности пришлось в Николаеве на весну 1939 г. В это время специальные комиссии, сотрудники аппарата особоуполномоченного НКВД УССР и особоуполномоченные НКВД зондировали почву для того, чтобы выбрать из числа сотрудников госбезопасности конкретных обвиняемых. Это было нелегкой задачей, поскольку «взятые на прицел» чекисты, особенно сотрудники аппарата областного управления, получили полную поддержку руководства, которое использовало для этого все ресурсы, в том числе агентуру. В свою очередь потенциальные обвиняемые тоже всемерно поддерживали друг друга, сопротивлялись грозившему им аресту и осуждению.

В ходе этой самой настоящей борьбы нашли выражение даже мысли чекистов, которые они не могли напрямую высказать в свою защиту: в донесениях агентов, которыми они «дирижировали», в качестве вражеских заявлений освобожденных подследственных на самом деле фигурировала их собственная критика действий политического руководства страны. Московский центр выглядел в этих заявлениях наивным и нерешительным, а также звучали косвенные предупреждения об опасных последствиях кампании по наказанию нарушителей «социалистической законности». Речь здесь подспудно шла о том, что государство и партия сами готовили почву для массовых репрессий. Однако не стоит понимать такого рода пассажи как критику самой системы – чекисты лишь намекали власти на возможность более мягкого и корректного обхождения с теми, кто, не жалея сил, претворял в жизнь директивы партии и государства. Власть не отреагировала на эти предупреждения и призывы, как и не обратила внимания на попытку дискредитации бывших жертв, которая была предпринята чекистами с помощью агентурных сообщений. Это обращение к власти так и не было услышано еще и потому, что сотрудники НКВД формулировали его в привычном, но устаревшем стиле борьбы с «троцкизмом». Ситуация изменилась коренным образом, к тому же военные трибуналы перестали обостренно реагировать на обвинение в троцкизме. Резко понизился градус накала борьбы с «врагами народа», хотя обвиняемые чекисты, как это было на процессе по делу Федяева, все еще про-

должали в оправдание своих преступлений ссылаться на происки антисоветских элементов всех мастей, что было альфой и омегой Большого террора.

Та высокая активность и организованность, которую чекисты, попавшие под прицел кампании, с успехом использовали для самозащиты, примером чему является оправдание Карамышева и условный приговор Овчинникова, во многом были результатом бесперебойного сотрудничества между обвиняемыми чекистами и руководством УНКВД Николаевской области. Однако именно эта ситуативная конъюнктура имела в конечном итоге для чекистов фатальные последствия, так как суды стали последовательно наказывать за такого рода сотрудничество. Приговоры Карамышеву и его подельникам на втором процессе, а также приговор, вынесенный на втором суде Овчинникову, теперь выглядели особенно суровыми на фоне аналогичных процессов, например, в Одессе. Можно предположить, что новый судья, возглавивший трибунал, равно как и заседатели, были уверены в пристальном внимании со стороны Москвы. В результате они демонстрировали особое рвение, чувствуя себя обязанными вынести особенно суровые приговоры.

Принимая во внимание оправдательные приговоры на первом суде над Карамышевым, есть все основания говорить о сильном корпоративном духе чекистов, но не стоит придавать ему особо действенной силы. Напротив, самый главный заступник обвиняемых, начальник УНКВД Юрченко, мобилизованный на работу в органы из партийных рядов, из-за своего заступничества, а также дилетантских методов работы впал в немилость⁴⁴. Его взлет по карьерной лестнице, от сотрудника партийной газеты и первого секретаря Базарского райкома КП(б)У (Житомирская область) до начальника УНКВД Николаевской области, завершился крахом. В сентябре 1940 г. Юрченко был снят с поста и в октябре 1940 г. уволен из органов. С февраля по июнь 1941 г. он работал директором мельницы, а потом его выручила война – с октября 1941 г. Юрченко служил в системе армейских особых отделов.

Не возникает впечатления, что чекисты нарушали закон исключительно под давлением начальства, в слепом послушании, руководствуясь конформизмом или стадным чувством, или из страха, и что при этом они переступили через сомнения или моральные убеждения. Об этом особенно четко свидетельствуют материалы дел осужденных из кадрового состава низшего звена, которые как в ходе предварительного следствия, так и самих

судов оказались более разговорчивыми и открытыми, чем их начальники Карамышев или Овчинников. Во-первых, становится бесспорным, что чекисты совершили те преступления, которые вменялись им в вину. «Низовые» сотрудники признавали это открыто. Во-вторых, давление сверху в годы Большого террора сводилось, как в конечном итоге показали процессы районного уровня, к тому, чтобы работать больше, быстрее и эффективней. Во всем остальном сотрудники госбезопасности и милиции на местах были убежденными и послушными исполнителями. В итоге они оказались хорошо смазанным и очень важным колесиком в общей системе политических репрессий. Чекисты были не только инструментом, но и активными участниками происходившего, обладавшими своими собственными интересами. Кроме того, их лояльность по отношению к сталинскому режиму находится вне всяких сомнений. Таким образом, аппарат УНКВД Николаевской области действовал в полном сознании того, что он служит на благо системы. Подобную позицию можно охарактеризовать скорее как «каратели по убеждению», но не как «каратели по принуждению».

Очевидная апелляция сотрудников госбезопасности и милиционеров Долинского РО НКВД к ситуации противоправного приказа как основания их преступных действий была сиюминутным, скорее дилетантским конструктом. С его помощью подсудимые пытались справиться с вызовами новой ситуации образца 1939 г., когда внезапной криминализации подверглись действия, которые прежде считались вполне правомерными. В первую очередь именно большие прорехи в оправдательной стратегии сотрудников госбезопасности низшего звена дают нам возможность бросить взгляд за кулисы и более тесно приблизиться как к пониманию психологии чекистов, так и к реальным процессам во время и после Большого террора, чем это возможно в случае с процессами над высокопоставленными чекистами. В пользу анализа сработало также то обстоятельство, что именно кадры низшего звена органов госбезопасности, учитывая, что у власти оставался все тот же сталинский режим, не могли точно оценить, насколько высоки были их шансы на оправдание и действительно ли ситуация поменялась коренным образом. Таким образом, именно на этом уровне особенно четко прослеживается трансформация самовосприятия чекистов от чувства всемогущества к чувству бессилия.

Поэтому тема преступного приказа как основания действий (Befehlsnotstand), когда подчиненные утверждают, что были вынуждены действовать преступным образом во исполнение приказа сверху, играла в защитной стратегии подсудимых сотрудников органов НКВД, в отличие от нацистских преступников, лишь второстепенную роль. Чекистов мало интересовала законность приказов и директив, поскольку эти преступные приказы были им скорее близки и понятны⁴⁵, и о моральных сомнениях здесь также не было речи. Эти приказы для них были узаконены авторитетом высших партийно-советских органов, или, если говорить словами Ханны Арендт, воля политического руководства имела решающее значение для определения правомерности или противозаконности действия⁴⁶.

Таким образом, тезис, трактующий органы НКВД исключительно как получателя и исполнителя приказов, разработанный, в частности, О. Мозохиним⁴⁷, можно опровергнуть тем, что органы госбезопасности, как и милиция, являлись привилегированной и неотъемлемой частью системы, наложившей на них свой отпечаток, а также были порождением этой системы. Их сотрудники являлись убежденными носителями сталинской идеологии. Именно госбезопасность и милиция располагали в 1937–1938 гг. огромной свободой. Кроме того, тезис Мозохина оставляет без внимания важнейшую роль низшего звена органов госбезопасности и милиции – районных и городских отделений, которые с энтузиазмом использовали возможность, предоставленную приказом № 00447 – фактически без обременительного контроля и трудоемкого следствия избавиться от «подозрительных» людей, попавших в их поле зрения.

Таким образом, на основе широкого переноса компетенций и полномочий сверху вниз, характерного для приказа НКВД СССР № 00447, следует исходить из «частичного созвучия мотивов вождя и свиты»: органы НКВД действовали в консенсусе с идеологией и мотивами государственной власти⁴⁸. Они, равно как и другие государственные инстанции и организации, работали «на встречающих курсах» с политическим руководством.

Но с юридической точки зрения невозможно освободить чекистов от ответственности за совершенные преступления. За редким исключением ни во время, ни после Большого террора они не задумывались о преступной стороне своих деяний, как не задумывались они и о том, что их кумиры в Киеве и Москве также действовали незаконно и преступно⁴⁹.

6. Авангард или «обычные люди»?⁵⁰

Падение чекистов, что подтверждает и николаевский случай, было особенно глубоким потому, что НКВД, прежде, т. е. в годы Большого террора стал повсеместно играть, в том числе в этой области Украины, роль ключевого органа управления и контроля. Политическая полиция с большим рвением брала на себя, наряду с социальными задачами, задачи по поддержанию функционирования наиболее важных отраслей народного хозяйства. Правда, чекисты следили уже и до Большого террора за деятельностью крупных предприятий и могли пресекать как служебные преступления должностных лиц (хищения, приписки, сознательные нарушения технологии производственных процессов с целью упрощения выполнения плана), так и давить страхом на нарушителей дисциплины, бракоделов, стихийных нарушителей технологии⁵¹. Следует, однако, подчеркнуть, что эта функция была в условиях Большого террора еще раз расширена. В сочетании с ослаблением власти местных партийных органов из-за многочисленных арестов и увольнений НКВД переживал подлинное восхождение на большие высоты, если говорить о властной структуре, занятой охраной порядка, и влиянии. Так, УНКВД Николаевской области во главе с Карамышевым усиленно контролировало во время Большого террора судостроительные заводы и своими специфическими методами боролось с дезорганизацией производства, коррупцией и халтурой, которые, без сомнения, получили здесь широкое распространение⁵². При этом Карамышев действовал не по принуждению и не только под давлением из Киева и Москвы, но главным образом по собственной инициативе и с большим индивидуальным рвением. Если формулировать абстрактно, то данный сотрудник карательных органов не был лишь жертвой стечения обстоятельств и времени или слепым орудием государственных и партийных метаструктур. Он был частью преступной сети, которая характеризовалась значительным потенциалом взаимного согласия. Он был тем, кто плечом к плечу со Старыгиным, новым первым секретарем Николаевского обкома КП(б)У, молодым и идеологически подкованным функционером, на VI городской и на областной партийных конференциях, состоявшихся в мае 1938 г., обрушился с обвинениями на различные парторганизации области, в первую очередь заводские.

Ссылаясь на Сталина, Карамышев потребовал настоящей большевистской бдительности и непримиримости к врагу. При этом он отчитал обком КП(б)У и советские структуры – публично и даже с упоминанием конкретных имен – за провалы в области экономики (промышленность и торговля) и народного образования. Резкой критике подвергся второй секретарь Николаевского обкома КП(б)У Д.Х. Дервянченко, который, как считал Карамышев, уделял недостаточное внимание кампании по критике и самокритике в рядах оргбюро ЦК КП(б)У. Карамышев публично скомпрометировал начальника корпусного цеха завода № 200 Л.П. Фомина, заступившегося за бывшего директора завода Ф.Я. Плетнева⁵³. После этого на первой областной партконференции Николаевской области, состоявшейся 24–29 мая 1938 г., Карамышев был избран членом обкома КП(б)У. В газетах его имя упоминалось сразу же вслед за именами трех секретарей обкома партии⁵⁴.

25 июня 1938 г. Карамышева избрали депутатом Верховного Совета УССР. Старый колхозник публично воспевал его в газете: «За то, что ты, Петр Васильевич, зорко охраняешь нашу необъятную страну от врагов [мы любим тебя]. За то, что ты беспощаден к врагам, за то, что ты любишь свой народ и отдаешь все свои силы и здоровье на благо народа. Мы видим все это и гордимся тобой, гордимся тем, как работает славный советский разведчик»⁵⁵. За заслуги перед партией и государством Карамышева даже наградили орденом Ленина⁵⁶.

Весной 1938 г. Карамышев фактически возглавил в области кампанию по укреплению судостроительной отрасли, начатую по указанию Москвы. Старт этой кампании в Николаеве дала статья под названием «Навести большевистский порядок на водном транспорте», опубликованная в газете «Южная Правда» в конце марта 1938 года⁵⁷. В течение месяца, с конца мая и по конец июня 1938 г., местная пресса опубликовала пять больших статей Карамышева, каждая из которых занимала около трети газетной полосы. На работе и в публичных выступлениях на партконференциях, в газетах начальник УНКВД преподносил себя как настоящего «ястреба», каждый раз пугавшего всех угрозой «деятельности иностранных фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской, буржуазно-националистической и прочей агентурь», инструментом которой служили бесчисленные саботажники⁵⁸. Именно такое впечатление Карамышев производил на своих подчиненных: «Карамышев прибыл на работу в Николаевское УНКВД в марте

м-це 1938 года. В мае м-це 1938 года, выступая на областной конференции КП(б)У, он в своем выступлении нарисовал довольно мрачную картину, сводящуюся к тому, что всюду и везде кишат враги шпионы»⁵⁹.

Его многочисленные выступления на страницах газеты «Южная правда» получили недвусмысленную поддержку на высоком «московском» уровне. Карамышев заявлял: «Отдел печати ЦК партии одобрительно отзывался о моем участии в печати, и даже предложил написанное мною издать отдельной брошюрой»⁶⁰. Статьи Карамышева сопровождались резолюциями и призывами собраний рабочих соответствующих заводов, которые перед лицом грозящей опасности обещали трудиться еще лучше и больше⁶¹. Эти обещания не в последнюю очередь были результатом выступлений Карамышева на массовых собраниях трудовых коллективов⁶².

Ментальные установки Карамышева непосредственно влияли на его деятельность в качестве начальника управления НКВД, причем не последнюю роль в их формировании сыграло киевское руководство. Бывший оперуполномоченный УНКВД Николаевской области Т.Т. Черкес показывал, что летом 1938 г. от Карамышева поступило указание арестовать 2000 человек и поменьше обращать внимание на прокуратуру. При этом Черкес так описывал общий настрой своего начальника: «Карамышев тогда только что вернулся из Киева и говорил о необходимости очистки области в связи с предстоящей войной»⁶³.

Областная парторганизация также внесла весомый вклад в кампанию по укреплению судостроительной промышленности, публично заявив на областной партконференции о вопиющих недостатках в работе заводов № 200 и № 198. В первую очередь – о «вражеском саботаже» на заводе № 200, который привел к взрыву котлов, в результате чего имелись погибшие и раненые, а также стал причиной производственного брака и падения трудовой морали⁶⁴. Месяц спустя, 22 июня 1938 г., то есть вскоре после получения телеграммы Фриновского, бюро Николаевского обкома КП(б)У приняло постановление, заклеившее плачевное техническое, организационное, идеологическое и политическое состояние завода № 200 и его руководства. В заключительной части постановления говорилось, что «завод стал на антигосударственный путь невыполнения задания правительства и партии в вопросе создания мощного военного флота для страны»⁶⁵. В начале июля 1938 г. «Южная правда» опубликовала речь председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина «За боль-

шой советский морской флот» от 19 июня 1938 г. перед рабочими, инженерно-техническими работниками и служащими ленинградского завода им. Орджоникидзе. Калинин требовал строить морские суда как можно скорее, как можно дешевле и с максимальным качеством. Он заявил, что советская страна находится в состоянии острой конкуренции с капиталистическими странами, и в этой борьбе необходимо победить. Определенным контрапунктом к выступлениям Карамышева прозвучало заявление Калинина о том, что «все недостатки хотят взвалить на вредителей». Напротив, он призывал к решительной самокритике⁶⁶.

На этом фоне Карамышев предстал уже не как подчиненный, действия которого определялись вышестоящей инстанцией, а как активнейший участник кампании по строительству военно-морского флота. Ее важность в Николаеве засвидетельствовали летом 1938 г. телеграмма заместителя наркома внутренних дел СССР Фриновского, визиты первого заместителя наркома оборонной промышленности СССР Тевосяна и наркома внутренних дел УССР Успенского. Пожар, случившийся на судостроительном заводе в начале августа 1938 г., стал для Карамышева настоящим ударом, который он и его аппарат попытались с большим рвением компенсировать привычными «чекистскими» методами.

В ходе судебных процессов над чекистами выяснилось, что вопреки внешнеполитическим моментам, превалировавшим в идеологической кампании, развернутой вокруг военно-морского флота, Карамышева интересовали почти исключительно местные проблемы, и он, в тесном симбиозе и сотрудничестве с партийным руководством области⁶⁷, при мощной поддержке республиканского руководства госбезопасности и ЦК КП(б)У, а также прокуратуры боролся с «внутренними врагами» и активно использовал для этого предоставленную ему свободу действий. Он всегда уверенно интерпретировал в нужную для себя сторону расплывчато сформулированные приказы Москвы. Практически исключается, что Карамышев мог позволить себе, как он утверждал задним числом, какие-либо «либеральные» отклонения от жесткой линии, диктовавшейся из Киева наркомом Успенским. Ложью является также заявление Карамышева о том, что в «своей» области он репрессировал в пять-шесть, а то и в десять раз меньше людей, чем в других областях Украины. На самом деле репрессивные показатели деятельности УНКВД Николаевской области соответствуют средним величинам⁶⁸.

Осужденные сотрудники СПО УНКВД во главе с Трушкиным действовали с не меньшим энтузиазмом, чем Карамышев, но уже

на уровне непосредственного выявления и уничтожения «врагов». Местное руководство НКВД с воодушевлением участвовало в осуществлении террора, оно ни в коей мере не являлось объектом коварной манипуляции и недобросовестного злоупотребления со стороны центральных структур и вождей. Взаимоотношения между местными и центральными структурами госбезопасности характеризовались в первую очередь как отношения патронажа и протекции. Конфликты и соперничество, которые, конечно же, имели место как по «горизонтали», так и по «вертикали», скорее придавали процессам динамичность, чем наносили ущерб сотрудничеству центра и периферии. Неформальные устные приказы были здесь обычным делом. Едва ли возможно охарактеризовать этих чекистов, включая Карамышева, как «обычных людей» (*ordinary men*). Скорее здесь напрашивается сравнение со служащими СС и СА национал-социалистической Германии. Хотя сотрудники органов госбезопасности и милиции были, в отличие от служащих СС и СА, как правило, малообразованными выходцами из социальных низов, фактически именно они являлись – и это связывало их с немецкими «коллегами» – «выдающимся элементом» советского общества, и именно так они воспринимали сами себя. Они превосходно уживались с системой, продуктом которой они были и внутри которой они сделали головокружительную карьеру. Эта система в период Большого террора вновь предложила сторонникам крайних мер и карьеристам из числа чекистов широкое поле деятельности. Осужденные сотрудники УНКВД ничего не имели против пыток и фальсификации документов в интересах «облегчения» и «ускорения» своей работы, но они не были садистами, действовавшими в своих личных интересах. Их цель заключалась в том, чтобы обеспечить на местах безопасность молодой развивающейся социалистической системы. В этих условиях ситуативное насилие⁶⁹ также играло подчиненную роль, однако совершенно очевидно, что «культура насилия», которая сформировалась в годы гражданской войны и оттачивалась в ходе коллективизации и индустриализации, тотчас же продемонстрировала свою жизнеспособность в период Большого террора. Преступления чекистов нельзя документально обосновать чрезвычайно высоким градусом идеологизации, поскольку марксистская идеология не является, по крайней мере первично, человеконенавистнической идеологией. Это также четко отделяет советских «карателей» от палачей из СС и СА. Скорее они действовали в условиях чрезвычайно «перегретой атмосферы» беспощадной насильственной стабилизации потрясенных, вызван-

ных сталинской перестройкой общества и экономики. В этой ситуации власть реактивировала психологию гражданской войны, ориентированную на применение насилия в условиях внутренней и внешней угрозы. В результате в целом не произошло поголовной дегуманизации жертв за счет их обезличивания (деиндивидуализации) и отнесения к той или иной категории, что было характерно для национал-социализма. Если это и имело место в СССР, то все же не в том масштабе, что в Третьем рейхе, хотя этот факт служит слабым утешением для многочисленных жертв и их родных.

По причине колоссального роста полномочий и масштаба возложенных на них общественно-политических и экономических задач органы госбезопасности неминуемо должны были оказаться между молотом и наковальней. Требования к промышленным предприятиям Николаева были необоснованно высокими, в то время как технические и организационные возможности предприятий были крайне ограниченными, а кадры специалистов – недостаточными. На производстве не хватало материалов, имевшееся сырье было плохого качества, организация трудового процесса носила хаотический характер, отсутствовали требуемые специалисты⁷⁰. Решение проблемы по версии местного управления НКВД – стабилизировать ситуацию с помощью арестов и запугивания, приписывая рабочим и инженерам активный и сознательный саботаж – принесло весьма скромный успех, хотя чекисты и смогли таким образом застраховаться от возможных обвинений в халатности. Пожар на судостроительном заводе № 200 летом 1938 г. был не только огромным фиаско николаевских чекистов, в первую очередь он являлся символом плачевного провала государственной политики, направленной на то, чтобы решать насущные проблемы общества и экономики с помощью органов госбезопасности и милиции.

7. От защиты сталинской клики – к защите государства⁷¹

Большинство чекистов и сотрудников милиции Украины привлекались к уголовной ответственности в 1939–1941 гг. отнюдь не по обвинениям в троцкистско-заговорщической деятельности, т. е. политическим. Напротив, их систематически подвергали дисципли-

нарным наказаниям, переводили на другую работу, увольняли и судили по обвинениям в совершении должностных преступлений, а именно в «нарушении социалистической законности» в соответствии с «неполитической» статьей 206 УК УССР, пункты 17 «а» и 17 «б»⁷². Это в свою очередь стало не только знаменательным выражением смены парадигмы мотивов репрессий, но и, как гласит наш тезис, выражением и следствием изменений самих функций госбезопасности и милиции. После успешного поголовного политического и физического уничтожения всяческой организованной оппозиции и любого духа критики они превратились из инструмента политической борьбы сталинистов, этой наиболее сильной фракции коммунистической партии, направленного против троцкистов, бухаринцев, зиновьевцев и прочих нелояльных групп и лиц, в инструмент защиты государства. Это принципиальное изменение отобразилось даже в названии политической полиции, которая в 1941 г. стала именоваться Народным комиссариатом государственной безопасности⁷³.

Контекст описанной выше трансформации карательной политики задавался процессом последовательного огосударствления всех общественно-политических и культурных отношений в СССР в 1930-е годы. Ссылка на тезис Ленина об «отмирании государства»⁷⁴, в котором пролетариат, «организованный как господствующий класс», нуждается только в течение короткой переходной фазы к коммунизму, рассматривалась в 1930-е годы уже чуть ли не как «антисоветчина»⁷⁵. Место ленинского тезиса заняла сталинская руководящая линия: «Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти» в будущем коммунистическом обществе⁷⁶.

Если рассматривать этот апофеоз государственной власти с учетом конкретной исторической ситуации, то его следует понимать, следуя высказываниям Сталина образца 1930 г., сначала как инструмент борьбы с «правыми уклонистами». После победы над «правыми» интерпретация государственности до 1933 г. все больше расширялась вплоть до формирования непреложной доктрины, согласно которой «максимальное усиление государственной власти» стало рассматриваться как средство ликвидации «остатков умирающих классов» с одной стороны и организации «обороны против капиталистического окружения» – с другой⁷⁷. Таким образом, свое значение сохраняла ленинская классовая легитимация государства как «государства диктатуры пролетариата».

Исторические рамки, в которых происходило развитие сталинского государства, соответствуют общим условиям генезиса государства. Так, согласно теории Чарльза Тилли, возникновение государств в истории связано преимущественно с войнами. Именно война всегда вынуждала властителей создавать средства принуждения для ведения боевых действий и отправления власти как в интересах обеспечения собственного господства, так и подавления внутреннего сопротивления. Кроме того, государственные институты позволяют эксплуатировать завоеванные территории и управлять ими⁷⁸. В Советском Союзе конца заявления о внешней угрозе войны были широко распространены во внутри-советском дискурсе самое позднее начиная с 1927 г. Однако более важным фактором являлась гражданская война, развязанная большевистским руководством, взявшим в конце 1929 г. курс на принудительную коллективизацию и массовое раскулачивание. Здесь речь действительно шла о завоевании чужих территорий, их эксплуатации и управлении. Эта внутренняя война потребовала консенсуса большевистской элиты, который в свою очередь должен был придать особую легитимность государственному насилию⁷⁹. Вездесущее насилие и необходимость его узаконивания послужили импульсом для дискуссий 1930-х годов, посвященных вопросам права и государства. О том, что господство большевиков оказалось под серьезной угрозой, недвусмысленно свидетельствует знаменитая сталинская статья «Головокружение от успехов»⁸⁰. Таким образом, если Сталин летом 1930 г. занялся прославлением государства, то причины этого заключались в «революции сверху», события которой были схожи с гражданской войной⁸¹.

Монополия на политическую власть все прочнее укоренялась в государственной сфере в 1930-е годы за счет усиливавшегося симбиоза партии и государства. Следствием этого стало то, что советское государство, буквально насквозь пронизанное структурами большевистской партии, управляло теперь экономикой, культурой, обществом и армией только посредством государственных институтов⁸². Все общественные организации, располагавшие вплоть до конца 1920-х годов определенной автономией, были либо распущены, либо преобразованы в придаток государства. Прежний контроль, который осуществляли над ними коммунистические фракции, больше не отвечал новым требованиям⁸³. В политической сфере не только чистки и репрессии – особенно в контексте Большого террора, – но и значительные меры,

направленные на усиление бюрократических рычагов государственных органов во второй половине 1930-х годов, привели к существенному ослаблению системы патронажа и клиентелы, которую можно рассматривать как альтернативную модель или даже как антимодель по отношению к государству⁸⁴. По завершении Большого террора судебная и карательная системы были также окончательно переориентированы на удовлетворение государственных потребностей⁸⁵. В свою очередь армия служила делу защиты социалистического государства от капиталистического окружения.

Это общее «огосударствление» сопровождалось унификацией идеологии. Наглядным воплощением унифицированной идеологии в области искусства стала государственная эстетика социалистического реализма⁸⁶, в области партийной и государственной деятельности – «Краткий курс истории ВКП(б)»⁸⁷, в области исторической науки – «Краткий курс истории СССР»⁸⁸. Кроме того, государственные интересы теперь последовательно обслуживал новый, «бескровный и бессердечный», концепт советского «урапатриотизма»⁸⁹.

Так, Эрик ван Ри указывает, что Сталин отводил государству важную роль в достижении идеологических, культурных и политических целей в противовес обществу и подчеркивал значение социалистического государства в регулировании экономики и организации военной защиты от внешней угрозы. Тем самым Сталин дискутировал с высказываниями Маркса, Энгельса и Ленина о государстве. Централизм, который в этом контексте рассматривался Сталиным как неотъемлемый элемент системы, а также рост мощи государства не в последнюю очередь обосновывались вождем, а вслед за ним и советской исторической наукой ссылками на достижения Ивана Грозного и Петра Великого⁹⁰.

Дэвид Бранденбергер в своем анализе сталинской правки рукописи «Краткого курса истории ВКП(б)» также отмечает сосредоточение «главного фокуса на централизованном государстве» (heavy focus on the central state). В результате усилилось влияние центрального партийного и государственного аппарата, а местные структуры его утратили. Что же касается феномена нивелирования опасности троцкизма, который констатируется в настоящей книге с опорой на материалы судов над чекистами 1939–1941 гг., то Бранденбергер установил, что для Сталина было важно в этот период минимизировать значение политической оппозиции⁹¹.

В отношении Советского Союза 1930-х годов можно даже говорить о специфическом процессе основания сталинского государства на новых началах не только применительно к конституции 1936 г., но и к формированию нового «советского народа», который в конечном итоге испытал это огосударствление на себе⁹².

Эрик ван Ри интерпретирует сталинское отношение к государству похожим образом: «В его [Сталина] понимании, мощь советского государства отделяла его политику от политической машинерии предшественников, а не сводила их вместе. Главным образом его впечатлял тот факт, что государственная машина большевистского государства была больше, чем государственная машина царской империи. Сталин объяснял потребность в гигантском государстве, ссылаясь на амбиции большевиков, владеть, планировать и управлять всем народным хозяйством»⁹³.

При этом важное отличие «государственной машины» сталинского государства по сравнению с царской Россией действительно обуславливалось размерами государства, его монструозностью, вытекавшей из притязания тотального регулирования экономики. Однако главное специфическое отличие сталинского государства следует искать в его гомогенности и комплектном функционировании. Это значит, что на пути возникновения любых государственных институтов, которые были бы в состоянии действовать по собственному усмотрению – вместе друг с другом, друг против друга или против правящей партии, – неуклонно воздвигались барьеры, чем подчеркивался инструментальный характер сталинского государства⁹⁴. Главной категорией применительно к СССР являлось не государство, а политический строй, который был усилен и укреплен посредством государственных институтов.

Описанный в историографии процесс постоянного колебания сталинского режима между кампаниями («штурмовщиной») и институциональным регулированием и упорядочиванием⁹⁵ является следствием амбивалентности государственного строительства. Иными словами, упорядочивающие функции государства все снова и снова приносились в жертву идеологическим проектам партийного руководства, которые претворялись в жизнь посредством насильственных кампаний. В результате осуществление этих упорядочивающих функций наткнулось на границы там, где считалось необходимым предоставить носителям чрезвычайного государственного насилия террористическую свободу действий, чтобы держать общество в повиновении. Амбивалентность этого

процесса огосударствления вела к тому, что реализация функции государственного упорядочивания парадоксальным образом выпала на долю ВКП(б) и прокуратуры⁹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. Том 3. Конец 1930–1933. – М.: РОССПЭН, 2001. С. 746–750.

² *Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule.* – Cambridge 1958/1989. С. 185–188.

³ *Khlevniuk O. The Politburo, Penal Policy and «Legal Reforms» in the 1930s // Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin.* – Cambridge, 1996. С. 190–206, здесь с. 198. Действия партии против эксцессов секретной службы (ВЧК) по отношению к нарушению социалистической законности с 1918 по 1921 гг. рассматривается, исходя из условий Гражданской войны, как исключительный случай. См.: *Тепляков А.Г. Чекисты Крыма в начале 1920-х гг. // Вопросы истории.* 2015. № 11. С. 139–145.

⁴ В январе 1938 г. А.Я. Вышинский сообщил В.М. Молотову и И.В. Сталину «о необоснованных арестах секретарей райкомов ВКП(б) и о применении сотрудниками НКВД Татарской АССР незаконных методов следствия». См.: А. Вышинский И.В. Сталину и В.М. Молотову о материалах о необоснованных арестах сотрудниками НКВД Татарской АССР // *Вопросы истории.* 2017. № 1. С. 103.

⁵ В распоряжении коллектива авторов имеются материалы судебных процессов над сотрудниками НКВД, состоявшихся в Винницкой, Днепропетровской, Сталинской, Житомирской, Каменец-Подольской, Киевской, Кировоградской, Харьковской, Луганской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Хмельницкой и Черниговской областях, а также в Молдавской АССР.

⁶ Карательные и партийные органы продолжали успешно использовать обвинения в троцкизме и далее, но не так систематически, как в 1930-е годы.

⁷ К вопросу о сходстве и различиях между внесудебными органами и Военной коллегией Верховного Суда СССР см.: *Юнге М., Клдашвили Г. Регионализация карательных полномочий // Большевицкий порядок в Грузии.* Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. – М., 2015. С. 117–168.

⁸ Исключением из правил были территории Молдавии и стран Балтии, оккупированные СССР, что продолжалось с 1945 г. на вновь обретенных территориях. См.: *Shearer. Policing.* С. 405–436.

⁹ Однако именно в отношении УНКВД Николаевской области нами документально не установлено, имели ли место такого рода собрания сотрудников.

¹⁰ Точные сведения о том, кто был уволен из органов НКВД, а кто отделался порицанием за «нарушение социалистической законности», могут

быть получены только в результате систематического фронтального просмотра материалов суда и следствия.

¹¹ За время между 17 ноября 1938 г. и 10 февраля 1939 г. на Украине было освобождено только 2,8 % лиц, репрессированных в рамках операции НКВД по приказу № 00447 и Особыми совещаниями (3441×100/121994 = 2,8 %). В Николаеве доля освобожденных была еще ниже – 1,1 % (216×100/18930). При этом даже передача дела на рассмотрение суда или Особого совещания существенно повышала шансы на освобождение (по Украине к 10 февраля 1939 г. были доследованы дела на 10 130 человек, из них прокуратуре на предмет освобождения были переданы дела на 3441 человека, по Николаеву были доследованы дела на 853 человека, из них освобождено 216). Протокол оперативного совещания при НКВД УССР. 02.03.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 16. Д. 324. Л. 65; «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Т. 2 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Р. Биннер, Г.А. Бордюгов, С.А. Кокин, О.А. Довбня. – М., 2010. С. 483–487.

¹² Справа групи колишніх співробітників НКВС Молдавської АРСР // Комуніст. 5876. 30.12.1938. № 299. С. 4; 5877. 31.12.1938. № 300. С. 4; 5878. 01.01.1939. № 1. С. 4.

¹³ Секретарь Владимирского РО НКВД И.П. Илющенко использовал, в том числе, сообщения о суде над высокопоставленными сотрудниками НКВД Молдавии в качестве повода, сообщить о нарушениях соцзаконности, допущенных его начальником З.Д. Лившицем. См.: Рапорт секретаря Владимирского РО НКВД – нач. УНКВД Николаевской области П.В. Карамышеву. 08.01.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 31019. Т. 3. Л. 3–4. Процесс против молдавских чекистов играет также ключевую роль на партийных и оперативных совещаниях чекистов 1939 г. См.: Эхо Большого террора. Том 1: Партийные собрания и оперативные совещания УНКВД НКВД УССР (ноябрь 1938 – ноябрь 1939 гг.) / Сост. В. Васильев, Л. Виола, Р. Подкур. – М., 2017.

¹⁴ Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, философия. 15. 2016. № 8. С. 133–145, здесь с. 135–136, 141.

¹⁵ Старьгин находился в мае 1938 г. на «переднем фронте» борьбы с «врагами народа всех мастей», вплоть до своего собственного окружения. Но уже в феврале 1939 г., спустя немногим меньше года, он держался нейтрально и сменил место работы, перебравшись в Киев, в республиканский народный комиссариат пищевой промышленности. Бутырин, занявший пост первого секретаря Николаевского обкома КП(б)У, ограничивался в 1939 г. общей риторикой в адрес «врагов народа» и призывами к большевистской бдительности. Такая «умеренность» была свойственна подавляющему большинству его выступлений, в том числе по поводу дел в оборонной судостроительной промышленности. См., например: Протокол и стенографический отчет первой областной партийной конференции КП(б)У Николаевской области. 24.05.1938–29.05.1938 // ГА НикО Украины. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–271. Л. 1–19 (Старьгин); Протокол и стенограмма второй конференции КП(б)У Николаевской области. 26.02.1939–01.03.1939 // ГА НикО Украины.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–186. См. здесь: Л. 2–6 (Бутырин), 88–92 (Самарин, директор завода имени Марти), 127–135 (М.Г. Пивень о морском флоте), 163–185 (Филиппов и Максимов о чистке партии в индивидуальном порядке).

¹⁶ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 27.12.1940–04.01.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 264.

¹⁷ Постановление старшего следователя особой инспекции ОК КГБ при СМ УССР П. Кроха о прекращении следствия. 26.04.1956 // ОГА СБУ. Кропивницкий. Ф. [?]. Д. 2592. Л. 299–308, здесь л. 303.

¹⁸ Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М., 2010. С. 362.

¹⁹ См. наш анализ телеграммы Сталина от 10 января 1939 г. о разрешении НКВД применять меры физического воздействия, а также многочисленных писем Берии по этому поводу, адресованных прокуратуре. Этот анализ был произведен в свое время все еще под сильным впечатлением документов центра: «Помощь И.В. Сталина органам НКВД» // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Т. 2.: 1938–1941. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности». – М., 2010. С. 418–421.

²⁰ И до осени 1938 г. чекистов массово осуждали за служебные преступления, но зачастую эти преступления совмещали с троцкистско-заговорщической деятельностью. Потом троцкизм, и зачастую также с заговорщической деятельностью, убирали. Например, дело Перцова или Долгушева. См.: *Бажан О., Золотарьов В.* Висуванець Миколи Єжова, або Траскторія злету та падіння капітана державної безпеки Олексія Долгушева // *Краєзнавство*. 2013. № 4. С. 233–246.

²¹ *Тепляков А.* Амнистированные чекисты 1930-х гг. в период Великой Отечественной войны // *Клио*. 2012. № 7. С. 69–76, здесь с. 69.

²² Формально Тепляков выводит преемственность данной практики из практики наказания чекистов начала 1930-х годов, когда проштрафившихся чекистов переводили на руководящие должности в системе ГУЛАГ СССР. Тепляков приводит в публикации многочисленные примеры. Там же. С. 69–76. См. также его совместную публикацию с Андреем Савиным: *Савин А., Тепляков А.* «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост. Марк Юнге, Линн Виола, Джеффри Россман. – М., 2017. С. 271–369. Существовал ли официальный приказ, который требовал прекращения преследований в отношении проштрафившихся чекистов и сотрудников милиции, неизвестно. Известно, что в декабре 1941 г. Л.П. Берия обратился к Сталину с просьбой в связи с нехваткой кадров на фронтах освободить из заключения 1610 чекистов, отбывавших наказание главным образом за нарушение законности. См.: *Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946.* Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М., 2006. С. 563.

²³ *Тепляков А.* Амнистированные чекисты. С. 75.

²⁴ Там же. 69, 75.

²⁵ Там же. 75.

²⁶ Запрос в КГБ СССР и ответ об использовании П.Я. Коробцева по выполнению спецзадания. [Без даты] // ОГА СБУ. Кропивницкий. Ф. 5. Д. 6941. Л. 262–264; Протокол допроса П.Я. Коробцева. 05.04.1956 // Там же. Л. 107–111 об., здесь л. 107.

²⁷ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно З.Д. Лившица. 31.10.1939–02.11.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 3. Л. 26–42.

²⁸ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно Ф.Т. Овчинникова. 26.03.1940–28.03.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38324. Т. 6. Л. 55–74 об.

²⁹ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно Ф.Т. Овчинникова. 10.03.1941–13.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38324. Т. 6. Л. 188–226.

³⁰ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в закрытом заседании касательно Ф.Т. Овчинникова. 26.03.1940–28.03.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 38324. Т. 6. Л. 67 об., 69.

³¹ Николаевская область рассматривается здесь в границах до 1939 г., таким образом суд, состоявшийся в Кировоградской области, также включен нами в список изучаемых процессов.

³² См. здесь главу «От защиты сталинской клики – к защите государства», а также резюме под заголовком «Сталинская модернизация».

³³ См. здесь главу «Освобождение “троцкистов”» в разделе «Мощь и бессилие».

³⁴ Тепляков А.Г. «Детское дело» в Кузбассе: к вопросу о подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами – «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Сборник материалов российско-французского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.) – Новосибирск: Наука, 2011. С. 141–154.

³⁵ См. более подробно главы «Завершение операции» и «Реабилитация жертв» в книге: *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. С. 405–516. Здесь же опубликованы соответствующие документы.

³⁶ Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939 / Сост. А.Н. Жуков // [http://nkvd.memo.ru/index.php/\(21.10.2017\)](http://nkvd.memo.ru/index.php/(21.10.2017)).

³⁷ Протокол № 17 заседания Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам от 23.02.1940 // <https://cont.ws/@osa777/94576> (21.04.2017). См. Л. 61.

³⁸ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О составе Комиссии Политбюро ЦК по судебным делам» с приложением записки М.И. Калинина // <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58627> (21.04.2017).

³⁹ См. здесь более подробно главу «От защиты сталинской клики – к защите государства».

⁴⁰ См. показания, данные Лигерманом в начале 1938 г. Протокол допроса А.И. Лигермана [начало 1938] // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 68218. Том 2. Л. 40–43.

⁴¹ Об особенностях откомандирования чекистов на работу в лагеря см: *Золотарьов В.* Колишні співробітники НКВС УРСР на керівній роботі в системі ГУТАБ (1936–1939) // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2013. № 1/2.

С. 51–78; *Zolotariow W.* Funkcjonariusze NKWD Ukraińskiej Socjalistycznej Republiki Sowieckiej w kierowniczych organach Poprawczych Obozów Pracy NKWD Związku Sowieckiego w latach 1937–1939 // *Sowiecki system obozów i więzień. Przykłady wybranych państw* / Red. Jerzy Bednarek. – Łódź, 2013. С. 193–229.

⁴² Следственное дело З.Д. Лившица. 1938–1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 48240. Т. 3. Л. 29 об.

⁴³ См. здесь главу «Юстировка кампании».

⁴⁴ Протокол оперативного совещания начальствующего состава УНКВД Николаевской области. 05.04.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 16. Д. 421. Л. 108–119.

⁴⁵ Дискуссия о виновности индивидуума, см: *Viola L.* The Question of the Perpetrator in Soviet History // *Slavic Review*. 72. 2013. № 1. С. 4.

⁴⁶ *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Antisemitismus. Imperialismus. Totalitarismus. – München, 2003. С. 844.

⁴⁷ *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. 1918–1953. – М., 2006. Подробное изложение и обсуждение позиции Мозохина см.: *Юнге М., Бонвеч Б., Биннер Р.* Случай и произвол – тезисы исследований // *Сталинизм в советской провинции 1937–1938 г.* С. 35–43.

⁴⁸ Теоретическую основу нашей аргументации составляет предложенная Юргеном Заруски (*Jürgen Zarusky*) концепция «воплощенной власти». Он исходит из того, что в случае широкого переноса компетенции и полномочий из центра на подчиненные институты (как это было в случае с приказом № 00447) необходимо исходить из «частичного созвучия мотивов вождя и подчиненных», при этом идеологическое единодушие играет значительную роль. См.: *Zarusky J.* Herrschaftsstellung und Herrschaftsstil der Diktatoren // *Stalin und die Deutschen. Neue Beiträge der Forschung* / Hrsg. von J. Zarusky. – München, 2006. С. 248.

⁴⁹ Были и те, кто все понимал. Бывший начальник УНКВД Челябинской области Ф.Г. Лапшин, арестованный в 1939 г., в своих показаниях выделил особую главу «Как я стал преступником», в которой, в частности, писал: «Были моменты, когда во мне просыпались чувства совести, стыда и раскаяния. Являлось желание рассказать об этом откровенно и прекратить творимые преступления. Но боязнь ответственности останавливала, и я опять уходил в себя. Машина продолжала работать по-прежнему...». См.: *Венрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность: три века на Южном Урале. – Челябинск, 2002. С. 311–312 (автор благодарит Алексея Теплякова за указание на эту публикацию).

⁵⁰ Здесь применяется калька термина *ordinary men*, которым в историографии национал-социализма описывают феномен рядовых исполнителей, являющихся в руках государства не только послушным, но и добровольным активным инструментом для осуществления массовых карательных акций.

⁵¹ О задачах НКВД по экономическому надзору до Большого террора см. Тепляков. Машина террора. С. 422.

⁵² См. по этому поводу негативные высказывания свидетелей о методах и организации работы обвиняемых инженеров и специалистов, прозвучавшие на судебном процессе 4–8 апреля 1939 г. Протокол судебного заседания Во-

енного трибунала... 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

⁵³ *Карамышев П.В.* Выше революционную бдительность // Южная правда. 23.05.1938. № 110. См также: Выступления П.И. Старыгина и П.В. Карамышева на вечернем заседании Первой областной партийной конференции Николаевского обкома КП(б)У 24.05.1938 // Государственный архив Николаевской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–7, 167–170.

⁵⁴ Первая Николаевская партийная конференция закончила свою работу // Южная правда. 30.05.1938. № 116. С. 1.

⁵⁵ «Наши кандидаты в депутаты Верховного Совета УССР: Петр Карамышев» // Южная правда. 30.05.1938. № 116. С. [?].

⁵⁶ Сегодня все на выборы Верховного Совета Украины // Южная правда. 25.06.1938. № 139. С. 8. См. о роли наград в экстремально высокой социальной мобильности сотрудников госбезопасности вплоть до конца 1938 г.: *Savin A.* Orden für die Kollektivierung. Die Rolle von Auszeichnungen für den Aufstieg der Tscheka-Kommandeure in die neue sowjetische Elite in den 1930er Jahren // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 65. 2017. № 2. С. 239–261.

⁵⁷ Навести большевистский порядок на водном транспорте // Южная правда. 30.03.1938. № 67. С. 1.

⁵⁸ См.: Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 10.09.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 3. Л. 133–141; Карамышев П.В. О методах и приемах подрывной работы фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры // Южная правда. 23.05.1938. № 110; 24.05.1938. № 111; 04.06.1938. № 120; 09.06.1938. № 124; 30.06.1938. № 144; 04.07.1938. № 146; 10.07.1938. № 151. Статьи публиковались под одним и тем же названием как продолжение первой.

⁵⁹ Протокол допроса свидетеля М.В. Гарбузова. 10.09.1939 // Там же. Т. 3. Л. 133–141.

⁶⁰ Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 430 об.

⁶¹ «До конца разгромить вражескую агентуру. Обзор писем и откликов трудящихся на статьи П.В. Карамышева “О методах и приемах подрывной работы фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры»» // Южная правда. 15.07.1938. № 155. С. 3.

⁶² Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 13. Л. 430 об.

⁶³ Там же. Л. 405–458.

⁶⁴ Отчетный доклад о деятельности оргбюро ЦК КП(б)У по Николаевской области на I областной партийной конференции. 24.05.1938 // ГА НикО Украины. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4. Л. 87–89; Отчетный доклад о деятельности оргбюро ЦК КП(б)У по Николаевской области на I областной партийной конференции. 25.05.1938 // Там же. Д. 5. Л. 110.

⁶⁵ Постановление бюро обкома КП(б)У Николаевской области «О ходе выполнения производственной программы по заводу № 200». 22.06.1938 // Там же. Д. 18. Л. 128–131.

⁶⁶ *Калинин М.И.* За большой советский морской флот. Из речи на собрании рабочих, инженеров и технических работников и служащих завода

им. Орджоникидзе в Ленинграде от 19 июня 1938 // Южная правда. 08.07.1938. № 148. С. 2.

⁶⁷ Пиком такого сотрудничества являлось непосредственное участие первого секретаря Николаевского обкома КП(б)У П.И. Старыгина в допросах членов партии. См.: Протокол допроса обвиняемого Я.Л. Трушкина. 16.08.1939 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67990. Т. 2. Л. 1–9. Кроме того, секретарь обкома регулярно принимал участие в оперативных совещаниях сотрудников УНКВД. См.: Протокол закрытого судебного заседания ВТ... 18.03.1941–23.03.1941 // Там же. Т. 13. Л. 430 об.

⁶⁸ Цифры репрессированных по Николаевской области за январь–ноябрь 1939 г. далеко не полные и до сего времени не подвергались проверке на достоверность. См. текст приказа № 00447: Сводная таблица о приказе № 00447 в УССР // «Через трупы врага на благо народа». Т. 2. – М., 2010. С. 384–385.

⁶⁹ Под ситуативным насилием подразумеваются формы насилия, которые невозможно интерпретировать как стратегические действия. Речь, как правило, идет о локальном, бесконтрольном и спонтанном насилии.

⁷⁰ См. по этому поводу: Протокол судебного заседания Военного трибунала... 04.04.1939–08.04.1939 // ОГА СБУ. Николаев. Ф. 6. Д. 1192-с. Т. 9. Л. 41–57.

⁷¹ Данный раздел был написан в кооперации и как результат дискуссии с Бенно Эннкером.

⁷² В РСФСР сотрудники милиции и государственной безопасности осуждались по обвинению в должностных преступлениях по аналогичным статьям 109 и 110 УК РСФСР.

⁷³ Проблема данной интерпретации заключается, образно говоря, в том, что лошадь запрягается здесь позади телеги. Ведь до сих пор нельзя считать установленным, что мотивы осуждения сотрудников госбезопасности и милиции в провинции были такими же, как мотивы осуждения руководителей региональных и республиканских органов НКВД, приговоры в отношении которых выносила в Москве Военная коллегия Верховного Суда СССР. По той же самой причине, а именно вследствие ограничения доступа к архивным источникам, нам до сих пор мало что известно о содержании и мотивах осуждения руководящих кадров центрального (союзного) аппарата НКВД. Однако даже те малочисленные отрывочные документы, опубликованные на сегодняшний день, в которых освещается ход судебных процессов такого рода, по меньшей мере свидетельствуют о том, что и здесь чекисты обвинялись теперь только как участники «заговора в НКВД», а не «троцкистского заговора в НКВД». Подкрепляли приговор обвинения в совершении служебных преступлений. См.: Справка военного прокурора отдела Главной военной прокуратуры СССР Химича по делу быв. нач. УНКВД Московской области С.Ф. Реденса. 13.09.1955 // Наумов Л. Сталин и НКВД. – М., 2007. С. 497–501. По вопросу осуждения руководящего персонала НКВД в Москве Военной коллегией Верховного Суда СССР см. также: Показания бывших сотрудников УНКВД по Алтайскому краю при рассмотрении их дел Военной коллегией Верховного Суда СССР от 27–29 мая 1941 г. // ОСД ГА АК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5700/8. Л. 288–290.

⁷⁴ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Том 33. – М., 1960. К вопросу о понимании Лениным роли государства см.: *Harding N. Lenin, socialism and the state in 1917 // Revolution in Russia. Reassessments of 1917 /* Сост. Е. Rogovin-Frankl, J. Frankl, В. Knei-Paz. – Cambridge – New York, 1992. С. 287–303.

⁷⁵ Л.Д. Троцкий и Н.И. Бухарин подвергались резкой критике за свои высказывания об исчезновении государства или его реконструкции. Так, М.Д. Резунов, профессор ЛГУ и старший научный сотрудник Института советского строительства и права АН СССР, обличал как контрреволюционные размышления Троцкого о том, что после ликвидации классов неизбежно последует исчезновение государства и демократизация советского общества. Кроме того, он заклеймил как «абсолютно неверные» рекомендации Бухарина образца 1928 г. о необходимости перестройки советского государства в направлении «государства-коммуны», снижении сверхцентрализации власти. Особенно досталось Бухарину за утверждение, согласно которому идея «коммуны-государства» восходила к В.И. Ленину. См.: *Резунов М.Д. Советское государство и социалистическое общество.* – Ленинград, 1934. С. 8, 29. См. также аналогичные высказывания М.Б. Митина, в 1939–1944 гг. возглавлявшего Институт марксизма-ленинизма (О ликвидации классов в СССР и социалистическом, всенародном государстве // Под знаменем марксизма. 1936. № 5. С. 1–20) и советского эксперта в области права А.К. Стальгевича (К вопросу о бухаринском понимании государства // Советское государство и право. 1935. № 3. С. 130–133).

⁷⁶ Сталин И. XVI съезд ВКП(б) 26 июня – 13 июля 1930 г. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. // Сталин И. Полное собрание сочинения. Т. 12. – Москва, 1951. С. 235–373, здесь с. 369–371.

⁷⁷ Сталин И. Итоги первой пятилетки: доклад 7 января 1933 г. // Сталин И. Полное собрание сочинения. Т. 13. – М., 1951. С. 161–215.

⁷⁸ *Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States AD 990–1992.* – Cambridge, Mass, 1991. С. 20–26.

⁷⁹ О «военном» тезисе Чарльза Тилли и, соответственно, правомерности его переноса на массовую коллективизацию см. многочисленные ссылки, в том числе на литературу, у Дэвида Ширера. См.: *Shearer D. Stalin at War, 1918–1953. Patterns of Violence and Foreign Threat.* Paper prepared for the conference «Stalinism and War,» sponsored by the National Research Institute. Higher School of Economics, Moscow, Russia, 24–26 May 2016.

⁸⁰ Сталин И.В. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Сталин И. Полное собрание сочинения. Т. 12. – М., 1951. С. 191–199.

⁸¹ Предшествующий абзац написан в русле размышлений Бенно Энкера, предметом которых является процесс огосударствления сталинского режима.

⁸² Концепт слияния партии и государства в особенности разработан применительно к ГДР, однако его также можно использовать в отношении Советского Союза. Так, Гюнтер Хейдеман, описывая роль СЕПГ в ГДР, говорит о «пронизывании партией общества». См.: *Heydemann G. Gesellschaft und Alltag in der DDR // Deutschland in den 70er/80er Jahren. Informationen zur Politischen Bildung.* 2002. Heft 270 <http://www.bpb.de/izpb/9766/gesellschaft-und-alltag-in-der-ddr? p=all> (01.04.2017). На эту же тему см. ранее: *Die Grenzen der Diktatur. Staat und Gesellschaft in der DDR /* Hrsg. von R. Bessel /

R. Jessen. – Göttingen, 1996. С. 17; *Kocka J.* Eine durchherrschte Gesellschaft // Sozialgeschichte der DDR / Сост. Н. Kaelble и др. – Stuttgart, 1994. С. 547–550, 552.

⁸³ См., например: *Юнге М.* Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М., 2015; *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. – М., 2001.

⁸⁴ В литературе, предметом анализа которой служит система патронажа и клиентелы, ее значение, самостоятельность и собственная динамика, как правило, переоцениваются. См.: *Gill G.* The Origins of the Stalinist Political System. – Cambridge – New York, 1990; *Easter G.M.* Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. – Cambridge, 2000. Система патронажа утратила самостоятельное значение в качестве локальной местной системы, после этого лояльность местных элит адресовалась исключительно центру. В настоящем исследовании этот процесс утраты самостоятельности кланов интерпретируется как их необратимое ослабление и укрощение, как полное подчинение однопартийному государству вождистского типа. Программа ослабления местных центров власти в результате «ротации кадров» была озвучена Сталиным на февральско-мартовском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б). См.: *Сталин И.В.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б), 3 марта 1937 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. – Москва, 1997. С. 151–173. И, тем не менее, «прирученная» и лояльная центру патронажная система сохранила часть своего могущества, поскольку в ходе специфического усиления государства, осуществлявшегося Сталиным, номенклатурный принцип был усилен или неминуемо должен был подвергнуться усилению.

⁸⁵ *Solomon P.* Soviet Criminal Justice under Stalin. – Cambridge, 1996; *Solomon P.* The Bureaucratization of Criminal Justice under Stalin // Reforming Justice in Russia, 1864–1994. Power, Culture, and the Limits of the Legal Order / P. Solomon (ed). – Armonk, 1997. С. 228–255.

⁸⁶ «Der Staat und seine Verbände monopolisierten das Kunstschaffen». *Mannia A.* Lob und Preis für eine ferne Zukunft. Der sozialistische Realismus zeichnet in vorausilendem Gehorsam die Utopie einer idealen kommunistischen Gesellschaft // Süddeutsche Zeitung, 11.10.2016. № 236. С. 16; См. также классическую работу на данную тему: *Günter H.* Die Verstaatlichung der Literatur. Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. – Stuttgart, 1984.

⁸⁷ История ВКП(б). Краткий курс. Учебник по истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). – Москва, 1938.

⁸⁸ Краткий курс истории СССР. Учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. – М., 1937.

⁸⁹ *Brandenberger D.* Propaganda State in Crisis. Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1927–1941. – Yale, 2012.

⁹⁰ *Ree E. van.* Stalin and the state // Ree E. van The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. – London, 2002. С. 136–154.

⁹¹ *Brandenberger D.* Ideological Zig-Zag: Official Explanations for the Great Terror, 1936–1938 // The Anatomy of the Terror. Political Violence under Stalin / Ed. by J. Harris. – Oxford, 2013. С. 143–157; *Brandenberger D.* The Fate of Interwar Soviet Internationalism. A Case Study of the Editing of Stalin's 1938

Short Course on the History of the ACP(b) // *Revolutionary Russia*. 2016 (<http://dx.doi.org/10.1080/09546545.2016.1168996>); *Brandenberger D., Zelenov M.V.* Stalin's Answer to the National Question. A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course, in: *Slavic Review*. 2014. № 4 (73). С. 859–880; *Brandenberger D.* Propaganda State in Crisis. Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1927–1941. – Yale, 2012.

⁹² Эннкер Б. Советский народ, сталинский режим и конституция 1936 года в политической истории Советского Союза: исследовательские подходы и предварительные выводы // *Soviet History Discussion Papers*. 2014. № 3 (http://www.perspectivia.net/publikationen/shdp/ennker_narod, дата обращения к эл. ресурсу: 18.07.2016); *Ennker B.* Ohne Ideologie, ohne Staat, ohne Alternative? Fragen an Jörg Baberowski // *Osteuropa*. 2012. № 4. С. 103–114, здесь с. 109–111. В 1946 г. эта тенденция развития выразилась в языковом отношении, а именно в переименовании народных комиссаров в министров.

⁹³ *Ree E. van.* The Political Thought. С. 139–140.

⁹⁴ К вопросу о преимущественно инструментальном характере права см. также: *Rittersporn G.* Extra-judicial Repression and the Courts. Their Relationship in the 1930s // *Reforming Justice in Russia, 1864–1994. Power, Culture, and the Limits of the Legal Order* / С. Solomon (ed). – New York, 1997. С. 207–227, здесь с. 221.

⁹⁵ Олег Хлевнюк констатирует бесконечное шараханье власти между всеоюзными кампаниями террора и демонстративным ограничением полномочий органов политической полиции за счет (декларативного) приоритета правовых процедур. См.: *Khlevniuk O.* The Politburo, Penal Policy and «Legal Reforms» in the 1930s // *Solomon P.* Soviet Criminal Justice under Stalin. – Cambridge, 1996. С. 190–206. В другом месте он пишет следующее, объясняя «потепление» режима в 1934 г.: «Руководство партии в 1934 г. действительно решило несколько снизить уровень репрессий, отказаться от крайностей государственного террора, усилить роль правовых механизмов. Ничего необычного или необъяснимого в этих намерениях не было. Как уже отмечали историки советского права, периодическое разделение права и террора, более активное использование правовых регуляторов было необходимым условием выживания режима, особенно в периоды, следовавшие за массовым применением террора, угрожавшего подрывом важнейших основ общественной стабильности». См.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в СССР. – М., 1996. С. 128–129. См. также: *Lewin M.* Vers le règne de l'arbitraire // *Lewin M.* Le siècle Soviétique. – Columbia, 2003. С. 108. Вслед за Левиним к аналогичным выводам приходит Николай Верт. См.: *Werth N.* Le Terreur et le désarroi. Staline et son système. – Paris, 2007. С. 170–198, здесь с. 174–175. Терри Мартин также констатирует исследовательскую логику, заключенную в рамки институционального дуализма между интеграцией и дезинтеграцией, между «обычной» репрессивной soft politics и террористической hard politics. См.: *Martin T.* Interpreting the New Archival Signals. Nationalities policy and the nature of the Soviet bureaucracy // *Cahiers du Monde russe*. 1999. № 1–2 (40). С. 113–124.

⁹⁶ Эмпирически этот парадокс отразился в процессах, сопровождавших окончание Большого террора и последовавших вслед за Большим террором. См.: *Хлевнюк О.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М., 2010. С. 338–367.

СТАЛИНИСТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти.

И.В. Сталин

Самое трудное в коммунизме то, что его преступления очень сложным образом вытекают именно из его чрезмерных общечеловеческих представлений и обещаний освобождения.

Герд Кёнен

Итак, непосредственной целью кампании по восстановлению социалистической законности являлось дисциплинирование, воспитание и профессионализация кадров госбезопасности и милиции, а также умиротворение общества, или, как выражается Олег Хлевнюк, кампания была призвана «нейтрализовать и отвести от истинных виновников трагедии социальное недовольство»¹.

Московский центр провел кампанию по восстановлению «социалистической законности» и связанный с ней поворот в карательной политике с позиции сильного политического актора, в интересах консолидации и укрепления системы, не страшась внутренней конкуренции. В пользу этого предположения говорят относительно большие масштабы акции по освобождению «врагов народа» – людей, которые до 17 ноября 1938 г. расценивались как в высшей степени опасные элементы².

Реализация дидактической функции кампании осуществлялась, как здесь показано на примере Николаевской области, с помощью целого ряда «полуоткрытых» судебных процессов над активистами Большого террора – сотрудниками госбезопасности и милиции, причем эти процессы проходили не только в областном центре, но и в глубинке. Еще одним дидактическим моментом стало систематическое расследование аппаратами особоуполномоченных НКВД любой дополнительной информации о пытках и фальсификации материалов следствия. Таким образом, центр гарантированно добивался пролонгированного масштабного эффекта кампании.

Николаевская область Украинской ССР относилась к тем областям, где кампания наказания нарушителей социалистической законности протекала относительно вяло, несмотря на приказы сверху. Особоуполномоченный НКВД Украинской ССР А.М. Твердохлебенко и его помощники в своих расследованиях не могли рассчитывать на деятельную помощь со стороны руководства областного УНКВД. Областная прокуратура также не зарекомендовала себя на этом поприще. Чтобы добиться успешного окончания кампании, требовались все новые интервенции со стороны Москвы, действовавшей с помощью военной прокуратуры.

Олег Хлевнюк концентрируется на другом объяснении мотивов кампании. Во-первых, он сводит ее к реваншу, который партия с подачи Сталина взяла у НКВД: «Многие [члены ВКП(б)] сами стали жертвами террора, который захватывал не только ста-

рые кадры, но и выдвиненцев. Но даже те молодые работники, которым посчастливилось уцелеть, вплотную столкнувшись с реальностями террора, не могли не понимать, что их судьба в случае прежнего курса висит на волоске. Сталин в полной мере использовал этот потенциал реванша партийного аппарата над органами НКВД»³.

Во-вторых, в ходе кампании функционеры НКВД должны были быть изгнаны с руководящих партийных постов, а органы госбезопасности в целом лишены возможности оказывать влияние на партию другими путями, такими как вербовка агентуры среди партийных работников⁴. Что касается Николаевской области, то реванш, который партийная организация взяла над УНКВД, выглядит достаточно скромно. Кажется, что ни областные, ни республиканские партийные органы не обратили внимания на то, что руководство госбезопасности Николаевской области совершило тяжелые должностные преступления. Партийные организации, как нам удалось установить, принимали участие в расследованиях и дисциплинировании НКВД только на низшем, районном уровне. Второй тезис Хлевнюка, согласно которому функционеры НКВД подлежали вытеснению с руководящих партийных постов, напротив, полностью работает в отношении Николаевской области. Так, Карамышев был избран в 1938 г. членом обкома КП(б)У и принимал деятельное участие в партийных мероприятиях, вплоть до критики экономической и социальной политики. В рамках кампании по восстановлению соцзаконности такая практика была прекращена, а компетенция НКВД вновь сведена к специфическим задачам тайной полиции, которая действует преимущественно за кулисами.

В историографии в качестве главного мотива кампании по восстановлению соцзаконности фигурирует тезис о кланах. В соответствии с ним, в результате чистки рядов тайной полиции и милиции были ликвидированы наиболее мощные кланы, доминировавшие в этих структурах, и проведена их замена их другими группами⁵. Однако, по меньшей мере в отношении Николаевской области, этот тезис не работает. Здесь ничто не свидетельствует в пользу того, что целью кампании было уничтожение «ежовского» клана или «клана Успенского», хотя следствие уделяло особое внимание отношениям обвиняемых чекистов с Успенским⁶.

В качестве альтернативной версии, с учетом форсированного процесса огосударствления, стартовавшего летом 1938 г., напрашивается новая объясняющая модель, которую можно применить

ко всему Советскому Союзу, а именно: кампания наказания «нарушителей социалистической законности» была призвана торпедировать клановую систему (систему патронажа и клиентелы) *в целом*⁷. Эта система должна была быть сначала подорвана, а затем надолго устранена за счет того, что лояльность всех сотрудников карательных органов теперь адресовалась исключительно государству. Тем самым также подрывалась возможность обособления или автономизации чекистского аппарата в результате формирования институтов, действующих *по собственному усмотрению*⁸.

Таким образом, показательное наказание сотрудников госбезопасности и милиции, осуществленное в ходе кампании сталинским государством, представляло по своей сути нечто большее, чем просто дисциплинирование и воспитание чекистов или возвращение НКВД в рамки полномочий до 1937 года⁹. Тезис Олега Хлевнюка о реванше партии и вытеснении функционеров НКВД с высоких государственных позиций также далеко не исчерпывает все содержание кампании.

И, не в последнюю очередь, на фоне размышлений о складывании сталинского государства, конечно, было бы слишком просто объяснять изменение мотивов кампании «чистки чистильщиков» (от обвинений в троцкизме к обвинениям в «нарушении социалистической законности») только тем, что Сталин объявил троцкистско-бухаринскую оппозицию разгромленной – как на страницах «Краткого курса», так и на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года¹⁰. Такой методологический подход был бы сильно персонализированным. Действительно, непредсказуемость и своенравие вождя кажутся определяющими для сталинской системы¹¹. Мы же, в свою очередь, придерживаемся принципиального убеждения, что, несмотря на беспорную роль Сталина как главного инициатора и коммуникатора, сложные государственные образования и формы правления новейшего времени не могут описываться с использованием таких понятий, как «деспотия» или «произвол», включая применение аналогичных терминов к сталинской (репрессивной) системе¹².

Рассмотрение содержательного наполнения кампании за восстановление социалистической законности продемонстрировало смену парадигмы в мотивах наказания сотрудников НКВД: от наказания политической нелояльности в виде всяческих «уклонов» – к наказанию проступков, не имевших политической подоплеки. Сильно заржавевший к тому времени дамоклов меч подозрения в

«контрреволюционной» «троцкистской» деятельности был перекован в бритвенно острый инструмент наказания нарушителей социалистической законности, поскольку партии и государству удалось превратить наказание служебных преступлений в новое действенное средство достижения лояльности.

Для осужденных чекистов падение с вершин служебной лестницы психологически было тяжелым испытанием. Все они без исключения были верными сталинцами, которые, по их собственному мнению, делали все возможное для достижения целей режима. Их личная цель в ходе судебных процессов сводилась к тому, чтобы доказать свою политическую и моральную лояльность по отношению к власти, – что они и делали, в отличие от нацистов на Нюрнбергском трибунале, – причем громко и воодушевленно. Они не могли и не хотели ставить под сомнение сталинский режим.

Исходя из этой перспективы, чекисты с полным правом могли бы настаивать на том, что они стали жертвой внезапного изменения политики государства, которое успешно использовало их в качестве козлов отпущения, наказав за свои собственные грехи. Чекисты считали (и в целом это отвечало действительности), что всегда делали то, что от них требовалось, и даже если при этом допустили «пару ошибок», то их легко исправить, и наказания они не заслуживают. В таких условиях не было необходимости демонстрировать раскаяние за совершенные преступления.

Специфическим моментом для советских карателей, в отличие от Нюрнберга, являлось то, что они были осуждены тем же политическим режимом, который организовал Большой террор. Таким образом, чекисты вынуждены смириться с тем, что их обвиняет и судит государство, которое отдавало им преступные приказы, подталкивало их к преступлениям или по меньшей мере терпело их преступные действия. Чувство бессилия, которое они испытали, было тем более мучительно, поскольку каждый из них по-своему участвовал в осуществлении проекта, который они принимали и поддерживали и которым они, как показывает случай Карамышева, даже восхищались. Подражание и групповое давление завершили дело. Именно таким образом Большой террор смог достичь своей убийственной эффективности, в том числе в Николаевской области.

Кампания наказания нарушителей социалистической законности помещена нами в контекст процесса формирования сталинского государства в 1930-е годы. В завершение автор предлагает

обозначить этот процесс таким амбивалентным термином, как «сталинская модернизация». Замысел автора заключается в том, чтобы, с одной стороны, лишить этот генезис государства ауры рационализирующего прогресса и не впасть в апологетику сталинизма. С другой стороны, данный термин позволяет в духе инструментального разума (Теодор Адорно) объяснить, каким образом способность режима к регенерации была столь высокой и почему он так долго оставался жизнеспособным в условиях XX века.

Сталинский «вождистский режим» пережил свою модернизацию в ходе огосударствления. Принцип верности вождю, символом которого вплоть до завершения Большого террора была борьба с троцкизмом, теперь был переформулирован и усилен за счет фиксации на государстве, которое тесно срослось с партией и стало полностью функциональным и централизованным. Развитие в направлении огосударствления осуществлялось в контексте усложнения экономики и социума, что, в свою очередь, вызывало увеличение потребности в управлении. Деятельность по поддержанию права носила, как правило, иерархический характер. Ответственность за функционирование социалистической законности возлагалась теперь на соответствующие вышестоящие властные инстанции. Таким образом, для номенклатуры и институтов повышалась предсказуемость системы. Знаменательная разница в сравнении с началом 1930-х годов заключалась также в том, что отправление насилия больше не было неразрывно связано с членством в партии. Теперь всем недвусмысленно была продемонстрирована обязательность соблюдения законов, а за их нарушением неминуемо следовало наказание. Цена для властных структур заключалась в том, что они были лишены возможности применения непосредственного насилия, однако чем выше был ранг руководства, тем меньшую роль играло это нововведение.

Сталинистская модернизация также не привела к возникновению «современного государственного устройства, упорядоченного в зависимости от сферы компетенции»¹³. Государство, которое черпает свою легитимность из себя самого – из своих институтов, из правовых процедур и т. п., так и не было востребовано. В этом отношении ситуация не изменилась – главным источником легитимности сталинского государства остались интересы, которые определялись большевистской партией. Право оставалось рынком для политики, объективного права не существовало. Сталинское государство было крайне авторитарным государством, которое использовало централизацию в качестве эрзаца всех форм

федерализма, в первую очередь для управления экономикой. Однако в контексте задач, стоявших перед ним, это государство выглядело скорее старомодным, громоздким и устрашающим, лишенным действительной жизненной силы. Его имманентные черты составляли сила диктатора и расширение бюрократического аппарата.

Что же касается доминирующей роли коммунистической партии, то в ходе кампании чистки НКВД она безусловно была восстановлена, однако теперь для чекистов и сотрудников милиции партия предстала в трансформированном виде, в корсете централизованного государства вождистского типа. Здесь следует исходить из того, что главным мотивом процессов над нарушителями социалистической законности в СССР был мотив сохранения и переструктурирования государственной власти – в отличие от мотива разоблачения нацистской идеологии и просветительного мотива судов над нацистскими преступниками в послевоенной Германии. Не в последнюю очередь эта кампания восстановления социалистической законности проводилась в интересах усиленной подготовки к предстоящей войне. При этом сталинской власти также удалось затормозить «развитие спирали террора, который вел к самоуничтожению», и остановить «кумулятивную радикализацию»¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М., 2010. С. 349.

² Таких как «троцкистские» инженеры и техники судостроительного завода № 200 в Николаеве.

³ Хлевнюк О. Хозяин. С. 351.

⁴ Там же. С. 358.

⁵ Наумов Л. Сталин и НКВД. – М., 2007. С. 335, 344–345; *Blauvelt T.K.* March of the Chekists. Beria's Secret Police Patronage Network and Soviet Crypto-Politics // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2011. № 44. С. 73–88, здесь С. 80–82; *Wehner M.* Wer waren Stalins Vollstrecker? Ein russisches Handbuch legt den Grund für eine Täterforschung des Stalinismus // *FAZ*. 2000. 30. März. Ниже приводятся сведения об исследованиях, посвященных борьбе с «еврейским кланом», якобы имевшемся в НКВД. Все они отличаются однозначным антисемитским подтекстом. См: *Šamsutdinov R.* Kišlok fošeasi. Žamoališggiriš, surgun [Трагедия кишлака. Коллективизация, раскулачивание, ссылка в среднеазиатских республиках]. – Таškent, 2003 (<http://www.centrasia.ru/newsA.php4?m=108206736>, дата обращения 20.05.2016); *Било-*

кінь С. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 pp.): Джерелознавче дослідження. Т. 1. – Київ, 1999. С. 107–112; Білокінь С. Соціальний портрет чекістів // Персонал. 2003. № 8. С. 39–46; Білокінь С. Двадцять років єврейської державності в Україні, 1918–1938 // Персонал. 2004. № 1. С. 18–20; № 2. С. 18–27.

⁶ Осужденный сотрудник УНКВД Николаевской области Ф.Т. Овчинников до последнего был убежден в том, что причиной его падения в конечном итоге стала причастность к клану Леплевского. Таким образом, он мыслил исключительно по правилам патронажной системы, от которой теперь Советский Союз должен был быть «освобожден» специфическими сталинскими методами.

⁷ Размышления принципиального свойства в этом ключе по поводу советского государства см.: *Ennker B. Ohne Ideologie, ohne Staat.* С. 110; *Gerstenberger H. Die subjektlose Gewalt. Theorie der Entstehung bürgerlicher Staatsgewalt.* – Münster, 1990. С. 487–490.

⁸ См.: *Mann M. The Autonomous Power of the State. Its Origins, Mechanisms and Results* // *State in History* / J.A. Hall (ed). – Oxford, 1986. С. 109–136.

⁹ Новые архивные материалы вынуждают критически относиться к «старому» тезису о возвращении НКВД в рамки прежней компетенции образца до 1937 г.

¹⁰ Автор благодарит Дэвида Бранденбергера за его комментарии к настоящему разделу, посвященному процессам формирования сталинского государства. О содержательном наполнении кампании см. ниже.

¹¹ Это напоминает дефиницию термина «деспотия» Карла Виттфогеля, который характеризовал деспотию как форму правления, где решающую роль играют произвол и причуды настроения повелителя. См.: *Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A comparative study of total power.* – New Haven, 1957.

¹² В этом смысле сильно персонализированный термин «сталинский», используемый из-за отсутствия альтернативы, понимается здесь как структурное описание системы. Принципиальные размышления по поводу характеристики массовых репрессий как произвольных, спонтанных, «слепых» и т. п. см.: *Junge M. Goal-Oriented Repression vs. Stochastic Repression* // *Junge M. Stalin's Mass Repression and the Cold War Paradigm.* – New York, 2016 (Kindle e-book).

¹³ К признаком такого государственного устройства относится, в том числе, «административный и правовой порядок, который поддается изменению с опорой на правила, на которые в свою очередь ориентируются групповые действия руководства, также упорядоченные в зависимости от этих правил». *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie.* Besorgt von Johannes Winckelmann. Studienausgabe. – Tübingen, 1980. С. 393.

¹⁴ *Ennker B. Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts – eine Synthese* // *Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts* / Hrsg. von B. Ennker, H. Hein-Kircher. – Marburg, 2010. С. 347–378; *Mommsen H. Der Nationalsozialismus. Kumulative Radikalisierung und Selbstzerstörung des Regimes* // *Meyers Enzyklopädisches Lexikon.* Bd. 16. – München, 1976. С. 785–790; *Mommsen H. Nationalsozialismus oder Hitlerismus? // Persönlichkeit und Struktur in der Geschichte* / Hrsg. von Michael Bosch. – Düsseldorf, 1977. С. 62–71, здесь с. 66.

ГОСБЕЗОПАСНОСТЬ НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ*

На протяжении многих лет под видом ино[странных] специалистов на заводах Николаевской области работали английские и немецкие разведчики, которые создали крупное шпионско-диверсионное подполье.

И.Б. Фишер, бывший начальник УНКВД Николаевской обл.

Почву для шпионажа готовили немцы, поляки, клерикальные круги, бывшее белое офицерство, лица, имеющие закордонные связи, старослужащие судостроительного завода «Наваль» и польско-немецкие населенные пункты (Фриц-Геккертровский, Тилигуло-Березанский, Велико-Лепетиховский и Ново-Троицкий районы).

И.Б. Фишер

Среди бывших белых многие побывали в эмиграции и были там завербованы для шпионско-диверсионной работы в Советском Союзе иноразведками и закордонной белогвардейской организацией «РОВС».

И.Б. Фишер

* Этот раздел был подготовлен в тесном сотрудничестве с Вадимом Золотаревым. Нашей целью было предоставление сжатой информации о секретной службе Николаевской области в 1937–1938 гг. Поэтому неизбежно было некоторое повторение главной части книги.

1. Николаевская область

Николаевская область была создана в составе Украинской ССР 22 сентября 1937 г. из частей Днепропетровской и Одесской областей. В ее состав вошли девять районов Днепропетровской области и 32 района Одесской области. В четырех из этих 32 районов – Фриц-Геккертовском, Тилигуло-Березанском, Велико-Лепетиховском и Ново-Троицком – проживало в основном немецкое население, однако они также включали в себя значительный польский анклав.

Особенностью этой в целом сельскохозяйственной области было наличие судостроительной промышленности оборонного назначения, состоявшей из огромных судостроительных заводов и предприятий-смежников, базировавшихся в первую очередь в г. Николаеве. Кроме того, в самом Николаеве и его ближайших окрестностях в 1937 г. насчитывалось еще 45 промышленных предприятий с общим числом 31 775 рабочих. В городах Херсоне и Кирово также располагались промышленные предприятия, в том числе так называемые режимные заводы. Эти предприятия, как и верфи Николаева, имели важное государственное значение и находились под особым контролем как органов государственной безопасности, так и центрального и республиканского партийно-советского руководства. «Режимные» заводы работали на армию или, как «Главнефтесбыт» в Николаеве, обеспечивали функционирование жизненно важных инфраструктур. Кроме того, Николаев и Херсон были двумя черноморскими гаванями всесоюзного и даже международного значения¹.

10 января 1939 г. произошло очередное административное деление. Из состава Николаевской области была выделена Кировоградская область, при этом «столичный» город области Кирово был переименован в Кировоград. Новая область состояла из 30 районов². Спустя пять лет, 30 апреля 1944 г., в результате очередного дробления Николаевской области была образована Херсонская область. В 1939 г. численность населения Николаевской области составляла 1 176 437 человек, Кировоградской области – 1 107 898 человек, итого 2 284 335 человек, или почти 2,3 млн жителей³.

2. Образование и состав

УНКВД по Николаевской области было образовано приказом НКВД СССР № 00620 от 29 сентября 1937 г. почти одновременно с выделением новой области⁴. Через два дня нарком внутренних дел УССР И.М. Леплевский провел совещание по вопросу организации новых областных управлений, на котором распорядился «сегодня же издать приказ об организации новых Областных Управлений, назначении врид. нач. этих управлений и [...] наметить кандидатуры на руководящие участки работы по УГБ, согласовать эти кандидатуры с начальниками соответствующих отделов и доложить мне»⁵. В тот же день, 1 октября 1937 г., приказом НКВД УССР по личному составу № 369 были утверждены: врид. начальника УНКВД Николаевской области – старший лейтенант государственной безопасности И.Б. Фишер (с должности начальника 3-го отдела УГБ УНКВД Харьковской области). Ведь оба эти направления деятельности были объединены под эгидой Николаевского областного управления НКВД. Для милицейской структуры был, однако, назначен свой руководитель (см. ниже), чего не было сделано применительно к службе госбезопасности⁶; врид. начальника 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области – младший лейтенант государственной безопасности Б.М. Кушнир (с должности начальника отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР); врид. начальника 4-го отдела УНКВД Николаевской области – старший лейтенант государственной безопасности Р.Н. Сараев (с должности начальника отделения 4-го отдела УГБ НКВД УССР); врид. заместителя начальника 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области – лейтенант государственной безопасности Б.М. Гольдштейн (с должности начальника 4-го отделения УГБ Шепетовского окружного отдела НКВД УССР); врид. начальника финансового отдела УНКВД Николаевской области – Н.С. Живов (с должности начальника Отдела актов гражданского состояния УНКВД Одесской области); врид. начальника отдела связи УНКВД – С.Х. Шехтман (с должности инспектора Административно-хозяйственного отдела (АХО) УНКВД Харьковской области)⁷. Назначение начальником УНКВД Фишера вызвало удивление среди руководящих сотрудников НКВД УССР. А.М. Ратынский, занимавший в то время должность заместителя начальника 5-го отдела УГБ НКВД УССР, позднее вспоминал: «Я спросил Сапира [помощника начальника 3-го отдела УГБ

НКВД УССР], в связи с чем такого бездарного человека, как Фишер, так выдвинули, даже если он близко связан с Леплевским? Сапир ответил, что Леплевский знает Фишера давно и доверяет ему [...]. Фишера я также знаю как человека, который никогда не верил в дела и всячески их смазывал. Всегда ныл и был недовольный своим положением»⁸. Надо сказать, что Фишер, хотя и был вскоре повышен в звании до капитана государственной безопасности, своей работой явно разочаровал союзное руководство и стал одним из немногих начальников УНКВД, не получивших ордена в декабре 1937 г.

3 октября 1937 г. приказом НКВД УССР по личному составу № 378 начальником УРКМ УНКВД Николаевской области был назначен капитан милиции А.М. Кузьменко (с должности заместителя начальника УРКМ УНКВД Одесской области). 9 октября 1937 г., приказом НКВД УССР по личному составу № 388 в УНКВД Николаевской области были назначены 24 сотрудника УНКВД Одесской области на должности начальников отделений, оперуполномоченных и помощников оперуполномоченных. Отметим назначение врид. начальника отдела кадров УНКВД Николаевской области лейтенанта государственной безопасности А.Я. Озерянского (с должности особоуполномоченного УНКВД Одесской области) и врид. начальника 8-го отделения УГБ УНКВД Николаевской области сержанта государственной безопасности М.И. Славинского (с должности инспектора 8-го отделения УГБ УНКВД Одесской области. Приказ заканчивался грозным указанием И.М. Леплевского: «Откомандирование перечисленных работников к месту нового назначения произвести немедленно»⁹.

3 марта 1938 г. капитан госбезопасности И.Б. Фишер был освобожден от занимаемой должности и отозван в распоряжение НКВД СССР. Свое увольнение И.Б. Фишер позднее пояснял тем, что на оперативном совещании, состоявшемся в Киеве в феврале 1938 г., Н.И. Ежов и А.И. Успенский выразили ему недоверие за слабую работу и сняли с должности. Стараясь уйти от ответственности за беззакония Большого террора, на допросе в прокуратуре в 1956 г. Фишер заявил, что «был бессильным противодействовать незаконным арестам и искривленным методам следствия. Лично я никого не допрашивал, а следовательно, не применял искривленных методов следствия. На партийных собраниях УНКВД в то время вопросы про нарушения советской законности не ставили, а, наоборот, всегда упрекали коммунистов, не имевших арестов и признаний арестованных. По своему характеру мне

была противна вся эта форма допросов и работа начальника УНКВД, я всячески пытался избежать ее, хотя и понимал, что это опасно. В подтверждение этих слов свидетельствует тот факт, что я не награждался, как другие, и был снят с работы»¹⁰. Фишера не просто уволили с должности, но и убрали из системы госбезопасности, отправив на работу в ГУЛАГ – летом 1938 г. его назначили заместителем начальника строительства № 203 НКВД в г. Молоотовске (ныне г. Северодвинск Архангельской области Российской Федерации).

3 марта 1938 г. начальником УНКВД Николаевской области был назначен капитан государственной безопасности П.В. Карамышев (с должности заместителя начальника УНКВД Рязанской области). По мнению украинского историка Вадима Золотарева, назначению Карамышева на должность начальника УНКВД Николаевской области мог способствовать новый заместитель наркома внутренних дел УССР комиссар государственной безопасности 1-го ранга Л.М. Заковский, который хорошо знал Карамышева по совместной работе в Ленинграде и, безусловно, способствовал его награждению орденом Ленина. В 1937 г. орденом Ленина были награждены 55 сотрудников НКВД СССР (не считая тех чекистов, которые воевали в Испании), но ни один из новоиспеченных кавалеров главного ордена страны не имел такого низкого специального звания, как Карамышев (лейтенант государственной безопасности), и не занимал такой маленькой должности, как он (начальник 5-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Ленинградской области). Отметим, что и звание капитана государственной безопасности он получил, минуя звание старшего лейтенанта. Решающим же доводом для перевода Карамышева именно в Николаев был факт его службы в январе 1933 г. – январе 1935 г. заместителем начальника политотдела по ГПУ/УГБ НКВД Бандурской МТС Арбузинского района Одесской области, ведь этот район теперь входил в Николаевскую область¹¹.

Карамышев приехал в Николаев 23 марта 1938 г. и принял дела у начальника 5-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области старшего лейтенанта государственной безопасности Ф.Т. Овчинникова, руководившего работой управления после отъезда Фишера. 1-й секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев был высокого мнения о профессиональной деятельности Карамышева в Николаеве и дал «добро» на его избрание в члены ЦК на XIV съезде КП(б)У, который состоялся в Киеве 13–18 июня 1938 г. Но на съезде начальник УНКВД Николаевской области взял самоотвод: «Я доста-

точно загружен уже партийной работой. Я избран членом горкома и бюро обкома. Считаю, что для меня этого достаточно»¹². Карамышев был уволен с должности 15 января 1939 г.

15 сентября 1939 г. начальником УНКВД по Николаевской области был назначен И.Т. Юрченко, который перед этим возглавлял Базарский райком КП(б)У Житомирской области и даже не имел на тот момент специального звания ГУГБ НКВД. Чекистскую работу капитан государственной безопасности И.Т. Юрченко не освоил и 21 октября 1940 г. был смещен с должности и отправлен в запас¹³.

После снятия Юрченко работой УНКВД Николаевской области стал руководить его прежний заместитель капитан государственной безопасности В.К. Третьяков, который был утвержден в должности начальника УНКВД 5 ноября 1940 г.¹⁴

С осени 1937 г. обязанности заместителя начальника УНКВД по Николаевской области исполнял старший лейтенант государственной безопасности Л.М. Мейтус, работавший перед этим начальником Николаевского городского отдела НКВД. Приказ о его назначении заместителем начальника УНКВД пока не обнаружен, но 4 марта 1938 г. Л.М. Мейтус был отозван в распоряжение НКВД СССР именно как врид. заместителя начальника УНКВД¹⁵. 17 марта 1938 г. назначен начальником 3-го (оперативно-чекистского) отдела Шоссдорлага НКВД в Дальневосточном крае¹⁶. Весной 1938 г. обязанности заместителя начальника УНКВД исполнял старший лейтенант государственной безопасности Ф.Т. Овчинников, который официально на эту должность не назначался. 25 мая 1938 г. врид. заместителя начальника УНКВД Николаевской области назначен старший лейтенант государственной безопасности Я.Ф. Поясов (с должности начальника 11-го, т. е. водного, отдела УГБ УНКВД Киевской области). 1 июня 1938 г. утвержден исполняющим обязанности заместителя начальника УНКВД Николаевской области¹⁷. 25 апреля 1939 г. капитан государственной безопасности Поясов был снят с должности, а 15 мая 1939 г. уволен в запас. В октябре 1939 г. заместителем начальника УНКВД Николаевской области был назначен старший лейтенант государственной безопасности В.К. Третьяков (с должности начальника ЭКО УНКВД Запорожской области), который 5 ноября 1940 г. возглавил УНКВД Николаевской области¹⁸. С 22 сентября 1939 г. по сентябрь 1941 г. заместителем начальника УНКВД Николаевской области работал старший лейтенант государственной безопасности Л.Т. Готовцев, возглавлявший по совместительству

до 12 апреля 1941 г. 3-й отдел УНКВД¹⁹. В мае 1938 г. помощником начальника УНКВД назначен лейтенант государственной безопасности Г.Л. Гончаров (с должности начальника Скадовского РО НКВД).

22 октября 1937 г. начальником 2-го (оперативного) отдела УГБ УНКВД Николаевской области был назначен лейтенант государственной безопасности М.И. Файнбурд-Козлов. 23 июля 1938 г. отозван в НКВД СССР²⁰.

17 мая 1938 г. начальник 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области лейтенант государственной безопасности Б.М. Кушнир был отозван в распоряжение НКВД СССР²¹, ведь еще 25 марта 1938 г. он был назначен начальником 3-го отдела УГБ УНКВД Удмуртской АССР²². После отъезда Б.М. Кушнера должность начальника 3-го отдела более года была вакантной. Все это время работой отдела руководил заместитель начальника 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области старший лейтенант государственной безопасности Л.Т. Готовцев, который был утвержден в должности лишь 15 июня 1939 г.²³ Следует отметить, что на допросе 3 декабря 1955 г. Л.Т. Готовцев заявил, что сам попросился на работу в УНКВД Николаевской области, поскольку он опасался расправы со стороны бывшего наркома внутренних дел УССР А.И. Успенского за недостаточную активность в борьбе с врагами народа в Киеве²⁴.

8 декабря 1937 г. врид. начальника 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области Р.Н. Сараева отозвали в распоряжение УНКВД по Кировской области²⁵, поскольку еще 16 ноября 1937 г. он был назначен туда начальником 4-го отдела УГБ²⁶. 8 декабря 1937 г. начальником 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области назначен старший лейтенант государственной безопасности Ю.Н. Толкачев (с должности заместителя особоуполномоченного НКВД УССР). 28 мая 1938 г. он был отстранен от должности, а через пять дней арестован²⁷. Его обвинили в шпионской работе на Польшу и участии в антисоветской троцкистской организации, якобы существовавшей в НКВД УССР, и расстреляли²⁸. После снятия с работы Толкачева и до прибытия в Николаев нового начальника в мае – июне 1938 г. работой 4-го отдела руководил начальник отделения этого же подразделения лейтенант государственной безопасности П.С. Волошин. 28 мая 1938 г. и. о. начальника 4-го отдела УГБ УНКВД был назначен старший лейтенант государственной безопасности Я.Л. Трушкин – бывший заместитель начальника 4-го отдела УГБ УНКВД Черниговской области. 3 августа 1939 г. Трушкин был арестован.

9 ноября 1937 г. врид. начальника 5-го отдела УГБ УНКВД назначен младший лейтенант государственной безопасности Ф.Т. Овчинников (с должности особоуполномоченного НКВД УССР). После расформирования отдела 20 июня 1938 г. Ф.Т. Овчинников был назначен начальником ОО ГУГБ НКВД 15-й Сивашской стрелковой дивизии в Николаеве.

Из предшествующего описания становится ясным, что можно лишь отчасти восстановить всю цепочку руководящего состава УНКВД Николаевской области. Причина такой ситуации заключается в том, что Большой террор сопровождался постоянной ротацией кадров, которая не всегда находила отображение в приказах по личному составу НКВД СССР и НКВД УССР, а также в личных делах сотрудников. Кроме того, отсутствуют статистические материалы и заключения о подготовке и пополнении кадров.

Неясно, сколько сотрудников в целом работали во вновь созданном областном *аппарате* НКВД. Приемлемые данные до сих пор не обнаружены. Чтобы получить по меньшей мере приблизительное представление о численности кадров, можно рассмотреть созданную 15 октября 1932 г. Черниговскую область²⁹. Другого выбора просто не существует. Только для этой области имеются соответствующие цифры, а именно по состоянию на 1 января 1940 г. Область не была индустриализирована в такой степени, как Николаевская. Точно так же, как из Николаевской области в январе 1939 г. вышла Кировоградская, из Черниговской области выделилась 10 января 1939 г. Сумская. Однако Черниговская область была создана на 5 лет раньше, чем Николаевская, т. е. имелось больше времени для консолидации.

В аппарате Управления государственной безопасности Управления НКВД Черниговской области оперативный состав включал 171 человека. На областном уровне в оперативной сфере предполагалось еще 6 сотрудников. Их должности (1 особоуполномоченный, 1 начальник отделения, 1 заместитель начальника отделения, 2 старших оперуполномоченных с длительным сроком службы и один следователь с длительным сроком службы были вакантны, так как соответствующим лицам пришлось в декабре 1939 г. отбыть в распоряжение отдела кадров НКВД УССР. В качестве так называемого технического состава были дополнительно приняты 102 человека в Управление государственной безопасности. В штате технических сотрудников не хватало 10 человек, в том числе трех секретарей, четырех машинисток и трех водителей. В неоперативных отделах Управления НКВД по

Черниговской области, которые не были частью Управления государственной безопасности, а входили в вышестоящее областное управление НКВД, т. е. в тюрьмах, в отделе актов гражданского состояния, бюро инспекции резервов (БИР)³⁰, в административно-тюремном отделе (АТО), в административно-хозяйственном отделе (АХО)³¹ и областном архиве работали дополнительно 554 человека, хотя и на 49 меньше, чем необходимо. Таким образом, численность сотрудников секретной службы в Чернигове по состоянию на 1 января 1940 г., без учета милиции, составляла в целом 273 (171+102) человека, причем в рамках госбезопасности «только» 171 сотрудник из них был занят оперативной работой. Остальные 554 сотрудника образовывали общий аппарат для секретной службы и милиции.

По Николаевской области установлен только сильный некомплект в Управлении госбезопасности Областного управления НКВД. На середину февраля 1938 г. некомплект оперативных сотрудников УГБ УНКВД Николаевской области составлял 33 человека: 14 начальников и помощников начальника отделений; 19 оперуполномоченных и помощников оперуполномоченных. В абсолютных же цифрах УНКВД Николаевской области было одним из наиболее укомплектованных в УССР и занимало 11-ю позицию из 13, опережая только УНКВД Черниговской области (некомплект 27 человек) и НКВД Молдавской АССР (некомплект 5 человек)³². Некомплект в Николаевской области, который можно было характеризовать уже как хронический, отражался в экспертном заключении. Спустя четыре месяца после создания УНКВД Николаевской области, то есть в начале 1938 г., его руководство пришло к выводу, что персональный состав является слишком малочисленным для решения задач, стоявших перед свежееиспеченным управлением. Учитывая, что управление было создано на пике Большого террора, очевидно, его сотрудники действительно не справлялись с повышенной нагрузкой, являвшейся результатом массовых арестов. Фишер со своей стороны обратился к руководству с предложением о масштабных структурных изменениях и увеличении численности сотрудников, в первую очередь двух самых важных отделов управления государственной безопасности (УГБ), а именно третьего и четвертого отделов.

Очевидно, полностью находясь под впечатлением визита наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова, посетившего Украину в середине февраля 1938 г.³³, который знаменовал собой усиление

чекистской деятельности, направленной на борьбу с иностранными разведками и «пятой колонной», Фишер так обосновывал свое ходатайство об увеличении численности аппарата 3-го и 4-го отделов почти на сорок процентов, с 73 до 118 сотрудников: «На протяжении многих лет под видом ино[странных] специалистов на заводах Николаевской области работали английские и немецкие разведчики, которые создали крупное шпионско-диверсионное подполье»³⁴. Различные иностранные консульства в Одессе, Киеве и Харькове, такие как японское, немецкое, итальянское и польское, по утверждению Фишера, организовали с помощью иностранных судов, заходящих в Николаевскую и Херсонскую гавани, свою шпионажную сеть как на больших фабриках, так и малых предприятиях. Почву для этого готовили «немцы, поляки, клерикальные круги, бывшее белое офицерство, лица, имеющие закордонные связи, старослужащие судостроительного завода “Наваль” и польско-немецкие населенные пункты (Фриц-Геккертовский, Тилигуло-Березанский, Велико-Лепетиховский и Ново-Троицкий районы)»³⁵. Город Херсон и прилегающие районы, писал Фишер, были в прошлом «плацдармом» для действий «белобандитов» и «греческих оккупантов». После войны здесь в массовом порядке селились бывшие белогвардейцы, «из которых формировались серьезные, к[онтр]-р[еволюционные] диверсионные, террористические и повстанческие организации»³⁶. «Среди бывших белых, – заверял Фишер – многие побывали в эмиграции и были там завербованы для шпионско-диверсионной работы в Советском Союзе иноразведками и закордонной белогвардейской организацией “РОВС”»³⁷.

Это увеличение кадровой численности управления, задуманное Фишером, очевидно, так и не было осуществлено на то время, а если и было – то в гораздо меньших масштабах. То же самое можно утверждать в отношении его же предложения сделать структуру двух базовых отделов управления государственной безопасности более сложной и дифференцированной. Только в начале 1939 г., когда произошло выделение Кировоградской области из состава Николаевской, увеличение персонала сотрудников может быть доказано документально: УНКВД Николаевской области, несмотря на уменьшение подопечной территории, сохранило первоначальную численность своего оперативного состава.

3. Структура и задачи

На момент образования Николаевской области Управления НКВД в УССР имели одинаковую организационную структуру. Они состояли из следующих управлений: Управление государственной безопасности (УГБ); Управление рабоче-крестьянской милиции (УРКМ). УРКМ включало собственно милицию, отдел уголовного розыска и отдел по борьбе с хищением социалистической собственности (ОБХСС). Управлениям придавались несколько отделов: отдел внутренней охраны; отдел кадров; финансовый отдел; административно-хозяйственный отдел (АХО), куда входила и комендатура; отдел мест заключения (ОМЗ); отдел трудовых колоний (ОТК); отдел пожарной охраны (ОПО); отдел шоссейных дорог (ОШОСДОР); отдел актов гражданского состояния (ОАГС); отдел мер и весов; отдел резервов, аппарат особоуполномоченного; секретариат УНКВД; внутренняя тюрьма УНКВД³⁸.

Управление НКВД первоначально возглавлял Фишер. Одновременно он руководил управлением госбезопасности. Руководителю вышестоящей структуры, т. е. Управления НКВД, помогал, за исключением Харьковской области, где второй заместитель начальника УНКВД был начальником Особого отдела, только один официальный заместитель, не занимавший других постов. Второй заместитель, совмещая должности, руководил одновременно Управлением рабоче-крестьянской милиции. Помощник начальника УНКВД, как правило, курировал так называемые «неоперативные отделы», или «отделы, не входящие в УГБ». При начальнике УНКВД работали один или два инспектора, а также секретарь УНКВД. В отделах УГБ предусматривались должности: начальника отдела; заместителя начальника отдела; помощника начальника отдела; секретаря отдела; начальника отделения; заместителя начальника или помощника начальника отделения; оперуполномоченного, помощника оперуполномоченного.

В УГБ УНКВД в УССР осенью 1937 г. входили следующие отделы: 2-й (оперативный); 3-й (контрразведывательный); 4-й (секретно-политический); 5-й (особый); 8-й (учетно-регистрационный); 9-й (специальный); 11-й (водный); 12-й (отдел оперативной техники). 1-й отдел (охраны) существовал только в центральном аппарате УГБ НКВД УССР, а его функции в областных УНКВД продолжал выполнять 2-й отдел. 6-е (транспортные) отделы в августе 1937 г. были расформированы, а на их базе созданы, а точнее

воссозданы, Дорожно-транспортные отделы (ДТО) ГУГБ НКВД, т. е. они не подчинялись областным УНКВД, а представляли собой отдельную структуру. Они базировались в административных центрах железных дорог и в оперативном отношении обслуживали железные дороги, на крупнейших станциях действовали отделения дорожно-транспортных отделов (ОДТО). В штате УГБ НКВД УССР 6-й отдел УГБ тоже был расформирован, а украинские ДТО ГУГБ НКВД напрямую подчинялись 6-му отделу ГУГБ НКВД СССР, их сотрудники утверждались приказами по личному составу НКВД СССР. В 1937 г. не было в структуре УГБ НКВД УССР и украинских областных УНКВД и 7-го (иностранного) отдела. Она существовала только на центральном уровне, в Москве. Функции же 10-го (тюремного) отдела в УГБ НКВД УССР выполняло Управление мест заключения (УМЗ), а в областных УНКВД соответственно отдел мест заключения (ОМЗ).

2-й (оперативный) отдел выполнял следующие функции: наружного наблюдения (слежка и тайные аресты); агентурно-осведомительную (выявление политических настроений различных прослоек общества, армии и крестьянства); установочно-розыскное (аресты и обыски по ордерам); выезды на особо важные происшествия; ликвидация конфискованного имущества; установка и розыск лиц по заданиям отделов; борьба с антисоветской агитацией на улице; спецохраны (охрана партийных, советских и хозяйственных руководителей); негласная охрана учреждений; обслуживание различного рода торжеств, съездов, судебных процессов³⁹.

3-й (контрразведывательный) отдел УГБ НКВД был самым большим по штату. Отдел надзирал за иностранцами, проживавшими в СССР, а также за национальными меньшинствами, особенно за представителями диаспор зарубежных государств, с которыми граничил СССР. Кроме того, к его подопечным относились националистически настроенные украинские группы. Именно его сотрудники проводили массовые национальные операции. В УГБ НКВД УССР на май 1937 г. существовало 14 отделений, названия которых красноречиво свидетельствовали о специфике их деятельности: 1-е – западное; 2-е – восточное; 3-е – польское; 4-е – среднеевропейское; 5-е – украинское; 6-е – румынское; 7-е – борьба с белой и внутренней контрреволюцией; 8-е – оборонная промышленность; 9-е – машиностроение, металлургия и химическая промышленность; 10-е – угольная и рудная промышленность, энергетика; 11-е – легкая промышленность; 12-е – сельскохозяй-

ственное; 13-е информационное; 14-е – оперативно-учетное. Количество отделений в трех отделах УГБ областных УНКВД варьировалось в зависимости от специфики области, но основные направления оперативной работы всюду были одинаковыми⁴⁰.

4-й (секретно-политический) отдел УГБ НКВД УССР занимался борьбой с антисоветскими элементами, не имевшими контактов с границей. Он работал по четырем направлениям: троцкисты и антисоветские партии; украинская контрреволюция; сельская контрреволюция; церковная контрреволюция.

В борьбе с контрреволюцией и троцкизмом чекисты решали следующие задачи: разоблачение, прорабатывание и учет антисоветского элемента на производстве, освещение политических настроений среди рабочего класса; насаждение агентур и изблечение и ликвидация террористических групп среди рабочей молодежи на промышленных предприятиях; агентурно-оперативное обслуживание всех учебных заведений и учреждений, которые обслуживают промышленность; разработка антисоветских политических партий и антипартийных организаций и группировок (троцкисты, анархисты, меньшевики, бундовцы, сионисты, децисты, грузинские меньшевики, дашнаки).

По «украинской контрреволюции» чекисты решали следующие задачи: разработка антисоветских украинских партий, таких как Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП), Украинская партия социалистов-федералистов (УПСФ), Украинская коммунистическая партия (УКП), Украинская партия социалистов-самостийников (УПСС), земледельцы, бывшие члены политических партий Галиции; разработка украинской контрреволюционной общественности и эмигрантов из Галиции; разработка Всеукраинской академии наук (ВУАН), научных институтов Академии, научных объединений и организаций, связанных по работе с ВУАН; разработка наркомата образования со всеми его органами, такими как Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), Главное политическое просвещение (Главполитпросвещение), театральные объединения; разработка литературных объединений, издательств, прессы; разработка артистических и музыкальных кругов, кинообъединений, музеев и библиотек; разработка общеобразовательных вузов, украинской профессуры, украинского городского учительства, украинского Красного Креста.

Основными задачами по борьбе с сельской контрреволюцией были: изобличение и ликвидация кулаческо-повстанческих контрреволюционных организаций и группировок, надзор за кулаческими семьями, семьями казненных и сосланных кулаков; разоблачение и разработка контрреволюционных организаций и групп, которые в своей работе ориентируются на право-опportunистический элемент на селе; разработка «третьей силы на селе» – бывших красных партизан; разоблачение контрреволюционных организаций среди сельской интеллигенции и молодежи (учителя, медицинские работники, агрономический персонал); разоблачение террористических организаций среди кулацкой молодежи; учет и оперативное реагирование на все антисоветские проявления на селе (массовые выступления, теракты, поджоги, листовки); освещение политических настроений среди всех прослоек крестьянства; освещение и оперативное обслуживание всех политических и хозяйственных кампаний на селе; общее освещение и оперативное обслуживание Наркомзема УССР (кроме дел по вредительству), колхозцентра, совхозцентра, сельскохозяйственных коопераций, сельских систем кредитования и других советских учреждений, которые могут быть использованы кулаческими идеологами и организациями – периферийных органов союзных и украинских сельскохозяйственных центров и коопераций, колхозов, совхозов, МТС, низового советского аппарата; общее освещение и оперативное обслуживание сельскохозяйственных вузов, техникумов, курсов (профессура, агрономическая интеллигенция и студенчество), сельскохозяйственных научно-исследовательских институтов; разработка антисоветских политических партий и группировок, которые в своей основной массе опираются на село (правые и левые социалисты-революционеры, народные социалисты, трудовики, трудовая крестьянская партия (кондратьевцы), трудовая крестьянская партия (масловская «Крестьянская Россия»).

По «церковному» направлению сотрудники СПО: разрабатывали легально существующие церковные объединения (обновленцы, старо-славяне, украинские автокефалисты, грузинская церковь, армянская церковь, греческая церковь); разрабатывали и разоблачали подпольные церковно-монархические контрреволюционные организации и группы (ультраправославные подгорковцы, разные братства, странствующие монахи); разоблачали антисоветский элемент в церковных советах; проводили агентурно-оперативную работу среди верующих и изобличали контрреволюционные элементы, группирующиеся вокруг церкви; информаци-

онно освещали и агентурно разрабатывали все виды сектантства (евангелисты, баптисты, хлысты, скопцы); разрабатывали еврейские религиозные объединения⁴¹.

Хотя направления работы были одинаковы для всех областных УНКВД УССР, количество отделений в СПО разных областей отличалось. Например, в мае 1938 г. 4-й отдел УГБ УНКВД Харьковской области состоял из восьми отделений: первое – разрабатывало правотроцкистов; второе – антисоветские политические партии; третье – украинскую контрреволюцию; четвертое – совхозы; пятое – село; шестое – вузы; седьмое – церкви и секты; восьмое – проводило оперативный учет⁴².

5-й (особый) отдел УГБ НКВД УССР оперативно обслуживал РККА и различные военизированные организации: штабы и разведывательные отделы; подразделения, поставляющие в РККА вооружение и технику; кавалерию, пехоту, высшие учебные заведения; авиацию; оборонное строительство; склады РККА; ОСО-АВИАХИМ и командный состав запаса; пограничные и внутренние войска НКВД и РКМ; подразделения, производящие мобилизационную работу. В областных УНКВД УССР штат зависел от количества и назначения воинских частей, расположенных в области. Так, согласно приказу НКВД УССР № 0096 от 26 мая 1937 г. в 5-м отделе УГБ УНКВД по Одесской области было 12 должностей, а отдел на отделения не разбивался. Не было разбивки на отделения и в 5-м отделе УГБ УНКВД Днепропетровской области, в штате которого числилось 8 человек⁴³.

8-й (учетно-регистрационный, до 1937 г. – учетно-статистический) отдел УГБ УНКВД проводил учет агентуры и агентурных разработок; учет конфискованного имущества и хранение вещей арестованных; наложение и снятие ареста с имущества и жилья арестованных; учет следственных дел и арестованных; выполнение решения судебных органов и особого совещания НКВД; контроль за учетом высланных и арестованных; учет неблагонадежных граждан⁴⁴.

9-й (специальный) отдел УГБ УНКВД осуществлял в основном защиту информации, в том числе и защиту телефонных переговоров ответственных партийных и советских работников от прослушивания.

11-й (водный) отдел УГБ УНКВД занимался «чекистским обслуживанием водного транспорта, шоссейных дорог и связи». 11-й отдел УГБ НКВД УССР состоял из 5 отделений: 1-й – водный; 2-й – морской; 3-й – связь; 4-й – шоссейный; 5-й – учетно-

регистрационный⁴⁵. По этим направлениям работал и 11-й отдел УГБ УНКВД Николаевской области, один из отделов которого назывался портовым.

12-й отдел (оперативной техники) УГБ УНКВД обеспечивал другие отделы прослушивающей техникой и другими специальными приспособлениями.

Реорганизация органов НКВД в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 28 марта 1938 г. и приказом НКВД СССР № 00362 от 9 июня 1938 г. состояла в следующем. ГУГБ было расформировано, а на его месте образовано три управления. Первое Управление (государственной безопасности) состояло из следующих отделов: 1-го – охрана правительства; 2-го – оперативного; 3-го – контрразведывательного; 4-го – секретно-политического; 5-го – иностранного; 6-го – надзор за военизированными организациями: милицией, Осоавиахимом; пожарной охраной, военкомиссариатами (военкоматами), т. е. за органами местного военного управления, и спортивными обществами; 7-го – оборонной промышленности; 8-го – промышленного; 9-го – сельскохозяйственного. Второе Управление (особых отделов) выполняло функции военной контрразведки. Третье управление называлось Управлением транспорта и связи. Кроме того, были организованы следующие самостоятельные отделы: 1-й спецотдел – оперативный учет, регистрация и статистика; 2-й спецотдел – оперативной техники; 3-й спецотдел – секретно-шифровальный; тюремный отдел⁴⁶.

Точную дату проведения соответствующей реформы в НКВД УССР установить пока не удалось. Из разрозненных показаний чекистов следует, что в центральном аппарате 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й отделы 1-го Управления фактически начали работу в июне. Но в приказах по личному составу НКВД УССР эти отделы стали фигурировать лишь с середины августа 1938 г. Самым существенным моментом этой реформы для областных УНКВД стала ликвидация в их структуре 5-х (особых) отделов⁴⁷.

Несмотря на то, что 29 сентября 1938 г. приказом НКВД СССР № 00641 была объявлена новая структура наркомата⁴⁸, в НКВД УССР нововведения, в частности нумерация отделов, фактически начали действовать с января 1939 г. В воссозданном ГУГБ теперь было семь отделов плюс следственная часть: 1-й отдел – охрана руководителей партии и правительства; 2-й – секретно-политический; 3-й – контрразведывательный; 4-й – особый;

5-й – шифровальный; 6-й – чекистское наблюдение за милицией, пожарной охраной; Осоавиахимом, (расформирован 28 декабря 1938 г.); 7-й – секретно-шифровальный. Отдельно в НКВД СССР функционировали Главное экономическое управление; Главное транспортное управление НКВД СССР и Главное тюремное управление (в областных УНКВД – соответственно отделы); а также 1-й спецотдел (оперативный учет, регистрация и статистика); 2-й спецотдел (оперативная техника); 3-й спецотдел (оперативные обыски, аресты, наружное наблюдение).

Чтобы по меньшей мере получить общее представление о конкретных задачах отдельных подразделений УНКВД Николаевской области, обратимся, в дополнение к приведенной выше информации, к штатному расписанию управления образца 1940 г. Однако следует со скепсисом относиться к данным о количестве агентов и других негласных сотрудников. В результате массивного расширения осведомительного аппарата НКВД в «послеоперационный» период, что являлось частью государственной политики, а также кампаний массовых вербовок агентуры, в том числе в старших классах средних школ, негласный «штат» областного УНКВД мог оказаться чрезвычайно раздутым.

2-й (Секретно-политический) отдел, бывший четвертый, функционировал в 1940 г. под руководством начальника и его заместителя. Он состоял из четырех отделений.

Первое отделение занималось «оперативным обслуживанием» бывших троцкистов и правых оппозиционеров. В его штате работало четыре сотрудника, в распоряжении которых находился «секретный аппарат» в составе 12 человек, в том числе несколько агентов. Встречи с агентами и осведомителями проходили на трех конспиративных квартирах.

Второе отделение в составе трех сотрудников и 13 агентов «обслуживало» духовенство, сектантов, украинскую автокефальную церковь, сионистов, «русские антисоветские политпартии» и Бунд. В распоряжении отделения имелись две конспиративные квартиры.

Штат третьего отделения теоретически составлял шесть человек, фактически имелось четверо сотрудников, которые боролись с «укр[аинской] к[онтр]-р[еволюционной] общественностью, украинскими антисоветскими политпартиями», а также «обслуживали» театры, редакции газет, типографии, музей, Обллит, библиотеки, прокуратуру, суд, коллегии защитников, областной

отдел народного образования со школами, областной отдел здравоохранения и педагогический институт. В распоряжении оперуполномоченных находилась одна конспиративная квартира. Штат негласных сотрудников отделения состоял из 19 агентов.

В четвертом, последнем, отделении насчитывалось четверо сотрудников вместо пяти по штатному расписанию. Целями оперативной деятельности отделения являлись «облвоенкомат, горвоенкомат, Облсовет физкультуры, милиция, военизированная пож[арная] команда завода № 198, военизированная пож[арная] команда завода № 200, три городские пож[арные] команды, Аэроклуб, Осоавиахим, местная противовоздушная оборона (МПВО)». Помощь в сборе информации оказывали отделению 65 негласных сотрудников, в том числе один агент. Отделение также располагало конспиративной квартирой.

В 1939 г. из 2-го отдела было выделено еще одно отделение – «оборонное», которое позднее было преобразовано в самостоятельный 7-й (водный) отдел, отвечавший за обслуживание водного транспорта⁴⁹.

3-й (контрразведывательный) отдел также работал под руководством начальника отдела и его заместителя. Под «крышей» третьего отдела находилось два отделения и «группа ИНО». Численность оперативных сотрудников отдела неизвестна.

Первое отделение занималось борьбой с иностранным шпионажем, или, на чекистском жаргоне, работало по «линиям»: «немецкой, болгарской, румынской, польской, восточной и разному шпионажу». Оперуполномоченные руководили 23 агентами и 13 негласными осведомителями.

К компетенции *второго отделения* относилась борьба с «украинской [националистической] и белой контрреволюцией». В распоряжении сотрудников отделения имелось 4 агента и 10 осведомителей.

Так называемая «группа ИНО»⁵⁰ функционировала под руководством заместителя начальника 3-го отдела. Группа занималась главным образом «работой по подготовке агентуры к переброскам за кордон». Негласный аппарат группы состоял из семи агентов и трех осведомителей.

Экономический отдел (ЭКО):

В состав УНКВД Николаевской области входил еще один отдел – экономический. Он не был «пронумерован». Во главе этого

отдела также стояли начальник и его заместитель, в их подчинении находились сотрудники пяти отделений. Общее количество сотрудников отдела нам неизвестно.

Первое отделение ЭКО «обслуживало» в оперативном отношении «ТЭЦ, завод “Дормашина”, инструментальный завод “Большевик”, [завод] им. 21 годовщины Октября, Облстройтрест, Металлофурнитурный завод». Отделение руководило штатом из 37 осведомителей и четырех агентов.

Второе отделение ЭКО отвечало за «оборонные заводы № 198 и № 200, 44-й Стройтрест, Кораблестроительный институт, Строительный техникум, Автотракторосбыт и Электроморской трест». Содействие в выполнении оперативных задач оказывали 16 агентов и 96 осведомителей.

Третье отделение ЭКО надзидало за следующими организациями: «Обл[астное] З[емельное] У[правление], Упол[номоченный] нарком[ата] за[готовок], Заготзерно, Нефлесбыт, совхозы системы Наркомсовхоз, Свиноводтреста и пригородных хозяйств, Сельхозснаб, Заготтранс, Совхозтранс, Госхлебинспекция, Заготпушнина». В распоряжении отделения имелась одна конспиративная квартира, на которой о своей деятельности отчитывались четыре агента и 16 осведомителей.

Четвертое отделение ЭКО в составе четырех оперуполномоченных и 16 осведомителей занималось оперативным «обслуживанием» «водоканала, трампарка, Горкомхоза, Мясокомбината, Рыбозавода, Маслозавода № 9, Стеклозавода, фабрики “Астра”, Спиртоводочного завода, Кондитерской фабрики, Макаронной фабрики, мыловаренного завода, завода мин[еральных] вод, хлебозаводов № 1 и № 2, мукомольного треста и Облпромсовета».

Пятое отделение ЭКО наблюдало за «Госторговлей, Потребкооперацией, Финансовыми органами, Трестом общепита, Облторготделом, Промбанком, Сельхозбанком, Коммунальным банком, Горфинотделом и Текстильторгом», а также боролось с контрабандой. Добывание информации обеспечивали один резидент, четверо агентов и 16 осведомителей.

Отдел водного транспорта:

Еще одним отделом в структуре областного управления НКВД являлся водный отдел, занимавшийся «чекистским обслуживанием» водного транспорта. В составе отдела работало восемь сотрудников, в компетенции которых находилось 17 объектов: «Технический флот (450 рабочих), ВОХР (150 рабочих), Погру-

зучасток (270 рабочих), Механизация (130), Автогуж (101), Общество спасания на водах (ОСВОД) (31), Управление порта (230), элеватор (240), судоремонтный завод (437), стройчасть (85), поликлиника водников (120), ДУРП⁵¹ (120), Торгмортранс (350), Интерклуб (7), Инфлот (6), Экспортхлеб (10), Экспортуголь (11)». С чекистами сотрудничали два резидента, два агента и 51 осведомитель. Для встреч с негласными сотрудниками имелась конспиративная квартира⁵².

3-е (транспортное) отделение:

Кроме того, в состав УНКВД Николаевской области входило еще одно оперативное подразделение – третье (транспортное) отделение. По всей видимости, оно функционировало самостоятельно, на правах отдела, и не было включено ни в один из существующих отделов. Штат отделения насчитывал трех сотрудников, которые опирались на 15 осведомителей. Их задача заключалась в оперативном контроле над следующими организациями: «Облуправление связи, телефонная станция, телеграф, радиоузел, радиокомитет, почта, Облсоюзпечать, Гражданский Воздушный флот, Облдоротдел, Облтранстрест».

Следственная часть:

Из числа неоперативных подразделений управления следует назвать следственную часть. В 1940 г. она занималась в первую очередь беженцами (около тысячи человек), которые перешли границы сопредельных государств и оказались на территории Николаевской области.

1-й спецотдел и отдел кадров:

К неоперативным подразделениям также относились первый спецотдел (бывший 8-й (учетно-статистический) отдел), а также отдел кадров⁵³.

Секретариат:

Неясно, имелся ли в областном УНКВД наряду с первым спецотделом также и секретариат, или он входил в состав спецотдела.

Херсонский городской отдел:

Следующее место после областного управления в иерархии органов НКВД занимал Херсонский городской отдел. В его составе работало 16 сотрудников, причем половина из них – в «водном» отделении. Городской отдел опекался соответствующими отделами УНКВД. Специально назначенные сотрудники горотдела контактировали со вторым, третьим и седьмым отде-

лами, а также с ЭКО, причем аналогом 7-го (водного) отдела областного управления в городском отделе являлось специальное отделение. Это «водное» отделение, важнейшее в Херсонском ГО НКВД, отвечало непосредственно за работу порта, Судозавода и судобетонной верфи. Горотдел имел осведомительный аппарат, в том числе пять агентов и два резидента. Помимо города, отдел также «обслуживал» Херсонский район, включавший в себя 24 сельских совета и 89 колхозов.

В октябре 1940 г. в подчинении у УНКВД Николаевской области функционировало 23 районных отдела НКВД, а именно Березнеговатский, Белозерский, Бериславский, Велико-Александровский, Варваровский, Владимирский, Голопристанский, Горностаевский, Казанковский, Калининдорфский, Каховский, Каланчакский, Ново-Бугский, Ново-Воронцовский, Ново-Одесский, Николаевский сельский, Очаковский, Привольнянский, Скадовский, Снегиревский, Тилигуло-Березанский, Чаплинский и Херсонский⁵⁴.

Сеть осведомителей, агентов и резидентов насчитывала в районах Николаевской области 1667 человек, в том числе 80 резидентов, 124 агента и 1463 осведомителя⁵⁵. Что же касается численности районных аппаратов УНКВД Николаевской области, то она неизвестна, за исключением Варваровского РО НКВД, который можно рассматривать здесь как пример всех остальных районных отделов НКВД.

Варваровский район располагался на правом берегу реки Буг, на расстоянии около шести километров от Николаева. В районе проживало около 47 000 жителей. Район состоял из 24 сельских советов, в том числе семь из них включали в себя значительное количество советских немцев – около 14 500 человек. В районе имелось 66 колхозов, семь совхозов, три МТС, агрошкола, четыре средних школы, школа шоферов и трактористов, маслозавод, кирпично-черепичный завод и четыре промартели⁵⁶.

Всего в Варваровке имелось пять сотрудников. Начальник отдела отвечал преимущественно за «подопечных» по линии 3-го (контрразведывательного) отдела УНКВД, однако в случае необходимости также надзирал за делами, относившимися к компетенции ЭКО и СПО. Вторым по значимости сотрудником отдела являлся оперативный уполномоченный, деятельность которого сводилась к «оперативному обслуживанию» лиц и объектов, относившихся к компетенции КРО и СПО. В его непосредственном

подчинении находился помощник оперуполномоченного, отвечавший за борьбу с «экономической контрреволюцией». Четвертым сотрудником был секретарь РО НКВД, пятым – «деловод-машинистка». Непосредственно на контакте с сотрудниками РО НКВД находилось 80 негласных сотрудников, в том числе один резидент, 10 агентов, два содержателя конспиративных квартир и 67 агентов. Тем не менее большинство осведомительного аппарата, 60 человек, были завербованы только в 1940 г. Распорядок рабочего дня в РО НКВД был установлен с девяти часов утра до пяти часов вечера и с восьми часов вечера до 12 часов ночи⁵⁷.

4. Схема структуры 1937, 1938, 1940 гг.

Таблица 1

Управление НКВД Николаевской области. 1937 г.

Управление НКВД (УНКВД) Николаевской области		
Состав: руководитель (И.Б. Фишер), первый заместитель (?) и второй заместитель (А.М. Кузьменко), помощник руководителя (?), секретарь (?), один или два инспектора		
Руководитель: И.Б. Фишер	Руководитель: А.М. Кузьменко	Руководитель: помощник руководителя
Управление госбезопасности (УГБ)	Управление рабоче-крестьянской милиции (УРКМ)	Неоперативные отделы
Структура УГБ см. следующие таблицы	Структура УРКМ см. следующие таблицы	Структура неоперативных отделов см. следующие таблицы

Таблица 2

Управление госбезопасности под «крышей» УНКВД
Николаевской области. 1937 г.

Управление НКВД (УНКВД) Николаевской области		
Управление госбезопасности (УГБ)		
<i>Отделы/Отделения</i>	<i>Название</i>	<i>Оперативные объекты</i>
<i>1-й отдел (существовал только в центральном аппарате УГБ НКВД УССР)</i>	<i>Охраны</i>	
<i>2-й отдел</i>	<i>Оперативный (наружное наблюдение населения)</i>	<i>Слежка и тайные аресты, агентурно-осведомительное наблюдение, выезды на особо важные происшествия, ликвидация конфискованного имущества, плюс спецхрана</i>
<i>3-й отдел</i>	<i>Контрразведывательный</i>	<i>Иностранцы, проживавшие в СССР, национальные меньшинства, особенно представители диаспор зарубежных государств, украинские националисты</i>
<i>4-й отдел</i>	<i>Секретно-политический (Борьба с антисоветскими элементами, не имевшими контактов с границей)</i>	<i>Троцкисты и антисоветские партии, украинская контрреволюция, сельская контрреволюция, церковная контрреволюция</i>
<i>5-й отдел</i>	<i>Особый</i>	<i>РККА и различные воензированные организации</i>
<i>6-й отдел (воссозданы в рамках НКВД СССР/УССР)⁵⁸</i>	<i>Дорожно-транспортные отделы (ДТО) ГУГБ НКВД СССР/УССР</i>	<i>В особенности железнодорожные линии</i>
<i>7-й отдел (только на уровне НКВД СССР)</i>	<i>Иностранный</i>	
<i>8-й отдел</i>	<i>Учетно-регистрационный</i>	
<i>9-й отдел</i>	<i>Специальный</i>	<i>В основном защита информации</i>
<i>10-й отдел (задачи отдела в УГБ НКВД УССР выполняло Управление мест заключения (УМЗ), а в областных УНКВД соответственно отдел мест заключения (ОМЗ)</i>	<i>Тюрьмы</i>	<i>Вынесены в неоперативные отделы НКВД республики и УНКВД (см. ниже)</i>
<i>11-й отдел</i>	<i>Водный</i>	<i>Водный транспорт, шоссеиные дороги, связь, порты</i>
<i>12-й отдел</i>	<i>Оперативная техника</i>	<i>Снабжение других отделов</i>

Таблица 3

Управление Рабоче-крестьянской милиции под «крышей» УНКВД Николаевской области. 1937 г.

Управление НКВД (УНКВД) Николаевской области
Управление Рабоче-крестьянской милиции (УРКМ)
<i>Отделы/Функция</i>
Отдел уголовного розыска
Отдел по борьбе с хищением социалистической собственности (ОБХСС)

Таблица 4

Неоперативные отделы под «крышей» УНКВД Николаевской области. 1937 г.

Управление НКВД (УНКВД) Николаевской области	
Неоперативные отделы	
<i>Отделы/Функция</i>	<i>Объяснения</i>
Отдел Внутренней охраны	
Отдел кадров	
Финансовый отдел	
Административно-хозяйственный отдел (АХО)	Куда входила и комендатура
Отдел мест заключения (ОМЗ)	<i>На уровне республики: Управление мест заключения (УМЗ)</i>
Отдел трудовых колоний (ОТК)	
Отдел пожарной охраны (ОПО)	
Отдел шоссейных дорог (ОШОСДОР)	
Отдел актов гражданского состояния (ОАГС)	
Отдел мер и весов	
Отдел резервов	
Аппарат особоуполномоченного	Внутренняя контрольная функция
Секретариат	
Внутренняя тюрьма УНКВД	

Таблица 5

Отделения 3 отдела Управления госбезопасности под «крышей» НКВД Украины. 1937 г.

НКВД Украины (республиканская структура) ⁵⁹	
Управление госбезопасности (УГБ)	
Отделения	Название/Оперативные объекты
1-е отделение	Западное
2-е отделение	Восточное
3-е отделение	Польское
4-е отделение	Среднеевропейское
5-е отделение	Украинское
6-е отделение	Румынское
7-е отделение	Борьба с белой и внутренней контрреволюцией
8-е отделение	Оборонная промышленность
9-е отделение	Машиностроение, металлургия и химическая промышленность
10-е отделение	Угольная и рудная промышленность, энергетика
11-е отделение	Легкая промышленность
12-е отделение	Сельскохозяйственное
13-е отделение	Информационное
14 отделение	Оперативно-учетное

Таблица 6

Отделения 4 отдела Управления госбезопасности под «крышей» Управления НКВД Харьковской области. 1937 г.

Управление НКВД (УНКВД) Харьковской области ⁶⁰	
Управление госбезопасности (УГБ)	
Отделы/Отделения	Оперативные объекты
1-е отделение	Правотроцкисты
2-е отделение	Антисоветские политические партии
3-е отделение	Украинская контрреволюция
4-е отделение	Совхозы
5-е отделение	Село
6-е отделение	Вузы
7-е отделение	Церкви и секты
8-е отделение	Оперативный учет

Таблица 7

Отделения 11 отдела Управления госбезопасности под «крышей» НКВД Украины. 1937 г.

НКВД Украины (республиканская структура) ⁶¹		
Управление госбезопасности (УГБ)		
Отделы/Отделения	Название/Оперативные объекты	Оперативные объекты
11-й отдел	Водный	Водный транспорт, шоссейные дороги, связь, порты
1-е отделение	Водный	
2-е отделение	Морской	
3-е отделение	Связь	
4-е отделение	Шоссейные дороги	
5-е отделение	Учетно-регистрационное отделение	

Таблица 8
 НКВД Украины. 1938 г.

НКВД Украины (республиканская структура)	
<i>Управления</i>	<i>Отделы/Функция</i>
1-е управление государственной безопасности	1-й отдел – охрана правительства; 2-й отдел – оперативный; 3-й отдел – контрразведывательный; 4-й отдел – секретно-политический; 5-й отдел – иностранный; 6-й отдел – надзор за военизированными организациями: милицией, Осоавиахимом, пожарной охраной, военными комиссариатами (военкоматами), т. е. за органами местного военного управления, и спортивными обществами; 7-й отдел – оборонной промышленности; 8-й отдел – промышленный; 9-й отдел – сельскохозяйственный
2-е управление особых отделов	Военная контрразведка
3-е управление	Управление транспорта и связи
<i>Главное экономическое управление (только на уровне НКВД СССР)</i>	
<i>Главное тюремное управление (только на уровне НКВД СССР)</i>	
<i>Главное тюремное управление (только на уровне НКВД СССР)</i>	
1-й спецотдел	Оперативный учет, регистрация и статистика
2-й спецотдел	Оперативная техника
3-й спецотдел	Секретно-шифровальный
<i>3-й спецотдел (только на уровне НКВД СССР)</i>	<i>Оперативные обыски, аресты, наружное наблюдение</i>
Тюремный отдел	

Таблица 9

Управление госбезопасности под «крышей» УНКВД
Николаевской области. 1940 г.

Управление НКВД (УНКВД) Николаевской области	
<i>Отделы/Отделения</i>	<i>Название/Оперативные объекты/Функция</i>
Управление Госбезопасности (УГБ)	
2-й отдел	Секретно-политический
1-е отделение	Бывшие троцкисты и правые оппозиционеры
2-е отделение	Духовенство, сектанты, украинская автокефальная церковь, сионисты, «русские антисоветские политпартии» и Бунд
3-е отделение	Украинская к-р общественность, украинские антисоветские политпартии, театры, редакции газет, типографии, музей, Обллит, библиотеки, прокуратура, суд, коллегия защитников, областной отдел народного образования со школами, областной отдел здравоохранения и педагогический институт
4-е отделение	Облвоенкомат, горвоенкомат, Облсовет физкультуры, милиция, военнизированная пожарная команда завода № 198, военнизированная пожарная команда завода № 200, три городские пожарные команды, Аэроклуб, Осоавиахим, местная противовоздушная оборона (МПВО)
3-й отдел	Контрразведывательный
1-е отделение	Немецкий, болгарский, румынский, польский, восточный и разный шпионаж
2-е отделение	Украинская националистическая и белая контрреволюция
Группа ИНО	Работа по подготовке агентуры к переброскам за кордон
Экономический отдел	
1-е отделение	ТЭЦ, завод «Дормашина», инструментальный завод «Большевик», завод им. 21 годовщины Октября, Облстройтрест, Металлофурнитурный завод
2-е отделение	Оборонные заводы № № 198 и 200, 44-й Стройтрест, Кораблестроительный институт, Строительный техникум, Автотракторосбыт и Электроморской трест
3-е отделение	Областное Земельное Управление, Уполномоченный наркомата заготовок, Заготзерно, Нефтесбыт, совхозы системы Наркомсовхоз, Свинодотреста и пригородных хозяйств, Сельхозснаб, Заготтранс, Совхозтранс, Госхлебинспекция, Заготпушнина
4-е отделение	водоканал, трампарк, Горкомхоз, Мясокомбинат, Рыбозавод, Маслозавод № 9, Стеклозавод, фабрика «Астра», Спиртоводочный завод, Кондитерская фабрика, Макаaronная фабрика, мыловаренный завод, завод минеральных вод, хлебозаводы № 1 и № 2, мукомольный трест и Облпромсовет
5-е отделение	Госторговля, Потребкооперация, Финансовые органы, Трест общепита, Облторготдел, Промбанк, Сельхозбанк, Коммунальный банк, Горфинотдел и Текстильторг

Отделы/Отделения	Название/Оперативные объекты/Функция
Отдел водного транспорта	Технический флот, ВОХР, Погрузучасток, Механизация, Автогуж, Общество спасания на водах (ОСВОД), Управление порта, элеватор, судоремонтный завод, стройчасть, поликлиника водников, ДУРП, Торгомортранс, Интерклуб, Инфлот, Экспортхлеб, Экспортуголь
3-е (транспортное) отделение	Облуправление связи, телефонная станция, телеграф, радиоузел, радиокомитет, почта, Облсоюзпечать, Гражданский Воздушный флот, Облдоротдел, Облтранстрест
Следственная часть	Поддержка других отделов посредством составления следственных дел. Она тогда занималась в первую очередь беженцами
Неоперативные отделы	
1-й спецотдел	Учетно-статистический
Секретариат	
Отдел кадров	Комплектование областной структуры НКВД сотрудниками и их проверка
Городские и районные отделы НКВД УНКВД Николаевской области	
Городской отдел	Всего один горотдел (Херсон)
Районные отделы	Всего 23 районные отделы

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Итоговый доклад нач. УНКВД Николаевской области И.Б. Фишера народному комиссару внутренних дел УССР И.М. Леплевскому о проведенной оперативно-следственной работе отделами УГБ УНКВД Николаевской области // ОГА СБУ. Киев. Ф. 16. Оп. 31. Д. 36. Л. 52–117, здесь л. 52; Политико-экономическая характеристика Одесской области. Начало июля 1937 г. // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. – М., 2010. Т. 1. С. 418–433, здесь с. 430.

² С момента основания Николаевской области число ее районов также выросло в результате деления примерно с 40 до 59.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / Сост. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, В.А. Исупов, И.Н. Киселев. – М., 1992. С. 33–34.

⁴ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999. С. 78.

⁵ Указания наркома тов. Леплевского на совещании по вопросу организации новых облуправлений НКВД от 1 октября 1937 г. // «Через трупы врага на благо народа». Т. 1. – М., 2010. С. 198–199.

⁶ В дальнейшем рассматривается только направление государственной безопасности. Милиция выносятся за скобки вплоть до упоминания о назначении руководителя милицейской структуры.

⁷ Керівний склад НКВС УРСР у 1937–1938 рр. // Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки / Авт.-упоряд. Ю. Шаповал [та ін.]. – Київ, 2009. С. 151–152.

⁸ *Золотарьов В.А.* Олександр Успенський: особа, час, оточення. – Харків, 2004. С. 114–115.

⁹ Сведения предоставлены В. Золотарёвым.

¹⁰ *Золотарьов В.А.* Олександр Успенський. С. 114.

¹¹ Там же. С. 101.

¹² Там же. С. 141.

¹³ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 458.

¹⁴ Там же. С. 408–409.

¹⁵ Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки / Авт.-упоряд. Ю. Шаповал [та ін.]. – Київ, 2009. С. 152.

¹⁶ *Тумишис М.А., Золотарёв В.А.* Евреи в НКВД СССР 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. – М., 2017. С. 437.

¹⁷ Україна в добу «Великого терору». С. 152.

¹⁸ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 408–409.

¹⁹ *Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 454–455

²⁰ *Золотарьов В.А.* ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та долі, 1919–1941. – Харків, 2003. С. 444.

²¹ Україна в добу «Великого терору». С. 152.

²² *Тумишис М.А., Золотарёв В.А.* Евреи в НКВД СССР. С. 379.

²³ Сосни замістьobeliskів. Білоцерківський мартиролог / Упорядн. В.О. Коломієць. – Біла Церква, 2015. С. 73

²⁴ Протокол допроса бывшего сотрудника Особого отдела НКВД УССР Л. Готовцева в Военной прокуратуре КВО о его причастности к расследованию дела «НСНУ» 3 декабря 1955 г. // Дело «Национального союза немцев на Украине» 1935–1937 гг.: Документы и материалы / Сост. А. Рублёв. Редактор А. Айсфельд. – Киев, 2016. С. 496–508.

²⁵ *Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 548.

²⁶ *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности. С. 768.

²⁷ *Шаповал Ю., Золотарьов В.* Всеволод Балицький: особа, час, оточення. – Київ, 2002. С. 434.

²⁸ *Золотарьов В.* Олександр Успенський. – Харків, 2004. С. 189

²⁹ Отчет об агентурно-оперативной деятельности Черниговского областного управления НКВД за 1939 г. 01.01.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 16. Оп. 32. Д. 38. Л. 74–78.

³⁰ Бюро заботилось, в частности, о сотрудниках, которые находились в распоряжении Управления НКВД в качестве резерва.

³¹ Расшифровка сокращения АТО вызывает сомнения. Речь шла, вероятно, об отделе, который координировал и контролировал работу тюрем.

³² *Шаповал Ю.* Україна ХХ століття: особи та події в контексті важкої історії. – Київ, 2001. С. 44

³³ О визите Ежова на Украину в феврале 1938 г. см.: *Золотарьов В.* Олександр Успенський: особа, час, оточення. – Харків, 2004. С. 110–118; *Павлю-*

ков А. Ежов. Биография. – М., 2007. С. 358–362; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец». Николай Ежов. – М., 2008. С. 320–345; Преследование «других контрреволюционных элементов» // «Через трупы врага на благо народа». Т. 1. – М., 2010. С. 16–22.

³⁴ Проект нач. УНКВД Николаевской области И.Б. Фишера о реорганизации 3-го и 4-го отделов УГБ УНКВД Николаевской области. Февраль 1938 г. // ОГА СБУ. Киев. Ф. 16. Оп. 31. Д. 36. Л. 34–51.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. С. 32–33

³⁹ Золотарьов В. «Використані та викинуті»: співробітники УНКВС по Харківській області, засуджені за порушення «соціалістичної законності» наприкінці 1930-х рр. // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2015. № 1. С. 236–237.

⁴⁰ Окіпнюк В.Т. Органи державної безпеки УРСР (1922–1941 рр.). Історико-правовий аналіз. – Херсон, 2017. С. 266–267.

⁴¹ Золотарьов В.А. Секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. – Харків, 2007. С. 39–41.

⁴² Золотарьов В.А. ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та долі (1919–1941). – Харків, 2003. С. 286.

⁴³ Окіпнюк В.Т. Органи державної безпеки УРСР (1922–1941 рр.). Історико-правовий аналіз. – Херсон, 2017. С. 268–269.

⁴⁴ Золотарьов В., Бажан О. «Обліковець» масових убивств у добу «Великого терору» (Соломон Абрамович Альтзіцер) // Краєзнавство. 2017. № 1–2. С. 217.

⁴⁵ Бажан О., Золотарьов В. «В Одесі діти, які проживали неподалік облуправління, граючи між собою кричали “Колись, шпигун”». Штрихи до портрету начальника УНКВС Одеської області Павла Кисельова // Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 23. – Одеса, 2017. С. 128–129.

⁴⁶ Лубянка: Органи ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / Автори составители А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2003. С. 66–67.

⁴⁷ Сведения В. Золотарёва.

⁴⁸ Лубянка: Органи ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / Авторы составители А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2003. С. 67–68.

⁴⁹ В документах это подразделение УНКВД очень редко именуется 7-м отделом, не исключена возможность, что речь идет о двух самостоятельных подразделениях.

⁵⁰ В 1920–1930-е годы в структуре органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД всегда имелся Иностранный отдел.

⁵¹ Так в тексте документа.

⁵² Справка по «водному» отделу УНКВД Николаевской области, за подписью начальника отдела С. Петрова. 01.08.1940 // ОГА СБУ. Киев. Ф. 16. Оп. 33. Д. 5. Л. 178.

⁵³ Предшествовавшая информация основывается на: Справка заместителя начальника УНКВД Николаевской области В.К. Третьякова о фактическом наличии оперативных работников в период января и февраля месяцев 1940 г. 28.03.1940 // Там же. Л. 30–30 об.; Акт обследования состояния агентурно-оперативной работы Николаевского УНКВД. 02.04.1940 // Там же. Л. 43–106; Протокол оперативного совещания начального состава УНКВД Николаевской области. 05.04.1940 // Там же. Л. 108–119.

⁵⁴ Отчетность нач. секретариата УНКВД Николаевской области Потапова по райотделениям НКВД за октябрь месяц 1940 г. // Там же. Л. 153. В документе по непонятным причинам не упомянут Еланецкий район.

⁵⁵ Отчетный доклад врид. нач. УНКВД Николаевской области В.К. Третьякова зам. наркома внутренних дел УССР И.М. Ткаченко об агентурно-оперативной работе периферийных органов НКВД по Николаевской области. 11.11.1940 // Там же. Л. 192–197.

⁵⁶ Акт нач. первого отделения 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области С.А. Брандта о состоянии агентурной работы в Варваровском районном отделении НКВД Николаевской области. 15.11.1940 // Там же. Л. 198–205.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Они не подчинялись областям, а представляли собой отдельную структуру. Они базировались в административных центрах железных дорог и в оперативном отношении обслуживали железные дороги. В штате УГБ НКВД УССР 6-й отдел УГБ тоже был расформирован, а украинские ДТО ГУГБ НКВД напрямую подчинялись 6-му отделу ГУГБ НКВД СССР.

⁵⁹ Численность подотделов 3-го отдела варьировала на уровне области, в зависимости от ее специфики, но основные линии оперативной работы были одинаковы. Настоящая таблица приводится потому, что для Николаевского областного управления НКВД на 1937 г. отсутствует разделение по 3-му отделу.

⁶⁰ Хотя направления работы были одинаковы для всех областных УНКВД УССР, количество отделений в СПО разных областей отличалось. Настоящая таблица приводится потому, что для Николаевского областного управления НКВД на 1937 г. отсутствует разделение по подотделам 4-го отдела.

⁶¹ Численность подотделов 11-го отдела варьировала на уровне области, в зависимости от ее специфики, но основные линии оперативной работы были одинаковы. Для Николаевского областного управления НКВД на 1937 г. отсутствует разделение по подотделам 11 отдела.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Биографические справки

- Альбрехт Евгений Леонидович (1904–?), уроженец г. Санкт-Петербурга, русский, член ВКП(б) с 1928 г. На март 1936 г. – сотрудник УНКВД по Одесской области, младший лейтенант ГБ. В 1938–1939 гг. – сотрудник УНКВД Николаевской области, в июне 1939 г. присвоено специальное звание лейтенант ГБ. Участник Великой Отечественной войны, призван горвоенкоматом г. Кировограда УССР в июне 1941 г. С сентября 1942 г. по 1945 г. – начальник обозно-вещевого снабжения 78-го района авиационного базирования 17-й воздушной армии, капитан интендантской службы. Награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», орденом Красной Звезды.
- Афанасьев Григорий Петрович (1910–?), из рабочих, служащий, образование среднетехническое, член ВКП(б) с 1938 г., исключен из ВКП(б) 3 августа 1938 г. До ареста – начальник участка корпусного цеха судостроительного завода № 200 (г. Николаев). Производственный стаж с 1924 г., в 1941 г. работал на заводе № 200 техником-строителем.
- Бабенко Георгий Васильевич (1904–?), из рабочих, инженер-судостроитель завода № 200 (г. Николаев), беспартийный.
- Базилевич Николай Иванович (1909–?), уроженец с. Бузовка Жашковского района Киевской губернии. Из крестьян-бедняков, рабочий, беспартийный, с низшим образованием, женат. Мастер участка электросварки судостроительного завода № 200 (г. Николаев). Арестован 9 августа 1938 г.
- Барвинок Григорий Иванович (1907–1944?), уроженец ж. – д. станции Знаменка, Украина. Из семьи рабочих, украинец, образование среднее. На службе в милиции с 1935 г. С начала 1937 г. по 10 января 1938 г. временно мобилизован для работы в Херсонском городском отделе НКВД. С января 1938 г. занимал пост начальника спецотделения Управления Рабоче-крестьянской милиции Николаевской области, лейтенант милиции. В 1939 г. вступил в ВКП(б). Арестован 7 июля 1940 г. 28 ноября 1940 г. осужден Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого

- военного округа по статье 206-17, пункт «а» УК УССР к 8 годам лагерей. Амнистирован, 10 марта 1942 г. призван на службу в РККА. Пропал без вести в феврале 1944 г.
- Белов Иван Григорьевич (1897–?), уроженец села Чернова Ленинского района Московской области, русский, образование низшее, член ВКП(б) с 1925 г., на службе в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1919 г. В 1935–1937 гг. – сотрудник УНКВД Одесской области, лейтенант ГБ (22 марта 1936 г.). В 1938 г. – начальник Ново-Троицкого РО НКВД, снят по распоряжению Карамышева, в 1940 г. занимал должность начальника Голо-Пристанского РО УНКВД Николаевской области. В марте 1946 г. в должности старшего лейтенанта возглавлял Краснопереконский РО УНКВД Крымской области.
- Берестовой Павел Абрамович (1906–?), уроженец Николаева, еврей, из крестьян, образование среднее. Член ВКП(б) с 1930 г. В 1938–1939 гг. – оперуполномоченный СПО УГБ УНКВД Николаевской области.
- Берия Лаврентий Павлович (1899–1953), уроженец с. Мерхеули в Абхазии, грузин, из семьи бедняка, образование неоконченное высшее. Член ВКП(б) с 1917 г. С 14 января 1931 г. по 31 августа 1938 г. – 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии. С 22 августа 1938 г. – 1-й заместитель наркома внутренних дел СССР. С 25 ноября 1938 г. по 29 декабря 1945 г. – нарком внутренних дел СССР. Маршал Советского Союза (9 июля 1945 г.). С 5 марта 1953 г. – министр внутренних дел СССР. Арестован 26 июня 1953 г. 23 декабря 1953 г. осужден к ВМН и расстрелян.
- Богуславский, Абрам Филиппович (1913–?), еврей, уроженец п. Лозовая-Павловка Кадиевского района Екатеринославской губернии. Член ВКП(б). В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1938 г., в августе 1938 г. присвоено специальное звание сержант ГБ, сотрудник УНКВД Николаевской области. Участник Великой Отечественной войны. На сентябрь 1944 г. – начальник отделения отдела контрразведки СМЕРШ 7-й гвардейской армии, майор. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».
- Болтянский Михаил Савич (1909–1943), уроженец г. Николаева, из рабочих, служащий, с незаконченным средним образованием, еврей, женат, член ВКП(б) с 1937 г. В 1925–1931 гг. работал на заводе «А. Марти» в г. Николаеве, служил в РККА в 1931–1935 гг., в 1935–1937 гг. – ответственный секретарь и нач. спецотдела Николаевского городского отдела коммунального хозяйства. С июля 1938 г. – сотрудник НКВД. За фальсификацию материалов следствия получил в конце 1938 г. выговор и пятнадцать суток ареста.

После этого был переведен на службу в Одессу. 9 мая 1939 г. уволен из органов НКВД в ходе интенсивной проверки «сигналов» о служебных преступлениях. Расследование в его отношении было прекращено 15 мая 1940 г. Участник Великой Отечественной войны. Призван Николаевским горвоенкоматом. Последнее место службы – техник-интендант 2-го ранга 324-й отдельной бригады морской пехоты Черноморского флота. Погиб 28 марта 1943 г. в Новороссийске.

Бондарь Дмитрий Антонович (1910–?), уроженец с. Новый Буг Новобугского района Одесской губернии, украинец, беспартийный. По происхождению из крестьян-бедняков, образование среднее. С 1931 г. постоянно работал на судостроительном заводе № 200. Арестован 3 августа 1938 г., освобожден 8 апреля 1939 г. В 1941 г. работал техником, до ареста был начальником цеха.

Бресслер Макс Мойшевич, начальник отдела № 37 судостроительного завода № 200 (г. Николаев).

Бурдан Николай (Наум) Аронович (1910–?), уроженец Одессы, еврей. На 1937 г. – сержант ГБ (13 мая 1937 г.) в аппарате НКВД УССР, старший следователь следственной части УГБ НКВД УССР, на февраль 1942 г. – младший лейтенант государственной безопасности, начальник 4-го отделения Особого отдела НКВД 57-й армии Южного фронта.

Бурмистенко Михаил Алексеевич (1902–1941), уроженец с. Александровка Аткарского уезда Саратовской губернии, русский, из крестьян, образование высшее. Член ВКП(б) с 1919 г. С 27 января 1938 г. по 9 сентября 1941 г. – второй секретарь ЦК КП(б)У. С 25 июля 1938 г. по 9 сентября 1941 г. – Председатель Верховного Совета УССР. Погиб на фронте 9 сентября 1941 г.

Валь Мойсей Соломонович (1904–?), еврей, уроженец г. Одессы, образование низшее. В 1940 г. – оперуполномоченный 4-го отдела Херсонского ГО НКВД.

Васильевский Михаил Наумович (1902–?), еврей, уроженец местечка Ладыжино Гайсинского района Подольской губернии. Служащий, образование среднее. Член РКП(б) с 1920 по 1921 гг. и с 1927 г. С 1913 г. по 1915 г. сортировщик табачной плантации в Винницкой области. В 1915–1918 гг. – подручный в частной ювелирной мастерской в Одессе. В 1918–1920 гг. красноармеец. Был в плену у денкинцев в Харькове. В 1920–1921 гг. оперативный работник ЧК во Владикавказе. В 1921–1922 гг. – сотрудник Подольской губчека, Могилев-Подольского окротдела ГПУ и Ямпольского пограничного поста. В 1922–1923 гг. – нач. Военно-цензурного пункта Ново-Ушицкого уездного отдела ГПУ. В 1923–1925 гг. – контролер и нач. погранзаставы ГПУ г. Могилев-Подольск.

- В 1925–1926 гг. – инструктор Главполитпросвет МАССР, г. Балта. В 1926–1928 гг. курсант Одесской Губсовпартшколы. В 1928–1930 гг. – председатель правления Кустпромкредитсоюза г. Балта. В 1930–1933 гг. – студент подготовительных курсов и Института промкооперации (Киев). В 1933–1935 г. – пом. уполномоченного 3-го отделения Особого отдела Киевского областного отдела ГПУ и пом. уполномоченного Особого отдела 0045 мехкорпуса НКВД. В 1935–1938 гг. уполномоченный, оперуполномоченный Особого отдела 0045 мехкорпуса НКВД. В 1938–1939 гг. – оперуполномоченный 11-го отдела УНКВД Николаевской области. С 17.04.1939 г. в распоряжение УНКВД по Одесской области. Младший лейтенант госбезопасности. Участник Великой Отечественной войны, подполковник. В 1944 г. награжден орденом Красной Звезды.
- Весейн Михаил Александрович (1890–?), уроженец г. Кривой Рог Екатеринославской губернии, еврей, образование низшее. Член ВКП(б) с 1927 г. На март 1936 г. – сотрудник УНКВД по Черниговской области, сержант ГБ. В 1940 г. работал начальником отдела снабжения в промколонии НКВД № 10.
- Винницкий Лазарь Ильич (1915–?), уроженец Одессы, еврей, образование среднее, член ВКП(б) с 1939 г. До 9 октября 1937 г. – помощник оперуполномоченного УНКВД Одесской области. Кандидат на спецзвание. С 9 октября 1937 г. – оперуполномоченный 4-го отдела. В 1938 г. – сотрудник 3-го отдела УНКВД Николаевской области, затем был переведен во 2-е отделение 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. В 1940 г. – старший оперуполномоченный УНКВД по Дрогобычской области.
- Волков Николай Федорович (1898–1938), уроженец села Федоровка Сергачского уезда Нижегородской губернии, русский, образование низшее. Член ВКП(б) с 1918 г. Март 1936 г. – июнь 1937 г. – 1-й секретарь Новобугского районного комитета КП(б)У Одесской области. Июнь – 14 октября 1937 г. – временно исполняющий обязанности председателя исполнительного комитета Одесского областного совета. Сентябрь 1937 г. – апрель 1938 г. – секретарь оргбюро ЦК КП(б)У по Николаевской области и исполняющий обязанности 1-го секретаря Николаевского областного комитета КП(б)У. Член судебной тройки НКВД по Николаевской области. Арестован 30 апреля 1938 года. Расстрелян в Киеве 23 сентября 1938 г. Подробней смотри: *Бажан О., Золотарьов В. Олександр Успенський: «Я вважаю себе учнем Миколи Івановича Єжова» // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2014. № 1. С. 379; Филиппов С. Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг. Справочник. – М., 2016.*

- Волошин (Лейзерзон) Петр Соломонович (1900–?), уроженец села Сестриневка Бердичевского уезда Киевской губернии, еврей, образование среднее. С 1936 г. – начальник отделения Секретно-политического отдела УГБ УНКВД Одесской области. Лейтенант ГБ (23 марта 1936 г.). С 9 октября 1937 г. – начальник отделения 4-го (секретно-политического) отдела УГБ УНКВД Николаевской области. В 1938 г. начальник 1-го отделения 4-го (Секретно-политического) отдела УНКВД Николаевской области. В 1939–1940 гг. – заместитель начальника следчасти УНКВД Николаевской области. 22 октября 1940 г. уволен из органов госбезопасности со снятием с учета.
- Воронин Константин Афанасьевич (1906–?), уроженец г. Одессы, украинец, из семьи рабочих. До службы в органах госбезопасности на протяжении шести лет работал на производстве мотористом пилы. С 1928 г. по апрель 1929 г. служил в войсках ОГПУ, откуда был переведен в органы ОГПУ – НКВД. До 9 октября 1937 г. – оперуполномоченный 4-го отдела УГБ УНКВД Одесской области. Сержант ГБ (22 марта 1936 г.). С 9 октября 1937 г. по 15 августа 1938 г. – начальник 1-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. В 1939 г. – начальник 1-го отделения 2-го отдела УНКВД Николаевской области. Уволен из НКВД 1 марта 1940 г., арестован 7 мая 1940 г. Осужден Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа 23 марта 1941 г. по статье 206, пункт «а» УК УССР к 10 годам лишения свободы.
- Гаврилов Александр Епифанович (1906–?), член ВКП(б) с 1925 г., до ареста в 1938 г. работал заместителем начальника корпусного цеха завода № 200, освобожден из-под стражи 10 апреля 1939 г., в 1940 г. работал в областном земельном управлении Николаевской области.
- Гайт Стефан Иосифович (1899–?), уроженец г. Николаева, украинец, из рабочих. В 1913–1918 гг. – подручный маляр и подручный слесарь. В 1919–1923 гг. на службе в кавалерии Красной Армии. В 1924 г. – нач. охраны финотдела, г. Прилуки. В 1924–1927 гг. – кондуктор трамвайного парка, г. Николаев. В 1927–1930 гг. – слесарь завода «А. Марти» г. Николаева. В 1930–1934 гг. – помощник начальника городского отдела связи г. Николаева. В 1934–1936 гг. – нач. городского отдела связи г. Николаева. В 1937 г. – уполномоченный комитета заготовок при Государственной приемочной комиссии (г. Николаев). В 1937–1938 гг. – нач. облуправления связи Николаевской области. Член ВКП(б) с 1925 г. Был арестован, находился под следствием с 21 апреля 1938 г. по 16 марта 1939 г. Дело прекращено. В 1940 г. работал председателем артели промкомбината г. Николаев.

- Гайдук Александр Арсентьевич (1913–?), украинец, уроженец Херсонской губернии, член ВКП(б). Сотрудник органов государственной безопасности. В августе 1938 г. присвоено спецзвание сержанта госбезопасности. В 1939 г. – начальник 3-го отдела УНКВД Кировоградской области. Участник Второй мировой войны. На май 1943 г. – капитан, старший оперуполномоченный отдела контрразведки СМЕРШ 23-го танкового корпуса Воронежского фронта, был награжден орденом Красной Звезды (22 мая 1943 г.), орденом Отечественной войны 1-й степени (8 августа 1945), орденом Отечественной войны 2-й степени (20 ноября 1943 г.), медалью «За отвагу» (4 октября 1942 г.).
- Ганкин Исаак Михайлович, бывший сотрудник УНКВД Николаевской области.
- Гарбузов Михаил Васильевич (1909–?), уроженец ж.-д. станции Дерюгино Курской губернии, русский, образование низшее. До службы в органах госбезопасности три с половиной года проработал на производстве, в РККА не служил. Член ВКП(б) с 1931 г., с 1932 г. по 1940 г. служил в органах ОГПУ–НКВД. В 1932–1933 гг. – уполномоченный Краматорского ГО ГПУ Донецкой области. В 1933–1937 гг. – начальник Старобешевского РО ГПУ/НКВД Донецкой области. Сержант ГБ (22 марта 1936 г.). С 7 апреля 1937 г. – начальник Петро-Маринского РО НКВД Донецкой области. С 15 января 1938 г. – начальник отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (XV) (14 августа 1938 г.) Уволен из НКВД 10 марта 1940 г., арестован 7 мая 1940 г. Осужден Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа 23 марта 1941 г. по статье 206, пункт «а» УК УССР к 8 годам лишения свободы. Был женат, имел на иждивении ребенка. Подробнее см.: *Золотарев В., Степкин В.* ЧК – ГПУ – НКВД в Донбассе 1919–1941. – Донецк, 2010. С. 133–134.
- Геккерт Фриц (1884–1936), немецкий коммунист, деятель немецкого и международного рабочего движения. Член Исполкома Коминтерна, секретарь Профинтерна, член Политбюро ЦК КПГ.
- Герд. См. Николаевский Ф.Ф.
- Гладков Леонид Михайлович (1901–?), украинец, уроженец г. Николаева. Член ВКП(б) с 1923 г. Из крестьян-середняков, служащий, по профессии токарь по металлу, образование высшее, женат. В 1932–1937 гг. учился в кораблестроительном институте. На заводе № 200 работал с 1915 г. по 1932 г., с 1937 г. – помощник начальника корпусного цеха и начальника деревообрабатывающей мастерской. 19 января 1938 г. исключен из партии, впоследствии восстановлен в ВКП(б). После своего ареста 28 июня 1938 г.

- вновь исключен из ВКП(б). Освобожден 9 апреля 1939 г. В 1940 г. работал помощником начальника цеха завода № 200.
- Глушаков Григорий Семенович (1899–?), уроженец с. Хотимска Белорусской ССР, белорус, член ВКП(б) с 1927 г. Из бедняков, родители умерли в 1919 г. Бригадир колхоза. Работал в 1937 г. председателем Котовского сельсовета Долинского района Кировоградской области.
- Гончаров Григорий Львович. В 1936–1938 гг. работал начальником Скадовского РО НКВД Одесской/Николаевской области. Лейтенант ГБ (22 марта 1936 г.). С мая 1938 г. – помощник начальника УНКВД Николаевской области по отделам, не входящим в УГБ. Старший лейтенант ГБ (23 августа 1938 г.). Уволен из органов госбезопасности 8 июля 1939 г. с исключением с учета. В 1940 г. работал помощником начальника управления Госбанка по инкассации.
- Гончаров Павел Афанасьевич (1906–?), украинец, из семьи рабочего. С 1928 г. на службе в органах милиции, на службе в органах госбезопасности с 1936 г. Кандидат в члены ВКП(б) с 1939 г. В 1937–1938 – секретарь Долинского РО НКВД. Не судим.
- Гордиенко Михаил Николаевич (1906–?), уроженец дер. Красногирьевка Екатеринославской губернии, украинец. С 1928 г. член ВКП(б), высшее образование. В 1933 г. закончил Николаевский судостроительный институт. С марта 1938 г. по январь 1941 г. работал старшим инженером 6 отдела завода им. 61 коммунара в должности ст. инженера.
- Горин (Гольденберг) Федор Михайлович (1897–?), уроженец Симферополя, еврей, из рабочих. Член ВКП(б) с 1930 г. В органах ВЧК – ОГПУ – НКВД с 1919 г. До 16 декабря 1936 г. – начальник Никопольского РО НКВД Днепропетровской области. Лейтенант ГБ (23 марта 1936 г.). С 16 декабря 1936 г. – помощник начальника отдела кадров УНКВД Донецкой области. С 26 января 1938 г. – врид. начальника отдела кадров УНКВД Николаевской области. Арестован летом 1938 г., освобожден «из-за недостатка улик».
- Горлинский Николай Дмитриевич (1907–1965), уроженец Ахтырки Сумского уезда Харьковской губернии, украинец, из семьи рабочего механика, образование низшее. На службе в органах ВЧК – НКВД с 1920 г., в возрасте 13 лет стал делопроизводителем органов ЧК. С 1930 г. на оперативной работе, с 1932 г. – курсант Центральной школы ОГПУ в Москве. С февраля 1937 г. – начальник отделения в УНКВД Харьковской и Черниговской областей, в 1938 г. – оперуполномоченный 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, капитан ГБ. С декабря 1938 г. – заместитель наркома внутренних дел Украинской ССР, с февраля 1941 г. – заместитель начальни-

ка, начальник 3-го управления НКГБ СССР. В годы войны также занимал должности начальника УНКГБ по Краснодарскому краю, участвовал в организации охраны Тегеранской конференции. В 1945 г. произведен в генерал-лейтенанты. С сентября 1945 г. по май 1947 г. – уполномоченный НКВД-НКГБ по Эстонской ССР, с мая 1947 г. по февраль 1949 г. возглавлял УМГБ по Краснодарскому краю. Генерал-лейтенант (1945 г.). В феврале–апреле 1949 г. – министр госбезопасности Литовской ССР. С апреля 1949 г. по август 1951 г. возглавлял УМГБ по Ленинградской области. Руководил арестами фигурантов «Ленинградского дела». 29 августа 1951 г. снят с должности «за нарушения социалистической законности». Находился в распоряжении Управления кадров МГБ СССР до 25 октября 1951 г., после чего был переведен в систему ГУЛАГ заместителем начальника Волжского ИТЛ. В марте 1953 г. назначен начальником 5-го (экономического) управления МВД СССР. В июне 1954 г. уволен из органов госбезопасности и лишен воинского звания, в 1956 г. исключен из партии. С конца 1954 до 1957 гг. работал заместителем начальника Строительно-монтажного управления Министерства среднего машиностроения СССР, в 1957 г. вышел на пенсию. В конце 1964 г. восстановлен в воинском звании. Подробнее см.: *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. – М., 2010. С. 301–303.

Городинский Александр Иванович (1891–1938), уроженец г. Житомира, поляк, бывший офицер царской армии. Командир РККА. Начальник мастерских 15-й авиабригады в г. Кировограде. В октябре 1937 г. арестован особым отделом 15-й авиабригады за к.-р. вредительскую деятельность. Умер в процессе следствия.

Готовцев Леонид Трофимович (1903–?), русский (по другим данным – украинец), уроженец с. Рыжановка Звенигородского уезда Киевской губернии. Член ВКП(б) с 1931 г. В органах ВЧК – ОГПУ – НКВД с 1921 г. С 1935 г. – оперуполномоченный ОО УГБ НКВД УССР. Старший лейтенант ГБ (8 января 1936 г.). С 1937 г. – помощник начальника 1-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР. С 2 сентября 1937 г. – заместитель начальника немецкого отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР. С 20 апреля 1938 г. по 15 июня 1939 г. заместитель начальника 3-го отдела УГБ УНКВД по Николаевской области (с 1938 г. фактически руководил работой отдела, поскольку должность начальника была вакантна). С 15 июня 1939 г. по 12 апреля 1941 г. – начальник 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. С 22 сентября 1939 г. по 12 апреля 1941 г. – заместитель начальника УНКВД Николаевской области. С 12 апреля 1941 г. – заместитель начальника УНКВД

Николаевской области (после разделения УНКВД на УНКГБ и УНКВД). Арестован 10 сентября 1941 г. Осужден Особым Совещанием при НКВД СССР 29 июля 1942 г. по статье 206-17 пункт «а» за «самовольную отлучку с места службы» к 10 месяцам лишения свободы. С учетом предварительного заключения 3 сентября 1942 г. освобожден из-под стражи. Обратился 7 октября 1942 г. просьбой к заместителю народного комиссара внутренних дел СССР В.П. Обручникову с просьбой, восстановить на работе в НКВД, после чего получил место в УИТЛ НКВД Татарской АССР. 13 августа 1943 г. назначен врид. начальника первого отделения «А» 2-го отдела НКГБ Татарской АССР, вслед за этим – заместителем начальника 2-го отдела в звании майора ГБ. 24 мая 1944 г. народный комиссар государственной безопасности Татарской АССР А.Ф. Ручкин ходатайствовал перед народным комиссаром государственной безопасности СССР В.Н. Меркуловым о снятии с Готовцева судимости и утверждении его в должности заместителя начальника 2-го отдела. С 1951 г. – начальник ОБХСС Управления милиции МВД УССР. С 1956 г. на пенсии. Полковник. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени. Подробней см.: *Шановал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 454–455; Сосни замість обелісків. Білоцерківський мартиролог / Упорядн. В.О. Коломієць. – Біла Церква, 2015. С. 73; Дело «Национального союза немцев на Украине» 1935–1937 гг.: Документы и материалы / Сост. А. Рублев. Редактор А. Айсфельд. – Киев, 2016. С. 496–508.

Даров (Белов) Федор Иванович (1893–?), уроженец Юзовки Екатеринославской губернии, русский, из рабочих. Член ВКП(б) с 1918 г. В 1935–1936 гг. – сотрудник УНКВД Винницкой области. Лейтенант ГБ (23 марта 1936 г.), далее в УНКВД Николаевской области, начальник Александрийского РО НКВД. 25 марта 1939 г. уволен из УНКВД Кировоградской области «как совершивший уголовное преступление». Арестован. Возможно, после осуждения за нарушение социалистической законности был амнистирован и служил в Красной Армии сержантом или рядовым, хотя год рождения не подходит.

Демчук Елизар Федорович (1905–?), уроженец с. Деревичи Любарского района Житомирской области, из семьи крестьянина-бедняка, образование начальное. Член ВКП(б) с 1928 г. В ноябре 1929 г., после демобилизации из Красной Армии, стал сотрудником ГПУ УССР. Делопроизводитель Нежинского и Черниговского окружных отделов ГПУ, с 1930 г. по 1933 г. – фельдъегерь, начальник экспедиции Олевского и Овручского оперсекторов ГПУ.

- С 1933 г. – сверхштатный помощник оперуполномоченного Гельмязевского райаппарата ГПУ, с 1933 по 1937 г. работал в политотделах совхозов «Реконструкция» и «Прогресс». С февраля 1937 г. по апрель 1938 г. – помощник оперуполномоченного Долинского РО НКВД. В 1939 г. – оперуполномоченный 2-го отдела (СПО) УНКВД Кировоградской области. 7 мая 1939 г. уволен из НКВД «за нарушение труддисциплины». До 27 июля 1939 г. работал председателем Братолобововского сельсовета Долинского района Кировоградской области. Арестован 27 июля 1939 г., осужден Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа 16 ноября 1939 г. по статье 206, пункт «а» к 8 годам лишения свободы.
- Деревянченко Дмитрий Хирсанович (1902–?), уроженец г. Макеевки Донецкой области, украинец с высшим образованием, член ВКП(б) с 1923 г. В 1937–1938 гг. 2-й секретарь Николаевского обкома КП(б)У. Арестован 20 июля 1938 г., обвинялся по ст. 54-7, 54-10 ч.1, 54-11, 97 УК УССР. 4 апреля 1939 г. освобожден из-под стражи.
- Друтман Илья Аронович (1908–?), уроженец г. Николаева, еврей, из рабочих. Воспитанник детдома. Грамотный. Член ВКП(б) с 1929 г. В 1940 г. работал начальником киноремонтных мастерских треста кинофикации Николаевской области.
- Дубравин Андрей Петрович, инженер и начальник судостроительного проекта № 7-у завода № 200 в Николаеве.
- Дудин Михаил Петрович (1894–?), член ВКП(б) с 1921 г., заместитель начальника цеха завода им. Марти (№ 198) до ареста и после освобождения.
- Ежов Николай Иванович (1895–1940), уроженец Санкт-Петербурга, русский, образование низшее. Член ВКП(б) с 1917. С 1 февраля 1935 г. по 21 марта 1939 г. – секретарь ЦК ВКП(б). С 28 февраля 1935 г. до 21 марта 1939 г. – председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). С 29 сентября 1936 г. по 25 ноября 1938 г. – нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар ГБ (28 января 1937 г.). Награжден орденом Ленина (17 июля 1937 г.). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 12 октября 1937 г. по 21 марта 1939 г. С 8 апреля 1938 г. по 21 марта 1938 г. – нарком водного транспорта СССР. 10 апреля 1939 г. арестован. 4 февраля 1940 г. осужден к ВМН. 6 февраля 1940 г. расстрелян. Подробнее см.: Павлюков А. Ежов. Биография. – Москва, 2007; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец». Николай Ежов. – М., 2008.
- Ефремов Константин Иванович (1904–?), русский, член ВКП(б) с 1927 г., сотрудник органов государственной безопасности. В мар-

те 1936 г. – сотрудник УНКВД по Одесской области, старший лейтенант ГБ. Далее – начальник Бобринецкого РО НКВД (Николаевская область). Примерно с лета 1938 г. – начальник 11-го отдела УНКВД Николаевской области. В конце 1938 г. работал помощником директора завода им. Марти (№ 198) по кадрам. В годы Великой Отечественной войны – сотрудник УНКГБ Свердловской области. Награжден орденами «Знак Почета», Красного Знамени и орденом Ленина.

Заикин Владимир Никифорович (1917–?), русский, член ВЛКСМ, на службе в органах НКВД с 1938 г. 23 августа 1938 г. присвоено специальное звание сержант ГБ. На 1942 г. – оперуполномоченный УНКВД Дагестанской АССР. 5 ноября 1942 г. приказом войскам Закавказского фронта награжден медалью «За трудовое отличие» за «чекистское обслуживание» двух батальонов, мобилизованных при строительстве Махачкалинского оборонного рубежа.

Зельцман Григорий Семенович (1911–?), уроженец г. Юзовки Екатеринославской губернии, еврей, образование среднее, член ВКП(б) с 1938 г. В 1935–1937 гг. – оперуполномоченный 4-го отдела УГБ УНКВД Донецкой области. Сержант ГБ (22 марта 1936 г.). Переведен в 4-й отдел УГБ УНКВД Николаевской области. До 20 мая 1940 г. – старший следователь Следственной части УНКВД Николаевской области. Уволен 20 мая 1940 г. «вовсе с исключением с учета». В конце 1940 г. работал управделами завода им. Сталина. Участник Великой Отечественной войны, капитан. В 1985 г. награжден «юбилейным» орденом Отечественной войны 2-й степени.

Злобинский Александр Михайлович (1902–?), уроженец Екатеринослава, еврей, член ВКП(б) с 1931 г. В органах ВЧК – ОГПУ – НКВД с 1921 г. Старший лейтенант РККА (1936 г.). С 1937 г. начальник 3-го отделения 3-го (КРО) отдела УГБ УНКВД по Винницкой области. С 12 октября 1937 г. – начальник 1-го отделения 3-го отдела УГБ УНКВД Каменец-Подольской области. С 4 марта 1938 г. – заместитель начальника 3-го отдела УГБ УНКВД по Каменец-Подольской области. С 20 апреля 1938 г. – начальник 6-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР, затем и. о. начальника 7-го отдела (отдела оборонной промышленности) 1-го Управления НКВД УССР. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ» (XV) (9 мая 1938 г.). С сентября 1938 г. на различных должностях в системе ГУШОСДОР НКВД СССР. В августе 1941 г. направлен в действующую армию, в дальнейшем на работе в ГУШОСДОР НКВД – МВД. В октябре 1949–1951 гг. – заместитель начальника ИТЛ и строительства № 8 ГУШОСДОР

- МВД (Запорожская область). С 1951 г. пенсионер. Подполковник. Награжден двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красного Знамени. Подробней см.: *Тумишс М.А., Золотарев В.А.* Евреи в НКВД СССР 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. – М., 2017. С. 310.
- Зубков Павел Карпович (1897–1938), уроженец с. Аненково Фатяжского района Курской губернии. Русский, служащий, грамотный, беспартийный, состоял членом КП(б)У с 1919 г., исключен в 1937 г. До ареста работал директором Херсонского рыбного завода. 30 декабря 1937 г. осужден тройкой УНКВД Николаевской области к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован в 1939 г.
- Казин Николай Алексеевич (1910–1991), уроженец с. Старичи Тульской губернии, русский, из семьи зажиточного крестьянина, образование незаконченное среднее. Член ВКП(б) с 1931. В органах ГПУ–НКВД с 1933 г. В 1936–1937 гг. – оперуполномоченный Харьковского РО НКВД Донецкой области. Сержант ГБ (22 марта 1936 г.). С 31 августа 1937 г. – оперуполномоченный 4-го отдела УГБ НКВД УССР. С 10 июля 1938 г. по 1939 г. – начальник отделения СПО НКВД УССР. Лейтенант ГБ (23 августа 1938 г.). Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (XV) (14 августа 1938 г.) В 1939–1940 гг. – заместитель начальника следственной части НКВД УССР. Старший лейтенант ГБ (26 апреля 1940 г.). Награжден орденом Знак почета (26 апреля 1940 г.). С 13 января 1941 г. – начальник следственной части НКВД УССР. Подробней см.: *Шаповал Ю.И., Пристайко В.И., Золотарьев В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 480; *Золотарев В., Степкин В.* ЧК–ГПУ–НКВД в Донбассе. 1919–1941. – Донецк, 2010. С. 191–192; *Трачук О.* «Мы не шли в атаку с криками: “За Сталина!” Это было бы нелепо в тылу врага...» // Факты. Киев. 2008. 5 октября; *Скрыпник А.* За голову «полковника Калиновского» фашисты пообещали 50 тысяч рейхсмарок и 20 гектаров земли // Факты. Киев. 2010. 12 мая.
- Калинин Николай Владимирович (1903–?), уроженец г. Киева. Украинец. Незаконченное среднее образование. Член ВКП(б) с 1924. В 1920–1923 гг. служил на Черноморском флоте. В 1940 г. работал на заводе № 198 в Николаеве, цех № 34, заведующим материальной секцией.
- Калужский Соломон Давидович (1903–1943), уроженец Павлограда Екатеринославской губернии, еврей, из служащих. Член ВКП(б) с 1928 г. В органах ГПУ – НКВД с 1930 г. В 1932–1937 гг. служил в УНКВД Днепропетровской области. Младший лейтенант ГБ (23 марта 1936 г.). До 10 июля 1938 г. – помощник начальника отделения, а затем начальник 1-го отделения 4-го отдела (СПО)

1-го Управления НКВД УССР. Лейтенант ГБ (23 августа 1938 г.). Награжден знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ» (XV) (14 августа 1938 г.) В 1939–1940 гг. – заместитель начальника следственной части НКВД. Старший лейтенант ГБ (1 июля 1939 г.). С 1940 г. – заместитель начальника 2-го отдела (СПО) УНКВД Днепропетровской области. 5 февраля 1941 г. арестован по обвинению в нарушении социалистической законности. 1 июля 1941 г. дело прекращено. Освобожден.

Каложный Денис Иванович (1910–?), уроженец села Глодосы Хмельевского района Кировоградской области, украинец (по другим данным – русский), член ВКП(б) с 1932 г. В 1923–1936 гг. служил в РККА. В 1938 г. – сотрудник УНКВД Николаевской области. 22 июня 1939 г. присвоено звание сержант ГБ. Участник Великой Отечественной войны, в 1942–1943 гг. зам. начальника, начальник Особого отдела 31 стрелковой бригады 3-й Ударной армии, лейтенант ГБ. В 1943 г. присвоено звание майор ГБ. Награжден медалью «За боевые заслуги», орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени.

Карамышев Петр Васильевич (1905–1941), уроженец г. Сердобска Пензенской губернии. Из крестьянской семьи, русский, образование незаконченное среднее. Член РКСМ с 1922, член ВКП(б) с 1928 г. На службе в органах ОГПУ – НКВД с 1928 г. С 1 января 1933 г. помощник начальника политотдела Бандурской МТС по ОГПУ (Одесская область). Переведен на службу в СПО УНКВД Ленинградской области, где с 22 января 1935 г. занимал должность уполномоченного, с 1 августа 1935 г. – оперуполномоченного. С 1 ноября 1936 г. помощник начальника 1-го отделения СПО, с 1 мая 1937 г. – начальник 5-го отделения 4-го отдела УНКВД Ленинградской области, с 1 августа 1937 г. – помощник начальника 4-го отдела УНКВД Ленинградской области. Лейтенант ГБ (23 марта 1936 г.) С 7 октября 1937 г. – заместитель начальника УНКВД Рязанской области. С 3 марта 1938 г. по 15 января 1939 г. – начальник УНКВД Николаевской области (к исполнению обязанностей приступил 23 марта 1938 г.), капитан ГБ (7 октября 1937 г.). В 1938 г. – член Николаевского обкома КП(б)У, депутат Верховного Совета УССР. Арестован 4 августа 1939 г. Осужден Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа 23 марта 1941 г. по статье 206, пункт «б» УК УССР к ВМН. Расстрелян в марте 1941 г. Имел на иждивении дочь. Награды: орден Ленина (25 июня 1937 г.). Подробнее см.: *Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 483; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 222.

- Карпенко Григорий Антонович (1893 –?), уроженец села Добровольское Харьковской губернии, член ВКП(б) с 1919 г. весной 1940 г. – старший помощник прокурора Николаевской области по спецделам.
- Катков Павел Иванович (1899–?), уроженец г. Касимова Рязанской губернии, русский, образование среднее, член ВКП(б) с 1919 г. На службе в органах ВЧК – ГПУ – НКВД с мая 1920 г. До 23 февраля 1936 г. – начальник отделения ЭКО УНКВД Харьковской области. С 23 февраля 1936 г. – начальник оперативного пункта транспортного отдела УНКВД Харьковской области. С 11 мая 1937 г. – начальник отделения 4-го отдела УНКВД Харьковской области. Старший лейтенант ГБ (23 февраля 1936 г.). С 11 августа 1937 г. – начальник ОО НКВД 15-й механизированной бригады, Шепетовка, затем начальник 11-го (водного) отделения Херсонского горотдела НКВД. С 19 мая 1938 г. по 25 апреля 1939 г. нач. Херсонского горотдела НКВД, одновременно до ноября 1938 г. нач. межрайонной опергруппы, объединявшей 13 районов. В 1939 г. – нач. ЭКО УНКВД Николаевской области. Награжден знаком почетного работника ВЧК–ОГПУ (XV) (14 августа 1938 г.). Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, орденом Ленина. В 1945 г. – подполковник, сотрудник УНКГБ Николаевской области.
- Киреев Павел Николаевич (1914–?), уроженец г. Луганска, русский, из рабочих, образование среднее, кандидат в члены ВКП(б) с 1938 г., в 1934–1937 гг. служил в Красной Армии, в 1938 г. – сотрудник 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области, с июля 1939 г. нач. 3-го (транспортного) отделения УНКВД Николаевской области, сержант госбезопасности (с 22 июня 1939 г.). Во время Великой Отечественной войны дослужился до звания гвардии капитана. Был жив в 1985 г.
- Кобцев Даниил Филиппович (1899–?), член ВКП(б) с 1930 г. До июля 1938 г. – второй секретарь Николаевского горкома КП(б)У. Арестован 24 июля 1938 г. по обвинению в троцкизме и взяточничестве. После освобождения 2 апреля 1939 г. занял пост старшего конструктора завода № 198 им. Марти.
- Кобулов Амаяк Захарович (1906–1955), уроженец Тифлиса, армянин, из семьи портного, образование низшее. Член ВКП(б) с 1932 г. В органах ГПУ – НКВД с 1927 г. Работал в НКВД Грузинской ССР (с декабря 1935 г. – начальник отделения ЭКО, с 17 января 1937 г. – начальник отделения 4-го отдела, с 7 марта 1937 г. – начальник 2-го отделения 1-го отдела (охраны), с 15 августа 1937 г. – начальник Ахалцихского РО НКВД, с 28 мая 1938 г. – начальник

Гагринского РО НКВД). Лейтенант ГБ (13 мая 1936 г.), старший лейтенант ГБ (23 августа 1938 г.). В октябре – ноябре 1938 г. – врид. наркома внутренних дел Абхазской АССР. С 7 декабря 1938 г. по август 1939 г. – врид. наркома внутренних дел УССР, официально числился первым заместителем наркома внутренних дел УССР. Майор ГБ (28 декабря 1938 г.). С 26 августа 1939 г. – советник полпредства СССР в Германии. С июля 1941 г. на работе в НКВД-МВД СССР. Генерал-лейтенант (9 июля 1945 г.) Арестован 27 июня 1953 г. 1 октября 1954 г. осужден к ВМН. Расстрелян 26 февраля 1955 г. Подробнее см.: *Шаповал Ю.И., Пристайко В.И., Золотарьев В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 488–489; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 234–235;

Козачук Петр Дмитриевич (1909–?), уроженец села Белецк Полоннской волости Новоград-Волинского уезда Волинской губернии, украинец, из крестьян-бедняков, образование низшее, член ВКП(б) с 1932 г. В НКВД с марта 1938 г. С 1 апреля 1938 г. – помощник начальника 2 отделения 4 отдела УГБ УНКВД Николаевской области. С 22 августа 1938 г. – начальник Компаниевского РО НКВД Николаевской области. Младший лейтенант ГБ (23 августа 1938 г.). В 1939–1940 гг. – начальник Ново-Пражского РО НКВД Кировоградской области. Участник Второй мировой войны. В 1943–1944 гг. – начальник ОКР СМЕРШ 146-й стрелковой дивизии. Майор. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени (25 января 1944 г.), Отечественной войны 1-й степени (21 февраля 1944 г.), Красного Знамени (21 апреля 1945 г.).

Колисный Федор Александрович, в 1938 г. – нач. РОМ НКВД Долинского района Николаевской области.

Коробцев Петр Яковлевич (1904–?), уроженец дер. Кайдаки Екатеринославской губернии, русский, из рабочей семьи, образование начальное. Член РКСМ с 1920 г., член ВКП(б) с 1927 г. На службе в органах ОГПУ – НКВД с 1928 г. В 1935–1937 гг. сотрудник УНКВД Днепропетровской области. Лейтенант ГБ (22 марта 1936 г.). В 1938 г. – начальник Долинского РО НКВД Николаевской области, в 1939 г. – и. о. помощника начальника УНКВД Кировоградской области. Арестован 24 мая 1939 г., осужден Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа 16 ноября 1939 г. по статье 206, пункт «а» УК УССР к 10 годам лишения свободы. Амнистирован 9 декабря 1941 г., отправлен на фронт. В 1948 г. повторно принят в члены ВКП(б). На 1956 г. – заместитель председателя горисполкома г. Золотоноши Черкасской области и начальник горкоммунхоза.

- Короленко Михаил Иванович (1907–?), украинец, милиционер, кандидат в члены ВКП(б) с 1938 г., образование три класса, не судим, в Красной Армии служил в 1926–1929 гг. В органах рабоче-крестьянской милиции с 1930 г.
- Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939), уроженец города Венг-рув Седлецкой губернии (ныне Мазовецкое воеводство, Польша), поляк, образование – заводское начальное училище, член ВКП(б) с 1907 г., член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г. С 14 июля 1928 г. – генеральный секретарь, с 1934 г. – первый секретарь ЦК КП(б)У. Лично курировал сельское хозяйство УССР. С января 1938 г. – заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР и председатель комиссии советского контроля при Совете народных комиссаров СССР. 3 мая 1938 г. арестован по обвинению в принадлежности к «Польской организации войсковой». 26 февраля 1939 г. осужден к ВМН Военной коллегией Верховного Суда СССР и расстрелян.
- Кукунский Борис Моисеевич (1910–?), уроженец села Романовка Николаевской области, еврей, из крестьян-бедняков, образование среднее, член ВКП(б) с 1938 г., в июле 1938 г. временно работал в 4-м отделе УНКВД Николаевской области. В сентябре 1939 г. – врид. начальника Калининдорфского РО НКВД Николаевской области.
- Купный Ишполит Сазонтович (1908–?), украинец, член ВКП(б) с 1938 г., на март 1936 г. – сотрудник УНКВД по Одесской области, сержант ГБ. До 29 января 1940 г. – начальник отделения 2-го (СПО) отдела УНКВД Николаевской области. Уволен из органов НКВД «вовсе» с исключением с учета. Участник Великой Отечественной войны, инструктор по агитации 623 стрелкового полка 231 стрелковой дивизии 24 армии, получил тяжелое ранение на Сталинградском фронте. С февраля 1943 г. – заместитель начальника по политчасти школы музыкальных воспитанников Красной Армии (Свердловск). Награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За боевые заслуги», а также орденом Отечественной войны II степени.
- Кушнир Беньямин (Вениамин) Михайлович (1906–?), уроженец Одессы, еврей, из мещан, образование низшее. Член ВКП(б) с 1931 г. В органах ГПУ – НКВД с 1929 г. Младший лейтенант ГБ (9 января 1936 г.). С 1937 г. – помощник начальника отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР. С 9 сентября 1937 г. – начальник 6-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР. С 1 октября 1937 г. – начальник 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. Лейтенант ГБ (17 ноября 1937 г.). 17 мая 1938 г. отозван в НКВД СССР. С 28 мая 1938 г. – начальник 3-го отдела УГБ НКВД Уд-

- муртской АССР. 5 июня 1939 г. уволен в запас. Подробней см: *Тумиш М.А., Золотарев В.А.* Евреи в НКВД СССР 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. – М., 2017. С. 379.
- Лейзеровский Юзеф Семенович (1906–1943), уроженец Одессы, еврей, член ВКП(б) с 1932 г., в органах ГПУ – НКВД с 1931 г., в конце 1937 г. был секретарем 4-го (Секретно-политического) отдела, в 1938 г. работал оперуполномоченным 4-го отдела УНКВД Николаевской области, с мая 1939 г. до начала 1940 г. – начальник экономического отделения Херсонского горотдела НКВД. В 1940–1941 гг. был начальником 3-го отделения ЭКО УНКВД Николаевской области, сержант госбезопасности. Участник Великой Отечественной войны. В 1942 г. – лейтенант ГБ, начальник Особого отдела НКВД 17-й механизированной бригады Южного фронта. Награжден орденом Красной Звезды (1 мая 1943 г.). Погиб в районе балки Матвеев Курган в Ростовской области. Подробней смотри: *Абрамов В.* Евреи в КГБ. – М., 2005. С.429.
- Леплевский Израиль Моисеевич (1896–1938), уроженец г. Брест-Литовский Гродненской губернии. Еврей, из семьи мелкого торговца, самоучка. В 1909–1914 гг. – член Бунда. Член ВКП(б) с 1917 г. В органах ВЧК – ОГПУ – НКВД с 1918 г. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1923 г., 1932 г.), знаком «Почетный работник ВЧК» (V) (1924 г.), знаком почетный работник ВЧК (XV) (1932 г.). С 10 декабря 1934 г. – нарком внутренних дел Белорусской ССР. Комиссар ГБ 2-го ранга (29 ноября 1934 г.). Награжден орденом Красной Звезды (14 февраля 1936 г.). С 28 ноября 1936 г. – начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. С 14 июня 1937 г. по 25 января 1938 г. – нарком внутренних дел УССР. Награжден орденом Ленина (22 июля 1937 г.). Депутат Верховного Совета СССР первого созыва. С 25 января 1938 г. – начальник 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР. С 28 марта 1938 г. – начальник 1-го отдела (железнодорожный транспорт) и заместитель начальника 3-го (транспортного) Управления НКВД СССР. С 8 апреля 1938 г. – начальник 3-го Управления НКВД СССР. Арестован 26 апреля 1938 г. 28 июля 1938 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР осужден по статье 58, пункты 1 «б», 8, 11 УК РСФСР к ВМН и расстрелян. Биографический очерк см: *Шаповал Ю.И., Пристайко В.И., Золотарьев В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 143–186.
- Лившиц Зельман Давидович (1888–?), уроженец дер. Колочин Речицкого уезда Гомельской губернии, еврей. В 1907–1910 гг. – мелкий розничный торговец. В 1910–1913 гг. служил в царской армии. В 1914 г. вновь мобилизован в армию, попал в плен, нахо-

- дился в Германии до 1918 г. После возвращения работал регистратором, делопроизводителем и заместителем секретаря Речицкого уездного ревкома. В 1919 г. переселился в Житомир. До поступления на службу в органы ВЧК – ГПУ служил политраблотником при Житомирском военном госпитале. С конца 1921 г. на службе в органах ВЧК–ГПУ – вплоть до 1926 г. в бывшей Волинской губернии, потом – в окружном отделе ОГПУ в должности помощника уполномоченного по политическим группировкам. Далее занимал ряд постов в особых отделах ГПУ и районных отделениях НКВД. С 1 октября 1937 г. – начальник Владимировского РО НКВД (Николаевская область). Член ВКП(б) с 1928 г. Арестован и исключен из ВКП(б) 8 июля 1939 г. Осужден Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа 2 ноября 1939 г. по статье 206, пункт «а» УК УССР к шести годам лишения свободы. Был женат, имел на иждивении дочь.
- Марти Андре (1886–1956), французский коммунистический деятель, член Национального собрания в 1924–1955 гг. (с перерывами), секретарь Коминтерна в 1935–1943 гг., политический комиссар Коминтерна, руководивший в 1936–1938 гг. интернациональными бригадами в Испании.
- Мартыненко Иван Филиппович (1911–?), уроженец с. Воссиятское Еланецкого района Херсонской губернии, украинец, из бедной крестьянской семьи, образование низшее, был женат, имел двух детей. В 1933–1938 гг. – член ВЛКСМ. В 1938 г. – секретарь Еланецкого РО НКВД (Николаевская область). Арестован 27 августа 1938 г. по обвинению в совершении преступлений по «политической» статье 54, пункты 8, 10 и 11 УК УССР. Осужден Военным трибуналом войск НКВД Одесской области 3 декабря 1939 г. по статье 206, пункт «а» к пяти годам лишения свободы. В 1941 г. амнистирован, отправлен в Красную Армию. Шофер 98-го отдельного мотоциклетного батальона 31-го танкового корпуса. Награды: медаль «За отвагу» (6.09.1944), медаль «За боевые заслуги» (9.03.1945).
- Мартынов А.П., в 1939 г. рабочий цеха № 1 завода № 200 в Николаеве.
- Мейтус Леонид Исаакович (1897–?), еврей, член ВКП(б) с 1928 г. В органах ВЧК–ГПУ–НКВД с 1921 г. Старший лейтенант государственной безопасности (8 января 1936 г.). До 1937 г. – начальник 5-го (особого) отделения УГБ НКВД Молдавской АССР. Со 2 сентября 1937 г. – помощник начальника Николаевского ГО НКВД Одесской области. С осени 1937 г. – врид. заместителя начальника УНКВД Николаевской области. 4 марта 1938 г. отозван в НКВД СССР. С 17 марта 1938 г. – начальник 3-го (оперативно-чекистского) отдела Шоссдорлага НКВД, Дальне-Восточный край.

- 15 июня 1940 г. уволен в запас с должности начальника 3-го отдела УИТК ОТК УНКВД Хабаровского края. Подробнее см.: *Тумишс М.А., Золотарев В.А.* Евреи в НКВД СССР 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. – М., 2017. С. 437.
- Меламуд Самуил Соломонович (1904–?), уроженец с. Братское Братского района Одесской области, еврей, из семьи служащих, служащий, с высшим образованием, беспартийный. На заводе № 200 работал с 1929 г. Арестован 5 октября 1938 г. Освобожден в 1939 г.
- Миляшкин Иван Георгиевич (1904–1979), уроженец Луганска, образование высшее. С марта 1934 г. по декабрь 1936 г. работал инженером-строителем на судостроительном заводе № 194 им. Марти в Ленинграде, где был строителем и ответственным сдатчиком головной подводной лодки серии V-бис. В январе 1937 г. назначен инженером-строителем, 29 августа 1937 г. главным инженером, в 1939 г. – директором Николаевского судостроительного завода № 200. С августа 1939 г. – директор Ленинградского судостроительного завода им. А.А. Жданова. С февраля 1942 г. – заместитель наркома, затем заместитель министра судостроительной промышленности СССР. Инженер-вице-адмирал (1958).
- Митрофанов Николай Максимович (1905–?), уроженец с. Гурьевка Ново-Одесского района Херсонской губернии, украинец. Грамотный. Член ВКП(б) с 1938 г. В 1939 г. работал дежурным помощником начальника Николаевской тюрьмы.
- Мишустин Афанасий Иванович. В 1935–1937 гг. сотрудник УНКВД Одесской области. Сержант ГБ (22 марта 1936). До 28 апреля 1938 г. начальник Привольнянского РО НКВД Николаевской области. С 28 апреля 1938 г. – начальник Петровского РО НКВД Николаевской области. 31 июля 1939 г. уволен в запас с должности начальника Бобринецкого РО НКВД Кировоградской области.
- Могилевский Эмануэль Гдальевич (1906–?), уроженец г. Николаева, еврей, ведущий технолог завода № 200, в 1938–1939 гг. начальник планового и производственного бюро завода № 200 в Николаеве.
- Назаренко Андрей Григорьевич (1903–?), уроженец с. Малый Самбор Конотопского уезда Черниговской губернии, украинец, из семьи крестьянина-бедняка, образование высшее. Член ВКП(б) с 1925 г. В органах ГПУ – НКВД с 1932 г. Служил в УНКВД Днепропетровской области (с 1 декабря 1935 г. – оперуполномоченный ОО, с 1 апреля 1937 г. – помощник начальника отделения 3-го отдела). Младший лейтенант ГБ (23 марта 1936 г.). С 11 сентября 1937 г. – начальник 8-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР. С 4 апреля по 14 августа 1938 г. – начальник 8-го (учетно-регистрационного) отдела УГБ НКВД УССР. Старший лейтенант

- ГБ (20 мая 1938 г.) С 14 августа по 15 сентября 1938 г. – начальник 1-го спецотдела НКВД УССР. По совместительству с 4 июня по 29 августа 1938 г. – особоуполномоченный НКВД УССР. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ» (XV) (14 августа 1938 г.) С 15 сентября 1938 г. по февраль 1939 г. – и. о. начальника 7-го отдела 1-го Управления НКВД УССР. 26 февраля 1938 г. арестован. 23 мая 1941 г. осужден к 10 годам лишения свободы. Подробнее см.: *Золотарьов В., Бажан О.* «Обліковець» масових убивств у добу «Великого терору» (Соломон Абрамович Альтзіцер) // *Краєзнавство*. 2017. № 1–2. С. 215–232.
- Наумовец Андрей Павлович, в 1939 г. начальник участка № 49 завода № 200 (г. Николаев).
- Нертик Георгий Николаевич (1903–?), уроженец с. Грузское Херсонской губернии. На март 1936 г. – сотрудник УНКВД по Одесской области, сержант ГБ. В 1938 г. – помощник оперуполномоченного Херсонского ГО НКВД. 27 марта 1938 г. откомандирован в распоряжение отдела кадров НКВД УССР.
- Никитин Василий Никитич (1896–?), русский, член ВКП(б) с 1918 г. На март 1936 г. – сотрудник УНКВД Одесской области, старший лейтенант ГБ. В 1939 г. – начальник отдела кадров УНКВД Николаевской области. В 1942 г. откомандирован в НКВД Татарской АССР. В 1945 г. – начальник особой инспекции НКВД Татарской АССР, подполковник. В 1945 г. награжден орденами Красного Знамени и Ленина.
- Никифоров Михаил Германович, в 1938 г. инженер 6-го участка завода № 200 (г. Николаев).
- Николаевский Ф.Ф. (1881–?), уроженец с. Б. Киреевка Подольской губернии, украинец, беспартийный, из рабочих, в 1938 г. заместитель директора Николаевского педагогического института.
- Новак Зиновий Абрамович (1908–?), уроженец г. Екатеринослава, еврей, из семьи кузнеца, образование низшее. Член ВКП(б) с 1930 г. В 1935–1938 гг. работал в УНКВД Днепропетровской области (с 1937 г. – оперуполномоченный 3-го (контрразведывательного) отделения УГБ Запорожского ГО НКВД). Младший лейтенант ГБ (23 марта 1936 г.) С 20 апреля 1938 г. – оперуполномоченный 10-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР. С 3 октября по 11 ноября 1938 г. член следственной группы при Особом отделе НКВД Киевского Особого военного округа. На 23 января 1939 г. – начальник отделения 7-го отдела 1-го Управления НКВД УССР. На 20 января 1940 г. – начальник отделения Экономического управления НКВД УССР. Младший лейтенант госбезопасности (23.03.1936).

- Новаков Петр Александрович (1904–?), уроженец г. Одессы, украинец. На службе в ОГПУ – НКВД с 1932 г. В 1932–1937 гг. – уполномоченный особого отдела Одесского областного отдела ГПУ/УНКВД. Сержант ГБ (22 марта 1936 г.) С 1937 г. – оперуполномоченный 3-го (контрразведывательного) отдела УГБ УНКВД Одесской области. С 9 октября 1937 г. – помощник начальника отделения 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. В апреле – августе 1938 г. – начальник «транспортного» отделения 11-го отдела, временно исполнял обязанности заместителя начальника 11-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. 13 октября 1938 г. откомандирован в распоряжение «Укрдорстройтреста». С 1939 г. – заместитель начальника управления дороги № 1 ГУШОСДОР НКВД УССР. С мая 1939 г. – начальник 2-го отделения 3-го отдела УГБ УНКВД Кировоградской области. Участник Великой Отечественной войны. На 1945 г. – начальник отдела контрразведки СМЕРШ 57 стрелкового корпуса, майор. В 1952 г. уволен с должности заместителя начальника 2-го отдела УМГБ Кировоградской области. Награжден орденами «Знак Почета» (19 декабря 1937 г.), Красной Звезды (10 июня 1944 г.), Отечественной войны 1-й степени (4 октября 1945 г.) и Отечественной войны 2-й степени (6 апреля 1985 г.).
- Норов Афанасий Павлович, заместитель начальника цеха № 10 завода № 200 (г. Николаев), инженер.
- Носов Василий Иванович (1894–?), уроженец дер. Неверовка Владимирской губернии, русский, из крестьян-бедняков, рабочий, беспартийный, образование низшее, был женат. На заводе № 200 работал с 1928 г., в 1938 г. – сортировщиком. Арестован по делу о пожаре на заводе 5 августа 1938 г.
- Овчинников Федор Тимофеевич (1902–?), уроженец дер. Смолка Чаусского уезда Могилевской губернии, из бедной крестьянской семьи, белорус, образование низшее. По профессии фельдшер. С 1923 г. – член РКСМ, с 1931 г. – член ВКП(б). В 1922–1924 гг. занимал различные должности в низовом советском аппарате: секретарь сельсовета, секретарь Крестьянского комитета общественной взаимопомощи (ККОВ), уполномоченный Союза Работземлеса. В 1924–1931 гг. служил в РККА красноармейцем, политгрупповодом, секретарем политчасти и военфельдшером. В 1925–1931 гг. являлся секретным сотрудником, резидентом и секретным помощником Особого отдела ГПУ. В ноябре 1931 г. – январе 1937 г. – помощник уполномоченного, уполномоченный, оперуполномоченный Особого отдела ГПУ/УГБ НКВД УССР. Младший лейтенант ГБ (9 января 1936 г.). Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ» (XV) (26 января 1937 г.) В январе–

августе 1937 г. – оперативный уполномоченный, помощник начальника отделения, начальник отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР, с 8 августа 1937 г. – заместитель начальника 5-го отдела УГБ НКВД УССР и Особого отдела Киевского Особого военного округа. С 27 сентября 1937 г. – особоуполномоченный НКВД УССР, с 9 ноября 1937 г. по 20 июня 1938 г. – начальник 5-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. Старший лейтенант ГБ (17 ноября 1937 г.). В марте 1938 г. исполнял обязанности начальника УНКВД по Николаевской области до приезда Карамышева. В 1938 г. по совместительству исполнял обязанности заместителя начальника УНКВД Николаевской области. С 20 июня 1938 г. – начальник Особого отдела НКВД 15-й стрелковой дивизии, с 9 сентября 1938 г. – начальник Особого отдела НКВД Проскуровской кавалерийской группы Киевского особого военного округа. Капитан ГБ (31 мая 1939 г.). Арестован 5 августа 1939 г., освобожден 28 марта 1940 г. Повторно арестован 20 января 1941 г., осужден 13 марта 1941 г. Военным трибуналом войск НКВД Киевского особого военного округа по статье 206, пункт «б» УК УССР к 10 годам лишения свободы. 27 апреля 1943 г. призван на службу в Красную Армию Новосибирским РВК. По состоянию на 29 июля 1945 г. – младший сержант, санинструктор 790-го артиллерийского Краснознаменного им. Александра Невского полка. Награды: медаль «За отвагу» (29 июля 1945 г.). Был женат, имел на иждивении ребенка.

Осетров Николай Алексеевич (1905–1992), уроженец Москвы, русский, из семьи лесообъездчика. Член КПСС с 1926. В декабре 1933 г. – феврале 1939 г. учился в артиллерийской академии имени Дзержинского в Ленинграде. С 4 февраля по 7 сентября 1939 г. – начальник ОО НКВД Киевского Особого военного округа НКВД. Майор ГБ (4 февраля 1939 г.). Подробнее см.: *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. – М., 2010. С. 659.

Панкратьев Михаил Иванович (1901–1974), уроженец деревни Каблуково Бежецкого уезда Тверской губернии, русский, член ВКП(б) с 1920 г., с мая 1938 г. – прокурор РСФСР, прокурор СССР с 31 мая 1939 г. по 7 августа 1940 г.

Петров Сергей Федорович (?–?). В 1935–1937 гг. работал в УНКВД Одесской области. Лейтенант ГБ (22 марта 1936 г.). В 1938 г. – начальник портового отделения 11-го (водного) отдела УГБ УНКВД Николаевской области. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ» (XV) (14 августа 1938 г.) 22 августа 1940 г. уволен с должности начальника водного отдела УНКВД Николаевской области.

- Плетнев Федор Яковлевич (1889–?), уроженец г. Москвы. Арестован УНКВД по Сталинградской области. Осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР 13 августа 1938 г. к пятнадцати годам лагеря по статьям 17–58-8, 58-7 и 58-11 УК РСФСР.
- Побережный Юда Маркович (1903–?), уроженец г. Верхнеднепровска Екатеринославской губернии, еврей, окончил совпартшколу. Член ВКП(б) с 1926 г. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. В марте 1938 г. мобилизован ЦК КП(б)У на работу в НКВД. С 1 апреля 1938 г. – начальник 2-го отделения 4-го (секретно-политического) отдела УГБ УНКВД Николаевской области. Младший лейтенант ГБ (23 августа 1938 г.) На декабрь 1939 г. – начальник 9-го (сельскохозяйственного) отдела УНКВД Николаевской области. В 1940 г. возглавлял следственный отдел УНКВД Дрогобычской области, образованной в декабре 1939 г. Участник Второй мировой войны, майор ГБ. Награжден орденами Красной Звезды (3 апреля 1943 г.) и Отечественной войны 1-й степени (11 апреля 1945 г.).
- Полошкин Василий Прохорович (1902–1955), уроженец г. Кинель Куйбышевской области, сотрудник органов госбезопасности. На март 1936 г. – сотрудник УНКВД по Одесской области, сержант ГБ. Участник Великой Отечественной войны, майор (1944).
- Поясов Аким Филиппович (1891–?), уроженец дер. Березники Юрьевского уезда Владимирской губернии, русский, из крестьян, образование низшее. Член ВКП(б) с 1919 г. В органах ВЧК–ГПУ–НКВД с 1919 г. С 1 апреля 1934 г. – начальник Белоцерковского РО ГПУ Киевской области и по совместительству начальник ОО 2-й Туркестанской дивизии. Старший лейтенант ГБ (9 февраля 1936 г.). С 27 сентября 1937 г. – начальник 11-го (водного) отдела УГБ УНКВД Киевской области, С 1 июня 1938 г. по 15 мая 1939 г. – заместитель начальника УНКВД Николаевской области, капитан ГБ (15 июня 1938 г.). Уволен из НКВД 15 мая 1939 г. с исключением с учета «за невозможностью дальнейшего использования». В 1941 г. работал директором бондарного завода в Ярославской области. Награды: орден Красной Звезды (19 декабря 1937 г.), медаль «XX лет РККА» (22 февраля 1938 г.).
- Прицкер Владимир Ефимович (1899–?). Еврей. В 1917–1919 гг. Член Паолей Цион. В 1919–1920 гг. – член РКП(б), исключен. Кандидат в члены ВКП(б). Лейтенант ГБ (22 марта 1936 г.). С 1937 г. – оперуполномоченный 3-го отдела УГБ УНКВД Одесской области. С 9 октября 1937 г. – оперуполномоченный 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. 29 марта 1938 г. арестован. 26 марта 1939 г. освобожден из-под стражи.

Протопопов Анатолий Петрович (1895–?), уроженец г. Николаева, русский, из рабочей семьи, образование низшее. За участие в забастовке фабричных рабочих был осужден на два года тюремного заключения. С 1916 г. – рабочий судостроительного завода в г. Николаеве – будущего завода № 200 им. 61 коммунара. В 1917 г. принимал участие в свержении Временного правительства, вступил в Красную гвардию. В 1918–1921 гг. на службе в РККА, принимал участие в боях за Сиваш и разгроме Врангеля. Далее служил в пограничных войсках ОГПУ вплоть до выхода на пенсию в конце 1934 г. С 1935 г. – слесарь на машинной фабрике им. Петровского в Херсоне. С 1939 г. кандидат в члены ВКП(б), женат. С ноября 1937 г. по август 1938 г. был мобилизован на работу в Херсонском ГО НКВД. Осенью 1938 г. возобновил работу на фабрике им. Петровского в качестве заместителя директора. Арестован 7 июля 1940 г. Осужден 28 ноября 1940 г. Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа по статье 206, пункт «б» к 10 годам лагерей. Очевидно, был амнистирован и отправлен на фронт. В 1944 г. – подполковник, командир стрелкового полка. Награды: орден Красного Знамени (19.01.1943), медаль «За оборону Ленинграда» (22.08.1944). На осень 1945 г. – начальник военной кафедры Николаевского государственного педагогического института.

Пугач Петр Кузьмич (1905–?), украинец, уроженец местечка Теплик Гайсинского уезда Подольской губернии, из бедной крестьянской семьи. Член ВКП(б) с октября 1928 г. по 1962 г. В 1927–1929 гг. служил в РККА. В 1929–1931 гг. учился на рабфаке при Харьковском институте народного хозяйства, в 1931–1932 гг. – студент 1-го курса Харьковского инженерно-экономического института. На службе в органах госбезопасности с 1932 г. В 1936–1937 г. – помощник оперуполномоченного и оперуполномоченный 3-го отдела УГБ НКВД УССР, со 2 сентября 1937 г. – помощник начальника 9-го отделения, далее до 1 ноября 1938 г. – и. о. начальника отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР. 27.12.1938 г. назначен и. о. начальника отделения 8-го (промышленного) отдела НКВД УССР. С марта 1940 г. по август 1941 г. – зам. начальника УНКВД – УНКГБ по Днепропетровской области. Участник Великой Отечественной войны. После войны занимал посты зам. нач. УНКГБ – УМГБ Тернопольской области, начальника и зам. нач. УМГБ Кировоградской области, начальника УМВД Полтавской области, зам. нач. УКГБ Запорожской области. Полковник. С 1955 г. на пенсии. Награжден знаком почетного работника ВЧК–ГПУ (XV) (14.08.1938), орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, четырьмя медалями. Подробней см.: *Пет-*

ров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. – Москва, 2010. С. 722.

Райцес Лев Самойлович (1900–1943), родился в г. Лодзе в семье работника одежной фабрики. Еврей. Образование низшее, закончил Львовское начальное училище. На службе в органах государственной безопасности с 1924 г. Работал в УНКВД Днепропетровской области, с января 1937 г. нач. отделения 3-го (контрразведывательного) отдела. В 1937–1938 гг. нач. Мелитопольского райотдела НКВД. 04.03.1938 г. откомандирован в распоряжение НКВД СССР. В 1938–30.04.1939 гг. служил в 3-м (оперативно-чекистском) отделе Дальлага НКВД (нач. отделения, помощник нач. отдела). С 1939 г. – нач. отделения связи в Сталинской области. Арестован 16.03.1940 г. Осужден 12.05.1941 г. Военным трибуналом войск НКВД Хабаровского края к 10 годам лишения свободы. Направлен на фронт постановлением Президиума Верховного Совета СССР 12.09.1942 г. Погиб 14 августа 1943 г. Подробнее см.: *Золотарев В., Степкин В.* ЧК–ГПУ–НКВД в Донбассе 1919–1941. – Донецк, 2010. С. 281–282.

Ратынский-Футер Аркадий Маркович (1902–1939), уроженец Киева, еврей, из семьи владельца токарной мастерской, образование низшее. Член ВКП(б) с 1928 г. В органах ВЧК–ГПУ–НКВД с 1921 г. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ» (XV) (20 декабря 1933 г.) С 22 ноября 1934 г. – начальник ОО УГБ УНКВД Одесской области. Капитан ГБ (8 января 1936 г.). С 28 января 1937 г. – начальник 3-го отделения и по совместительству начальника 5-го (особого) отдела ГУГБ НКВД УССР. С 22 апреля 1937 г. – заместитель начальника 5-го отдела УГБ НКВД УССР. С 20 мая 1938 г. – начальник 3-го (контрразведывательного) отдела УГБ НКВД УССР. 23 июля 1938 г. арестован. 4 марта 1939 г. осужден к ВМН и расстрелян в Москве. Подробнее см.: *Шановал Ю.И., Пристайко В.И., Золотарьев В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 536–537.

Рудницкий Игнат Петрович (1905–?), уроженец станции Черпушко Пермской губернии, русский. Член ВКП(б) с 1927 г. До 23 сентября 1934 г. – оперуполномоченный Особого отделения УГБ Зиновьевского (Кировоградского) горотдела УНКВД Одесской области. С 23 сентября 1934 г. – оперуполномоченный Особого отделения УГБ Житомирского горотдела УНКВД. С 31 октября 1934 г. по 27 сентября 1937 г. – начальник Особого отдела ГУГБ НКВД 15-й авиационной бригады, Одесская область, младший лейтенант ГБ (22 марта 1936 г.) В 1937 г. – врид. начальника Кировского (Кировоградского) горотдела УНКВД Одесской области. С 27 сентября 1937 г. по 26 мая 1938 г. – врид. начальника,

начальник Херсонского горотдела УНКВД Николаевской области, лейтенант ГБ (17 ноября 1937 г.) 19 июля 1938 г. откомандирован в распоряжение НКВД СССР. Участник Второй мировой войны, в боях участия не принимал, старший лейтенант. Награжден двумя орденами Красной Звезды (18 июня 1944 г. и 10 ноября 1945), орденом Отечественной войны 1-й степени (6 апреля 1985 г.).

Рыбальченко Иван Тимофеевич (1901–1939), уроженец села Ново-Георгиевка Херсонской губернии, украинец, из семьи крестьянина-середняка. Член ВКП(б) с 1931 г. В 1935–1936 гг. служил в УНКВД Одесской области. Младший лейтенант ГБ (22 марта 1936 г.). С 1937 г. – начальник Чудновского РО НКВД Житомирской области. С 20 июня 1938 г. – начальник Ярунского РО НКВД Житомирской области. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ» (XV) (14 августа 1938 г.). Арестован в 1939 г. 22–23 ноября осужден к ВМН. Расстрелян.

Сапир Абрам Владимирович (1900–1957), уроженец г. Блудень Гродненской губернии, еврей, из семьи железнодорожника, самоучка. Член ВКП(б) с 1919 г. В органах ВЧК – ОГПУ – НКВД с 1919 г. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ» (XV) (20 декабря 1932 г.). С 11 июня 1935 г. – начальник ИНО УГБ НКВД УССР. Капитан ГБ (13 декабря 1935 г.) С 21 декабря 1936 г. – начальник УНКВД по Молдавской АССР. С февраля 1937 г. – помощник начальника 3-го отдела УГБ НКВД УССР. Арестован 21 февраля 1938 г. 23 сентября 1939 г. освобожден. 25 июня 1941 г. арестован. 21 сентября 1943 г. осужден к 5 годам лишения свободы. Подробнее см.: *Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 546–547; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 374–375.

Сараев Роман Николаевич (1903–?), уроженец Змиева Харьковской губернии, украинец, образование начальное. Член КПСС с 1930 г. (исключен в 1960 г.). В органах ВЧК – ОГПУ – НКВД с 1920 г. С 1935 г. – нач. СПО УГБ Запорожского ГО НКВД. Старший лейтенант ГБ (23 марта 1936 г.) С 8 августа 1937 г. – начальник отделения 4-го отдела УГБ НКВД УССР. С 1 октября до 8 декабря 1937 г. – начальник 4 – го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. 16 ноября 1937 г. назначен начальником 4-го отдела УГБ УНКВД Кировской области. В дальнейшем – на руководящих должностях в НКВД–НКГБ–МГБ – МВД. Полковник (9 октября 1944 г.). Подробнее см.: *Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 547–548; *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. – М., 2010. С. 768–769.

- Святский Александр Хонович (1906–?), еврей, член ВКП(б) с 1927 г. В 1935–1937 гг. – сотрудник УНКВД Одесской области. Сержант ГБ (22 марта 1936 г.). До 28 апреля 1938 г. – оперуполномоченный 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. С 28 апреля 1938 г. – помощник начальника отделения 3-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. В 1938 г. – следователь Кировоградского горотдела НКВД Николаевской области. Участник Великой Отечественной войны с декабря 1941 г. На февраль 1944 г. – гвардии капитан, старший следователь отдела контрразведки СМЕРШ 36-го гвардейского стрелкового корпуса 11-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. Награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Отечественной войны 2-й степени.
- Седнев Анатолий Федотович (1891–?), член ВКП(б) с 1920 г., к моменту ареста в 1938 г. проработал на заводе им. А. Марти 27 лет, от чернорабочего до инженера цеха. В 1940 г. работал в Николаеве на базе Главнефтебсыта.
- Седов Алексей Михайлович (1904–1981), родился в с. Новинки Ковровского уезда Владимирской губернии. Русский, из семьи рабочего. Член ВКП(б) с 1928 г. Пильщик дров. На службе в РККА в 1926–1928 гг. В 1928–1932 гг. работал слесарем. В органах ВЧК–ГПУ–НКВД–МВД с 1932 г., в 1933–1936 гг. зам. по работе ОГПУ–НКВД начальника политотдела совхоза «Большевицкий наступ», с. Великоалександровка Одесской обл. В 1936–1937 гг. оперуполномоченный Николаевского ГО НКВД. В ноябре 1937 – сентябре 1938 гг. – начальник Еланецкого РО НКВД Николаевской обл., в сентябре 1938 – октябре 1938 гг. – начальник Очаковского РО НКВД Николаевской обл. В октябре 1938 – марте 1939 гг. – зам. нач. 9-го (сельскохозяйственного) отдела УГБ УНКВД Николаевской обл. В марте–ноябре 1939 г. – зам. нач. УНКВД Днепропетровской области. В ноябре 1939 – феврале 1940 г. – начальник оперативной группы НКВД УССР, Тернополь. Далее – зам. нач. УНКВД Тернопольской обл. (февраль – август 1940), начальник УНКВД Аккерманской-Измайловской обл. (июль 1940 – март 1941). В годы войны и первые послевоенные годы занимал ряд руководящих должностей. С июня 1953 г. – на пенсии. Подробнее см.: *Петров Н., Скоркин К.* Кто руководил НКВД. С. 376.
- Семенов Александр Александрович (1895–1940?), уроженец г. Херсона, украинец, из семьи рабочих, образование низшее. В 1912–1915 гг. работал слесарем. В 1917–1924 гг. на службе в Красной Армии. В 1924–1930 гг. – сотрудник отделения общества «Осоавиахим» в Зиновьевске. С 1930 г. – зав. спецотделом и зам. нач. отдела кадров Херсонского рыбозавода. В 1939 г. мобилизован для участия в «освободительном походе» в Польшу. Член ВКП(б)

- с 1939 г. Арестован 29 декабря 1939 г. Осужден 28 ноября 1940 г. Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа по статье 206, пункт «б» УК УССР к ВМН.
- Смальченко Василий Дмитриевич (1909–?), уроженец с. Кутановка Лебединского уезда Харьковской губернии, с 12 января 1938 г. – сотрудник «портового» (затем «водного») отделения 11-го отдела УНКВД Николаевской области. Участник Второй мировой войны. Капитан. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».
- Стародубцев Дмитрий Трифонович (1904–?), уроженец дер. Владимировка Владимировского района Одесской губернии, украинец. Отец Стародубцева до 1922 г. работал учителем, в 1923–1938 гг. был псаломщиком Владимировской церкви. Дмитрий Стародубцев в 1921–1926 гг. был комсомольцем, в 1926 г. вступил в члены ВКП(б). Учился в Николаевском судостроительном институте, получил незаконченное высшее техническое образование, был женат. Инженер, до ареста 10 июня 1938 г. работал заместителем начальника бюро технических усовершенствований завода № 200 (г. Николаев). Освобожден 16 ноября 1939 г.
- Старыгин Павел Иванович (1897–1973), уроженец села Большой Пакшик Яранского уезда Вятской губернии, из семьи крестьянина-бедняка, русский, образование низшее, член ВКП(б) с 1921 г. С октября 1937 г. – заведующий отделом руководящих партийных органов Николаевского обкома КП(б)У. С марта 1938 г. – 3-й секретарь Николаевского обкома КП(б)У. В мае 1938 – феврале 1939 г. первый секретарь Николаевского обкома КП(б)У. С 18 июня 1938 г. по 13 мая 1940 г. – член ЦК КП(б)У. В 1939–1949 гг. – народный комиссар/министр мясной и молочной промышленности Украинской ССР. Подробнее см.: *Лозицький В.С.* Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991), – Київ, 2005; *Филиттов С.* Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг. Справочник. – М., 2016.
- Степанов Сергей Александрович (1894–?), член ВКП(б) с 1913 г., в 1920–1921 гг. – председатель губсовнархоза в г. Николаеве, в 1921–1925 гг. – директор судостроительного завода в Николаеве, в 1925–1926 гг. – заместитель управляющего треста (Южмаштрест), в 1927–1929 гг. – директор заводов им. Петровского и им. Ленина в г. Днепропетровске, в 1929–1931 гг. учился в Промакадемии, в 1931–1934 гг. – управляющий Центростали. В мае 1930 г. получил партвысказание, постановлением ЦКК ВКП(б) и Коллегии РКИ СССР от 09.04.1933 г. «О работе по устранению недочетов в работе Центростали» был объявлен строгий выговор. Арестован в конце 1937 г.

- Сторчаева Валентина Александровна, в 1939 г. планировщица цеха № 1 завода № 200 (г. Николаев).
- Сухой Лука Иосипович (1901–?), уроженец с. Текельевка Долинского района Николаевской области. Украинец, беспартийный, образование низшее, из крестьян-середняков, не судим. Работал в 1939 г. пом. уполномоченного РОМ Долинского района УНКВД Николаевской области.
- Сухоленцев Федор Васильевич (1889–?), член ВКП(б) с 1920 г., бывший заместитель председателя Николаевского горсовета, до этого 35 лет отработал на заводе.
- Танфилов Семен Григорьевич (1913–1943?), в 1938 г. – сотрудник УНКВД Николаевской области, сержант ГБ. 2 июня 1939 г. присвоено звание лейтенанта ГБ, в 1939–1940 гг. сотрудник НКВД Дагестанской АССР, до 25 февраля 1940 г. заместитель начальника следственной части НКВД Дагестанской АССР. Уволен «вовсе с исключением с учета» из-за «невозможности использования на работе в Главном управлении государственной безопасности». 3 июля 1941 г. призван в Красную Армию Сталинским РВК г. Харькова. В октябре 1943 г. пропал без вести.
- Твердохлебенко Алексей Михайлович (1905–?), уроженец г. Одессы, украинец, сотрудник органов госбезопасности, член ВКП(б) с 1925 г. До марта 1938 г. работал заместителем заведующего шахтой «София» треста «Макеевуголь». В марте 1938 г. Сталинским обкомом КП(б)У был послан в распоряжение ЦК КП(б)У, откуда был направлен на работу в органы НКВД. В августе 1938 г. ему было присвоено специальное звание лейтенант ГБ, в октябре 1939 г. – старший лейтенант ГБ. С августа 1938 г. зам. нач. отделения 8-го (промышленного) отдела 1-го Управления (госбезопасности) НКВД УССР. С 29 августа 1938 г. по 1939 г. и. о. особоуполномоченного НКВД УССР. В 1940 г. начальник 1-го отдела ЭКУ НКВД УССР. В 1941 г. – зам. начальника СПО НКВД Северной Осетии. В 1942–1943 гг. – начальник ЭКО НКВД Северо-Осетинской АССР. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ», боевым оружием и грамотой НКВД Северо-Осетинской АССР за долголетнюю службу в органах НКВД и успешную борьбу с контрреволюцией, медалью «За отвагу» (1943), орденами Отечественной войны 2-й степени (1945) и Красной Звезды (1949). На август 1949 г. – подполковник. Автор благодарит за предоставленные сведения В. Золотарева.
- Тевосян Иван Федорович (1902–1958), уроженец г. Шуша Елизаветпольской губернии, из семьи портного-кустара, армянин, образование низшее, член ВКП(б) с 1918 г. В августе 1937 г. был образован наркомат оборонной промышленности СССР, в ведение

- которого было также передано судостроение. Тевосян был назначен начальником 2-го главного управления и первым заместителем наркома оборонной промышленности СССР. Назначение совпало с началом реализации постановления советского правительства о создании надводного флота. В январе 1939 г., после создания народного комиссариата судостроительной промышленности СССР, Тевосян возглавил этот наркомат (1939–1940). Позднее – нарком черной металлургии СССР (1940–1946), заместитель председателя Совмина СССР (1949–1953).
- Тейтель Лазарь Михайлович (1902–1938), уроженец г. Остров Ломжинской губернии, еврей, из семьи бухгалтера, образование среднее. Член ВКП(б) с 1927 г. В органах ВЧК – ГПУ – НКВД с 1921 г. Служил в СПО УГБ УНКВД Черниговской области (с 26 декабря 1933 г. – начальник отделения, с 23 июля 1937 г. – врид. начальника отдела). Старший лейтенант ГБ (22 марта 1936 г.). Арестован 16 марта 1938 г. Осужден к ВМН и расстрелян 23 сентября 1938 г. Подробной см.: *Золотарев В., Степкин В.* ЧК–ГПУ–НКВД в Донбассе. 1919–1941. – Донецк, 2010. С. 308.
- Товстик Николай Григорьевич (1902–?), уроженец с. Ольховец Богуславского уезда Киевской губернии, украинец, член ВКП(б) с 1928 г., образование низшее, из крестьян-бедняков. В 1938 г. – нач. паспортного стола РОМ Долинского р-на. В 1939 г. работал начальником милиции Долинского р-на Николаевской обл.
- Толкачов Юрий Николаевич (1900–1938), уроженец Ново-Оскольского уезда Курской губернии, русский, из рабочих. Кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г. С 20 февраля 1934 г. – начальник отделения СПО Одесского облотдела ГПУ. Старший лейтенант ГБ (22 марта 1936 г.). С июня 1937 г. исполнял обязанности заместителя особоуполномоченного НКВД УССР. С 8 декабря 1937 г. – начальник 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области. 28 мая 1938 г. отстранен от должности. 2 июня 1938 г. арестован. 23 сентября 1938 г. осужден к ВМН и расстрелян.
- Трушкин Яков Лукьянович (1904–1941), уроженец г. Керчи, русский, из рабочей семьи, образование низшее. Член ВКП(б) с 1919 г. (имел выговор за формализм) На службе в органах ВЧК–ГПУ–НКВД с 1921 г. С 1927 – старший уполномоченный Днепропетровского окротдела ГПУ. С 1930 – начальник Новомосковского РО ГПУ Днепропетровский оперсектор ГПУ. С 1931 г. – начальник Велико-Токмакского РО ГПУ, Днепропетровский оперсектор ГПУ. С 1932 г. – начальник Щорсовского РО НКВД, Черниговской области. С 1933 г. – начальник Новгород-Северского РО ГПУ, Черниговская область. С апреля 1935 г. – начальник 1-го отделения СПО УГБ УНКВД Черниговской области, с апреля

1938 г. – заместитель начальника 4-го отдела (СПО) УГБ УНКВД Черниговской области. Лейтенант ГБ (23 марта 1936 г.) С 1 июня 1938 г. по 30 июля 1939 г. исполнял обязанности нач. СПО УНКВД Николаевской обл. Арестован 5 августа 1939 г. Осужден 23 марта 1941 г. Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа по статье 206, пункт «б» УК УССР к ВМН. Расстрелян. Был женат, имел двоих детей.

Успенский Александр Иванович (1902–1940), уроженец деревни Верхний Суходол Алексинского уезда Тульской губернии. Русский, из семьи мелкого торговца, образование низшее. Член ВКП(б) с 1920 г. В органах ВЧК–ГПУ–НКВД с 1920 г. Награжден орденом Красного Знамени (22 февраля 1930 г.), знаком «Почетный работник ВЧК» (V) (26 января 1930 г.), знаком «Почетный работник ВЧК» (XV) (4 февраля 1933 г.). С 14 апреля 1933 г. – заместитель полпреда ОГПУ по Московской области. С 19 февраля 1935 г. – заместитель коменданта московского кремля по внутренней охране. Старший майор ГБ (29 ноября 1935 г.). С 28 февраля 1936 г. – заместитель начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю, Новосибирск. С 16 марта 1937 г. – начальник УНКВД по Оренбургской области. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва (1937 г.). С 25 января 1938 г. – нарком внутренних дел УССР. Комиссар ГБ 3-го ранга (25 января 1938 г.). Кандидат в члены ЦК КП(б)У. Награжден орденом Ленина (2 июля 1937 г.), 14 ноября 1938 г. инсценировал самоубийство и перешел на нелегальное положение. 15 апреля 1939 г. арестован в г. Миасс Челябинской области. 27 января 1940 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР осужден к ВМН. Расстрелян. Подробнее см.: *Золотарьов В.А.* Александр Успенський: особа, час, оточення. – Харків: Фоліо, 2004.; *Хинштейн А.Е.* Подземелья Лубянки. – М., 2005. С. 224–251; *Золотарьов В.* Фаворит Єжова: сторінки біографії наркома внутрішніх справ УРСР О.І. Успенського // Політичні репресії в Українській РСР: дослідницькі рефлексії та інтерпретації. До 75-річчя «Великого терору» в СРСР. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Київ. 15 березня 2012 р. – Київ, 2013. С. 164–187; *Бажан О., Золотарьов В.* Александр Успенський: «Я вважаю себе учнем Миколи Івановича Єжова» // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2014. № 1. С. 344–398.

Федин Михаил Лазаревич, в 1938 г. мастер цеха № 1 завода № 200 (г. Николаев).

Федоровский Арон Юдкович (Адольфович) (1902–?), уроженец г. Радомысль Киевской губернии, из мелких торговцев, еврей, образование низшее, член ВКП(б) с 1929 г. В 1919–1920 гг. делопроизводи-

тель упродкома, в 1920–1922 гг. делопроизводитель Уездвоенпродснаба в Радомысле. На службе в органах ОГПУ с 1922 по 1924 г. и с 1925 г., в РККА служил с 1924 по 1925 г. В 1935–1938 гг. работал в УНКВД Днепропетровской области (оперуполномоченный транспортного отдела УГБ, начальник отделения 4-го отдела УГБ), лейтенант ГБ (23 марта 1936 г.). Работал в УНКВД Николаевской области: с июня 1938 г. – помощник начальника 3 отделения 4 отдела УГБ, с августа 1938 г. – начальник 3-го отделения УГБ, с марта 1939 г. – начальник отделения ЭКО. 22 октября 1940 г. «уволен вовсе» с исключением с учета по причине «невозможности использования на работе в Главном управлении государственной безопасности».

Федотов Александр Павлович (1913–?), уроженец г. Кадиевки Екатеринославской губернии, русский, образование среднее, член ВКП(б) с 1938 г., на март 1938 г. – сотрудник 4-го отдела УГБ УНКВД Николаевской обл., сержант ГБ (23 августа 1938 г.). В 1939 г. – зам. нач. 1-го отделения, затем начальник 2-го отделения ЭКО УНКВД Николаевской обл. В 1941 г. – зам. нач. ЭКО УНКВД Николаевской обл.

Федяев Иван Федорович (1904–1940), уроженец дер. Березуево Ярцевского р-на Смоленской обл., русский, из семьи батрака. В 1911–1916 гг. посещал школу, также имел незаконченное образование автомеханика. В 1920-е годы работал на ткацкой фабрике, после чего был принят на службу в органы милиции. В годы коллективизации принимал активное участие в борьбе с бандитизмом, за что неоднократно поощрялся начальством. Член ВКП(б) с 1931 г. В 1931 г. – инспектор Контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции на Днепрострое, председатель комиссии по чистке советского аппарата. Закончил курсы розыскников-оперативников. С декабря 1931 г. по декабрь 1932 г. учился в Запорожском автомобильном техникуме. С 1933 г. – сотрудник органов госбезопасности. В 1936 г. – сотрудник УНКВД Днепропетровской области, сержант ГБ. С 27 октября 1937 г. по апрель 1938 г. – оперуполномоченный 4-го отдела Херсонского ГО НКВД. В апреле 1938 г. уволен из органов НКВД. С апреля 1938 г. по август 1938 г. – нач. спецгруппы профсоюзов г. Николаева. С 1 сентября 1938 г. по декабрь 1939 г. – заместитель директора Херсонского государственного педагогического института по административно-хозяйственной части. Арестован 8 декабря 1939 г. Осужден 28 ноября 1940 г. Военным трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа по статье 206, пункт «б» к ВМН. Расстрелян. Был женат, воспитывал двоих детей.

- Фих Моисей Лейбович (1894–?), еврей, бухгалтер конторы торгово-производственного отдела УНКВД Николаевской обл. Осужден тройкой УНКВД 9 декабря 1937 г. к 10 годам лагерей.
- Фишер Иосиф Борисович (1896–?), уроженец с. Тростянец Подольской губернии, еврей, из семьи мелкого торговца. Член ВКП(б) с 1925 г. Образование: в 1918–1919 гг. являлся слушателем вечерних курсов в Одессе, в 1919 г. – 9-х пехотных курсов РККА. На службе в органах государственной безопасности с февраля 1919 г. В годы Большого террора – нач. 3-го отдела УГБ УНКВД Винницкой области (январь – август 1937 г.), нач. 3-го отдела УГБ УНКВД Харьковской области (август – октябрь 1937 г.), нач. УНКВД Николаевской области (октябрь 1937–3 марта 1938 г.); зам. нач. Строительства № 203 НКВД, г. Молотовск (июнь – сентябрь 1938 г.), заместитель нач. Управления Вятского ИТЛ НКВД (октябрь 1938 – июль 1939 гг.). Уволен из НКВД 14 сентября 1939 г.; пенсионер. В годы Великой Отечественной войны вновь на службе в органах госбезопасности: зам. нач. ОО НКВД Ейской военно-морской базы (июль 1941 – июль 1942 гг.); зам. нач. ОО НКВД армии, Калининский фронт (июль 1942 г. – март 1943 г.); зам. нач. ОО НКВД 2-го штурмового авиакорпуса (март–апрель 1943 г.); зам. нач. ОКР СМЕРШ армии (апрель–июль 1943 г.). Подполковник ГБ. Далее занимал ответственные посты в хозяйственных органах. Исключен из КПСС Одесским обкомом КП Украины в 1958 г. Подробнее см.: *Шаповал Ю.И., Пристайко В.И., Золотарьов В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С. 563–565; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 424.
- Фомин Леонид Павлович (1906–?), уроженец с. Благодатное Херсонского округа Одесской губернии, украинец, член ВКП(б) с 1931 г., исключен в связи с арестом в 1938 г. Из крестьян – мало-мощных середняков, производственный стаж с 1925 г. Служащий, образование высшее, женат. На заводе № 200 начал работать с 1929 г., а до этого работал на заводе № 198. На заводе № 200 прошел путь от судового разметчика до начальника корпусного цеха. В 1933–1936 г. служил в Военно-морском флоте. Арестован 19 июля 1938 г., освобожден 8 апреля 1939 г. В 1940 г. вновь работал начальником корпусного цеха завода № 200.
- Фриновский Михаил Петрович (1898–1940), уроженец г. Наровчат Пензенской губернии. Русский, из служащих, образование низшее, член ВКП(б) с 1918 г. В органах ВЧК–ГПУ–НКВД с 1919 г. С 11 июля 1934 г. по 15 апреля 1937 г. – начальник Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР. Комкор (29 ноября 1935 г.). С 16 октября 1936 г. по 15 апреля

- 1937 г. – заместитель наркома внутренних дел СССР. С 15 апреля 1937 г. по 8 сентября 1938 г. – первый заместитель наркома внутренних дел СССР. С 8 сентября 1938 г. – нарком Военно-Морского Флота СССР. Командарм 1-го ранга (14 сентября 1938 г.). Арестован 6 апреля 1939 г. 4 февраля 1940 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР осужден к ВМН. Расстрелян 8 февраля 1940 г. Подробней см.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 425–426
- Храпко Иван Ермолович (1862–?), украинец, образование низшее. По профессии рабочий, печник. Член партии эсеров-максималистов, бывший политкаторжанин. В советское время беспартийный, красный партизан, не судим. Наград не имел.
- Цехановский Г.И., мастер разметной корпорации цеха № 1 завода № 200 (г. Николаев).
- Черкес Тарас Тихонович (1906–?), уроженец села Цибулево Херсонской губернии, украинец, из батраков, образование низшее. Член ВКП(б) с 1931 г. В марте 1938 г. по партийной мобилизации направлен на работу в НКВД. С марта 1938 г. – оперуполномоченный 4-го отдела. В августе 1939 г. – начальник спецчасти хлебтреста в Николаеве.
- Черницкий Владимир Давидович (1883–?), уроженец г. Николаева, украинец. Образование среднее техническое. Беспартийный. В 1940 г. работал техником телеграфно-телефонного отдела Николаевской областной администрации.
- Чикалов Тимофей Иванович (1888–?), уроженец с. Богоявленское Херсонского округа Одесской губернии, украинец, из крестьян-бедняков, рабочий, с низшим образованием, производственный стаж с 1903 г. Член РКП(б) с 1922 г., исключен в связи с арестом по делу о пожаре на судостроительном заводе № 200. Арестован 7 августа 1938 г., освобожден в 1939 г. В 1941 г. работал старшим мастером завода № 200 в Николаеве.
- Чулков Матвей Федорович (1904–?), из семьи рабочего, член ВКП(б) с 1930 г., имел партийный выговор, снятый во время чистки. В 1940 г. – старший мастер на судостроительном заводе № 200 (г. Николаев).
- Шепетин Авраам Мордкович (1896–1939), уроженец Луцка, еврей, из семьи часовщика, образование низшее. Член ВКП(б) с 1919 г. (в 1917–1918 гг. – член Бунда). С 7 июня 1935 г. – начальник СПО УГБ УНКВД Черниговской области. Старший лейтенант ГБ (8 января 1936 г.). 27 июня 1937 г. уволен в запас. 26 марта 1938 г. арестован. 17 марта 1939 г. повесился в тюремной камере. Подробней см.: *Шаповал Ю., Золотарьов В.* Всеволод Балицкий: особа, час, оточення. – Київ, 2002.

- Шлем Харкеевич Меерсон (1901–?), уроженец г. Харькова, рабочий, член ВКП(б). Осужден в 1937 г., оправдан.
- Шор Сысой Абрамович (1906–?), уроженец г. Луганска, еврей. Из рабочих, образование низшее. Член ВКП(б) с 1930 г. В 1920–1921 гг. – на службе в РККА. Сотрудник органов государственной безопасности, сержант ГБ (20.06.1936). До 28 апреля 1938 г. – начальник Хорловского райотдела НКВД Николаевской области. С 28 апреля 1938 г. – начальник Скадовского райотдела НКВД Николаевской области. На сентябрь 1939 г. – нач. 3-го (контрразведывательного) отделения Херсонского ГО НКВД. В 1940 г. – нач. 3-го отделения 2-го отдела УНКВД Николаевской области.
- Шорин Алексей Михайлович (1900–?), член ВКП(б), партийный организатор цеха судостроительного завода № 200.
- Шурховецкий Венедикт Георгиевич (1894–?), уроженец г. Николаева, украинец, среднее образование, член ВКП(б) с 1927 г. Во время революции служил в Красной гвардии рядовым бойцом. В 1940 г. – нач. отдела труда и сбыта Николаевского областного стройтреста.
- Щербина Николай Васильевич (1890–?), уроженец с. Николаевка Амвросиевского района Донецкой губернии, украинец, из крестьян. Член ВКП(б) с 1917 г. После окончания Енакиевского (Екатеринославская губ.) ремесленного училища работал в 1905–1918 гг. слесарем на местном металлургическом заводе. В 1930 г. закончил Промакадемию. Далее работал на судостроительных заводах в Севастополе и Сталинграде. С 25 сентября 1936 г. по 2 сентября 1937 г. – директор судостроительного завода № 200 (г. Николаев). Арестован 2 сентября 1937 г., по некоторым данным освобожден в 1939 г. В 1942–1944 гг. – директор Рыбинского завода кадетеростроения.
- Эльзон Давид Зельманович (1908–?), уроженец Казатина Бердичевского уезда Киевской губернии, еврей, член ВКП(б). До 9 сентября 1937 г. – помощник оперуполномоченного 4-го отдела УГБ УНКВД по Одесской области. Сержант ГБ (13 мая 1937 г.) В 1939 г. заместитель начальника 1-го отделения 2-го отдела УНКВД Николаевской области. В 1940 г. откомандирован в Западную Украину. Участник Второй мировой войны на Юго-Западном, Северо-Кавказском, 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. На март 1945 г. – зам. нач. отдела контрразведки СМЕРШ 260-й стрелковой дивизии 47-й армии, капитан. Был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.
- Юрченко Иван Тимофеевич (1903–1971), уроженец с. Августиновка Екатеринославской губернии, украинец, из семьи крестьянина-бедняка, образование высшее. Член КПСС с 1928 г. В сентябре 1937 г. – январе 1939 г. – 1-й секретарь Базарского райкома КП(б)У

Киевской/Житомирской области. С 15 января 1939 г. до октября 1940 г. – начальник УНКВД Николаевской области. Капитан ГБ (21 февраля 1939 г.) 18 октября 1940 г. уволен в запас. В годы Второй мировой войны в Особых отделах НКВД – ОКР Смерш. Подполковник ГБ (11 февраля 1943 г.). Подробнее см.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 458.

Якименко Алексей Гаврилович, бывший сотрудник УНКВД Николаевской области. В августе 1938 г. присвоено специальное звание сержант ГБ.

Якушкин Сергей Дмитриевич, в 1939 г. старший мастер цеха № 1 завода № 200 в Николаеве.

2. Глоссарий

Военная коллегия Верховного Суда СССР – орган Верховного Суда СССР, предназначенный для судебного разбирательства особых дел. Первоначально предусматривался только для осуждения начальствующего состава армии и флота, а также лиц, обвиненных в государственной измене. Во время Большого террора использовался для осуждения представителей советских военных, партийно-государственных и творческих элит, инженеров, ученых, а также сотрудников НКВД. Кроме того, на Военную коллегию был возложен контроль за деятельностью военных трибуналов (см.: Военные трибуналы войск НКВД).

Военные трибуналы войск НКВД – военная прокуратура и военный трибунал войск НКВД были образованы на основании совместного приказа НКВД СССР, Прокурора СССР и Верховного Суда СССР от 7 октября 1934 г. «О реорганизации военных трибуналов и военных прокуратур пограничной и внутренней охраны». Структура военных прокуратур и военных трибуналов носила административно-территориальный характер. Они были созданы в краях, областях, союзных и автономных республиках, округах войск НКВД, при крупных исправительно-трудовых лагерях и специальных строительствах НКВД СССР. Руководство военными трибуналами осуществлялось со стороны военной коллегии Верховного Суда СССР, где имелся 3-й отдел Военных трибуналов войск НКВД. Всего в предвоенные годы было создано 76 военных трибуналов войск НКВД. В компетенцию военных трибуналов входило рассмотрение дел о наиболее опасных государственных преступлениях граждан, сотрудников органов внутренних дел, государственной безопасности, уголовно-исполнительной

системы, военнослужащих войск НКВД. На военные прокуратуры войск НКВД был возложен надзор за следственными подразделениями НКВД, милицией, войсками НКВД, местами заключения и ведение следствия по воинским преступлениям и общеуголовным, совершенных военнослужащими¹. Порядок осуждения сотрудников НКВД трибуналами войск НКВД военных округов был официально легализован только 13 декабря 1940 года².

Двойка – внесудебный орган, выносивший приговоры лицам, осужденным в ходе так называемых национальных операций (операций по «национальным линиям»), которые были направлены против немцев, поляков, латышей, греков, турок, иранцев, японцев и т. д. В состав *двойки* входили прокурор республики, края или области и, соответственно, народный комиссар внутренних дел республики, начальник краевого или областного управления НКВД. Важнейшее формальное отличие *двоек* от *троек* на местах заключалось в том, что *двойки* не могли приводить в исполнение свои приговоры *без* предварительной санкции со стороны так называемой *Высшей двойки* в Москве, действовавшей в составе председателя – народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова и члена – прокурора СССР А.Я. Вышинского. С этой целью составлялись «альбомы», включавшие в себя по аналогии с протоколами «*кулацкой*» *тройки* короткие справки на каждого арестованного с предложением о приговоре. Эти «альбомы» отправлялись вместе со следственными делами в Москву, где должны были получить санкцию *Высшей двойки*. Замена *двоек* «национальными» *тройками* была произведена согласно оперативному приказу НКВД СССР № 00606 «Об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и других» за подписью Н.И. Ежова от 17 сентября 1938 г. Триумвират «национальной» *тройки* формировался на местах, как и в случае с «*кулацкой*» операцией, из народного комиссара внутренних дел республики, начальника краевого или областного управления НКВД, прокурора и секретаря республиканского ЦК, краевого или областного комитета ВКП(б).

Край – область, включавшая в себя этнические административно-территориальные образования.

«Кулацкая» операция – см. «тройка».

«Кулацкая» тройка – см. «тройка».

Межрайонпергруппа – см. «оперативные секторы».

Милицейская тройка – см. «тройка».

Национальные линии – см. «двойка», «тройка».

Национальные операции – см. «двойка», «тройка».

Национальная тройка – см. «двойка», «тройка».

Область – см. «край».

Оперативный сектор – временная структура органов госбезопасности, созданная в целях оперативного руководства массовыми операциями Большого террора. На Украине каждая из областей была разделена на оперативные секторы, т. н. кусты, во главе с назначенными руководителями межрайонных следственных групп. К середине июля 1937 г. Винницкая, Киевская, Харьковская и Черниговская области были разделены на 7 оперативных секторов, Днепропетровская, Донецкая и Одесская – на 5, Молдавская АССР – на 2, соответственно вся УССР – на 45 секторов. Начальник УНКВД УССР по Киевской области Н.Д. Шаров видел преимущество такого деления в следующем: «В целях приближения оперативного руководства периферийными органами НКВД по проведению этой операции, в 7-ми пунктах области (Киев, Житомир, Коростень, Новоград-Волынский, Умань, Черкассы и Белая Церковь) были созданы оперативно-следственные группы с прикреплением к ним близрасположенных районов». Лимиты, выделенные Москвой республикам, краям и областям, были в свою очередь распределены между оперативными секторами. Центральная роль в операции выпала на долю руководителей межрайонных оперативных следственных групп³. Штат сотрудников оперативного сектора состоял, по всей вероятности, как из сотрудников райотделов (горотделов) милиции, так и сотрудников госбезопасности⁴.

Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) – общественная организация, созданная в СССР в 1927 г. В 1930–1940-е гг. занималась полувоенной подготовкой населения, в первую очередь – подготовкой кадровой смены для военной авиации.

Особоуполномоченный – См. «особая инспекция».

Особая инспекция – служба внутренней безопасности в советских органах тайной полиции в 1941–1947 гг. В 1923–1924 гг. эти функции отправляла Комиссия по борьбе со взяточничеством. В 1920-х гг. была введена должность особоуполномоченного в ОГПУ СССР и ГПУ союзных республик. В 1934–1941 гг. в структуру НКВД была введена должность особоуполномоченного. Аппараты особоуполномоченного были созданы на союзном, республиканском, краевом и областном уровнях. К их компетенции относились следующие задачи: выполнение специальных поручений, связанных с проверкой и расследованием дел о сотрудниках НКВД, совершивших правонарушения; проверка материалов по заявлениям, жалобам, рапортам о должностных преступлениях; возбуждение уголовных дел в отношении сотрудников НКВД

и их расследование; проведение обследования отдельных участков работы местных органов НКВД. В 1941 г. на смену особоуполномоченным пришла Особая инспекция отдела кадров НКВД СССР и союзных республик, а также краевых и областных управлений НКВД. Особоуполномоченные республиканского аппарата НКВД Украинской СССР и сотрудники Особой инспекции, при поддержке соответствующих областных структур, осуществляли и контролировали весь ход кампании по наказанию нарушителей социалистической законности.

Особое совещание при НКВД СССР – карательный орган, созданный согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. после упразднения Особого совещания при Коллегии ОГПУ СССР. Ликвидирован 1 сентября 1953 года. В состав Особого совещания входили заместитель наркома внутренних дел СССР, уполномоченный НКВД по РСФСР, начальник Главного Управления Рабоче-крестьянской милиции, а также нарком внутренних дел той республики, на территории которой было совершено преступление. Имел право приговаривать к лишению свободы, ссылке и выносить ряд других наказаний. Во время Большого террора играл вспомогательную роль, имел право выносить приговор в виде лишения свободы на срок не более восьми лет лагерей. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» определялось, что на рассмотрение Особого совещания должны передаваться только те дела, которые не могли быть расследованы гласно по оперативным сообщениям. Особое совещание не может рассматриваться как часть судебной системы, поскольку дело разбиралось в отсутствие не только обвиняемого, но и адвоката.

Просвита – всеукраинское общество «Просвещение» имени Тараса Шевченко – общественная организация, образованная на Украине в 1886 г. Ставила своей целью просвещение широких народных масс в интересах формирования украинской нации.

СМЕРШ (Главное управление контрразведки «Смерть шпионам» Народного комиссариата обороны СССР) – советская военная контрразведка, основана 19 апреля 1943 г., ликвидирована в мае 1946 г. Главной задачей СМЕРШ являлась борьба с немецким шпионажем, а также с «предателями, дезертирами и криминальными элементами». Органы контрразведки СМЕРШ также занимались фильтрацией и проверкой бойцов и командиров Красной Армии, побывавших в плену или в окружении, «зачисткой» прифронтовой полосы от немецкой агентуры и «антисоветских элементов».

Тройка – внесудебный орган из трех человек, создававшийся для быстрого массового осуждения на областном, краевом и республиканском уровнях. В состав тройки, как правило, входили народный комиссар внутренних дел (начальник УНКВД), первый секретарь комитета ВКП(б) и прокурор. Во время Большого террора функционировали три типа троек: «кулацкая» тройка, «национальная» тройка и «милицейская» тройка. «*Кулацкая*» тройка была создана для внесудебного осуждения жертв в ходе операции по приказу НКВД СССР № 00447 в отношении «кулаков, уголовников и других контрреволюционных элементов». Тройка имела право выносить приговоры к пяти, восьми, десяти годам лагерей, а также ВМН. «*Национальная*» тройка являлась инструментом репрессий против иностранцев, проживавших в Советском Союзе, а также представителей национальных меньшинств, происходивших из стран, которые входили во враждебное СССР окружение. Основанием для репрессий послужили «линейные» (национальные) приказы НКВД в отношении поляков, немцев, латышей, греков, турок, иранцев, японцев и т. д. «*Милицейские*» тройки были созданы повсеместно в СССР в мае 1935 г. для «рассмотрения дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах». Однако на Украине «милицейская» тройка функционировала на республиканском уровне уже с 1929 г. Как правило, председателем тройки являлся начальник управления НКВД или его заместитель, членами – областной (краевой) прокурор и начальник управления рабоче-крестьянской милиции либо начальник соответствующего отдела милиции, готовившего следственные дела, подлежавшие рассмотрению на заседании «милицейской» тройки. Секретарь тройки, также присутствовавший на заседаниях, был либо сотрудником управления государственной безопасности (УГБ), либо милиции. «Милицейская» тройка имела право судить «социально-вредные элементы», то есть бродяг, попрошайек, воров, проституток, нарушителей паспортного режима и т. п. и приговаривать к сроку до пяти лет лагерей⁵.

Харбинцы – по названию города Харбин (Манчжурия) – являлись советскими гражданами, служащими Китайско-восточной железной дороги (КВЖД). После продажи железной дороги в 1935 г. Маньчжоу-Го (фактически Японии) были возвращены в Советский Союз. В рамках так называемых национальных операций была проведена «харбинская операция» (приказ № 00593 от 20 сентября 1937 г.), в результате 46317 человек были арестованы, из них 30992 осуждены к расстрелу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Забава А.* Прокуратуры и трибуналы войск НКВД // <http://www.pograpes.ru/showthread.php?t=32701> (06.03.2017).

² Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об изменении подсудности военных трибуналов». 13.12.1940 // Организация суда и прокуратуры СССР / Сост. Н.А. Баженова. – М., 1988. С. 69.

³ Об особенностях формирования и работы межрайонных оперативных следственных групп см.: *Золотарёв В.* Діяльність органів радянської держбезпеки зі здійснення «куркульської операції» у Харківській області (1937–1938 рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2007. № 1. С. 158–171; *Золотарёв В.А.* Особенности работы УНКВД по Харьковской области во время проведения массовой операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М., 2009. С. 572–594.

⁴ См. более подробно: «Через трупы врага на благо народа». Т. 1. С. 54, 124.

⁵ Более подробно о разных типах троек см.: *Юнге М.* Массовые операции НКВД // Большевицкий порядок в Грузии. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. – М., 2015. С. 44–54.

3. Источники и литература

Архивные документы

ГА НикО Украины. Государственный архив Николаевской области Украины.

Фонд П-7. Николаевский областной комитет коммунистической партии Украины.

Фонд Р-5859. Управление службы безопасности Украины Николаевской области.

ОГА СБУ. Отраслевой государственный архив службы безопасности Украины.

Киев:

Фонд 5. Уголовные дела на реабилитированных лиц.

Фонд 6. Уголовные дела на реабилитированных лиц.

Фонд 9. Нормативно-распорядительные документы ЧК – КГБ.

Фонд 12. Личные дела бывших сотрудников органов безопасности.

Фонд 13. Коллекция печатных изданий КГБ УССР.

Фонд 16. Секретариат ГПУ–КГБ УССР.

Николаев:

Фонд 5. Уголовные дела на реабилитированных лиц.

Д. 818. Личное дело П.А. Новакова.

Д. 4447. Личное дело А.И. Лигермана.

Фонд 6. Уголовные дела на реабилитированных лиц.

Д. 3688-с. Архивно-следственное дело на Н.В. Щербину и других.

Д. 1192-с. Архивно-следственное дело на Л.П. Фомина, Л.М. Гладкова и других.

Херсон:

Фонд 5. Уголовные дела на реабилитированных лиц.

Д. 2372. Архивно-следственное дело на И.Ф. Федяева и других.

Д. 4998. Личное дело А.А. Семенова.

Д. 1963. Личное дело А.П. Протопопова.

Кротивницький (бывший Кировоград):

Фонд 5. Уголовные дела на реабилитированных лиц.

Д. 2592. Личное дело Н.Г. Шевченко.

Д. 6941. Дело особой инспекции по обвинению П.В. Клишевского, А. Кривошеева, П.Я. Коробцева и других.

ОСД ГА АК. Отдел специальной документации Государственного архива Алтайского края.

Фонд Р2. Управление ФСБ Российской Федерации по Алтайскому краю.

ЦАМО. Центральный архив Министерства обороны России.

Фонд 33. Наградные документы Главного управления кадров Министерства обороны РФ.

Фонд 58. Документы о безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне.

Фонд 138. Управление Одесского военного округа.

Картотека награждений.

Опубликованные источники

Барсуков Олексій Олександрович, 1892 // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. – Київ – Миколаїв, 2005. С. 458.

Витяг з протоколу допиту свідка О.Є. Гаврилова. 24.05.1956 // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. – Київ – Миколаїв, 2005. С. 269–270.

Выступление тов. Успенского на XIV съезде КП(б)У // *Бажан О., Золотарьов В.* Олександр Успенський: «Я вважаю себе учнем Миколи Івановича Єжова» // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2014. № 1. С. 363–397.

«До конца разгромить вражескую агентуру. Обзор писем и откликов трудящихся на статьи П.В. Карамышева “О методах и приемах подрывной работы фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры”» // Южная правда. 15.07.1938. № 155. С. 3.

Документи з історії НКВД УРСР // Наше минуле. – Київ, 1993. С. 39–150.

История ВКП(б). Краткий курс. Учебник по истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). – М., 1938.

Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939 / Сост. А.Н. Жуков // <http://nkvd.memo.ru/index.php/> (21.10.2017).

Калинин М.И. «За большой советский морской флот». Из речи на собрании рабочих, инженеров и технических работников и служащих завода им. Орджоникидзе в Ленинграде от 19 июня 1938 г. // Южная правда. 08.07.1938. № 148. С. 2.

Карамышев П.В. Выше революционную бдительность // Южная правда. 23.05.1938. № 110.

Карамышев П.В. О методах и приемах подрывной работы фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры // Южная правда. 23.05.1938. № 110; 24.05.1938. № 111; 04.06.1938. № 120; 09.06.1938. № 124; 30.06.1938. № 144; 04.07.1938. № 146; 10.07.1938. № 151.

Краткий курс истории СССР. Учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. – М., 1937.

Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Том 33. – М., 1960.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2004.

Міністерство внутрішніх справ України: події, керівники, документи та матеріали (1917–2017 рр.). Т. 4. Народний комісаріат внутрішніх справ радянської України: реорганізації, зміна статусу, правових основ, основні напрями діяльності (грудень 1930 р. – 21 червня 1941 р.) / Авт. кол.: М.Г. Вербенський, О.Н. Ярмиш, Т.О. Проценко, В.О. Криволапчук, В.В. Ткаченко, В.М. Чисніков, Т.А. Плугатар, В.А. Довбня, О.В. Кожухар, О.В. Пристайко, В.А. Золотарьов: за заг. ред. А.Б. Авакова. – Харків, 2015.

«Навести большевистский порядок на водном транспорте» // Южная правда. 30.03.1938. № 67. С. 1.

«Наши кандидаты в депутаты Верховного Совета УССР: Петр Карамышев» // Южная правда. 30.05.1938. № 116.

«Первая Николаевская партийная конференция закончила свою работу» // Южная правда. 30.05.1938. № 116. С. 1.

Политико-экономическая характеристика Одесской области. Начало июля 1937 г. // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. – М. 2010. Т. 1. С. 418–433.

«Полностью выполнить решения областной партийной конференции партии» // Южная правда. 30.05.1938. № 116. С. 1.

Постановление Политбюро об учете, проверке и утверждении в ЦК ВКП(б) ответственных работников Наркомвнудела, Комитета обороны, Наркомата обороны, Наркомата военно-морского флота, Наркоминдела, Наркомата оборонной промышленности, Комиссии партийного контроля и Комиссии советского контроля. 20.09.1938 // Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. – М., 1995. С. 42–44.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О составе комиссии политбюро ЦК по судебным делам» с приложением записки М.И. Калинина // <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58627> (21.04.2017).

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 17.11.1938 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2004. С. 607–611.

Приказ № 00606 Народного комиссара внутренних дел СССР «Об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др[угих]» 17.09.1938 // Большевицкий порядок в Грузии. Т. 2: Документы и статистика / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. – М., 2015. С. 165–167.

Протокол допроса бывшего сотрудника Особого отдела НКВД УССР Л. Готовцева в Военной прокуратуре КВО о его причастности к расследованию дела «НСНУ» 3 декабря 1955 г. // Дело «Национального союза немцев на Украине» 1935–1937 гг.: Документы и материалы / Сост. А. Рублев. Редактор А. Айсфельд. – Киев, 2016. С. 496–508.

Протокол огляду архівно-слідчої справи колишніх співробітників УНКВС Миколаївської області. 07.02.1956 // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. – Київ – Миколаїв, 2005. С. 264–269.

Протокол огляду архівно-слідчої справи колишнього співробітника Сланецького райвідділу НКВС І.Ф. Мартиненка // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга перша. – Київ – Миколаїв, 2005. С. 275–280.

Реабілітовані історією. Кіровоградська область. Книга 2 / Обласна редакційна колегія; С.М. Неділько (голова) та ін. – Київ – Кіровоград, 2004.

Резунов М.Д. Советское государство и социалистическое общество. – Ленинград, 1934.

«Сегодня все на выборы Верховного Совета Украины» // Южная правда. 25.06.1938. № 139. С. 8.

Справка временно исполняющего обязанности начальника 7-го отдела УГБ УНКВД Николаевской области Д.Б. Давиденко о количестве рабочих на оборонных заводах № 198 и № 200 // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 г. / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова и др. Т. 2. – М., 2010. С. 585–586.

Справа групи колишніх співробітників НКВС Молдавської АРСР // Комуніст. 5876. 30.12.1938. № 299. С. 4; 5877. 31.12.1938. № 300. С. 4; 5878. 01.01.1939. № 1. С. 4.

Сталин И.В. XVI съезд ВКП(б) 26 июня – 13 июля 1930 г. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. // *Сталин И.В.* Полное собрание сочинений. Т. 12. – М., 1951. С. 235–373.

Сталин И.В. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // *Сталин И.В.* Полное собрание сочинений. Т. 12. – М., 1951. С. 191–199.

Сталин И.В. Итоги первой пятилетки: доклад 7 января 1933 г. // *Сталин И.В.* Полное собрание сочинений. Т. 13. – М., 1951. С. 161–215.

Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. – М., 1995.

Стальгевич А.К. К вопросу о бухаринском понимании государства // Советское государство. 1935. № 3. С. 130–133.

Телеграма заступника наркома НКВС СССР М. Фріновського начальнику УНКВС Миколаївської області П. Карамішеву про ліквідацію «шпигунсько-диверсійних та контрреволюційних формувань» на оборонних заводах. 17.06.1938 // Реабілітовані історією. Миколаївська область. Книга четверта. – Київ – Миколаїв, 2008. С. 261–263.

Кримінальний кодекс УРСР. Офіційний текст зі змінами й доповненнями на 1 жовтня 1938 р. – Київ, 1938.

Указания наркома тов. Леплевского на совещании по вопросу организации новых облуправлений НКВД от 1 октября 1937 г. // «Через трупы врага на благо народа». Т. 1. – М., 2010. С. 198–199.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об изменении подсудности военных трибуналов». 13.12.1940 // Организация суда и прокуратуры СССР / Сост. Н.А. Баженова. – М., 1988. С. 69.

Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки / Авт.-упоряд. Ю. Шаповал [та ін.]. – Київ, 2009.

Фих Мойсей Лейбович (1894–?) // Реабілітовані історією. Кіровоградська область. Книга 2 / Обласна редакційна колегія; С.М. Неділько (голова) та ін. – Київ – Кіровоград, 2004. С. 204.

«Через трупи врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. В двух томах. Т. 1: 1937 г. Подготовка приказа № 00447. Первый этап «кулацкой операции»; Т. 2: 1938–1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности» / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Р. Биннер, Г.А. Бордюгов, С.А. Кокин, О.А. Довбня. – М., 2010.

Эхо Большого террора. Том 1: Партийные собрания и оперативные совещания УНКВД НКВД УССР (ноябрь 1938 – ноябрь 1939 гг.) / Сост. В. Васильев, Л. Виола, Р. Подкур. – Москва, 2017.

Mitin M.B. Der proletarische Staat und die Änderungen in der Verfassung der UdSSR // Unter dem Banner des Marxismus. 9. 1935. № 1. С. 1–20.

Література

Абрамов В. Евреи в КГБ. – М., 2005.

Бажан О., Золотарьов В. «В Одесі діти, які проживали неподалік облуправління, граючи між собою, кричали “Колись, шпигун”». Штрихи до портрета начальника УНКВС Одеської області Павла Кисельова // Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 23. – Одеса, 2017. С. 121–141.

Бажан О., Золотарьов В. Олександр Успенський: «Я вважаю себе учнем Миколи Івановича Єжова» // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2014. № 1. С. 344–398.

Білокінь С. Двадцять років єврейської державності в Україні, 1918–1938 // Персонал. 2004. № 1. С. 18–20; № 2. С. 18–27.

Білокінь С. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 рр.): Джерелознавче дослідження. Т. 1. – Київ, 1999.

Білокінь С. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР. 1917–1941 рр.: джерелознавче дослідження. Т. 2. – Київ, 2016.

Білокінь С. Соціальний портрет чекістів // Персонал. 2003. № 8. С. 39–46.

Вепрев О.В., Лютов В.В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. – Челябинск, 2002. С. 311–312.

Буяков А.М. Ведомственные награды ОГПУ–НКВД. 1932–1940 гг. Часть II. Знак «Почетный работник ВЧК–ГПУ» (XV). – Владивосток, 2008.

Виола Л. Täter, perpetrator, «исполнители», «палачи», «каратели» // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Россман. – М., 2017. С. 7–13.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / Сост. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, В.А. Исупов, И.Н. Киселев. – М., 1992.

Забава А. Прокуратуры и трибунал войск НКВД // <http://www.proganec.ru/showthread.php?t=32701> (06.03.2017).

Золотарев В.А., Степкин В. ЧК–ГПУ–НКВД в Донбассе. 1919–1941. – Донецк, 2010.

Золотарьов В.А. «Використані та викинуті»: співробітники УНКВС по Харківській області, засуджені за порушення «соціалістичної законності» наприкінці 1930-х рр. // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2015. № 1. С. 234–360.

Золотарьов В.А. Діяльність органів радянської держбезпеки зі здійснення «куркульської операції» у Харківській області (1937–1938 рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2007. № 1. С. 158–171.

Золотарьов В.А. Колишні співробітники НКВС УРСР на керівній роботі в системі ГУТАБ (1936–1939) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2013. № 1/ 2. С. 51–78.

Золотарьов В.А. Секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. – Харків, 2007.

Золотарьов В. Олександр Успенський. Особа, час, оточення. – Харків, 2004.

Золотарев В.А. Особенности работы УНКВД по Харьковской области во время проведения массовой операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М., 2009. С. 572–594.

Золотарьов В. Фаворит Єжова: сторінки біографії наркома внутрішніх справ УРСР О. І. Успенського // Політичні репресії в Українській РСР: дослідницькі рефлексії та інтерпретації. До 75-річчя «Великого терору» в СРСР. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Київ 15 березня 2012 р. – Київ, 2013. С. 164–187.

Золотарьов В.А. ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та долі, 1919–1941. – Харків, 2003.

Золотарьов В., Бажан О. «Обліковець» масових убивств у добу «Великого терору» (Соломон Абрамович Альтзіцер) // Краєзнавство. 2017. № 1–2. С. 215–232.

Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. – М., 2001.

Кашу И. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора. Дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей. – М., 2017. С. 596–630.

Керівники української зовнішньої розвідки / Авт. упоряд: В.Д. Хоменко, та інші. – Київ, 2010.

Лозицький В.С. Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). – Київ, 2005.

Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. / Авторы составители А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2003.

Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. 1918–1953. – М., 2006.

Наумов Л. Сталин и НКВД. – М., 2007.

Окпінюк В.Т. Органи державної безпеки УРСР (1922–1941 рр.). Історико-правовий аналіз. – Херсон, 2017.

Павлюков А. Ежов. Биография. – М., 2007.

Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954. Справочник. – М., 2010.

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999.

Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец». Николай Ежов. – Москва, 2008.

Савин А.И., Тепляков А.Г. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Росман. – М., 2017. С. 271–369.

Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, философия. 15. 2016. № 8. С. 133–145.

Сосни замість обелісків. Білоцерківський мартиролог / Упорядн. В.О. Коломієць. – Біла Церква, 2015.

Скрытник А. За голову «полковника Калиновского» фашисты обещали 50 тысяч рейхсмарок и 20 гектаров земли // Факты. Киев. 2010. 12 мая.

Тепляков А.Г. «Детское дело» в Кузбассе: к вопросу о подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами – «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Сборник материалов российско-француз-

ского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.) – Новосибирск: Наука, 2011. С. 141–154.

Тепляков А.Г. Амнистированные чекисты 1930-х гг. в период Великой Отечественной войны // Клио. 2012. № 7. С. 69–76.

Трачук О. «Мы не шли в атаку с криками: “За Сталина!” Это было бы нелепо в тылу врага...» // Факты. Киев. 2008. 5 октября.

Тумиш М. ВЧК. Война кланов. Лубянка без ретуши. – М., 2004.

Тумиш М.А., Золотарев В.А. Евреи в НКВД СССР 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. – М., 2017.

Тумиш М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. – М., 2009.

Филиппов С. Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг. Справочник. – М., 2016.

Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М., 2009.

Хинштейн А.Е. Подземелья Лубянки. – М., 2005,

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в СССР. – М., 1996.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М., 2010.

Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Россман. – М., 2017.

Шаповал Ю., Золотарьев В. Всеволод Балицкий: особа, час, оточення. – Київ, 2002.

Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьев В.А. ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997.

Шаповал Ю. Україна ХХ століття: особи та події в контексті важкої історії. – Київ, 2001.

Эннкер Б. Советский народ, сталинский режим и конституция 1936 года в политической истории Советского Союза: исследовательские подходы и предварительные выводы // Soviet History Discussion Papers. 2014. № 3 (http://www.perspectivia.net/publication/en/shdp/ennker_narod, 18.07.2016).

Юнге М., Биннер Р. Справки сельсовета как фактор в осуждении крестьян // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Россман. – М., 2009. С. 613–623.

Юнге М. Историография, методы и источниковая база // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Россман. – М., 2017. С. 13–35.

Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М., 2015.

Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008.

Юнге М. Массовые операции НКВД // Большевицкий порядок в Грузии. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. – М., 2015. С. 44–54.

Юнге М. Возможности и проблемы изучения Большого террора с помощью источников 1938–1941 и 1954–1961 годов (допросы карателей) // История сталинизма. Репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9–11 октября 2009. – М., 2011. С. 63–70.

Arendt, Hanna. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Antisemitismus. Imperialismus. Totalitarismus. – München, 2003.

Blauvelt, Timothy K. March of the Chekists. Beria's Secret Police Patronage Network and Soviet Crypto-Politics // Communist and Post-Communist Studies. 2011. № 44. С. 73–88.

Brandenberger, David. Propaganda State in Crisis. Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1927–1941. – Yale, 2012.

Brandenberger, David. Ideological Zig-Zag: Official Explanations for the Great Terror, 1936–1938 // The Anatomy of the Terror. Political Violence under Stalin / J. Harris (ed). – Oxford, 2013. С. 143–157.

Brandenberger, David. The Fate of Interwar Soviet Internationalism. A Case Study of the Editing of Stalin's 1938 Short Course on the History of the ACP(b) // Revolutionary Russia. 2016 (<http://dx.doi.org/10.1080/09546545.2016.1168996>).

Brandenberger, David / Zelenov, Mikhail V. Stalin's Answer to the National Question. A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course, in: Slavic Review. 73. 2014. № 4. С. 859–880.

Chapoutot, Johann. Die Geschichtsschreibung zum Nationalsozialismus und der Cultural Turn // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2017. № 2. С. 247–257.

Die Grenzen der Diktatur. Staat und Gesellschaft in der DDR / Hrsg. von Richard Bessel, Ralph Jessen. – Göttingen, 1996.

Easter, Gerald M. Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. – Cambridge, 2000.

Ennker, Benno. Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts – eine Synthese // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts / Hrsg. von B. Ennker, H. Hein-Kircher. – Marburg, 2010. С. 347–378.

Ennker, Benno. Ohne Ideologie, ohne Staat, ohne Alternative? Fragen an Jörg Baberowski // Osteuropa. 2012. № 4. С. 103–114.

Fainsod, Merle. Smolensk under Soviet Rule. – Cambridge, 1958/1989.

Friedländer, Saul. Nazi Germany and the Jews, Vol. 1: The Years of Persecution, 1933–1939. – New York, 1997.

Gerstenberger, Heide. Die subjektlose Gewalt. Theorie der Entstehung bürgerlicher Staatsgewalt. – Münster, 1990.

Gill, Graeme. The Origins of the Stalinist Political System. – Cambridge – New York, 1990.

Günter, Hans. Die Verstaatlichung der Literatur. Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. – Stuttgart, 1984.

Harding, Neil. Lenin, socialism and the state in 1917 // Revolution in Russia. Reassessments of 1917 / E. Rogovin-Frankl, J. Frankl, B. Knei-Paz (eds). – Cambridge – New York, 1992. C. 287–303.

Heydemann, Günther. Gesellschaft und Alltag in der DDR // Deutschland in den 70er/80er Jahren. Informationen zur Politischen Bildung. 2002. Heft 270 <http://www.bpb.de/izpb/9766/gesellschaft-und-alltag-in-der-ddr? p=all>

Hördler, Stefan. Sichtbarmachen. Möglichkeiten und Grenzen einer Analyse von NS-Täter-Fotographien // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2017. № 2. C. 259–271.

Junge, Marc. The War Threat and the Beginning and Ending of the Great Terror // Junge M. Stalin's Mass Repression and the Cold War Paradigm. – New York, 2016. Kindle E-book.

Khlevniuk, Oleg. The Politburo, Penal Policy and «Legal Reforms» in the 1930s // Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin. – Cambridge, 1996. C. 190–206.

Kocka, Jürgen. Eine durchherrschte Gesellschaft // Sozialgeschichte der DDR / Hrsg. von Hartmut Kaelble u. a. – Stuttgart, 1994.

Lewin, Moshe. Vers le règne de l'arbitraire // Lewin Moshe. Le siècle Soviétique. – Columbia, 2003. C. 108.

Mania, A. Lob und Preis für eine ferne Zukunft. Der sozialistische Realismus zeichnet in vorauseilendem Gehorsam die Utopie einer idealen kommunistischen Gesellschaft // Süddeutsche Zeitung. 11.10.2016. № 236. C. 16.

Martin, Terry. Interpreting the New Archival Signals. Nationalities policy and the nature of the Soviet bureaucracy // Cahiers du Monde russe. 40. 1999. № 1–2. C. 113–124.

Mommsen, Hans. Der Nationalsozialismus. Kumulative Radikalisierung und Selbsterstörung des Regimes // Meyers Enzyklopädisches Lexikon. Bd. 16. – München, 1976. C. 785–790.

Mommsen, Hans. Nationalsozialismus oder Hitlerismus? // Persönlichkeit und Struktur in der Geschichte / Hrsg. von Michael Bosch. – Düsseldorf, 1977. C. 62–71.

Ree, Erik van. Stalin and the state // Ree E. van The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. – London, 2002. C. 136–154.

Reforming Justice in Russia, 1864–1994. Power, Culture, and the Limits of the Legal Order / C. Solomon (ed). – New York, 1997.

Rittersporn, Gabor. Extra-judicial Repression and the Courts. Their Relationship in the 1930s // *Reforming Justice in Russia, 1864–1994. Power, Culture, and the Limits of the Legal Order* / C. Solomon (ed). – New York, 1997. С. 207–227.

Šamsutdinov, R. Kišlok fošeasi. Žamoališggiriš, surgun [Трагедия кишлака. Коллективизация, раскулачивание, ссылка в среднеазиатских республиках]. – Taškent, 2003 (<http://www.centrasia.ru/newsA.php4?=108206736>, дата обращения 20.05.2016).

Savin, Andrej. Orden für die Kollektivierung. Die Rolle von Auszeichnungen für den Aufstieg der Tscheka-Kommandeure in die neue sowjetische Elite in den 1930er Jahren // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 65. 2017. № 2. С. 239–261.

Shearer, David. Stalin at War, 1918–1953. Patterns of Violence and Foreign Threat. Paper prepared for the conference «Stalinism and War», sponsored by the National Research Institute. Higher School of Economics, Moscow, Russia, 24–26 May 2016.

Solomon, Peter. Soviet Criminal Justice under Stalin. – Cambridge, 1996.

Solomon, Peter. The Bureaucratization of Criminal Justice under Stalin // *Reforming Justice in Russia, 1864–1994. Power, Culture, and the Limits of the Legal Order* / C. Solomon (ed). – Armonk, 1997. С. 228–255.

Stalinistische Subjekte. Individuum und System in der Sowjetunion und der Kommintern. 1929–1953 / Hrsg. von Brigitte Studer, Heiko Haumann. – Zürich, 2006. С. 12–19.

Tilly, Charles. Coercion, Capital, and European States AD 990–1992. – Cambridge, Mass, 1991. С. 20–26.

Viola, Lynne. Stalinist Perpetrators on Trial. Scenes from the Great Terror in Ukraine. – Oxford, 2017.

Viola, Lynne. The Question of the Perpetrator in Soviet History // *Slavic Review*. 72. 2013. № 1. С. 1–23.

Wehner, Markus. Wer waren Stalins Vollstrecker? Ein russisches Handbuch legt den Grund für eine Täterforschung des Stalinismus // *FAZ*. 30.03.2000.

Werth, Nicolas. Le Terreur et le désarroi. Staline et son système. – Paris, 2007. С. 170–198.

Wittfogel, Karl A. Oriental Despotism. A comparative study of total power. – New Haven, 1957.

Zarusky, Jürgen. Herrschaftsstellung und Herrschaftsstil der Diktatoren // *Stalin und die Deutschen. Neue Beiträge der Forschung* / Hrsg. von Jürgen Zarusky. – München, 2006. С. 237–252.

Zolotariow Wadim. Funkcjonariusze NKWD Ukrainkiej Socjalistycznej Republiki Sowieckiej w kierowniczych organach Poprawczych Obozów Pracy NKWD Związku Sowieckiego w latach 1937–1939 // *Sowiecki system obozów i więzień. Przykłady wybranych państw* / Red. Jerzy Bednarek. – Łódź, 2013. С. 193–229.

4. Список сокращений

- АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
БИР – Бюро инспекция резервов
БРП – Братство русской правды
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВО – Военный округ
врид. – Временно исполняющий должность
ВТ – Военный трибунал
ВУАН – Всеукраинская академия наук
ГА НикО – Государственный архив Николаевской области
ГО – Городской отдел
ГПУ – Государственное политическое управление
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
Д. – дело
зам. – заместитель
к.-р. – контрреволюционный
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
КГБ – Комитет государственной безопасности
КОВО – Киевский Особый военный округ
КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КРО – Контрразведывательный отдел
Л. – лист
МВД – Министерство внутренних дел
МГБ СССР – Министерство государственной безопасности СССР
МТС – машинно-тракторная станция
нач. – начальник
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности.
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
ОАГС – Отдел актов гражданского состояния
об. – оборот
ОБХСС – Отдел по борьбе с хищением социалистической собственности
ОГА СБУ – Отраслевой государственный архив службы безопасности Украины
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

- ОО – Особый отдел
ОПО – Отдел пожарной охраны
Оп. – опись
ОСУ НКВД – Особоуполномоченный НКВД
ОТК – Отдел трудовых колоний
ОШОСДОР – Отдел шоссейных дорог
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РКМ – Рабоче-крестьянская милиция
РО – Районный отдел
РОВС – Русский общевоинский союз
СПО – Секретно-политический отдел
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
Т. – том
УГБ – Управление государственной безопасности
УИТК – Управление исправительно-трудовых колоний
УКП – Украинская коммунистическая партия
УНКВД – Управление народного комиссариата внутренних дел
УРО РКМ – Отдел уголовного розыска РКМ
УПСР – Украинская партия социалистов-революционеров
УПСС – Украинская партия социалистов-самостийников
УПСФ – Украинская партия социалистов-федералистов
УСДРП – Украинская социал-демократическая рабочая партия
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф. – Фонд
ЦК – Центральный комитет
ЦАМО – Центральный Архив Министерства обороны России
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЧК – Чрезвычайная комиссия
ЭКО – Экономический отдел

5. Именной указатель

А

- Абеленцевая Н.Г. – 8
 Абрамов В. – 295, 324
 Аваков А.Б. – 321
 Адорно Т. – 244
 Айсфельд А. – 276, 287, 322
 Альбрехт Е.Л. – 279
 Андреев – 43
 Афанасьев Г.П. – 27, 28, 31, 32, 34, 44, 83, 91, 93–95, 97, 101, 150–152, 279

Б

- Бабенко Г.В. – 27–30, 34, 46, 91, 167, 279
 Бажан О. – 92, 230, 277, 282, 298, 309, 320, 324, 325
 Баженова Н.А. – 103, 319, 323
 Бажко А.Я. – 126, 177
 Базилевич А.И. – 27, 34, 44, 91, 94, 95, 97, 279
 Балдук П. – 48, 49
 Балицкий В. – 276, 327
 Барвинок Г.И. – 13, 109, 137, 138, 144–148, 179, 211, 279
 Барсуков А.А. – 27, 31, 45, 98, 320
 Басов – 61
 Белов И.Г. – 280
 Берестовой П.А. – 152, 280
 Берия Л.П. – 65, 67, 90, 100, 105, 106, 114, 138, 154, 167, 174, 183, 184, 187, 191, 197, 208, 230, 280
 Биннер Р. – 5, 21, 105, 177, 178, 229, 231, 232, 319, 324, 325, 327, 328
 Бирман В. – 189
 Бирчак В.М. – 7
 Білокін С. – 246, 324
 Бовчалюк А.С. – 154
 Богуславский А.Ф. – 153, 280
 Болотный К.П. – 89
 Болтянский М.С. – 153, 158, 181, 185, 187, 280
 Бонвеч Б. – 5, 7, 8, 20, 105, 178, 228, 229, 232, 319, 322–325, 327, 328
 Бондаренко Т. – 46, 47
 Бондарь Д.А. – 27, 32–34, 44, 84, 85, 91, 93–95, 97, 151, 281
 Бондарь Я.С. – 178

- Бордюгов Г.А. – 21, 105, 177, 229, 231, 324, 328
 Бородаев – 55, 93
 Бранденбергер Д. – 8, 226, 246
 Брандт С.А. – 278
 Бресслер М.М. – 281
 Буранов – 33
 Бурдан Н.А. – 74, 91, 97, 103, 153, 182, 281
 Бурмистенко М.А. – 33, 82, 106, 281
 Бутырин С.И. – 185, 196, 229, 230
 Бухарева И.В. – 7, 104
 Бухарин Н.И. – 99, 235
 Буяков А.М. – 188, 325

В

- Вадис А.А. – 183
 Валь М.С. – 139, 281
 Васильев В. – 8, 21, 29, 156, 183, 229, 324
 Васильев С. – 154, 156
 Васильевский М.Н. – 154, 155, 157, 158, 163, 184, 281
 Вепрев О.В. – 232, 324
 Вербенский М.Г. – 321
 Верт Н. – 237
 Весейн М.А. – 282
 Винницкий Л.И. – 122, 282
 Виола Л. – 8, 21, 229, 230, 324–327
 Виттфогель К. – 246
 Воедило – 83
 Волков М.Ф. – 31, 92, 98
 Волков Н.Ф. – 282
 Волошин – 155
 Волошин П.С. – 25, 61, 89, 92, 93, 96, 153, 159, 253, 283
 Вороник – 126, 178
 Воронин К.А. – 23, 27, 32, 45, 59–62, 64–69, 71, 75, 78–82, 84, 87, 89, 91, 93, 97–99, 101–103, 105–107, 151, 175, 182, 184, 213, 283
 Врангель П.Н. – 137, 302
 Вышинский А.Я. – 51, 63, 64, 228, 314
- Г
- Гаврилов А.Е. – 27, 31–33, 44, 46, 47, 49, 51, 52, 54–57, 62, 65, 97, 102, 151, 283, 320

Гаев – 32
 Гайдт С.И. – 162–164, 182, 183, 185, 186, 283
 Гайдук А.А. – 126, 212, 284
 Галицкий М.Б. – 116
 Ганкин И.М. – 152, 153, 284
 Гарбузов М.В. – 23, 27, 31, 39, 55, 59–69, 71, 75, 78–84, 87, 89, 91, 93, 96–98, 101–103, 105–107, 150, 151, 175, 182, 184, 207, 233, 284
 Геккерт Ф. – 284
 Герд, кличка – 10, 46–57, 65–69, 81, 98–103, 284
 Гладков Л.М. – 27, 31, 32, 36, 44, 46, 47, 49–51, 54, 56, 57, 84, 91, 93–97, 102, 284, 320
 Глушаков Г.С. – 131, 285
 Головастиков М.Ф. – 51, 52
 Гольдштейн Б.М. – 249
 Гончаров Г.Л. – 74, 128, 130, 177, 188, 253, 285
 Гончаров П.А. – 127–131, 134, 178
 Горбенко – 167
 Гордиенко М.Н. – 29, 32–34, 43, 92, 94, 97, 285
 Горин М.Ф. – 180, 285
 Горлинский Н.Д. – 66, 67, 73, 103, 104, 154, 183, 184, 210, 285
 Городинский А.И. – 112, 115–118, 200, 286
 Готовцев Л.Т. – 67, 153, 159, 185, 252, 253, 276, 286, 287, 322
 Грабарь В.Р. – 96
 Грищук – 155, 159
 Грунин – 101, 174
 Гудимов К.И. – 157
 Гурьев – 69, 82, 83, 106, 138, 213
 Гуцин – 105

Д
 Давиденко Д.Б. – 19, 323
 Даров (Белов Ф.А.) – 287
 Демчук Е.Ф. – 12, 20, 90, 104, 125–132, 134, 154, 155, 157, 163, 164, 176–178, 183, 184, 186, 199, 200, 202, 206, 211, 212, 287
 Деревой – 129
 Дервянченко Д.Х. – 33, 44, 51, 52, 54, 57, 76, 98, 197, 219, 288
 Добровольский, кличка – 10, 51–54, 99
 Довбня В.А. – 321
 Довбня О.А. – 105, 229, 324
 Долгушев – 230

Дробот – 95
 Друтман И.А. – 164, 186, 288
 Дубин – 145, 181
 Дубравин А.П. – 35, 42, 43, 94, 98, 288
 Дудин М.П. – 64, 84, 101, 150, 288

Е

Ежов Н.И. – 48, 56, 63, 76, 92, 105, 230, 250, 255, 276, 277, 282, 288, 309, 314, 315, 320, 324–326
 Ефремов К.И. – 25, 26, 154, 156, 163, 166, 183, 187, 288

Ж

Жданов А.А. – 297
 Живов Н.С. – 249
 Жиромская В.Б. – 275, 325
 Жуков А.Н. – 231, 321

З

Забава А. – 319, 325
 Загородный – 178
 Задорожный Н.Н. – 99
 Закин Е.Н. – 83, 151, 153, 156, 182, 289
 Зайцев – 43
 Заковский Л.М. – 20, 251
 Залевский – 129
 Заруски Ю. – 232
 Зельцман Г.С. – 27, 37, 62, 83, 102, 149–151, 153, 156, 289
 Зерсон – 153
 Злобинский А.М. – 40, 87, 289
 Золотарев В. – 8, 20, 92, 96, 105, 173, 177, 230, 231, 247, 251, 276, 277, 282, 284, 287, 290, 291, 293, 295, 297, 298, 303, 304, 307–309, 311, 312, 319–321, 324, 325, 327
 Зубков П.К. – 139–142, 144–147, 180, 181, 290
 Зубков П.П. – 141

И

Иван IV – 226
 Иванов В. – 185
 Иванов, кличка – 10, 54, 55
 Ильина И.Н. – 236, 326
 Исупов В.А. – 275, 325

К

Казин Н.А. – 66–68, 100, 102, 103, 178, 290
 Кайзер Й. – 189

Калинин М.И. – 126, 177, 186, 208, 220, 221, 231, 233, 321, 322
 Калинин Н.В. – 163, 164, 186, 290
 Калужский С.Д. – 101, 290
 Калюжный Д.И. – 291
 Карамышев П.В. – 11–13, 16, 20, 23–26, 28–33, 37, 39, 40, 54, 58–62, 68–93, 96–98, 100–107, 110, 116–123, 134, 135, 138, 143, 144, 149–153, 156, 166, 167, 175, 182, 184, 185, 187, 193, 201, 202, 206, 207, 209–213, 215, 216, 218–222, 229, 233, 241, 243, 251, 252, 280, 291, 300, 321
 Карпенко Г.А. – 31, 101, 292
 Катков П.И. – 96, 153, 292
 Кашу И. – 99, 326
 Квашонкин А.В. – 173, 322, 323
 Кёнен Г. – 239
 Киреев П.Н. – 151, 152, 292
 Киров С.М. – 191
 Киселев И.Н. – 275, 325
 Клдишвили Г. – 228
 Клейнгоф Л.И. – 112
 Клигерман В.К. – 31, 32, 93
 Клишевский П.В. – 320
 Кобулов А.З. – 54, 56, 57, 65, 98, 100, 115, 121, 167, 170, 176, 187, 188, 292
 Кобцев Д.Ф. – 44–46, 54, 56, 57, 63–65, 85, 98, 102, 197, 292
 Ковсюков – 128
 Когут А.А. – 7
 Кожухар О.В. – 321
 Козачук П.Д. – 61, 101, 293
 Кокин С.А. – 7, 105, 177, 229, 324
 Кокурин А.И. – 277, 326
 Колисный Ф.А. – 129, 132, 293
 Коломієць В.О. – 276, 326
 Компаниец – 154, 157
 Коробцев П.Я. – 12, 20, 104, 109, 125–134, 149, 154, 176–178, 199, 200, 202, 206, 211, 212, 231, 293, 320
 Короленко М.И. – 109, 129, 131–133, 178, 294
 Косиор С.В. – 33, 294
 Костин – 95
 Котенко – 95
 Кошелева Л.П. – 173, 322, 323
 Кравцевич – 116, 117
 Крамаренко Н.Н. – 7
 Криволапчук В.О. – 321
 Кривошеев А. – 320

Крох П. – 230
 Круглов С.Н. – 170, 188
 Крюковский – 98
 Кублановский А.П. – 112, 172
 Кузьменко А.М. – 94, 250, 268
 Куклинский Б.М. – 23, 84, 294
 Кулик И.М. – 7
 Купный И.С. – 294
 Куров – 33
 Кушнир Б.М. – 249, 253, 294

Л

Лавриненко Н.Д. – 122, 175
 Ланчуковский И.Д. – 145, 146
 Лапшин Ф.Г. – 232
 Левченко Л.Л. – 8
 Лейзеровский Ю.С. – 83, 153, 159, 295
 Ленин В.И. – 23, 71, 78, 136, 171, 219, 224, 226, 235, 251, 287–289, 291, 292, 295, 298, 306, 309, 321
 Лепкин – 43
 Леплевский И.М. – 113, 115, 173, 246, 249, 250, 275, 295, 323
 Лившиц З.Д. – 12, 20, 119–121, 123, 124, 126, 127, 174–176, 191, 199–202, 205, 209–212, 231, 232, 295
 Лигерман А.И. – 144, 153, 160, 165–167, 181, 185, 187, 231, 320
 Личкаки – 147
 Лозицкий В.С. – 306, 326
 Лысков П.И. – 69, 163, 183
 Лютов В.В. – 232, 324
 Лясковская С.П. – 7

М

Майер – 116, 117
 Макарчук С. – 8
 Максимов – 230
 Мамонтов Н.Е. – 115, 173
 Мамулов С.С. – 165, 183–186
 Манило – 208
 Марикуц – 130
 Марк К. – 177, 226
 Марти А. – 25, 26, 32, 38, 44, 64, 72, 84, 156, 230, 280, 283, 288, 289, 292, 296, 297, 305
 Мартин Т. – 237
 Мартынченко И.Ф. – 12, 20, 122–125, 152, 157, 175, 176, 199, 206, 209, 211, 212, 296
 Мартынов А.П. – 94, 176, 296
 Матисто – 49

Мацковский С.В. – 27, 45, 98
 Мейтус Л.И. – 210, 252, 296
 Меламуд С.С. – 27, 31–35, 44, 91, 94–
 97, 99, 297
 Мельник В.В. – 7
 Меркулов В.Н. – 208, 287
 Миляков – 69
 Миляшкин И.Г. – 26, 33, 42, 297
 Митин М.Б. – 235
 Митрофанов Н.М. – 165, 297
 Мишустин А.И. – 122, 175, 297
 Могилевский Е.Г. – 29, 34, 42, 43, 94,
 297
 Мозохин О.Б. – 232, 326
 Молотов В.М. – 190, 191, 228
 Морозов – 100, 115, 174
 Муратов – 31, 101, 150

Н

Назаренко А.Г. – 40, 297
 Наумов В.П. – 20, 173, 234, 245, 321,
 322
 Наумов Л. – 326
 Наумовец А.П. – 35, 42, 43, 94, 98, 298
 Небораков Г.П. – 177, 178
 Некор – 155, 159
 Нертик Г.Н. – 140, 141, 145, 146, 298
 Никитин В.Н. – 67, 145, 164, 180, 181,
 184, 186, 212, 298
 Никифоров М.Г. – 34, 36, 42, 43, 94, 97,
 98, 298
 Николаевский Ф.Ф. – 101–103, 185, 284,
 298, 319
 Новак З.А. – 41, 298
 Новаков П.А. – 154, 160–165, 183–187,
 299, 320
 Норов А.П. – 42, 299
 Носов В.И. – 27, 44, 91, 95, 97, 299

О

Овчинников Ф.Т. – 13, 20, 109–119,
 135, 172–174, 199, 200, 202, 207, 211,
 213, 215, 216, 231, 246, 251, 252, 254,
 299
 Озерянский А.Я. – 250
 Окшнюк В.Т. – 277, 326
 Олейник – 133
 Орджоникидзе Г.К. – 221, 234, 321
 Осетров Н.А. – 300
 Осколков Л.К. – 94
 Островский – 56

П

Павлюков А. – 277, 288, 326
 Панкратьев М.И. – 145, 208, 300
 Панова М.А. – 7, 104
 Перцов – 230
 Петр I – 226
 Петров Н.В. – 184, 185, 275–277, 286,
 288, 291, 293, 311, 326
 Петров Н.Е. – 303
 Петров Н.Ф. – 304, 305
 Петров С.А. – 158
 Петров С.Ф. – 100, 154, 163, 176, 183,
 185, 187, 277, 300, 304, 312, 314
 Пивень М.Г. – 230
 Платон – 189
 Плетнев Ф.Я. – 28, 29, 219, 301
 Плотникова Н.С. – 20, 173, 321, 322
 Плугатар Т.А. – 321
 Побережный Ю.М. – 122, 154, 157, 158,
 175, 301
 Подкур Р. – 8, 21, 229, 324
 Полошкин В.П. – 155, 301
 Поляков Ю.А. – 275, 325
 Помазов Н.Д. – 184
 Поясов А.Ф. – 23, 39, 66, 76, 77, 83, 98,
 103, 113, 123, 144, 151, 152, 155, 158, 162,
 163, 171, 182, 194, 210, 212, 252, 301
 Пристайко В.И. – 173, 276, 287, 290, 291,
 293, 295, 303, 304, 311, 327
 Пристайко О.В. – 321
 Прицкер – 61, 151, 301
 Пронин – 165, 170, 183–186, 188
 Протопопов А.П. – 13, 109, 136–139,
 143–148, 167, 168, 181, 185, 187, 199,
 211, 302, 320
 Проценко Т.О. – 321
 Прутяный – 94
 Пугач – 159
 Пугач – 155
 Пугач П.К. – 41, 153, 184, 302
 Пушкин А.С. – 23

Р

Райцес Л.С. – 128, 131, 178, 303
 Ратынский А.М. – 40, 249, 303
 Реденс С.Ф. – 234
 Резунов М.Д. – 235, 323
 Роговая Л.А. – 173, 322, 323
 Ройтгеринг А.С. – 88
 Россман Д. – 21, 230, 325–327
 Рублев А. – 276, 287, 322

Руденко – 155, 159
 Рудницкий И.П. – 153, 159, 303
 Рудный А.Е. – 41
 Ручкин А.Ф. – 287
 Рыбальченко И.Т. – 208, 304
 Рыков А.И. – 47, 99

С

Сабин К.А. – 173
 Сабин-Гуз А.А. – 202
 Сабин-Гуз К.А. – 202
 Савин А. – 8, 96, 229, 230, 326
 Самарин – 230
 Самуэльсон Л. – 327
 Сапир – 249, 250, 304
 Сараев Р.Н. – 153, 249, 253, 304
 Свирса – 48, 49
 Свирский – 83
 Святский А.Х. – 155, 159, 305
 Свяцкий А.Х. – 170
 Седнев А.Ф. – 150, 152, 305
 Седов А.М. – 154, 155, 157, 158, 182–184, 305
 Семенов А.А. – 13, 104, 136, 138–141, 143–148, 167, 168, 179–181, 185, 187, 211, 305, 320
 Серединский А.В. – 8
 Скоркин К.В. – 100, 184, 185, 275–277, 291, 293, 304, 305, 311, 312, 314, 326
 Скрыпник А. – 290, 326
 Скрыпников И. – 49
 Славгородский – 99
 Славинский М.И. – 250
 Слеповатая – 47
 Смальченко В.Д. – 165, 186, 306
 Смирнов Г.В. – 7, 105
 Смирнов И.Е. – 20, 323, 324
 Смирнова И.Е. – 229
 Смородинская И.Л. – 163
 Сталин И.В. – 20, 23, 31, 84, 105, 138, 171, 173, 190, 191, 197, 219, 224–228, 230, 234–237, 239–242, 245, 289, 290, 321–323, 326, 327
 Стальгевич А.К. – 235, 323
 Стародубцев Д.Т. – 32, 40, 47–50, 52, 55–57, 62, 99, 206, 306
 Стародубцев Т. – 306
 Стародубцева А.К. – 48, 52, 55–57, 99
 Старыгин П.И. – 84, 196, 218, 229, 233, 234, 306
 Степаненко Ф.С. – 29, 33
 Степанов С.А. – 93, 306
 Степкин В. – 177, 284, 290, 303, 308, 325

Сторчаева В.А. – 94, 307
 Сухановский – 32, 93
 Сухой Л.И. – 128, 129, 307
 Сухоленцев Ф.В. – 152, 307
 Сушков Н.И. – 152, 182

Т

Танфилов С.Г. – 62, 152, 153, 307
 Татусь Н.И. – 7
 Твердохлебенко А.М. – 52, 54, 60, 96, 101, 112–115, 124, 167, 175, 184, 187, 240, 307
 Тевосян И.Ф. – 39, 40, 221, 307, 308
 Тейтель А.М. – 59, 101, 308
 Тепляков А. – 8, 89, 177, 198, 204, 228, 230–232, 326, 327
 Тилли Ч. – 225, 235
 Ткаченко В.В. – 176, 321
 Ткаченко И.М. – 278
 Товстик – 128–131, 178, 308
 Толкачев Ю.Н. – 61, 253
 Толкачов Ю.Н. – 308
 Трачук О. – 327
 Третьяков В.К. – 252, 278
 Троцкий Л.Д. – 72, 235
 Грубый – 105
 Трушкин Я.Л. – 23, 25, 27, 37, 39, 41, 54, 58–62, 64–71, 73–75, 77, 79–85, 87–93, 96–98, 100–107, 123, 149–151, 153, 158, 166, 175, 182, 184, 208, 212, 213, 221, 234, 253, 308
 Тумшис М.А. – 276, 290, 295, 297, 327

У

Ульрих В.В. – 88
 Успенский А. – 20, 92, 105, 276, 282, 309, 320, 324, 325
 Успенский А.И. – 40, 56, 75–77, 81, 92, 96, 105, 113, 155, 173, 174, 221, 241, 250, 253, 309, 320

Ф

Файнбурд-Козлов М.И. – 253
 Федин М.Л. – 95, 309
 Федоровский А.Ю. – 62, 66, 151, 156, 157, 176, 185, 309
 Федотов А.П. – 23, 30, 61, 62, 73, 85, 107, 151, 153, 156, 173, 176, 310
 Федяев И.Ф. – 12, 20, 104, 135, 136, 138, 141–149, 153, 159, 168, 178–181, 183, 185, 191, 200–202, 206, 209–214, 310, 320
 Фейдин М.Л. – 36
 Фельдман – 83

Фесенко-Макеева – 47
 Филевский – 95
 Филиппов С. – 230, 282, 306, 327
 Фих М.Л. – 133, 134, 311, 324
 Фишер И.Б. – 20, 73, 85, 110, 131, 143,
 159, 160, 178, 180, 194, 209, 210,
 247, 249–251, 255–257, 268, 275, 277,
 311
 Флаш К. – 189
 Фомин Л.П. – 23, 27–34, 36, 39, 42–44,
 46, 51, 52, 91, 94–97, 102, 151, 219,
 311, 320
 Фридлендер С. – 17
 Фриновский М.П. – 38–40, 64, 95, 96,
 220, 221, 311
 Фурс И. – 177

Х

Хайтин М.Л. – 67
 Хансон – 170, 188
 Хауманн Х. – 21
 Хаустов В.Н. – 20, 173, 321, 322, 327
 Хачатурин – 178
 Хейдеман Г. – 235
 Хердлер С. – 17, 18
 Химич – 234
 Хинштейн А.Е. – 309, 327
 Хлевнюк О. – 173, 197, 198, 230, 237,
 240–242, 245, 322, 323, 327
 Хоменко В.Д. – 188, 326
 Храпко И.Е. – 140–142, 180, 181, 312
 Хрущев Н.С. – 51, 54, 138, 167, 174,
 187, 251

Ц

Цехановский Г.И. – 29, 34, 94, 312

Ч

Чепикова – 69
 Черкашин – 186
 Черкес Т.Т. – 85, 96, 175, 184, 220, 312
 Черницкий В.Д. – 163, 164, 186, 312
 Чернохатов Н.В. – 27, 34, 45, 98
 Черняк – 153
 Чикалов Т.И. – 27, 31–34, 44, 91, 94, 95,
 97, 151, 312
 Чисніков В.М. – 321
 Чистый Н.В. – 186, 187
 Чистяков – 152
 Чмелев А.С. – 162, 185
 Чулков М.Ф. – 27, 44, 46, 47, 49, 52–54,
 56, 57, 65, 101, 312
 Чухнов И.Г. – 157

Ш

Шаповал Ю.И. – 173, 276, 287, 290, 291,
 293, 295, 303, 304, 311, 312, 324, 327
 Шапуто Ж. – 17, 21
 Шевченко Н.Г. – 160, 168–172, 184,
 185, 188, 320
 Шевченко Т.Г. – 317
 Шепетин А.М. – 59, 101, 312
 Шестаков А.В. – 236, 321
 Шехтман С.Х. – 249
 Ширер Д. – 235
 Широкий-Майский И.Т. – 99, 326
 Шкирятов М.Ф. – 208
 Шлем Х.М. – 313
 Шор С.А. – 150, 151, 157, 313
 Шорин А.М. – 29, 313
 Штудер Б. – 21
 Шульман – 95
 Шурховецкий В.Г. – 163, 164, 186, 313

Щ

Щербаков – 95
 Щербина Н.В. – 23, 27, 30, 40, 84, 313, 320

Э

Эльзон Д.З. – 153, 159, 313
 Энгельс Ф. – 226
 Эннкер Б. – 8, 234, 235, 237, 327

Ю

Юнге М. – 20, 21, 105, 177, 178, 228–
 232, 236, 319, 322–328
 Юрченко И.Т. – 54–58, 65–68, 72, 98,
 100, 144–146, 167, 181, 183, 185, 187,
 215, 252, 313

Я

Якименко А.Г. – 153, 314
 Якушкин С.Д. – 95, 314
 Янсен М. – 277, 288, 326
 Ярмиш О.Н. – 321
 Ярош – 95

А

Arendt H. – 232, 328

В

Bednarek J. – 232, 330
 Bessel R. – 235, 328

Blauvelt T.K. – 245, 328
Brandenberger D. – 236, 237, 328

C

Chapoutot J. – 21, 328

E

Easter G.M. – 236, 328
Ennker B. – 237, 246, 328

F

Fainsod M. – 228, 328
Frankl J. – 235, 329
Friedländer S. – 21, 328

G

Gerstenberger H. – 246, 328
Gill G. – 236, 329
Günter H. – 236, 329

H

Hall J.A. – 246
Harding N. – 235, 329
Harris J. – 236, 328
Haumann H. – 21, 330
Hein-Kircher H. – 246, 328
Heydemann G. – 235, 329
Hördler S. – 21, 329

J

Jessen R. – 236, 328
Junge M. – 246, 329

K

Kaelble H. – 236, 329
Khlevniuk O. – 228, 237, 329
Knei-Paz B. – 235, 329
Kocka J. – 236, 329

L

Lenin V.I. – 329, 235
Lewin M. – 237, 329

M

Mania A. – 236, 329
Mann M. – 246
Martin T. – 237, 329
Mommssen H. – 246, 329

R

Ree E. van – 236, 237, 329
Rittersporn G. – 237, 329
Rogovin-Frank E. – 235, 329

S

Šamsutdinov R. – 245, 330
Savin A. – 233, 330
Shearer D. – 228, 235, 330
Solomon P. – 228, 236, 237, 329, 330
Stalin J.V. – 228, 232, 235–237, 328–330
Studer B. – 21, 330

T

Tilly C. – 235, 330

V

Viola L. – 21, 232, 330

W

Weber M. – 246
Wehner M. – 245, 330
Werth N. – 237, 330
Wittfogel K.A. – 246, 330

Z

Zarusky J. – 232, 330
Zelenov M.V. – 237, 328
Zolotariow W. – 232, 330

ИЗДАНИЯ АИРО В 2012–2017 гг.

2012

- Чермен Касаев.* Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк.* Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Агеносов.* Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 208 с.
- А.Г. Ложкин.* Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография»).
- Синто: память культуры и живая вера. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенцев.* Донцы. Из истории донского казачества. – М.: АИРО-XXI, 2012 г. – 180 с.
- Н.В. Кравчук.* Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 104 с.
- А.Д. Цыганок.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 432 с.
- А.А. Куреньшев.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 404 с.
- Т.А. Филиппова.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография»).
- А.Н. Соломатин.* Основы подготовки журналистов для работы в районах военных действий и экстремальных ситуациях. Программа курса лекций. Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 32 с.

- А.Д. Цыганок.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Гареева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 448 с.
- Япония* события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2012–224 с.
- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012.* Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2012. – 450 с.
- Эльгена Васильевна Молодякова.* К 75-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и И.Л. Тимониной. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 120 с. + 8 с. илл.
- С.С. Михайлов.* Погост Николо-Шатур: История мешчёрского прихода. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. – 104 с.: ил. Б. тир. (Б-ка альм. «Мещёра-край»).
- Мещёра-край:* альм. по истории и культуре Мещерского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». – М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.Г. Шаповал.* История сел Дунилово и Горицы. От неолита до современности. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российская провинция»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 268 с.
- Федор Крюков.* Православный мир старой России. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 200 с.
- Федор Крюков.* Картинки школьной жизни старой России. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 328 с.
- Светлана Лурье.* Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография»).
- Федор Крюков.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 362 с.
- Алексей фон Лампе* – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 536 с. – («АИРО – первая публикация»).

2013

- Две родины* Стивена Коэна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 224 с. + ил.
- Крестьянский фронт 1918–1922 гг.* Сборник статей и материалов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 700 с.
- Невольник чести.* Путь и судьба Владимира Полютова / Сост.: Т.Б. Григер канд. ист. н., доц., Н.В. Полютова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 152 с. + 52 с. ил.
- “...Ведь не безнадежность перед нами”. Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Стивен Коэн; вступит. статья – Ж. Артамонова; составление и комментарии – Ж. Артамонова, Е. Суббота. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).

- Япония 2013. Ежегодник. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 412 с.
- Федор Крюков.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 548 с.
- Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО–XXI, 2013 – 312 с.
- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов.* 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО–XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- Л.Н. Суворова.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Ю. Каратеев.* Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин.* Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- М.И. Мельтюхов.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО–XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов.* В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская.* Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО–XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул.* Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО–XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещёра-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО–XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

2014

- М.Н. Мосейкина.* У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. Том 1 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО–XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 392 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-236-0.

- 3.С. Бочарова. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 408 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-238-4.
- 3.С. Бочарова. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Том 3 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 336 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-240-7.
- А.В. Антошин. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. Том 4 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-242-1.
- А.В. Антошин. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. Том 5 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-244-5.
- Г.А. Бордюгов, А.Ч. Касаев. Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг. Том 6 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-246-9.
- В.В. Агеносов Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 736 с.; илл. – ISBN 978-5-91022-230-8. – ISBN 978-5-90670-527-3.
- Л.В. Совинский. В зеркале времени. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 592 с. + 32 с. илл.
- Война и мир в новой и новейшей истории России. (К 100-летию начала Первой мировой войны). Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 252 с.
- Всё остается людям. Анатолий Котеленец: к 100-летию со дня рождения / Составители: Е.А. Котеленец, Т.А. Котеленец, О.Б. Беляков. М.: АИРО-XXI, 2014. – 112 с. + 28 с. илл.
- В.Я. Гросул. Труды по теории истории. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 548 с.
- Татьяна Филиппова, Пётр Баратов. «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 272 с. + 88 с. илл.
- Юлия Сидур – Карл Аймермахер. «Время новых надежд...». Переписка 1986–1992 / Обработка текста Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI,

2014. – 512 с., илл. – (Серия «АИРО – первая публикация в России» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны / Предисл. С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2014. – 432 с. (с иллюстрациями).
- Владимир Александрович Неужин. Биобиблиографический указатель. Сост.: Е.С. и М.С. Сапрыкины. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 128 с.
- И.Б. Белова.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 432 с. + 16 с. илл.
- Н.Г. Смирнов.* Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. / Рукопись подготовлена к печати С.Н. Смирновым. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 368 с. + 12 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Г.А. Бордюгов. Биобиблиография. Сост. А. Макаров, О. Пруцкова, С. Щербина. Предисл. Дм. Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 192 с. + 16 с. ил.
- Юрий Штридтер.* Плутовской роман в России: к истории русского романа до Гоголя. Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового и Даниила Бордюгова – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова) – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 416 с.
- Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плева до В.Ф. Джунковского. Сборник документов / Вступительная статья, составление и комментарии – Е.И. Щербакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 352 с. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2014. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2014. – 340 с.
- Японское общество: изменяющееся и неизменное / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2014. – 300 с.
- «Запад как враг»: реанимация исторического мифа или новая реальность? Материалы Семинара 22 октября 2014 г. / Под редакцией Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова – М.: АИРО-XXI, 2014. – 128 с., илл.
- От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сборник статей и материалов / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2014. – 624 с. + 44 с. илл.

2015

- Русский мир и русское образование в условиях глобализации культуры. Перечитывая философско-педагогическую антропологию Е.П. Белозерцева. К 75-летию профессора Е.П. Белозерцева. Монография / Под ред. И.Е. Булатникова, А.В. Репринцева. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 368 с. + 40 с. ил.

- Фрезинский Борис.* Троицкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 384 с.
- Национальный вопрос в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.
- А.А. Баев.* Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. (Серия «АИРО – Первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с. : ил.
- Юлия Нельская-Сидур.* «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Волонникова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2015. – 1080 с.
- Г.А. Куренков.* От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП (б)–ВКП (б). 1918–1941 гг. (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 252 с.
- Всесоюзная торговая палата. 1939–1945 гг. / Под редакцией Президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2015. – 504 с. (с иллюстрациями).
- Великой Победе – 70 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 320 с.
- А.В. Долгопятов.* Эти тихие уездные города. О социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 232 с.
- Любите край Кумылженский, что нам судьбою дан. Книга вторая. Серия «АИРО – Российская провинция». – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с.
- В.А. Сомов.* Первое советское поколение: испытание войной. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 176 с. + илл. – (АИРО – Монография).
- В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец.* Государственная пропаганда и информационные войны. Учебное пособие. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 400 с.: ил.
- О.Ю. Голечкова.* Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 192 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 624 с. с иллюстрациями.
- Б.В. Соколов.* Моя книга о Владимире Сорокине. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 336 с.
- И.Н. Гребенкин.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с. + илл. – (АИРО – Монография).
- Н.А. Четырина.* «Для науки кукольного мастерства»: художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796–1864 гг.). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 304 с.

- Е.В. Суровцева.* Баден под Веной и его окрестности. Историко-культурологический путеводитель с приложением воспоминаний барона Ф.Ф. Торнау. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 248 с.
- Олег Каннес.* «Воинственная» наука: проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова) – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с.
- Марк Юнге.* Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2: Документы и статистика; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 656 с.
- О.Г. Герасимова.* «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 608 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2015. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2015. – 352 с.
- Япония: консервативный поворот. / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2015. – 288 с.
- Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под редакцией проф. Д.В. Стрельцова. – М., АИРО-XXI. 2015 – 448 с.
- Федор Крюков.* На Дону. В родных местах. М.: «АИРО-XXI». 2016 г. – 384 с.
- От «Кровавого воскресенья» к третьиюньской монархии. Материалы научно-практической конференции. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 220 с.
- «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 856 с. + 20 с. илл.

2016

- Научно-педагогические школы России в контексте Русского мира и образования. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 592 с. – ISBN 978-5-91022-342-8.
- Неизвестный Примаков. Документы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 560 с.

- Неизвестный Примаков. Воспоминания. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 488 с.; цв. илл.
- The unknown Primakov. Memoirs. – Moscow: Publishing house TPP RF; Publishing house Rossiyskaya gazeta; АИРО-XXI, 2016. – 464 p.; with ill., in color.
- Н.И. Дедков, Г.А. Бордюгов, Е.И. Щербакова и др. История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / Под общей редакцией А.Д. Некипелова и С.Н. Катырина. Том первый. М.: АИРО-XXI, 2016, – 928 с.
- Ю.Е. Бычков. Ощущение своего времени. Страницы одной не рядовой биографии. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 304 с. Илл.
- Е.М. Примаков. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 1: Анатомия ближневосточного конфликта. Восток после краха колониальной системы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 656 с.
- Е.М. Примаков. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 2: История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов. Война, которой могло не быть. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.
- Е.М. Примаков. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 3: Годы в большой политике. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.
- Е.М. Примаков. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 4: Восемь месяцев плюс... Мир после 11 сентября. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 544 с.
- Е.М. Примаков. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 5: Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.
- Е.М. Примаков. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 6: Минное поле политики. Мир без России? – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 800 с.
- Е.М. Примаков. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 7: Мысли вслух. Россия: надежды и тревоги. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 416 с.
- Е.М. Примаков. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 8: Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 320 с.

- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 9: Избранные доклады, выступления, интервью и эссе. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 10: Биобиблиография Е.М. Примакова. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 336 с.; цв. илл.
- А.В. Венков.* «Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 196 с.
- А.Д. Цыганок.* Война в Сирии и ее последствия для Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии: русский взгляд. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 400 с.
- Нечаев И.А.* «Я знаю, что время не ждет у порога...». Стихи. Письма. Воспоминания / Серия «АИРО – первая публикация» под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2016, – 184 с.
- Время декана. К 80-летию Тамары Ивановны Карповой. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 320 с.
- О.А. Чагадаева.* «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) / Послесловие – Александр Шевырев. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- С.С. Войтиков.* Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 432 с.
- В.Л. Кириллов.* Революционный терроризм, которого не было: Тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х гг. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Пётр Черёмушкин.* Ярузельский: испытание Россией. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 288 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Д. Цыганок.* Донбасс: неоконченная война. Гражданская война на Украине (2014–2016): русский взгляд – М.: АИРО –XXI, 2016. – 680 с.
- Идеология и политика в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2016. – 192 с.
- Япония 2016. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2016. – 404 с.

2017

- Б.В. Соколов.* Цена войны. Людские потери России/СССР в XX–XXI вв. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 576 с.
- А.М. Рыбаков.* Искусство принятия экономических решений. Доклады, статьи и интервью / Сост. и ред. Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 424 с.

- Образовательная деятельность и историко-культурное наследие Отчего края. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.
- Е. Н. Шталь.* Литературные Хибинь: энциклопедический справочник. 1835–2015. – М.: «АИРО-XXI». 2017. – 1056 с.
- Е.А. Котеленец.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 256 с. – (АИРО – Монография»).
- Международный форум «Примаковские чтения». Сборник материалов. 2016. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 176 с. + 12 с. илл.
- Грузия в пути. Тени сталинизма; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч, Даниель Мюллер. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 512 с.
- Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО–XXI. 2017. – 584 с.
- Октябрьской революции – 100 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2017. – 304 с.
- Михаил Соловьев.* Когда боги молчат. Малая война (Записки советского военного корреспондента). Публикация и комментарии В.В. Агеносова. – М.: АИРО-XX, 2017. – 336 с.
- В.Г. Тимофеев.* Снежно-метеорологическая служба Хибин. История. – М.: АИРО-XXI – 352 с.
- В.А. Потто.* Русские на Кавказе. XIX век. – М.: АИРО–XXI. 2017. – 464 с.
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания русского офицера / [Ф.Ф. Торнау]. – М.: АИРО-XXI, 2017 г. – 448 с.
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера / [Ф.Ф. Торнау]. – М.: АИРО–XXI, 2017 г. – 448 с.
- Чой Чжун-Хюн.* Проповедь как жанр литературы Древней Руси. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 320 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Марк ЮНГЕ

**ЧЕКИСТЫ СТАЛИНА: МОЩЬ И БЕССИЛИЕ.
«Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины**

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
тел. +7 (917) 547-84-24
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
Заказ книг: <http://www.airo-xxi.ru/lavka>
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 14.11.2017
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 22,0
Тираж 1000 экз. Зак.